

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

1 (79)
2025

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

ТЕМА НОМЕРА:

«Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе»

«Постследственное»
ознакомление
с материалами
уголовного дела
в контексте баланса
публичных и частных
интересов

Вопросы теории
уголовно-процессуальных
договоров: субъектный
состав и процедура
заключения

Передача отдельных
вопросов уголовного
дела для разрешения
в гражданском
процессе

Об относительности
границ публичного
и частного интересов
в уголовном процессе

Баланс частных и
публичных интересов
в уголовном процессе:
судебная политика

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издаётся с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);
доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ГАБОВ
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

ЮДИН
Андрей Владимирович

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахитович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Andrey V. GABOV

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

RU

6 Предисловие к выпуску

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

- 8 **Азаров В.А.**
Существует ли (и должен ли существовать) баланс публичного и частного начал в уголовном процессе России?
- 18 **Беше-Головко К.**
Создание института криминального суда департамента и идеологизация процесса реформирования правосудия во Франции
- 32 **Давлетов А.А., Азарёнок Н.В.**
Методологические предпосылки признания баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса
- 41 **Дежнев А.С., Муравьев К.В.**
Передача отдельных вопросов уголовного дела для разрешения в гражданском процессе
- 49 **Дикарев И.С.**
Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: субъектный состав и процедура заключения
- 59 **Зайцева Е.А.**
Возвращение уголовного дела прокурору и обеспечение баланса публичного и частного интереса
- 69 **Качалова О.В.**
Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства
- 78 **Климанова О.В.**
О компромиссных уголовно-правовых отношениях (на примере освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим)
- 89 **Кудрявцева А.В.**
Защита личных неимущественных прав (частного интереса) умершего потерпевшего в уголовном судопроизводстве (публично-правовыми способами)
- 98 **Латыпов В.С.**
Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовой рудимент или недооцененная публично-правовая процедура?
- 104 **Машовец А.О.**
Внутреннее убеждение или стандарт доказанности?

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

EN

6 Introduction to the issue

THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

- 8 **Azarov V.A.**
Does It Exist (and Should It Exist) a Balance of Public and Private Principles in Russian Criminal Proceedings?
- 18 **Bechet-Golovko K.**
The Creation of the Institution of the Departmental Criminal Court and the Ideologization of the Process of Justice Reform in France
- 32 **Davletov A.A., Azarenok N.V.**
Methodological Prerequisites for Recognising the Balance of Public and Private Interests as a Principle of Modern Russian Criminal Procedure
- 41 **Dezhnev A.S., Muravyev K.V.**
Referral of Individual Issues of a Criminal Case for Resolution in Civil Proceedings
- 49 **Dikarev I.S.**
Issues of the Theory of Criminal Procedure Agreements: Parties and Conclusion Procedure
- 59 **Zaytseva E.A.**
Returning a Criminal Case to the Prosecutor and Balancing Public and Private Interests
- 69 **Kachalova O.V.**
Private and Public Interests in Proceedings in Criminal Cases and the Digitalisation of Criminal Proceedings
- 78 **Klimanova O.V.**
Compromise Criminal Law Relations (on the Example of Releasing a Person from Criminal Liability in View of Reconciliation with the Victim)
- 89 **Kudryavtseva A.V.**
Protection of Personal Non-Property Rights (Private Interest) of a Deceased Victim in Criminal Proceedings (By Public Law Methods)
- 98 **Latypov V.S.**
The Criminal Procedural Phenomenon of the Oath: A Legal Rudiment or an Undervalued Public Law Procedure?
- 104 **Mashovets A.O.**
Internal Conviction or the Standard of Proof?

110 **Россинский С.Б.**
«Постследственное» ознакомление с
материалами уголовного дела в контексте
баланса публичных и частных интересов

117 **Смирнов А.В.**
Баланс частных и публичных интересов
в уголовном процессе: судебная политика

127 **Смирнова И.Г.**
К вопросу о публичном и диспозитивном
началах российского уголовного
судопроизводства (через призму научных
взглядов профессора Л.Н. Масленниковой)

134 **Смолькова И.В.**
Защита персональных данных
в уголовном судопроизводстве

143 **Соловьёв С.А.**
Принцип состязательности и баланс
публичного и частного в уголовном
судопроизводстве

152 **Тарасов А.А.**
Об относительности границ публичного
и частного интересов в уголовном процессе

164 **Шарипова А.Р.**
Ценные бумаги в уголовном процессе:
частноправовое в публично-правовом

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

170 **Тимонин А.Н.**
Соотношение средневекового
европейского государства и права
в доктрине П.А. Кропоткина

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

187 **Новиков В.А.**
Общественная опасность и актуальные
вопросы квалификации нарушения
неприкосновенности жилища

195 **Спиридонов М.С.**
Процессуальная ответственность
в уголовном и административном
судопроизводстве: перспективы интеграции

205 **Халиуллина А.Ф.**
Некоторые аспекты криминалистической
оценки достоверности доказательств,
полученных с использованием специальных
знаний, при расследовании преступлений,
совершенных с участием несовершеннолетних

110 **Rossinsky S.B.**
“Post-Investigative” Familiarisation with Criminal
Case Materials in the Context of Balancing Public
and Private Interests

117 **Smirnov A.V.**
The Balance of Private and Public Interests in
Criminal Proceedings: Judicial Polity

127 **Smirnova I.G.**
The issue of Public and Dispositive Principles
of Russian Criminal Proceedings
(Through the Prism of Scientific Views
of Professor L.N. Maslennikova)

134 **Smolkova I.V.**
Personal Data Protection in
Criminal Proceedings

143 **Soloviev S.A.**
The Adversarial Principle and the Balance of
Public and Private in Criminal Proceedings

152 **Tarasov A.A.**
On the Relativity of the Limits of Public and
Private Interests in Criminal Proceedings

164 **Sharipova A.R.**
Securities in Criminal Proceedings: Private
Law Aspects in Public Law Relations

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

170 **Timonin A.N.**
The Correlation of the Medieval European
State and Law in the Doctrine
of P.A. Kropotkin

CRIMINAL LAW SCIENCES

187 **Novikov V.A.**
Public Danger and Current Issues
of Qualification of Violation
of Inviolability of Housing

195 **Spiridonov M.S.**
Procedural Liability in Criminal and
Administrative Proceedings:
Integration Prospects

205 **Khaliullina A.F.**
Some Aspects of the Criminalistic Assessment
of the Reliability of Evidence Obtained
Using Special Knowledge in the
Investigation of Crimes Committed
Involving Minors

Трибуна молодого ученого

- 213 **Нурмухаметов Р.Н.**
Мировые судьи за пределами национальных границ: сравнительно-правовое исследование
- 222 **Одноралова Ю.В.**
Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве России: генезис, современное состояние и тенденции дальнейшей интеграции
- 227 **Перевозкин А.А.**
Автоматизация правоприменения: проблемы и пути их решения с использованием машинного обучения и машиночитаемого права
- 238 **Савчик К.В.**
Эффективность современной системы назначения наказания в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте
- 248 **Сигаури-Горский Е.Р.**
Арбитражное решение по территориальному спору в Южно-Китайском море 2016 года: вопросы юридической сущности, квалификации и его академические оценки в контексте нарративов о «кризисе международного права»
- 256 **Шихалиева С.З.**
Отсутствие хэш-суммы как процессуальная ошибка, возникающая в судебной экспертизе при исследовании объектов в цифровой форме

Tribune for Young Scientists

- 213 **Nurmukhametov R.N.**
Justices of the Peace Beyond National Borders: A Comparative Legal Study
- 222 **Odnoralova Yu.V.**
Videoconferencing in Russian Criminal Proceedings: Genesis, Current Status and Trends of Further Integration
- 227 **Perevozkin A.A.**
Automation of Law Enforcement: Problems and Solutions Using Machine Learning and Machine-Readable Law
- 238 **Savchik K.V.**
The Effectiveness of the Modern System of Sentencing Juvenile Offenders
- 248 **Sigaury-Gorskiy E.R.**
The 2016 South China Sea Arbitral Award: Issues of Legal Essence, Qualification, and Its Academic Assessments in the Context of "Crisis of International Law" Narratives
- 256 **Shikhaliyeva S.Z.**
The Absence of a Hash Sum as a Procedural Error Arising in a Forensic Examination When Analysing Objects in a Digital Form

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Уважаемые читатели!

Обозначая тему этого номера – «Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе», мы рассчитывали на привлечение к сотрудничеству самого широкого круга специалистов. Споры в науке может вызвать и вызывает сегодня каждое входящее в это название слово. Одни авторы убеждены, что выраженный публичный характер уголовного процесса вообще исключает возможность баланса, то есть равновесия между публичным и частными началами. Этим уголовное судопроизводство, по их мнению, принципиально отличается от гражданского и арбитражного. Такой подход в какой-то мере отражен в новой номенклатуре научных специальностей: уголовный процесс как область профессионального знания отнесен к уголовно-правовым (специальность 5.1.4), а гражданский и арбитражный процесс – к частноправовым (цивилистическим) наукам (специальность 5.1.3). Такое деление научных специальностей, казалось бы, подчеркивает, что все относящееся к уголовному праву *частным* не является. Однако нельзя не понимать условности такой классификации.

Очевидно, что в уголовном процессе, помимо собственно публичного интереса, о природе которого тоже ведется немало споров в отечественной науке, задействовано множество разнонаправленных интересов конкретных людей, с которыми правовое государство, как главный выразитель публичного интереса, не может не считаться. Именно поэтому соотношение публично-правового и диспозитивного начал в той или иной мере касается практически каждого направления уголовно-процессуальных научных исследований. И здесь тоже неизбежна полемика по поводу того, есть ли основание отождествлять понятия «частноправовое начало» и «диспозитивное начало», ведь степень допустимой реализации диспозитивности, то есть свободы выбора частным лицом варианта своего поведения в процессе и действий в защиту своего частного интереса, определяется носителем публичного интереса – государством-законодателем и его должностных лиц.

Дискуссии в науке ведутся о соотношении публично-правовых и частноправовых (или диспозитивных) элементов в отдельных уголовно-процессуальных институтах – свидетельском иммунитете, прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, производстве по уголовным делам частного обвинения, так называемом субсидиарном обвинении, предъявлении и разрешении гражданского иска по уголовному делу и т. д.

В последние годы активно развиваются направления научных исследований в уголовно-процессуальном праве, связанные с сопоставлением разных отраслей правосудия и всех вариантов их взаимодействия между собой. Правосудие само по себе – это публично-правовая сфера социального бытия, поскольку государство в лице судов – специальных органов публичной власти – реально или потенциально участвует в разрешении любых правовых конфликтов. Даже в тех случаях, когда гражданско-правовой спор не

доходит до суда, обе спорящие стороны понимают, что, если им не удастся договориться, в разрешение их частного дела могут вступить органы публичной власти, и это неизбежно оказывает влияние на их правовое поведение. В уголовном процессе органы публичной власти присутствуют всегда, во всех без исключения процессуальных правоотношениях, однако и здесь все большее распространение приобретают процедуры, включающие в себя договорные, компромиссные, поощрительные элементы, предполагающие согласование воли нескольких участников, часть которых действуют в собственных, то есть в непубличных, интересах.

Иными словами, любая уголовно-процессуальная тема, любая дискуссия в уголовно-процессуальной науке прямо касается соотношения разных проявлений публичных и частных начал в производстве по уголовным делам. Содержание поступивших от авторов материалов отчетливо демонстрирует именно такое положение вещей. Редакция выражает глубокую признательность всем нашим авторам за участие в этом содержательном и полезном для всех обсуждении заявленной темы.

*Гизатуллин Ирек Альфредович, главный редактор,
кандидат юридических наук*

*Тарасов Александр Алексеевич, член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор*

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.1

Original article

АЗАРОВ Владимир Александрович
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия,
e-mail: kafprokrim@mail.ru

AZAROV Vladimir Alexandrovich
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ (И ДОЛЖЕН ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ) БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ?

DOES IT EXIST (AND SHOULD IT EXIST) A BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE PRINCIPLES
IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS?

Аннотация. Для эффективного решения государственных задач органами уголовной юстиции требуется доктринальное и законодательное определение обоснованного соотношения публичного и частного начал как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в одноименной области самореализации субъектов производства по уголовному делу. Цель: исследование закономерностей формирования и установление масштабов (пропорции) взаимодействия государственных (общественных) и частных интересов в уголовном судопроизводстве. Методы: формальной и диалектической логики, сравнения, описания, интерпретации, исторический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить методологически и содержательно оправданную диспропорцию в соотношении юридических средств и методов обеспечения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России. Существующий дисбаланс публичного и частного начал, отражающий в первую очередь официальную природу деятельности государственных органов, полномочных осуществлять уголовное судопроизводство, имеет объективные предпосылки, уходящие корнями в историю формирования отечественной системы уголовной юстиции. Присутствие – именно в ранге исключе-

Abstract. In order to effectively fulfil state tasks in the field of activities of criminal justice authorities, a legislative definition of a reasonable correlation between public and private principles is required both in criminal procedure legislation and in the same-name area of self-realisation of the subjects of criminal proceedings. Purpose: to study formation patterns and establish scales (proportions) of interaction between state (public) and private interests in criminal proceedings. Methods: formal and dialectical logic, comparison, description, interpretation, historical and interpretation of legal norms. Results: the research reveals a methodologically and substantively justified disparity in the ratio of legal means and methods of ensuring public and private interests in criminal proceedings in Russia. The existing imbalance of public and private principles, reflecting primarily the official nature of the activities of state bodies authorised to carry out criminal proceedings, has objective prerequisites rooted in the history of the formation of the national criminal justice system. The presence, precisely in the rank of exception, of legal means of protecting private interests in the public branch of Russian law, and specifically in criminal procedure law and in the relevant

ния – юридических средств защиты частных интересов в публичной отрасли российского права, а конкретно – в уголовно-процессуальном праве и соответствующей сфере государственной деятельности, продиктовано нашей принадлежностью к континентальной правовой системе и смешанным характером уголовного судопроизводства России.

Ключевые слова: публичность, диспозитивность, частные интересы, уголовное преследование, обвинение, свобода оценки доказательств, стандарты доказывания

Для цитирования: Азаров В.А. Существует ли (и должен ли существовать) баланс публичного и частного начал в уголовном процессе России? / В.А. Азаров. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 8–17.

field of state activity, is strictly dictated by our belonging to the continental legal system and the mixed nature of Russian criminal proceedings.

Keywords: publicity, disposition, private interests, criminal prosecution, accusation, freedom to evaluate evidence, standards of proof

For citation: Azarov V.A. Does It Exist (and Should It Exist) a Balance of Public and Private Principles in Russian Criminal Proceedings? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 8–17. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.1.

ВВЕДЕНИЕ

Обращение редакции авторитетного российского юридического журнала к проблеме соотношения частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве своевременно и весьма актуально. Государство и общество, как и правовая система нашей страны, находятся на очередном «перепутье», определяя стратегию своего развития, возможно – на ближайшие десятилетия. И здесь крайне важно правильно выстроить систему приоритетов.

Очевидно, что попытка «революционного» переустройства общества и государства, как и правовых основ их существования, потерпела неудачу. В условиях экзистенциального противостояния с так называемым Западом реформируются устои государства, во многом переформируется общество, главным вектором осуществляемых реформ, судя по последним изменениям Конституции РФ, становится возвращение к геополитическим, историческим истокам и традиционным для нашего отечества духовным и социальным ценностям. В этом контексте не является исключением и сфера деятельности органов уголовной юстиции, где своевременно предложены, на наш взгляд правильные, доктринальные основы совершенствования средств и методов решения государственных задач [1]. Вместе с тем формулировка главной темы номера «Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе» представляется по меньшей мере неоднозначной.

И ВСЕ ЖЕ: БАЛАНС ИЛИ ДИСБАЛАНС?

Сомнения, отраженные в заголовке статьи, состоят в следующем. Баланс (от фр. *balance*, букв. – весы) в любом словаре (как и в обыденной жизни) напрямую увязывается с равновесием, чаще всего – двух компонентов, составляющих какое-либо явление.

Как же в этом смысле реально позиционируют себя в российском уголовном процессе публичное и частное начала? Первое всегда, во всяком случае в обозримой ретроспективе (а точнее, с 1864 г., когда был принят Высочайшим Указом Императора Александра II Устав уголовного судопроизводства), довлеет над вторым. Эта ситуация представляется вполне естественной, поскольку ее юридические основы формально закреплены в Уставе уголовного судопроизводства, где впервые были использованы такие характеризующие публичность термины, как «преследование», «судебное преследование», «уголовное преследование» [1, с. 113].

Советский период развития уголовно-процессуального законодательства также характеризуется использованием сердцевины данного понятия, нашедшей свое отражение в УПК РСФСР 1922 г., где в ст. 9 прокуратуре предписывалось «возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению». Упоминается о возможности возбуждения и

осуществления уголовного преследования и в ст. 31, 98 этого Кодекса.

Действующий УПК РФ уже многократно употребляет в тексте упомянутый термин. Его содержание разъясняется в п. 55 ст. 5.

Формируя в УПК РФ прерогативы участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (хотя здесь не все так однозначно), законодатель неслучайно открывает их перечень прокурором, которому вменяется в обязанность осуществлять от имени государства уголовное преследование соответствующих лиц в ходе производства по делу (ч. 1 ст. 37). Обоснованность многократного использования препарируемой категории в современном отраслевом законодательстве подтверждается ее закономерным включением в 2020 г. в обновленный текст Конституции РФ. В частности, отечественной прокуратуре поручено, наряду с надзором за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления (ст. 129 Основного закона).

Такое постоянство нашего законодателя в употреблении словосочетания «уголовное преследование» применительно к обязанностям вполне определенных (в первую очередь властных) участников уголовного процесса объясняется объективными причинами, формировавшимися исторически. В частности, определяющим фактором утверждения публично-правовой природы нашего уголовного процесса послужило то, что существо уголовного дела у нас традиционно увязывалось с правовой оценкой преступления как деяния общественно опасного, то есть наносящего вред интересам общества в целом, подрывающего охраняемые государством под страхом наказания общественный порядок и общественное спокойствие [2, с. 280].

В этой связи вызывает большие сомнения концепция, уложенная в фундамент сегодняшних законодательных решений, о создании особой ниши с «льготным правовым режимом» для лиц, совершивших преступления против интересов «исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования», притом что преступление

«не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства» (ст. 23 УПК РФ).

Приведенное законодательное решение, запрещающее возбуждать уголовные дела и осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления, без заявления (согласия) руководителя негосударственной организации, основано на ошибочном тезисе о необходимости вывода огромной сферы общественной жизни, связанной с деятельностью коммерческих и иных негосударственных организаций, из-под государственного контроля и влияния. Именно в этой сфере, как показывает практика, совершается большое количество так называемых «экономических» преступлений. В гл. 23 УК РФ сегодня десять самостоятельных статей, включающих в том числе преступные злоупотребления частных лиц в области выполнения гособоронзаказа, что чрезвычайно актуально именно сейчас. И что же, при выявлении преступлений, связанных с невыполнением условий договора по гособоронзаказу, надлежит «добиваться» заявления или испрашивать согласие руководителя коммерческой (иной) организации на возбуждение дела и уголовное преследование виновных (к которым вполне может относиться и сам такой руководитель), как этого требует ст. 23 УПК РФ? Возникает в этой связи и второй немаловажный вопрос: неужели в данном случае (преступного невыполнения договора по гособоронзаказу) не страдают государственные и общественные интересы?

Ответы на эти вопросы лежат на поверхности. Одновременно приходится констатировать: к сожалению, все еще, несмотря на тектонические сдвиги и кардинальные изменения, происходящие в жизни российского общества и государства, продолжают «по инерции» работать лукавые лозунги и установки 90-х годов прошлого столетия: «меньше государства везде», «не надо кошмарить бизнес», «рынок решит все вопросы» и т. д.

Наши оппоненты могут возразить, сославшись на то, что «бизнес – дело частное», а значит, здесь уместна аналогия с порядком возбуждения уголовных дел частного обвинения, где инициатива уголовного преследования виновных делегирована государством потерпевшим от преступления (ст. 20, 22, 43, 45 и др. УПК РФ). Но эта аналогия неуместна, поскольку

ку она искусственно и неоправданно сужает область общественных, государственных интересов (которые, безусловно, затрагиваются деятельностью упомянутых организаций) до весьма узкого круга интересов частного лица, пострадавшего от преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

Подтверждением правильности последнего вывода являются изменения, внесенные законодателем в гл. 23 УК РФ, показывающие лишь несколько ситуаций (в действительности их гораздо больше), в которых деятельность коммерческой, иной организации порой весьма болезненно затрагивает интересы государственной (следовательно, и общественной) безопасности, причиняя им очевидный, а иногда серьезный вред.

Для исключения таких «неоднозначных» решений законодателя правильного и, главное, методологически обоснованного совершенствования отраслевого законодательства нашим «законотворцам» надлежит более четко представлять соотношение частных и публичных начал именно в уголовном судопроизводстве.

Здесь же сегодня диспозитивные начала представлены в виде исключения в делах частного (в меньшей степени – частно-публичного) обвинения, в содержании институтов прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и привлечения к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации (ст. 23 УПК РФ), отчасти – в особом порядке судебного разбирательства. Неоднозначно оценивается специалистами и наметившаяся тенденция к расширению перечня дел частно-публичного обвинения за счет включения Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. в их число всех видов мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), а также причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), при условии, что данные преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности и не причинили вреда государственным или муниципальным интересам [2, с. 289].

Если суммировать вышеприведенные сегменты «частных мотивов», то напрашивается однозначный вывод, что вкупе они составляют

лишь малую толику диспозитивного начала в уголовном процессе, оставляя абсолютный простор для доминирования публичности в данной сфере. Отсюда следует вывод: соотношение частных и публичных начал в современном уголовном процессе представляет собой дисбаланс с очевидным превосходством второго над первым. Это подтверждает обоснованность наших сомнений, обусловивших выбор названия настоящей статьи.

Закономерность наличия несопоставимых по величине сегментов публичности и диспозитивности в современном уголовном процессе России подтверждена фундаментальным исследованием исторических, ментальных, духовно-нравственных и геополитических их предпосылок и условий формирования идеологии отечественного уголовного судопроизводства [3, с. 12–30].

Возражая против придания публичности ранга принципа уголовного процесса (с чем можно поспорить), обоснованно подчеркивая ее системообразующий характер, А.С. Барабаш убедительно возражает Н.А. Громову и В.В. Николайченко, считающим адресатами принципов уголовного процесса гражданина и представителей государства [4, с. 33]. Действительно, «возможно, это приемлемо для гражданского процесса, где преобладает общепозволительный тип правового регулирования, дающий высокий уровень свободы для усмотрения, саморегулирования личности, но не для уголовного, в рамках которого, в первую очередь, реализуется публичный интерес» [3, с. 36].

Аналогичные оценки соотношения публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве можно отыскать и в серьезных научных трудах других исследователей [5; 6; 7].

В контексте сказанного весьма своеобразные направления «модернизации» уголовно-процессуального законодательства предлагают авторы фундаментальной работы, посвященной инициативному проекту кардинальной реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства в направлении их дальнейшей гуманизации и либерализации [8].

Если обобщенно представить главную идею упомянутой «модернизации», то она со-

стоит в стремлении ее апологетов максимально «насытить» отечественный уголовный процесс исторически и ментально чуждыми ему цивилистическими подходами и решениями, противоречащими традиционным канонам производства по уголовным делам. Предлагая целый ряд «новаций» в УПК РФ, авторы вышеуказанного труда совершенно не учитывают принципиальные (сущностные) отличия публичных и частноправовых отраслей российского законодательства и фактически диаметральных методов правового регулирования, в них господствующих, а что самое главное – формирующих специфические системы конкретных средств и способов воздействия на возникающие в этих «параллельных мирах» общественные отношения.

В частности, в уголовно-процессуальном законодательстве России исторически доминирует публичное начало, которое состоит, прежде всего, в обязанности властных субъектов досудебного производства осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления. Об этом определенно сказано в ч. 2 ст. 21 УПК РФ: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в совершении преступления». Очевидно в этой связи, что, принимая в окончательной редакции действующий УПК РФ, законодатель находился под влиянием ошибочных установок Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991) [9, с. 9–16], вследствие чего не включил в систему принципов уголовного процесса (гл. 2 УПК РФ) публичность. Об этом мы многократно упоминали в своих публикациях [10; 11; 12].

Тем не менее уголовному преследованию в Кодексе посвящена самостоятельная глава с одноименным названием, в ней разъясняются виды, субъекты, обязанности участников деятельности по уголовному преследованию, изобличению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Одновременно в п. 55 ст. 5 УПК РФ весьма доходчиво разъясняется содержание уголовного преследования, состоящее в «процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях

изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Данная формулировка позволяет отличить обсуждаемое понятие от «обвинения», то есть **утверждения о причастности к преступлению**, являющегося результатом упомянутой деятельности (п. 22 ст. 5 УПК РФ)¹.

В этом контексте представляется безосновательным и надуманным предложение об исключении из УПК РФ понятия «уголовное преследование», составляющего сердцевину публичности, и замене его на категорию «обвинительная деятельность» [8, с. 263].

Так называемая «обвинительная деятельность» – аморфное понятие, адекватно не отражающее главные задачи публичной (официальной) деятельности органов дознания, следствия и прокурора, а также иных участников, полномочных участвовать в изобличении лиц, совершивших преступления. При таком подходе дезавуируются задачи, поставленные государством перед уголовным судопроизводством (ст. 6 УПК РФ), и конкретный вариант их «обрушения» предлагается авторами вышеуказанного труда [8, с. 265]. Причем к обвинительной деятельности соответствующих органов и должностных лиц причисляется и сам факт осуществления таких процессуальных и следственных действий, как наложение ареста на имущество, обыск, выемка, допрос, опознание, что вряд ли правильно. Перечисленные действия вполне могут быть произведены (и на практике производятся) в отношении посторонних («нейтральных») лиц, не имеющих отношения к совершенному кем-то преступлению, о чем прямо указано в УПК РФ (ст. 115, 182 и др.).

Сторонники исключения из нашего уголовного судопроизводства квинтэссенции публичности – категории уголовного преследования – широко опираются на предписания и принципиальные установки таких частных отраслей отечественного законодательства, как гражданское, арбитражное и др., ратуя о заимствовании уголовным процессом целого ряда установок и норм арбитражного, гражданского закона, о замене в УПК РФ положений о свободе оценки доказательств некими «стандартами доказывания» и т. д. [8, с. 44].

¹ Уголовное судопроизводство : словарь / М.Ш. Буфетова и др. ; под ред. И.В. Смольковой. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 93, 184.

В доктрине уголовного процесса многократно и справедливо подчеркивалось, что онтологическими корнями публичности является именно деятельность по уголовному преследованию и изобличению лиц, совершивших преступления [13; 14 и др.]. И если выхолостить из публичного начала его стержень, то проблематичным становится выполнение задач, которые государство ставит перед органами уголовной юстиции.

В связи с этим уместно привести оценки авторитетнейшего отечественного процессуалиста профессора В.П. Божьева, заявившего, что уголовный процесс, являясь важнейшим каналом реализации уголовной политики, был, есть и будет публичным, поскольку лица, ответственные за возбуждение уголовного дела и дальнейшее производство по нему, являются здесь властными субъектами, без действий и решений которых фактически нет уголовного процесса. Поэтому не существующий в уголовном процессе принцип диспозитивности (свойственный гражданскому процессу) по определению не может «существенно потеснить» принцип публичности, поскольку первый действует в данной сфере в ограниченных пределах, а его масштабы несопоставимы со вторым и ничуть не уменьшают области действия последнего [15, с. 695–696].

Важно подчеркнуть, что уголовное преследование и привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, и сегодня остается насущной задачей органов и должностных лиц, представляющих государственную власть в сфере уголовного судопроизводства. Об этом прямо сказано в ст. 6 УПК РФ, содержащей перечень современных задач уголовного процесса.

Для успешного выполнения упомянутой задачи властным субъектам производства по уголовному делу законом предоставлены серьезные арсеналы полномочий, среди которых следственные и процессуальные действия, возможность принятия обязательных для исполнения решений, система мер уголовно-процессуального принуждения и т. д. Результатами применения данного инструментария служит сформированная (чаще всего – на досудебном производстве) совокупность доказательств, достаточных для вывода о причастности конкретного субъекта к

преступлению. То есть в случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, дознаватель и орган дознания обязаны с использованием вышеперечисленных средств принять предусмотренные УПК РФ меры к установлению события преступления, изобличению виновных лиц. С этой целью осуществляется официальная деятельность по собиранию, проверке, оценке и использованию доказательств, достаточная совокупность которых служит основанием для привлечения виновных к уголовной ответственности.

В данном контексте исключительно важное значение приобретает такой элемент процесса доказывания, как оценка имеющихся в уголовном деле доказательств. А в этом сегменте доказательственной деятельности сегодня не все однозначно – как в УПК РФ, так и в практической работе органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Ощущаются определенные «шатания» и в уголовно-процессуальной доктрине. В частности, в системе основополагающих начал уголовного судопроизводства закреплён принцип, определяющий центральную идею мыслительной деятельности по оценке доказательств. Речь идет о ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств».

Содержащиеся в упомянутой статье правила адресованы всем участникам процесса доказывания по уголовному делу, но особое значение они имеют для представителей государства, обладающих в уголовном процессе властными полномочиями. Объясняется этот акцент тем, что именно объективная оценка данными субъектами как отдельных видов имеющихся судебных доказательств, так и всей их совокупности в целом является главной предпосылкой принятия законных, обоснованных и справедливых решений по уголовному делу, без чего немыслимо достижение задач уголовного процесса. Причем эта жесткая установка законодателя действует на всём протяжении уголовного производства – от предъявления обвинения следователем до вынесения приговора судом (судьей).

Несмотря на несовершенство формулировки рассматриваемого принципа (о чем будет сказано далее), сама идея, воплощенная в его содержании, абсолютно адекватна существу рациональной деятельности субъек-

екта оценки доказательств, а главное – она позволила (более 160 лет назад) уйти от формального подхода, в соответствии с которым в законе были прописаны ранг и сила каждого доказательства. Закономерно в этой связи появление в ст. 17 УПК РФ части 2 следующего содержания: «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

Вернемся к «несовершенству формулировки рассматриваемого принципа», в чем достаточно просто убедиться, сравнив редакцию ч. 1 ст. 17 УПК РФ и ее предыдущего аналога – ч. 1 ст. 71 УПК РСФСР 1960 г., существенно выигрывающей на фоне последнего варианта.

Современное лексическое оформление идеи свободной оценки доказательств имеет целый ряд изъянов. В частности, сама форма страдает тавтологией. То есть, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, основой оценки доказательств служит «совокупность имеющихся в деле доказательств». Искусственность предложенной законодателем формулы основы оценки доказательств очевидна в ее сравнении с ч. 1 ст. 71 УПК РСФСР, согласно которой фундаментом формирования внутреннего убеждения субъекта оценки служило всестороннее, полное и объективное рассмотрение *«всех обстоятельств дела»* (выделено нами. – В. А.) в их совокупности». Учитывая негативное отношение разработчиков УПК РФ к принципу всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела (безосновательно «удаленного» из системы принципов уголовного процесса), понятна подоплека их решения об изменении основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств в действующем Кодексе.

Однако получается, что сегодня следователь, дознаватель, прокурор и суд при оценке доказательств (в том числе их совокупности) опираются, исходя из предписаний ч. 1. ст. 17 УПК РФ, на «совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств». Это пример элементарной тавтологии, являющейся, по общему мнению филологов, стилистической ошибкой, поскольку в нашем случае в тексте нормы неоправданно повторяется один и тот же термин, существенно искажая смысл анализируемой формулировки. Причем следует иметь в виду, что «факти-

ческие обстоятельства», которые прежде (в ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.) служили объективной основой формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств, в том или ином виде присутствуют в материалах с самого начального момента осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Уже с появлением на стадии возбуждения уголовного дела заявления (другого сигнала) о преступлении речь в нем всегда идет именно о конкретных обстоятельствах. В то же время «достаточная совокупность доказательств», способная служить объективной основой оценки, зачастую появляется гораздо позднее, иногда – только на стадии предварительного расследования. Но практическая потребность оценить имеющиеся доказательства возникает и на гораздо более ранних этапах, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела (см., например, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

В контексте сказанного напрашивается вывод о целесообразности возвращения в содержание ст. 17 УПК РФ адекватной основы формирования внутреннего убеждения субъектов (в первую очередь властных) оценки доказательств.

Весьма примечательно в этой связи предложение авторов программы «модернизации» уголовного судопроизводства, ратующих за полную ликвидацию принципа свободной оценки доказательств и замену его некими «стандартами доказывания» [8, с. 286–287]. При этом упомянутые юристы опираются на основополагающую идею всего цикла *частных отраслей российского права* – на их предназначение *разрешать на основе состязательности спор между двумя сторонами* гражданского, трудового или иного конфликта. Эта идея гармонично вписывается в механизм правового регулирования именно гражданско-правовых и родственных им общественных отношений. Но она не может быть механически перенесена в сферу уголовного судопроизводства, где доминирует публичное начало, сердцевиной которого является обязанность соответствующих представителей государства осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления.

Вряд ли можно согласиться и с тем, что «подход, заложенный в ст. 17 УПК РФ, про-

тиворечит как принципу состязательности, так и связанному с ним принципу равноправия сторон» [8, с. 283]. Сторонники данного утверждения вновь делают попытку механически применить цивилистические доктринальные подходы к оценке исторически сформировавшихся и во многом сохранившихся до сегодняшнего дня канонов отечественного уголовного процесса.

Во-первых, в уголовном судопроизводстве нет принципа равноправия сторон. Законодатель совершенно справедливо поместил данное положение в гл. 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства» (см. ст. 244), чем четко и однозначно определил **ранг этого установления**, не причислив его к основополагающим началам производства по уголовному делу, а признав всего лишь общим условием **судебного разбирательства**. То есть стороны равны за рамками досудебного производства, когда речь идет о рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, а значит – о реализации функции отправления правосудия.

Во-вторых, не противоречит ст. 17 УПК РФ и состязательности, поскольку последняя имеет весьма ограниченное действие на стадиях возбуждения и расследования уголовного дела. Об этом свидетельствует простое сравнение возможностей сторон по собиранию, проверке, оценке и исследованию доказательств при возбуждении и расследовании уголовных дел. Если следователь, дознаватель – полноценные субъекты процесса доказывания, то представители стороны защиты лишь «участвуют» в этой деятельности, чаще всего – в масштабах, контролируемых государственными представителями.

Негодной является и попытка обосновать якобы назревшую необходимость замены принципа свободной оценки доказательств некими «стандартами доказывания» [8, с. 285–287]. Эта попытка, в случае ее успешной реализации, в состоянии дезавуировать основные достижения Судебной реформы 1864 г. и вернуть нас в Средневековье, во времена инквизиции, когда в уголовном процессе действовала система формальных доказательств. Сторонники этого подхода опять ссылаются на процедуры работы современного арбитражного суда, где действуют, как они указывают, «формализованные правила

оценки доказательств, которые минимизируют простор для усмотрения или "внутреннего убеждения" арбитражного суда и не оставляют места для "свободы оценки доказательств"» [8, с. 285]. Но в последнем случае речь опять идет о классическом правовом споре, где нет места обязанности государственных органов раскрыть преступление, изобличить и привлечь к уголовной ответственности виновных лиц.

Что же в этой связи предлагают сторонники «модернизации» уголовного судопроизводства? Сокрушаясь, что «уголовный процесс, не используя категорию "стандарт доказывания" даже на уровне судебной практики, в этом отношении традиционно отстает от современных тенденций развития процессуального законодательства», авторы полагают, что ситуацию необходимо исправить, «включив положение о стандартах доказывания в ткань УПК РФ, в том числе и в его статью 17» [8, с. 286]. В обоснование этой позиции приводятся суждения и выводы И.В. Решетниковой: «современный арбитражный и гражданский процесс переживает период перехода от объективной истины к стандарту доказывания, который постепенно формируется как в законодательстве, так и в судебной практике России» [8, с. 286].

Уголовный процесс такой период, к счастью для государства и общества, не переживает, а вопрос об объективной истине как цели доказывания и целесообразности ее буквального обозначения в тексте УПК РФ не снят с повестки в доктрине уголовного процесса и законодательстве, о чем свидетельствуют многочисленные публикации².

Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, очевидные практические потребности и наличие убедительного теоретического обоснования необходимости обеспечения свободы оценки доказательств для следователя, дознавателя, прокурора и судьи, законодатель допускает «сползание» к позициям формальной их оценки (вопреки внутреннему убеждению перечисленных субъектов), примером чего является последняя редакция ст. 75 УПК РФ «Недопустимые доказательства». В частности, в ее содержании присутствуют

² См., например, серию статей, опубликованных в четвертом номере журнала «Библиотека криминалиста» за 2012 г.

по меньшей мере четыре конкретные нормы, прямо противоречащие принципу свободной оценки доказательств, подвигающие правоприменителя к использованию «средневекового» формального подхода к оценке отдельных видов доказательств.

К примеру, к недопустимым доказательствам относятся «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, **включая случаи отказа от защитника** (выделено нами. – В. А.), и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде». Возникает вопрос: если в судебном следствии абсолютно убедительно установлено, что эти показания подтверждаются всеми другими доказательствами, рассмотренными и признанными судом достоверными, что тогда – судья, вопреки своему внутреннему убеждению, в угоду формальному требованию п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ обязан признать их недопустимыми?

Другие аналогичные примеры можно найти в п. 2.1, 2.2, 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, где речь идет о предметах, документах или сведениях, полученных в ходе расследования из производства адвоката (маловразумительное исключение сделано лишь для вещественных доказательств), а также о документах, подтверждающих достоверность сведений о счетах, вкладах, иных активах, в связи с представлением соответствующих деклараций.

Все эти «новации», регулирующие вопросы частного характера, прямо противоречат содержанию ст. 17 УПК РФ, закрепляющей **принцип** доказательственной деятельности, а зна-

чит, исходя из элементарных установок общей теории права, они не должны применяться на практике. Кроме того, все эти нормы опрокидывают принципиальную установку ч. 2 ст. 17 УПК РФ о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Выводы

1. Соотношение публичных и частных начал в российском уголовном судопроизводстве определяется оправданным доминированием первых над вторыми.

2. Приоритет публичного (официального) сегмента учитывает ментальность населения России, опирается на историю формирования и становления как государственных институтов, так и системы средств и способов противодействия антиобщественным, в том числе преступным, проявлениям.

3. В основе абсолютного господства публичности отечественного уголовного процесса лежит его смешанная историческая форма и принадлежность континентальной правовой системе.

4. Представляется неприемлемой, противоречащей классическим канонам российского уголовного процесса попытка его «модернизации» за счет искусственного насыщения институтами, свойственными цивилистическому циклу правовых отраслей, где господствует частное начало, предполагающее свободу и широкий диапазон усмотрения отдельного субъекта, а также свой (специфический, диаметральный уголовно-процессуальному) метод правового регулирования.

Список источников

1. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2023. – 504 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.
3. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. – 420 с.
4. Громов Н.А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 33–40.
5. Рогова О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Рогова. – Томск, 1994. – 28 с.

REFERENCES

1. Davletov A.A., Azarenok N.V. Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
2. Golovko L.V. (ed.). Course of Criminal Procedure. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
3. Barabash A.S. Public Beginning of Russian Criminal Procedure. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2009. 420 p.
4. Gromov N.A., Nikolaychenko V.V. Principles of Criminal Procedure, Their Concept and System. Gosudarstvo i pravo = State and Law, 1997, no. 7, pp. 33–40. (In Russian).
5. Rogova O.I. Limits of Manifestation of Disposition in Criminal Proceedings. Cand. Diss. Thesis. Tomsk, 1994. 28 p.

6. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном процессе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 46 с.
7. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.С. Дикарев. – Волгоград, 2004. – 22 с.
8. Приходько И.А. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство современной России. Векторы модернизации / И.А. Приходько, А.В. Бондаренко, В.М. Столяренко. – Москва : Международные отношения, 2024. – 944 с.
9. Азаров В.А. Все ли «новации» вписываются в российские уголовно-процессуальные традиции? / В.А. Азаров // Университетские правовые диалоги : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Юрия Даниловича Лившица, 29–30 марта 2019 г. / под ред. С.М. Даровских, Г.С. Русман. – Челябинск : ЮУрГУ, 2019. – С. 9–16.
10. Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России / В.А. Азаров // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы международной научно-практической конференции. 27–28 января 2005 г. Ч. 1. – Екатеринбург : УрГЮА, 2005. – С. 15–18.
11. Азаров В.А. Усиление публичности российского уголовного процесса – потребность времени / В.А. Азаров // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазарева. Вып. 5. – Самара : Самарский университет, 2010. – С. 16–22.
12. Азаров В.А. Стратегия развития уголовно-процессуального законодательства России / В.А. Азаров // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы международной научно-практической конференции (Омск, 25 апреля 2019 г.) / отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск : Сибирский юридический университет, 2019. – С. 3–7.
13. Шманатова В.Е. Публичное начало как основа уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Шманатова. – Самара, 2004. – 22 с.
14. Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Горлова. – Челябинск, 2006. – 19 с.
15. Божьев В.П. Избранные труды / В.П. Божьев. – Москва : Юрист, 2010. – 715 с.
6. Maslennikova L.N. Public and Disposition Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 46 p.
7. Dikarev I.S. Disposition in Criminal Proceedings in Russia. *Cand. Diss. Thesis*. Volgograd, 2004. 22 p.
8. Prikhodko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. Criminal and Criminal Procedure Legislation of Modern Russia. *Vectors of Modernization*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2024. 944 p.
9. Azarov V.A. Do All “Innovations” Comply with Russian Criminal Procedure Traditions? In Darovskikh S.M., Rusman G.S. (eds.). *University Legal Dialogues: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor, Doctor of Law, Honored Worker of Higher Education Yuri Danilovich Livshits, March 29–30, 2019*. South Ural State University Publ., 2019, pp. 9–16. (In Russian).
10. Azarov V.A. Functional Content and Typology of Modern Criminal Procedure in Russia. *Fifty Years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SLA). Materials of the International Scientific and Practical Conference. January 27–28, 2005*. Ural State Law Academy Publ., 2005, pt. 1, pp. 15–18. (In Russian).
11. Azarov V.A. Strengthening the Publicity of Russian Criminal Procedure Is the Need of the Time. In Lazareva V.A. (ed.). *Actual Problems of Modern Criminal Procedure in Russia. Inter-University Collection of Scientific Papers*. Samara University Publ., 2010, iss. 5, pp. 16–22. (In Russian).
12. Azarov V.A. Strategy for the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. In Ragozin I.G., Derishev Yu.V. (eds.). *Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation. Materials of the International Scientific-Practical Conference (Omsk, April 25, 2019)*. Siberian Law University Publ., 2019, pp. 3–7. (In Russian).
13. Shmanatova V.E. Public Principle as a Basis for Criminal Prosecution. *Cand. Diss. Thesis*. Samara, 2004. 22 p.
14. Gorlova S.V. Criminal Prosecution as a Manifestation of Publicity in Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis*. Chelyabinsk, 2006. 19 p.
15. Bozhev V.P. *Selected Works*. Moscow, Yurist Publ., 2010. 715 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarov Vladimir Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 23.12.2024. The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 23.12.2024.

Научная статья
УДК 341
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.2

Original article

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: bechet.golovko@gmail.com

BECHET-GOLOVKO Karine
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОГО СУДА ДЕПАРТАМЕНТА И ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ ВО ФРАНЦИИ

THE CREATION OF THE INSTITUTION OF THE DEPARTMENTAL CRIMINAL COURT
AND THE IDEOLOGISATION OF THE PROCESS OF JUSTICE REFORM IN FRANCE

Аннотация. Законом о программировании правосудия от 23 марта 2019 г. во Франции был создан новый судебный орган – криминальный суд департамента, который состоит из пяти профессиональных судей и вместо суда ассизов рассматривает преступления, совершенные без рецидива и наказуемые лишением свободы на срок либо 15, либо 20 лет. Судебная реформа была проведена поспешно и не имела поддержки ни судейского, ни адвокатского сообщества. Она полностью относится к глобальным процессам реформирования правосудия, что, в частности, выразилось в его атомизации и «деэтактизации».

Ключевые слова: Франция, судебная система, реформа, криминальный суд департамента, суд присяжных, глобализация, менеджмент

Для цитирования: Беше-Головко К. Создание института криминального суда департамента и идеологизация процесса реформирования правосудия во Франции / К. Беше-Головко. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 18–31.

Abstract. The Justice Programming Act of 23 March 2019 created a new judicial body in France, the departmental criminal court, which is composed of five professional judges and, instead of a court of assizes, hears crimes committed without recidivism and punishable by either 15 or 20 years of imprisonment. The judicial reform was hastily adopted without the support of either the judiciary or the lawyers. It is fully part of the global processes of justice reform, which, in particular, has resulted in its atomisation and “de-statization”.

Keywords: France, judiciary, reform, departmental criminal court, jury trial, globalisation, management

For citation: Bechet-Golovko K. The Creation of the Institution of the Departmental Criminal Court and the Ideologization of the Process of Justice Reform in France. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 18–31. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.2.

ВВЕДЕНИЕ

С начала 2010-х годов процесс реформирования судебной системы усиливается во Франции, становится постоянным. Законы о программировании реформы правосудия на четыре года вперед принимаются один за другим, что позволяет существенно менять институциональный пейзаж французской судебной системы, которая в своих основных чертах была создана после Революции 1789 г., укрепилась при Наполеоне и была подтверждена Ш. де Голлем в 1958 г. Она смогла пережить падение республик и империй, но не пережила восшествия на престол глобализации.

Предпоследней на сегодняшний день реформой правосудия почти насильно в судебную систему был имплементирован новый орган – криминальный суд департамента. Закон о программировании правосудия от 23 марта 2019 г. предусмотрел этот суд как эксперимент по расчленению суда ассизов – современной французской формы суда присяжных. Однако, несмотря на отсутствие поддержки в политических и в профессиональных юридических кругах, Правительство поспешило сделать этот судебный орган постоянным до окончания экспериментального периода. Таким образом, в судебной системе Франции с 1 января 2023 г. появились криминальные суды департаментов, которые состоят из пяти профессиональных судей и рассматривают определенные преступления.

По своей сущности создание этого института – один из многочисленных шагов на пути растворения французской судебной системы в идеологических догмах неолиберализма, согласно которым необходимо отделить суды не столько от политики, сколько от государства, так как они должны не защищать общие публичные интересы (что является сутью государства), а служить неким глобальным императивам. Сам процесс создания института криминального суда департамента четко иллюстрирует идеологическую подоплеку этой реформы и подвергается критике в профессиональных юридических кругах.

Значение реформы 2019 г. можно понять только с учетом всего процесса реформирования французского правосудия, суть которого сводится к изменению сущностной логики правосудия и идентификации суверена.

Это касается и прямых ударов против института присяжных, и внедрения в область юстиции менеджмента, и феномена атомизации судебных институтов по уголовным делам.

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО СУДА ДЕПАРТАМЕНТА: ОБЪЕКТИВНО НЕОБОСНОВАННАЯ ПОСПЕШНОСТЬ

Институт криминального суда департамента был изначально введен в судебную систему Франции в качестве эксперимента Законом от 23 марта 2019 г. о программировании реформы правосудия на 2018–2022 гг.¹ (далее – Закон), согласно ст. 63 которого «В отступление от статьи 181 и глав I–V раздела I книги II Уголовно-процессуального кодекса дела совершеннолетних, обвиняемых в совершении преступления, наказуемого пятнадцатю либо двадцатю годами лишения свободы, если оно не совершено в состоянии рецидива, рассматриваются в первой инстанции криминальным судом... Криминальный суд, который заседает в том же месте, что и суд ассизов, состоит из председателя и четырех судей-ассессоров, избираемых первым председателем апелляционного суда...».

Криминальный суд департамента является судом первой инстанции, а апелляцию на его решения рассматривает апелляционный суд ассизов, поскольку криминальному суду департамента передали часть компетенций суда ассизов касательно преступлений без рецидива, наказуемых лишением свободы на срок либо 15, либо 20 лет. Но его состав является исключением из обычной компетенции присяжных как представителей народа по рассмотрению дел о преступлениях (в отличие от правонарушений и проступков), поскольку он состоит исключительно из профессиональных судей. По мнению реформаторов, криминальные суды департаментов должны способствовать сокращению сроков судебного разбирательства и, следовательно, продолжительности предварительного заключения, а также сокращению практики искусственной переквалификации преступлений в проступки, то есть коррекционализации преступлений.

¹ Loi n 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000036830320/> (дата обращения: 10.01.2025).

Реформа правосудия 2019 г. сразу вызвала бурные дискуссии и в профессиональных юридических, и в политических кругах, поскольку она была радикальнее всех предыдущих реформ последнего времени. Необходимо заметить, что дискуссия развивалась далеко не в пользу Правительства, которое инициировало эту реформу. В целом судейский корпус не смотрел с энтузиазмом на усиление депрофессионализации ординарных судей в связи с ростом применения во многих судебных органах полупрофессиональных так называемых «и. о. судей»², многие выступили против регресса института судов ассизов, принципа устности судебного разбирательства и т. д.

С целью избежать излишней, по мнению Правительства, дискуссии в палатах Парламента в отношении правительственного законопроекта, 20 апреля 2018 г. оно включило процедуру срочного его рассмотрения, что позволило существенно сократить дебаты и, следовательно, возможность депутатов изменить текст документа. После конституционной реформы 2008 г. бывшая так называемая чрезвычайная законодательная процедура, созданная Конституцией 1958 г., стала обыкновенным инструментом в руках исполнительной власти против парламентаризма. Сейчас обоснования срочности как таковой уже не требуется, а поскольку у Правительства не всегда хватает сильной поддержки среди депутатов, оно часто прибегает к этой особой законодательной процедуре для проведения важных реформ. В этом случае законопроект рассматривается всего лишь в одном чтении в каждой палате Парламента. Если депутаты и сенаторы не могут достичь компромисса

с первого раза, что объективно нереально, то Правительство создает специальную комиссию, после чего законопроект принимается сразу. В обычной законодательной процедуре существует механизм передачи законопроектов из одной палаты в другую, пока обе палаты не согласуют его текст; Правительство может прервать этот механизм только после второго чтения в каждой палате. В случае нашего Закона о реформировании правосудия законодательная процедура была сведена до минимума, и уже 19 февраля 2019 г. Национальная ассамблея проголосовала за его принятие.

Поспешность в укреплении института криминального суда департамента на этом не закончилась, реформаторы решили не дожидаться ни окончания изначально объявленного экспериментального периода, то есть конца 2022 г., ни предусмотренного Законом доклада о результатах эксперимента и его эффективности, чтобы сделать институт постоянным. Для этого они сначала оперативно расширили географическую зону эксперимента.

Так, два правительственных декрета, от 25 апреля 2019 г. и от 2 марта 2020 г., обеспечили применение Закона. Они сначала предусматривали проведение эксперимента в девяти департаментах Франции: Арденны, Кальвадос, Шер, Мозель, Режуньон, Приморская Сена, Ивелин, Эро и Атлантические Пиренеи. После бурных парламентских дебатов Закон от 17 июня 2020 г., касающийся различных положений, связанных с кризисом ковида, а также с выходом Соединенного Королевства из Европейского союза, увеличил до 18 (а не до 30, как это было предложено Правительством) количество департаментов, которые могли бы стать площадками для этого эксперимента. Но декрет от 2 июля 2020 г. распространил эксперимент только на шесть дополнительных департаментов: Изер, Верхняя Гаронна, Атлантическая Луара, Валь-д'Уаз, Гваделупа и Гайана. Таким образом, эксперимент проводился в 15 департаментах Франции³.

² Несмотря на атаки института жюри и усугубление тенденции его замены профессиональными судьями, сам профессиональный судейский корпус парадоксальным образом подвергается другой атаке – коррозии изнутри с внедрением судебной реформой 2016 г. института так называемого «и. о. судьи» и его дальнейшем распространением реформой 2019 г. «И. о. судьи» не является профессиональным судьей в классическом французском понимании, поскольку, в отличие от последнего, он обучается в Высшей школе магистратуры (дополнительное высшее юридическое образование) не почти три года, а всего лишь неделю, так как имеет стаж работы по юридической специальности. В силу этого «и. о. судьи» не вправе иметь полную судейскую занятость, претендовать на занятие должностей в судах апелляционной и кассационной инстанций и т. п. Судейский корпус воспринял данную реформу как знак снижения качества правосудия, потому что если такой судья действительно является юристом, он не является, на их взгляд, полноценным судьей.

³ Dorange A. Cours criminelles départementales: état des lieux et perspectives [Электронный ресурс]. URL: <https://www.village-justice.com/articles/cours-criminelles-nouvelle-extension-experimentation,36219.html#:~:text=de%20l'exp%C3%A9rimentation%20de%20la%20confiance%20dans%20l'institution,de%20l'exp%C3%A9rimentation%2C%20donc> (дата обращения: 18.12.2024).

Как ни странно, ковид имеет отношение к данной реформе – он стал поводом для внедрения ряда юридических изменений, которые его пережили, но были основаны на экстраординарности того периода. Здесь речь шла о сложности собрать присяжных при всех ограничениях прав и свобод человека во время ковида, тем более когда Государственный совет⁴ ограничил возможность применения видеоконференции в рамках уголовного процесса из-за нарушения использованием этой технологии права на справедливое судебное разбирательство⁵. Было бы тогда логично подумать, что поскольку период ковидных ограничений не может быть вечным (если речь действительно идет о санитарной обстановке), то Правительству стоило бы подождать нормализации обстановки и, следовательно, появления возможности объективно оценить результаты работы нового суда. Это было бы логично, если бы в основе создания криминального суда департамента не находилась чисто идеологическая причина. Правительство, наоборот, поспешило использовать последние месяцы ковида, чтобы окончательно внедрить новый институт в судебную систему Франции.

Итак, хотя специальная комиссия должна была рассмотреть эффективность криминальных судов департаментов в октябре 2022 г. с целью принять решение об их дальнейшей имплементации уже в качестве постоянного судебного органа с 1 января 2023 г., министр юстиции уже 14 апреля 2021 г. внес в Парламент законопроект «о доверии к правосудию», решив не дожидаться окончания экспериментального периода для перманентного установления нового института. Он обосновал свое решение ссылкой на относительно позитивный промежуточный доклад, сделанный в декабре 2020 г. специальной комиссией с английским наименованием Flash (комиссия-«молния»), созданной Национальной ассамблей.

⁴ Государственный совет – высший административный суд Франции.

⁵ Dufour O. Visioconférence : une victoire en demi-teinte devant le Conseil d'État // Actualités juridique. Lextenso, 19/08/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.actu-juridique.fr/libertes-publiques-ddh/le-conseil-detat-annule-pour-exces-de-pouvoir-la-visioconference-sans-condition-en-matiere-penale/> (дата обращения: 25.12.2024) ; Diaz H. Crise sanitaire et visioconférence : l'inéluctable censure // Dalloz Actualité, 16 septembre 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/crise-sanitaire-et-visioconference-l-ineluctable-censure> (дата обращения: 25.12.2024).

Таким образом, эксперимент завершился принятием Закона от 22 декабря 2021 г. Новые суды появились во всех французских департаментах с 1 января 2023 г. Для вида специальная комиссия все-таки собралась в апреле 2022 г., то есть уже после того как Закон был принят, но хотя бы до начала повсеместной работы криминальных судов департаментов. Эта комиссия, хотя и не рекомендовала сразу распространять эксперимент по всей Франции, без энтузиазма подтвердила его успешность в своем докладе в октябре 2022 г.⁶, который был опубликован только спустя месяц. Поскольку Закон 2021 г. поставил точку в эксперименте, сделав криминальные суды департаментов постоянными, он, конечно, осложнил работу специальной комиссии, в компетенцию которой *de facto* не входила оценка целесообразности имплементации данных органов в судебную систему Франции. Однако комиссия все-таки решила проанализировать практику с целью улучшить этот новый судебный инструмент, который очень далек от совершенства.

КРИТИКА ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОГО СУДА ДЕПАРТАМЕНТА

Институт криминального суда департамента подвергается критике. Прежде всего, возникает вопрос о его эффективности с точки зрения реализации заявленных целей судебной реформы. Но помимо такого менеджерского подхода доктрину и профессиональные круги беспокоит риск фундаментальных изменений сущности правосудия во Франции.

К вопросу об эффективности института криминального суда департамента. Теоретически криминальный суд департамента создан с целью разгрузить суды ассизов, рассматривающие уголовные дела с участием присяжных заседателей. Как уточняет закон, криминальному суду департамента подсудны дела совершеннолетних, обвиняемых в совершении преступления без рецидива, наказуемого лишением свободы на срок 15 или 20 лет.

⁶ Rapport du Comité d'évaluation et de suivi des cours criminelles départementales, Octobre 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://images.lexbase.fr/sst/june/Editorial/Rapport%20du%20comité%20d%27évaluation%20et%20de%20suivi%20des%20cours%20criminelles%20départementales.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

Как детализирует Министерство юстиции, это, например, касается:

«– преступлений, наказуемых 15 годами лишения свободы, то есть, в частности, пыток или варварских действий без отягчающих обстоятельств, изнасилования без отягчающих обстоятельств, насилия, ведущего к смерти, без намерения ее причинить, вымогательства без отягчающих обстоятельств;

– преступлений, наказуемых 20 годами лишения свободы, например, некоторых актов пыток и варварства при отягчающих обстоятельствах, избиения со смертельным исходом при отягчающих обстоятельствах, изнасилования при отягчающих обстоятельствах, похищения людей без отягчающих обстоятельств, вооруженных грабежей и вымогательства при отягчающих обстоятельствах»⁷.

Несмотря на разнообразие теоретически ему подсудных преступлений, криминальный суд департамента рассматривал во время эксперимента в основном дела об изнасилованиях. По данным, на основании которых комиссия Flash посчитала эксперимент успешным, криминальные суды департаментов приняли к рассмотрению всего 57 дел (до конца июля 2020 г.) в отношении 67 обвиняемых. 91 % этих дел касались простых изнасилований или изнасилований при отягчающих обстоятельствах. Если принять во внимание более широкий период, то, согласно данным доклада специальной комиссии, «с 5 сентября 2019 года по 14 июня 2022 года криминальными судами департамента рассмотрено 387 дел. В 88 % этих дел участвовал только один обвиняемый. Изнасилования составляют 88 % случаев, а избиения со смертельным исходом – 5 %»⁸. Для сравнения, только в 2022 г. суды ассизов вынесли 2400 обвинительных приговоров, в том числе 1205 из них по делам об изнасилованиях, а МВД Франции зарегистрировало в тот же год 38 400 обращений потерпевших в связи с изнасилованием. Судя по суровой статистике, можно сомневаться в эффективной разгрузке судов ассизов

с появлением в судебном пейзаже Франции криминальных судов департаментов.

Как утверждало Правительство, внося законопроект в Парламент, криминальные суды департаментов будут рассматривать дела быстрее и дешевле, чем суды ассизов. Здесь Правительство откровенно прибегло к аргументам неоменеджмента, теория которого не принимает в расчет вопрос качества отправления правосудия. В этой логике эффективность оценивается лишь стоимостью. На первый взгляд, действительно, можно считать эту цель выполненной, по крайней мере, согласно данным, предоставленным специальной комиссией: «По этим 387 делам потребовалось 863 дня слушаний (то есть 2,23 дня на одно дело). По информации, предоставленной комиссии, судам ассизов для рассмотрения этих же дел потребовалось бы 982 дня заседаний, или на 12 % больше. Общий срок судебного разбирательства в криминальных судах департаментов составил в среднем 11,8 месяцев, или почти год. Но этот срок "может быть в два-три раза больше в суде ассизов из-за трудностей, с которыми эти суды сталкиваются при рассмотрении растущего количества дел"»⁹.

Однако эти цифры поставлены под сомнение в других докладах. Например, «в отчете приводится оценка, представленная национальной конференцией первых председателей апелляционных судов, согласно которой КСД (криминальные суды департаментов) приводят к экономии в среднем двух дней слушаний по каждому делу, а из еще более осторожного расчета Управления судебных служб следует, что КСД позволяют сократить время, затрачиваемое на рассмотрение каждого дела, всего на один день»¹⁰.

Более того, целесообразно оценить выгоды, если они есть, в рамках всего уголовного процесса. Согласно докладу специальной комиссии стороны чаще подают апелляцию на решения криминальных судов департаментов, чем на решения судов ассизов: «По делам об изнасилованиях доля апелляций составля-

⁷ Циркуляр Министерства юстиции от 07.12.2022 № CRIM 2022-21/E1-07/12/2022.

⁸ Januel P. Cour criminelle départementale : bilan positif, généralisation hâtive? // Dalloz actualités. Édition du 21 novembre 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/cour-criminelle-departementale-bilan-positif-generalisation-hative> (дата обращения: 20.12.2024).

⁹ Januel P. Idem.

¹⁰ Fiorini B. Le bilan calamiteux des cours criminelles départementales: analyse critique du dernier rapport d'évaluation // Le Quotidien. 2022. Novembre 22 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexbase.fr/article-juridique/89911321-point-de-vue-le-bilan-calamiteux-des-cours-criminelles-departementales-analyse-critique-du-dernier> (дата обращения: 25.12.2024).

ет около 22 %, что несколько больше, чем по делам, рассматриваемым в суде ассизов, где она составляет 17 %»¹¹. Даже сама комиссия «считает, что было бы целесообразно уделить особое внимание частоте обжалования решений, вынесенных КСД, с учетом влияния, которое это может оказать на сроки рассмотрения дел». Действительно, следует помнить, что сроки рассмотрения дел в апелляционных судах ассизов очень велики, что эти суды состоят из трех судей и девяти присяжных заседателей, а это предполагает слушания, как правило, более продолжительные, чем в первой инстанции, состоящей сегодня из трех профессионалов и шести присяжных (после реформы 2011 г.).

Вопрос стоимости неоднозначен и для самой специальной комиссии: «хотя цифры иногда различаются, средняя стоимость одного дня слушаний в криминальном суде департамента оценивается в 1100 евро по сравнению с 2060 евро в суде ассизов. Настоящая трудность заключается в персонале. Криминальный суд департамента состоит из пяти судей, по крайней мере трое из которых должны быть полностью профессиональными (а не полупрофессиональными, то есть не «и. о.» – К. Б-Г.). В общей сложности по 387 делам было привлечено 1935 судей, из которых 15 % были почетными, а 18 % – «и. о. судьи». Однако правосудию не хватает человеческих ресурсов»¹².

Действительно, дефицит кадров сегодня во французском правосудии настолько острый, что законодатель, как отмечалось ранее, начал расширять спорную практику привлечения так называемых «и. о. судей», то есть профессиональных юристов, у которых нет трех лет подготовки в Высшей школе магистратуры. Более того, согласно этой же судебной реформе 2019 г. в судах первой инстанции по гражданским делам суд может рассматривать дело в неполном коллегиальном составе, когда не хватает одного судьи-ассессора, если стороны согласны на это, или в обязательном порядке (невзирая на их согласие),

если во второй раз также не удалось собрать полный состав из трех судей.

Более того, создание криминальных судов департаментов обязывает предоставить залы для проведения судебного процесса, чтобы заседания криминальных судов департаментов могли проводиться одновременно с заседаниями судов ассизов, не оказывая чрезмерного влияния на слушания по исправительным делам (делам о проступках). Но эти данные не были учтены специальной комиссией просто потому, что она ими не обладала: «что касается потребностей в недвижимости, вызванных распространением КСД... то, хотя были определены перспективы расширения недвижимого фонда в рамках более масштабного привлечения и продвижения по службе судей для их обеспечения помещениями, она тем не менее не располагает какой-либо информацией о выделении этих объектов недвижимости для новых КСД»¹³. Согласно французской доктрине, «таким образом, идея о том, что повсеместное введение КСД будет означать сокращение государственных расходов, в значительной степени опровергается выводами комиссии, поскольку при чтении доклада возникает больше вопросов по этому вопросу, чем ответов»¹⁴.

Другая причина создания криминальных судов департаментов состояла в необходимости сократить практику так называемой коррекционализации преступлений. По этому вопросу специальная комиссия не только ушла от ответа, но в итоге легитимировала саму эту практику: «большинство опрошенных комиссией лиц не увидели снижения показателей коррекционализации преступлений, несмотря на то что это было одной из основных целей реформы. ...Комиссия разделяет этот "общий вывод о трудностях в оценке воздействия КСД на коррекционализацию преступлений". Она считает, что не следует запрещать принцип коррекционализации преступлений, если есть согласие гражданского истца»¹⁵.

13 Ministère de la Justice. Rapport d'évaluation et de suivi de la Cour criminelle départementale. Octobre 2022. P. 32–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://images.lexbase.fr/sst/june/Editorial/Rapport%20du%20comité%20d%27évaluation%20et%20de%20suivi%20des%20cours%20criminelles%20départementales.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

14 Fiorini B. Idem.

15 Januel P. Idem.

11 Januel P. Idem.

12 Цит. по: Que va changer la généralisation des cours criminelles départementales. Université de Rouen Normandie. Actualités [Электронный ресурс]. URL: <https://www.univ-rouen.fr/actualites/que-va-changer-la-generalisation-des-cours-criminelles-departementales/> (дата обращения: 20.12.2024).

Тем самым комиссия смирилась с реальностью сложности института коррекционализации и глубины его корней во французской судебной практике. Выводы комиссии также опираются на позицию Французской ассоциации следственных судей, согласно которой «практика коррекционализации зависит от нескольких факторов, в частности от построения гражданских истцов, позиции местных коллегий адвокатов, уголовной политики прокуратуры, оценки судьями характера деяний, которые целесообразно перекалificar в проступки в конкретных случаях (помимо существования сложившихся в практике подходов к коррекционализации тех или иных деяний), качества разбирательства в исправительных судах по делам о проступках, уровня компенсации гражданским истцам и, наконец, от сроков судебного разбирательства по уголовным делам». Как напоминает доклад, в основном два фактора нивелируют попытки покончить с практикой коррекционализации: во-первых, «сила прецедента, порожденного существующей практикой широкой коррекционализации», во-вторых, риск перегрузить в противном случае апелляционные суды ассизов, которые должны тогда рассматривать почти все эти дела, если они не будут перекалificarованы в проступки и останутся преступлениями¹⁶.

К вопросу о риске фундаментальных изменений сущности уголовной юстиции во Франции. Профессиональные круги выявили в основном два фундаментальных риска изменения сущности французского уголовного правосудия: посягательство, во-первых, на принцип устности судебного разбирательства с ограничением устных дебатов, во-вторых, на демократический характер правосудия с ограничением использования присяжных. Как можно прочесть в официальной декларации сообщества адвокатов, на своей Генеральной ассамблее 13 декабря 2023 г. Национальный совет адвокатов единогласно выступил против криминальных судов департаментов, которые представляют опасность для судебной демократии и устности дебатов¹⁷.

16 О коррекционализации см.: Ministère de la Justice. Rapport d'évaluation et de suivi de la Cour criminelle départementale. P. 27–29.

17 Conseil national des barreaux, Premier bilan pour les cours criminelles départementales, 16 janvier 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnb.avocat.fr/fr/actualites/premier-bilan-pour-les-cours-criminelles-departementales> (дата обращения: 08.01.2025).

Как известно, институт присяжных был имплементирован в судебную систему Франции после Революции 1789 г. Впервые этот институт и принцип устности были установлены Законом от 16–29 сентября 1791 г. о полиции безопасности, уголовном правосудии и институте присяжных¹⁸. Депутат Адриен Дюпорт в своем докладе в Национальной ассамблее 27 ноября 1790 г. связал понятия свободы и мира (в смысле безопасности) с участием граждан в отправлении правосудия, что, по его мнению, дает государству право принимать в отношении своих граждан принудительные меры, ограничивающие их свободы. Во время революций действительно всегда встает вопрос легитимности новой власти, и тогда механизмы прямого участия граждан в работе государства позволяют перейти от одной системы правления к другой. Но помимо этого специфического обстоятельства Адриен Дюпорт видел в институте присяжных необходимый элемент для уголовного правосудия в целом из-за значимости для общества дел, рассматриваемых этими судами: уголовное правосудие «вооружено мечом закона, оно не может обойтись без соответствующего аппарата и некоторого величия. Этот механизм необходим для формирования у граждан представления о собственном достоинстве при вынесении решений, касающихся их свободы, чести или жизни, он также необходим для обеспечения независимости судей и доверия к их решениям»¹⁹.

Таким образом, несмотря на серию реформ середины XX в., трансформировавшую во Франции классический суд присяжных в особую форму суда ассизов²⁰, он остался единственным уголовным судом, где вместе с судьями заседают представители народа,

18 Décret sur la police de sûreté, la justice criminelle et l'institution des jurés (titre 1er à XV), lors de la séance du 16 septembre 1791 // Archives parlementaires de la Révolution française. 1888. № 30. P. 696–712.

19 Duport A. Rapport fait au nom des comités de constitution et de jurisprudence criminelle, de la loi sur la police de sûreté, la justice criminelle, et l'institution des jurés, Assemblée nationale, séance du 27 novembre 1790. Paris: Imprimerie nationale, 1790 [Электронный ресурс]. URL: <https://droitpolitique.com/publications/document/520/rapport-fait-au-nom-des-comites-de-constitution-et-de-jurisprudence-criminelle-de-la-loi-sur-la-police-de-surete-la-justice-criminelle-et-l-institution-des-jures> (дата обращения: 08.01.2025).

20 См. об этом: Pradel J. Procédure pénale. 15 éd. Paris: Cujas. 2010. P. 63–64.

обладающие очень широкими правами по управлению правосудия. К тому же закон до сих пор именует этих представителей народа не заседателями, а именно присяжными, что позволяет сохранять созданную еще в период Революции легитимность. Поэтому, когда суд ассизов принимает решение, касающееся совершения преступления, обвиняемый должен понять, что в лице присяжных *всё* общество принимает этот решение и осуждает обвиняемого. Сам по себе институт ассизов не гарантирует качество правосудия, но дает государству дополнительную легитимность. В этом смысле институт присяжных (ассизов) может быть только экстраординарным орудием правосудия, для особо тяжких преступлений. Все попытки его превращения в текущий инструмент правосудия обречены на поражение, поскольку это потребует привлечения слишком больших человеческих сил и потому, что банализация института не повлечет за собой повышения эффективности управления правосудия. Выступая в защиту института присяжных и принципа устности дебатов, один из судей, неоднократно председательствовавший в судах ассизов, сказал на конференции, организованной Кассационным судом 27 июня 2024 г.: «суды ассизов дают – я бы лучше сказал – давали – что-то ценное: особое место для выражения мнений, слушание, характеризующееся устностью дебатов. Сущность данной устности в присяжных, которых невозможно обязать читать письменные материалы дела»²¹.

Более того, институт суда ассизов является, помимо референдумов, одним из редких видов прямого участия граждан в государственных делах. А участие человека в государственных делах делает из него гражданином этого государства. Каждый год порядка 20 000 граждан выбираются из избирательных списков для участия в качестве присяжных в судебных процессах судов ассизов. С созданием криминальных судов департаментов их теперь станет менее 10 000. В ноябре 2022 г. более тысячи судей, юристов, ученых и политических деятелей опубликовали

совместную колонку в газете Le Monde, где они критикуют политическое решение атаковать «последнее демократическое пространство, позволяющее судьям и гражданам, выбранным по жребию, встречаться, обсуждать, совещаться и вместе вершить правосудие "во имя французского народа"»²².

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДРЕЙФ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ

С 2000-х годов идеологизация процесса реформирования французского правосудия в целом усилилась. Она выражается в основном в таких глобальных явлениях, как менеджериализация, цифровизация (и значит, его виртуализация) и атомизация. Внедрение института криминального суда департамента относится к этой общей логике.

Именно императив менеджериализации правосудия позволил Конституционному совету Франции легализовать криминальные суды департаментов. На основании предполагаемого нарушения принципа равенства перед законом и судом при создании разных условий для рассмотрения уголовными судами дел о преступлениях противники этой реформы 21 сентября 2023 г. обратились в Конституционный совет в рамках процедуры так называемого приоритетного вопроса конституционности. Данная процедура позволяет сторонам во время судебного разбирательства в первой или второй инстанции в судах общей юрисдикции или в административных судах обратиться через Кассационный суд или Государственный совет в Конституционный совет для рассмотрения конституционности определенных законодательных положений, на которых основывается вывод соответствующего суда.

В своем решении от 24 ноября 2024 г.²³ Конституционный совет оправдал создание

²¹ Cour de cassation. Justice, communication et liberté d'expression. 17 juin 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.courdecassation.fr/agenda-evenementiel/justice-communication-et-liberte-dexpression> (дата обращения: 08.01.2025).

²² L'effacement programmé du jury populaire de la cour d'assises porte atteinte à la liberté, l'humanité et la citoyenneté. Le Monde, 3 novembre 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/11/03/l-effacement-programme-du-jury-populaire-de-cour-d-assises-porte-atteinte-a-la-liberte-l-humanite-et-la-citoyennete_6148296_3232.html (дата обращения: 08.01.2025).

²³ Décision du Conseil constitutionnel n 2023-1069/1070 QPC du 24 novembre 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2023/20231069_1070QPC.htm (дата обращения: 08.01.2025).

разных условий при рассмотрении дел о преступлениях в криминальных судах департаментов и в судах ассизов.

Дело в том, что суд ассизов, обладающий полной юрисдикцией для рассмотрения вопроса уголовной ответственности лиц, обвиняемых в преступлениях, состоит из трех судей и жюри, состоящего в первой инстанции из шести присяжных. Согласно ст. 359 УПК Франции любое решение о виновности, неблагоприятное для обвиняемого, принимается большинством (не менее семи) голосов при вынесении решения судом ассизов первой инстанции. Кроме того, ст. 362 УПК предусматривает, в частности, что если решение о наказании принимается абсолютным большинством в шесть голосов, то максимальное наказание в виде лишения свободы может быть назначено только большинством в семь голосов, когда суд присяжных принимает решение в первой инстанции. В отступление от этих правил оспариваемые положения предусматривают компетенцию криминальных судов департаментов, состоящих исключительно из профессиональных судей, рассматривать в первой инстанции преступления, наказуемые пятнадцатью или двадцатью годами лишения свободы, если обвиняемый совершеннолетний и отсутствует рецидив. Тогда любое решение принимается простым большинством голосов (три из пяти).

Во-первых, заявители просили Конституционный совет признать участие граждан в рассмотрении дел о преступлениях в качестве так называемого «основополагающего принципа, признанного законами Республики»²⁴, и значит, его нарушение положениями закона, предусматривающего компетенцию суда, состоящего исключительно из профессиональных судей, рассматривать дела об определенных преступлениях. Во-вторых, заявители раскритиковали положения ст. 380-16 УПК за установление необоснованного различия в обращении с обвиняемыми путем разрешения передачи дела как в суд ассизов, так и в криминальный суд департамента в зави-

симости от возможного срока лишения свободы, наличия рецидива или сообвиняемых. По их мнению, это привело к нарушению принципа равенства перед законом. В-третьих, заявители утверждали, что положения ч. 4 ст. 380-19 УПК устанавливают неоправданное различие в обращении с обвиняемыми, поскольку в криминальных судах департаментов к ним применяются менее благоприятные правила большинства, чем в суде ассизов, при голосовании о признании вины и назначении максимального наказания. По их мнению, это привело к нарушению принципа равенства перед законом и судом.

Конституционный совет не принял аргументы заявителей. Он напомнил, что, несмотря на свою важность, принцип участия граждан в рассмотрении уголовных дел был исключен для некоторых преступлений еще законами от 24 февраля 1875 г. об организации Сената, от 9 марта 1928 г. о пересмотре Кодекса военной юстиции сухопутных войск и от 13 января 1938 г. о пересмотре Кодекса военной юстиции морского флота. Поскольку не существует непрерывной практики рассмотрения преступлений с участием присяжных, Конституционный совет не придал конституционную силу этому механизму, что является его дискреционным полномочием. Далее он счел, что законодатель вправе установить разные процессуальные правила для обвиняемых, находящихся в разных фактических или правовых ситуациях, так как принцип равенства традиционно действует в отношении лиц, находящихся в одинаковых ситуациях. Таким образом, суд без присяжных может рассматривать дела обвиняемых, которым грозит до двадцати лет лишения свободы, поскольку, по мнению Конституционного совета, они находятся в иной ситуации, чем те, кому грозит более строгое наказание. Это довольно странный аргумент, поскольку все эти приговоры «до двадцати лет лишения свободы», которые входят в компетенцию криминальных судов департаментов, касаются лишь одной юридической категории из трех, которые существуют во французском праве, то есть категории преступлений. Таким образом, появление различных ситуаций для лиц, обвиняемых в совершении нарушений уголовного закона одной категории (преступлений), является

²⁴ Помимо самого текста Конституции так называемый блок конституционности (то есть совокупность норм конституционного уровня) состоит из разных категорий норм, которым Конституционный совет придал конституционную силу. Среди них существует категория так называемых «основополагающих принципов, признанных законами Республики».

как раз порождением закона, а не объективным феноменом, который мог бы обосновать его легитимность. Наконец, процессуальные правила, применяемые в криминальном суде департамента, согласно решению Конституционного совета, идентичны тем, которые применяются в суде ассизов. Кроме того, криминальный суд департамента своим составом предоставляет такие же гарантии независимости и беспристрастности, как и суд ассизов. Таким образом, обвиняемым, независимо от того, предстают ли они перед судом ассизов или в криминальном суде департамента, предоставляются эквивалентные гарантии. Тем самым Конституционный совет отверг и значение разных степеней большинства при голосовании, и значение состава суда. Иными словами, Конституционный совет без особых объяснений уже не признает исторические аргументы в пользу жюри ни с точки зрения независимости самих присяжных, ни касательно особой роли принципа устности при рассмотрении дел с участием непрофессионалов. Своим решением он продемонстрировал полную идеологическую лояльность.

Плавное исчезновение представителей народа и нормализация сокращения применения принципа устности беспокоят профессиональные круги, которые винят в этом императив менеджизации правосудия. В этом контексте наблюдается дегуманизация отношений в судебном процессе, в том числе из-за дематериализации процедур, реорганизации повседневной жизни в здании суда, из которого постепенно исчезли общие пространства для общения и обмена мнениями, из-за замены присяжных профессиональными судьями или давления на адвокатов для сокращения времени их выступлений в суде²⁵. Менеджмент по своей логике отрицает человеческую связь и человеческую сущность, видит в них опасность (якобы для честности, объективности), когда судебный процесс носит особый человеческий характер. Как сказал многократно

работавший в суде ассизов судья Ж. Арс на своей лекции в Высшей школе магистратуры в мае 2024 г., «однажды священник сказал мне: никогда не своди человека к совершенному им поступку. Весь смысл суда ассизов состоит именно в том, чтобы установить связь между каким-либо отвратительным деянием, каким бы отвратительным оно ни было, и человеческим существом. Почему человек может совершить немыслимое? [...] Как бы парадоксально это ни звучало, присяжный заседатель здесь не для того, чтобы выносить моральное суждение, а для того, чтобы установить реальность фактов, вменяемых обвиняемому. Чтобы попытаться найти подходящее наказание, которое санкционировало бы совершенное деяние – в случае признания его виновным – и способствовать его реабилитации»²⁶. Если не предаваться разным фантазмагориям, то присяжный – это не священник, не каратель, а просто человек, который субъективно рассматривает вопрос о виновности или невиновности конкретного человека в совершении преступления на полпути между публичным и частным интересами, просто по-человечески.

Попытки выведения человека из уголовного процесса вытекают из феномена замены суверена. В этом смысле дегуманизация правосудия сопровождает его «дедемократизацию». Человек, как часть народа, является в демократических обществах сувереном, единственным источником власти, который всегда легитимен, вне зависимости от политических перемен. Он обеспечивает легитимность власти национальных структур правления в виде государства. Данная стабильность дает государству силы, поскольку суверен как таковой остается прежним, то есть национальным, даже когда власть переходит из одних рук в другие. Человек, как гражданин этого государства, в любом случае является сувереном. И государство остается, как властная структура, легитимным. И его органы, в том числе

25 Brunisso T., Rodriguez R. (sous la dir. de). Conseil consultatif conjoint de déontologie de la relation magistrats-avocats. Rapport du groupe de travail «Usages et bonnes pratiques». 20 juin 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.courdecassation.fr/files/files/Déontologie/CCC/Rapport%20-%20Usages%20et%20bonnes%20pratiques%20-%20Conseil%20consultatif%20conjoint%20de%20la%20déontologie%20de%20la%20relation%20magistrat-avocat.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

26 Secondé L. Justice criminelle et jurés citoyens: «La quête du procès d'assises, c'est de faire la connexion entre un acte abominable et un être humain» // Journal Spécial des Sociétés. 23/05/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jss.fr/Justice_criminelle_et_jures_citoyens_«_La_quete_du_proces_d'assises_c'est_de_faire_la_connexion_entre_un_acte_abominable_et_un_etre_humain_»-4594.awp (дата обращения: 09.01.2025).

судебные, остаются легитимными. Более того, они единственные, у кого есть легитимность применять принудительные меры в отношении людей, так как судебные решения обязательны для исполнения. Если рассматривать создание криминальных судов департаментов с этой точки зрения, то замена присяжных на профессиональных судей соответствует феномену дегуманизации правосудия, который с помощью его «дедемократизации» приводит к попытке «деэтизации» правосудия. Данная тенденция полностью совпадает с логикой глобализации, в которой государство не является источником власти, а всего лишь инструментом исполнения. Значит, и человек больше не может быть сувереном. Атомизация, которая наблюдается в сфере уголовного правосудия, связана с этим.

В 2010-х годах во Франции началось создание разных специальных судебных коллегий по особо чувствительным глобальным вопросам. Так, Законом от 13 декабря 2011 г.²⁷ была сформирована специальная судебная коллегия по преступлениям против человечества, которая входит в состав Трибунала большой инстанции Парижа, ныне преобразованного в Трибунал общей юрисдикции (в соответствии с судебной реформой 2019 г.). Эти судьи рассматривают преступления против человечества, военные преступления и проступки, акты пыток и бесчеловечного обращения. В коллегия сейчас входят, помимо судей этого Трибунала, около пятнадцати профессионалов: прокуроры, следственные судьи и специализированные помощники. В момент создания в ее состав вошли трое судей и трое специализированных помощников, в том числе двое из Международного уголовного суда, что не является случайностью. Создание этой специальной судебной коллегии относится к феномену развития так называемой универсальной компетенции, то есть правосудия «без границ».

С точки зрения международных структур обязательство государства рассматривать некоторые преступления (например, связанные с нарушением международного гуманитарного права четырех Женевских кон-

венций 1949 г.) исходит из очень широкого толкования принципа *aut dedere aut judicare*. Как утверждает в своей методике от марта 2014 г. об универсальной компетенции Международный комитет Красного Креста (МККК), «хотя конвенции напрямую не предусматривают, что юрисдикция должна применяться независимо от места совершения преступления, они обычно толкуются как предусматривающие обязательную универсальную юрисдикцию. Как свидетельствует формула *aut dedere aut judicare*, у государств нет иного выбора, кроме как судить или выдавать предполагаемых виновных в серьезных нарушениях. Это обязательство требует от них действий, поскольку они должны обеспечить арест или передачу в суд лица, совершившего серьезные преступления»²⁸.

Как в 2018 г. уточняла Ореля Девос, тогда – зампрокурора при Трибунале большой инстанции г. Парижа, а ныне в числе прочих отвечающая за деятельность специальной судебной коллегии при Трибунале общей юрисдикции Парижа, «мы можем быть компетентны, когда жертвами этих преступлений являются французы, но также и когда в этих преступлениях замешаны преступники, имеющие французское гражданство, или опять же, и в этом заключается наша специфика, когда преступники имеют иностранное гражданство, но они в настоящее время или постоянно проживают на территории Франции, и они совершили преступления за рубежом против иностранных жертв»²⁹.

Компетенция специальной коллегии рассматривать особо тяжкие преступления определяется *in personam*, то есть когда пострадавший является гражданином Франции и когда предполагаемый преступник находится на территории Франции, вне зависимости от его гражданства и места совершения преступления. Но здесь предполагаемый преступник защищен статусом ассистируемого свиде-

28 CICR, Services consultatifs en droit humanitaire, La compétence universelle en matière de crime de guerre, mars 2014 [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/k9152/Downloads/universal-jurisdiction-icrc-fre.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

29 Devos A. Crimes contre l'humanité : bilan du pôle du TGI de Paris. 17 octobre 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justice.gouv.fr/actualites/actualite/crimes-contre-lhumanite-bilan-du-pole-du-tgi-paris> (дата обращения: 09.01.2025).

теля, поскольку обычно в начале процедуры не хватает улики против него, расследование действительно начинается только после того, как судебная коллегия признает свою компетентность. И на этой стадии процедура тоже отличается от обычных процедур в области национальной уголовной юстиции: поскольку преступление совершено за границей, многое зависит от сотрудничества с иностранными государственными органами; НКО и международные организации глубоко вовлечены в работу этой коллегии, чтобы и обеспечить давление на государство, и собрать свидетельства международных преступлений.

Эта судебная коллегия в настоящее время расследует дела о преступлениях, совершенных более чем в 15 регионах: Сирия, Ирак, Ливия, Чад, Демократическая Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Уганда, Афганистан и Чечня. Ореля Девос говорит именно о Чечне, а не о России, как будто Чечня – самостоятельное государство. В своем интервью она объясняет сеть сотрудничества в области действительно глобальной юстиции: «Это судопроизводство, которое нельзя рассматривать исключительно на национальном уровне. Нам непременно необходимо развивать партнерские отношения с национальными судебными органами, которые занимаются такими делами. Мы находимся в постоянном контакте с нашими коллегами на европейском и международном уровне. Мы также встречаемся в Гааге дважды в год в рамках так называемой Европейской сети по геноциду и преступлениям против человечества, которая организована Евроюстом (Eurojust) – органом координации европейских систем правосудия. Благодаря этой партнерской работе мы обмениваемся передовым опытом, идеями расследований, а также важной информацией по делам»³⁰.

Итак, национальное правосудие в европейских странах работает под руководством Евроюста и в координации с органами ООН. Мало что осталось от суверенного государственного правосудия в этом контексте. Атомизация правосудия позволяет подчинить государственные органы правосудия глобальным структурам с целью защищать глобальные интересы. Глобальная логика правления

сталкивает государства с широким применением подобных институтов «деэтизации» государственного правосудия. Тем самым государства должны защищать именно «интерес международного общего порядка»³¹ и «освободиться» от суверенных полномочий правосудия, признав возможность обойти национальное законодательство, как настаивает МККК: «суд может в принципе основывать свою юрисдикцию непосредственно на международном праве и осуществлять универсальную декларативную компетенцию без какой-либо ссылки на национальное право»³². Если суды уже не защищают публичный интерес, как это требуется от любого государственного органа, то действительно, зачем тогда ограничиваться национальным законодательством? Вопрос риторический.

Последняя на сегодня судебная реформа 2023 г. продолжила в особо важной области для глобализации – защите прав женщин, то есть в области gender, развивать тенденцию атомизации правосудия и посягать на классические судебные институты (пусть и специализированные), предусматривая образование специальной судебной коллегии, но на этот раз уже со смешанным составом. В начале 2023 г. на основании испанского примера создания специализированного трибунала для рассмотрения дел о насилии в отношении женщин, который был создан под давлением феминистских НКО, Правительство Франции поручило парламентской комиссии, которой должны оказывать помощь Минюст и так называемое министерство по вопросам равенства между женщинами и мужчинами, разнообразия и равных возможностей, изучить международную практику и предложить вариант для Франции. Комиссия выслушала более 300 лиц, вовлеченных в вопросы gender, и в конце концов был принят так называемый «Ярко-красный план», который «направлен на улучшение судебного рассмотрения дел о домашнем насилии». Она рекомендовала создать не специализированный трибунал, который сейчас, по всей видимости, является уже слишком классическим (институциональным), а специальные судебные коллегии

31 CICR. Services consultatifs en droit humanitaire, La compétence universelle en matière de crime de guerre.

32 Idem.

30 Devos A. Idem.

в трибуналах общей юрисдикции и апелляционных судах, в которые вошли бы не только судьи этих судов, но и прокуроры, а также представители гражданского общества, то есть активисты. Судья по содержанию этого «плана», его название, наверное, инстинктивно отражает родственную идеологическую связь столь прогрессивного прорыва в сфере судебных реформ с неотроцкизмом.

Правительство создало эти специальные судебные коллегии в ноябре 2023 г.³³, а во французский судебный пейзаж они вошли с января 2024 г.³⁴ Согласно ст. R. 212-62-1 Кодекса судостроительства, и судьи (то есть «сидящие магистраты»), и прокуроры (то есть «стоящие магистраты») вошли в одну судебную структуру в виде данных коллегий, что не особо нравится прокурорам. Более того, согласно ст. R. 212-62-2.-I Кодекса судостроительства, «руководящий комитет по борьбе с домашним насилием находится в составе судебной коллегии, указанной в статье R. 212-62-1, под совместным председательством председателя Суда и Прокурора Республики». В этот комитет, помимо судей, адвокатов, функционеров, войдут и представители гражданского общества, а если точнее – «представители НКО, деятельность которых связана с борьбой с домашним насилием». На этот раз представители гражданского общества, то есть активисты, институционально вошли в состав государственного судебного органа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя последние судебные реформы во Франции, невозможно не задать себе вопрос: что остается от независимости правосудия? Более того, от кого или от чего правосудие сегодня независимо? Если можно в целом обеспечить независимость правосудия

от политики, по крайней мере в большинстве случаев, оно не может быть независимым от идеологии. С одной стороны, правосудие имплементирует идеологию в той или иной стране, защищает ее своими решениями, с другой – само правосудие моделируется в зависимости от идеологических тенденций с помощью принимаемых судостроительных и процессуальных законов. Так было и во время консерватизма, когда правосудие было сугубо государственным, защищало институт классического брака и, например, превосходство прав мужа, то есть защищало холистическое понимание общества. Так было и во время либерализма, когда правосудие защищало права граждан от государства, даже иногда без признания его вины, когда суды признали институт фактического сожительства между мужчиной и женщиной, когда индивидуальные права стали столь важными, когда активно развивалась роль адвоката. Так происходит и в эпоху неолиберализма – идеологии, которая служит опорой глобализации, когда развиваются механизмы привлечения в судебный процесс лиц из гражданского общества, альтернативные судебному процессу методы разрешения споров или механизмы интеграции государственного правосудия (вплоть до его дезинтеграции) в глобальные структуры, когда в материальном праве создается *de facto* иерархия прав в зависимости от так называемых императивов глобального порядка (gender, климат, ЛГБТ³⁵, иммиграция и т. д.). Правосудие всегда в целом зависело от идеологии, но эта идеология ранее создавалась государством. Нынешняя идеология неолиберализма и как правовой институт, и как политическая категория суверенного правления создана против государства. Именно поэтому отмечаются столь деконструктивные эффекты последних судебных реформ. Это в основном касается атаки на фундаментальные функции правосудия, такие как легитимация государства и защита баланса между индивидуальными правами и публичным интересом. Из-за поражения государства «несуверенная» страна уже не в силах гарантировать независимость правосудия, и тогда оно становится

33 Décret n 2023-1077 du 23 novembre 2023 instituant des pôles spécialisés en matière de violences intrafamiliales au sein des tribunaux judiciaires et des cours d'appel, JORF n 0272 du 24 novembre 2023.

34 Chollet M. Violences intrafamiliales: institution de pôles spécialisés au sein des tribunaux judiciaires et des cours d'appel // Dalloz actualités. 13 décembre 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/violences-intrafamiliales-institution-de-poles-specialises-au-sein-des-tribunaux-judiciaires-e> (дата обращения: 12.01.2024).

35 Движение признано в России экстремистским и запрещено.

орудием в руках сил, которые таким образом подчиняют себе и государственную машину, и общество. Поскольку подобные тенденции реформирования правосудия существуют во всех странах, что характерно для глобально-

го мира, печальный пример Франции может служить предостережением против манящего голоса глобалистских сирен, улаждающих благосклонные уши значительной части национальных политических элит.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карин Беше-Головко – доктор публичного права (Франция), приглашенный профессор юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karine Bechet-Golovko – Doctor of Public Law (France), Visiting Professor at the Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 06.02.2025.

Научная статья
УДК 343.131
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.3

Original article

ДАВЛЕТОВ Ахтям Ахатович
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

DAVLETOV Akhtyam Akhatovich
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia.

АЗАРЁНОК Николай Васильевич
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: azarenok_96@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9787-7797>

AZARENOK Nikolay Vasilyevich
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИЗНАНИЯ БАЛАНСА ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ ПРИНЦИПОМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

METHODOLOGICAL PREREQUISITES FOR RECOGNISING THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE
INTERESTS AS A PRINCIPLE OF MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Разработчики УПК РФ попытались реализовать идею переустройства уголовного процесса по англосаксонскому образцу. Для этого в Кодекс был внесен принцип состязательности сторон, действующий на этапах досудебного и судебного производства. В результате судебное разбирательство было приведено в соответствие с конституционной нормой об обязательном осуществлении любого правосудия на основе состязательности (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). Содержание же досудебного производства, где следователь является полноправным «хозяином» дела, принципиальных изменений не претерпело. Ситуация, при которой заявленная в Общей части УПК РФ состязательность не была обеспечена в досудебном производстве соответствующим процессуальным механизмом, обусловила дальнейшее реформирование Кодекса и постоянное внесение в него дополнений и изменений. Это не привело к содержательным изменениям действующего континентального уголовного процесса смешанного типа и переводу его в англосаксонскую состязательную форму, но выявило главный критерий реформирования современного и создания перспективного уголовного производства – баланс публичного и частного интересов. Методы: исследование выполнено с использованием диалектического, общенаучных (логический, анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучных (формально-юридический, толко-

Abstract. The drafters of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation attempted to implement the idea of restructuring criminal proceedings following the Anglo-Saxon model. To this end, the principle of adversarial proceedings was introduced into the Code at the pre-trial and trial stages. As a result, the judicial proceedings were brought into conformity with the constitutional rule on the mandatory exercise of any justice based on adversarial principles (Part 3 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation). The content of pre-trial proceedings, where the investigator was a full-fledged “master” of the case, remained unchanged in principle. The situation in which the adversarial nature declared in the General Part of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was not ensured in pre-trial proceedings by an appropriate procedural mechanism, led to further reform of the Code and constant additions and amendments to it. This did not lead to substantive changes in the existing continental criminal procedure of mixed type and its transfer to the Anglo-Saxon adversarial form, but revealed the main criterion for reforming the current and creating future criminal proceedings, which is the balance of public and private interests. Methods: the research is carried out using dialectical, general scientific (logical, analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal,

вания правовых норм) методов. Результаты: баланс публичного и частного интересов выступает главным фактором совершенствования действующего и создания перспективного отечественного уголовно-процессуального законодательства. Обосновывается его содержание и необходимость закрепления в гл. 2 УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства с предложением редакции соответствующей нормы.

Ключевые слова: англосаксонская и романо-германская правовые системы, баланс публичного и частного интересов, досудебное и судебное производство, тип, модель, форма уголовного процесса, состязательность, принципы уголовного судопроизводства

Для цитирования: Давлетов А.А. Методологические предпосылки признания баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 32–40.

interpretation of legal norms) methods. Results: the balance of public and private interests is the main factor in improving the current and creating prospective national criminal procedure legislation. The article substantiates its content and the need to enshrine it in Chapter 2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a principle of criminal proceedings with the proposal of the wording of the relevant norm.

Keywords: Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems, balance of public and private interests, pre-trial and trial proceedings, type, model, form of criminal procedure, adversariality, principles of criminal proceedings

For citation: Davletov A.A., Azarenok N.V. Methodological Prerequisites for Recognising the Balance of Public and Private Interests as a Principle of Modern Russian Criminal Procedure. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 32–40. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.3.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 90-х годов прошлого века перед юристами встал вопрос о реформировании советского уголовного процесса. Среди его недостатков на первый план выступила проблема соблюдения прав человека, ставшая к тому времени знаменем «перестройки».

Принципиальные подходы к созданию новой модели уголовно-процессуальной деятельности нашли отражение в постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О концепции судебной реформы в РСФСР»¹. Предлагаемые в этом документе решения были направлены на коренную ломку сложившихся правовых механизмов и замену их состязательной формой уголовного судопроизводства по англосаксонскому (проамериканскому) типу.

Закрепление в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ требования состязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства было оценено реформаторами как поддержка их позиции, и потому ко времени принятия УПК РФ в 2001 г. победу одержали сторонники состязательности.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Новый УПК РФ произвел двойственное впечатление. С одной стороны, он был пронизан идеей состязательного построения уголовно-процессуальной деятельности. Так, получили нормативное закрепление отсутствующие в УПК РСФСР 1960 г. три уголовно-процессуальные функции: обвинения, защиты и разрешения дела; все участники сгруппированы в соответствии с этими функциями (гл. 5–7); состязательность приобрела статус принципа всей уголовно-процессуальной деятельности (ст. 15); преобразовалось целеполагание уголовного судопроизводства в положениях ст. 6; в Кодексе не оказалось установки на объективную истину и закрепленных в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела; появился институт исключения доказательств; защитник получил право собирать доказательства (ч. 3 ст. 86) и т. д.

Таким образом, УПК РФ концептуально-идеологически предстал в качестве нормативной основы состязательного переустройства отечественного уголовного процесса.

С другой стороны, в своей функциональной конструкции уголовно-процессуальная деятельность осталась прежней, так как в

полной мере сохранились два ее этапа – досудебное и судебное производство. При этом их содержание и характер существенно не изменились. На стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования «хозяйном» дела как был, так и остался следователь (дознатель), хотя в досудебном производстве появился суд с функцией судебного контроля. Он не преобразил ведущую роль органов предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности. В результате на первом этапе уголовного процесса ни триада функций, ни принцип состязательности своего воплощения не получили.

Сохранило свою основу и судебное производство, где спор равноправных сторон в процедуре состязательности является аксиомой. В итоге идея состязательности оказалась реализованной лишь на некоторых судебных стадиях, тогда как досудебное производство, как и прежде, функционирует в так называемой инквизиционной, розыскной форме.

Причины неудачной попытки реформирования отечественного уголовного процесса на основе состязательности сторон

За прошедшие два десятилетия действия УПК РФ в него были внесены сотни изменений, направленных не на расширение и усиление состязательности, а на совершенствование правовых механизмов в рамках традиционной организации уголовно-процессуальной деятельности. Все это приводит к выводу о крахе задуманной реконструкции отечественного уголовного процесса в англосаксонскую форму и ставит вопрос о причинах такой неудачи, с тем чтобы найти научно обоснованные пути дальнейшего развития уголовного производства. Причиной данной проблемы можно считать «политически конъюнктурный субъективизм» авторов УПК РФ.

Для понимания такой оценки необходимо вспомнить, какая социально-правовая атмосфера сложилась в первое постсоветское десятилетие, когда «либерально-демократические» идеи казались единственно правильными. Достаточно сослаться на один факт. Докторская диссертация Е.Б. Мизулиной – одного из авторов-разработчиков УПК РФ, успешно

защищенная в 1991 г. в Тарту (Эстония), называется «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства». Что касается изложенного в ней, то научная общественность уже дала этому свою оценку.

Политическая конъюнктура того времени привела авторов УПК РФ к главной ошибке – игнорированию методологических (философских, исторических, общеправовых) основ формирования и развития отечественного законодательства, в данном случае – уголовно-процессуального.

Исторически наш уголовный процесс развивался в рамках континентальной (романо-германской) системы права, оформившись конструктивно во второй половине XIX в. Принципиально он не изменился в советский период и остается таковым в настоящее время.

Континентальному типу уголовного процесса присущи два основных свойства. Во-первых, он двухэтапный, состоящий из досудебного (предварительного) расследования и судебного производства (судебного разрешения уголовного дела по существу). Такое построение уголовно-процессуальной деятельности объясняется установкой на объективную истину, то есть установление факта преступления и лица, его совершившего. Решение данной задачи возможно только публичными средствами, когда государственно-властный орган расследования, располагая принудительными возможностями, раскрывает преступление, привлекает лицо к уголовной ответственности, собирает все необходимые доказательства и направляет дело в суд. В такой организации суду отводится задача проверки доказанности обвинения и вынесения итогового решения по делу. При этом судебный процесс формально предстает как состязательный, где спор перед судом-арбитром ведется двумя сторонами с использованием равных процессуальных возможностей (заявление ходатайств, отводов, принесение жалоб, постановка вопросов и т. д.).

Англосаксонское судопроизводство осуществляется в принципиально другой форме. Там досудебного производства, ориентированного на выяснение действительных обстоятельств преступления, нет. Сразу формируются стороны обвинения и защиты, которые непосредственно обращаются к суду, пред-

ставляя свои доводы и аргументы, а суд исследует их на предмет признания легитимными доказательствами. Такой процесс представляет собой судопроизводство, так как осуществляется в суде, и является состязательным, поскольку осуществляется в процедуре борьбы сторон перед судом.

Второе свойство континентального уголовного процесса – его публично-правовой характер.

Задача установления объективной истины может быть решена только государственно-властными органами, деятельность которых неизбежно ограничивают частные интересы личности, вовлеченной в уголовно-процессуальную деятельность. Поэтому примат (преобладание, главенство) публичного интереса над личным – обязательное свойство континентального уголовного процесса.

Англосаксонское уголовное судопроизводство по характеру не публично-обвинительное, а частно-обвинительное, где его участники – стороны и суд – функционируют во многом по-иному, чем в континентальной системе, хотя внешне и тот и другой предстают в «треугольнике» состязательности.

Вот эти правовые особенности отечественного уголовного процесса, исторически сформировавшиеся в нашей стране и прошедшие проверку временем, были проигнорированы разработчиками УПК РФ. Они предприняли попытку создания нового уголовного судопроизводства, полагая, что для этого достаточно внести в Кодекс ряд положений англосаксонского процесса, сохранив при этом двухэтапную структуру уголовно-процессуальной деятельности и ее публично-правовой характер. Однако глубинные, ментально-исторические факторы, объективно присущие отечественному уголовному процессу, отвергли нововведения как чуждые и не соответствующие природе и духу сложившегося и успешно функционирующего процессуального организма.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Такая устойчивость традиционной конструкции российского уголовного произ-

водства не означает, что она не подвержена определенной трансформации. Очевиден и бесспорен тот факт, что советский уголовный процесс нуждался в реформировании, причем существенном. В каком направлении и в каких пределах необходимо было его преобразование? Обращение к рассмотренным фундаментальным характеристикам континентального производства позволяет достаточно легко найти ответ на этот вопрос.

Посягательство на объективную истину и принцип всесторонности, полноты и объективности оказалось делом бесполезным, поскольку, несмотря на отказ от прямого закрепления истины и указанного принципа в УПК РФ, и познавательная цель, и требование к ее достижению сохранились. Причем не только по факту, как бесспорная установка на доказанность всех обстоятельств, имеющих значение для дела (ст. 73, 74 УПК РФ), но и формально, когда слова «всесторонность», «полнота» и «объективность» фигурируют в тексте УПК РФ (ч. 1 ст. 33, ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154, ст. 239.1). Это означает, что объективная истина и двухэтапная структура уголовного процесса выступают в качестве системообразующей константы и коренному изменению подвергаться не могут.

Остается второе – публично-правовой характер уголовно-процессуальной деятельности. По своей сути это тоже константа, так как наш процесс не может быть частно-обвинительным (частно-исковым), а был, есть и будет публично-обвинительным. А вот степень публичности, то есть уровень соотношения публичного и частного, может претерпевать существенные изменения.

Формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. происходило в острой борьбе публичного и частного интересов, где тенденция ограничения публичного и усиления частного была очевидной. Эта тенденция прервалась в 1917 г., после чего публичное было гипертрофировано до крайних пределов, однако с 50-х годов прошлого века наметился обратный процесс, и уровень защиты прав, свобод и законных интересов личности заметно возрос. К концу советского периода вопрос о реформировании правовой системы был вторичным, а на пер-

вый план вышел вопрос о правах человека, которые, наряду со свободами и законными интересами, провозглашены в Конституции РФ высшей ценностью.

Авторы УПК РФ прекрасно понимали суть и остроту данной проблемы, но ее решение увидели не в выравнивании социальной ценности публичного и частного интересов, а в состязательности, полагая, что в ее основе лежит равноправие сторон обвинения (публичного) и защиты (частного), следовательно, состязательность и есть та панацея, которая способна оздоровить российский уголовный процесс. Однако результат оказался не эволюционно-созидательным, а революционно-разрушительным, так как повлек не совершенствование действующих правовых механизмов, а коренную их ломку, чему воспротивилась вся сложившаяся система. Будучи во многом саморегулируемой, она отвергла чуждое ей и сохранила основу своего существования.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ

Со временем проявилось то новое, что качественно изменило современный российский уголовный процесс и проявилось в соотношении публичного и частного интересов – их балансе. Так появилось принципиальное направление совершенствования отечественного уголовного производства, получившее наименование «баланс публичного и частного интересов». На это постоянно обращает внимание в своих решениях Конституционный Суд РФ². Такую же позицию занимает и Верховный Суд РФ, который как на уровне

Пленума³, так и при непосредственном осуществлении правосудия указывает судам на необходимость обеспечения «баланса конституционно защищаемых ценностей»⁴, «баланса частных и публичных интересов»⁵.

Указанные положения находятся в объективе научного внимания и рассматриваются рядом авторов [1; 2; 3] как в сфере конституционного [4], налогового [5], трудового права [6], так и в международных отношениях [7].

Исследователи предлагают различные трактовки баланса публичных и частных интересов, понимая под ним «справедливое соотношение конституционно гарантированных прав и обязанностей сторон» [4, с. 6], «закрепленное на нормативном уровне особое состояние – оптимальный режим жизнедеятельности государства, общества и личности, выражающий учет и соотношение наиболее значимых интересов субъектов общества, направленный на создание надлежащих условий для определенной степени благоприятности обеспечения их реализации, а также их защиты на основе создания действенных нормативных гарантий» [8, с. 54], «установление порядка, обеспечивающего согласование интересов различных субъектов и режим благоприятствования для их реализации путем определения правового механизма взаимного удовлетворения интересов и решения взаимных противоречий и конфликтов» [9, с. 42].

В уголовно-процессуальной литературе также существует ряд мнений на этот счет. Так, некоторые авторы, как и в советский период, продолжают рассматривать интересы личности в качестве элемента публичности уголовного судопроизводства [10; 11; 12; 13; 14; 15]. Другие, напротив, разделяют публичный и частный интересы, представляя их в качестве самостоятельных правовых катего-

2 По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области : постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4 ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйdlена : постановление Конституционного Суда РФ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44, ст. 6128.

3 О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

4 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.12.2002 № 447 ПО2ПР // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 10.

5 Постановление Верховного Суда РФ от 13.12.2005 № 32-ад05-3 в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 5.

рий, но не указывают на равную (сбалансированную) ценность того и другого [16; 17]. Третьи указывают на необходимость баланса публичного и частного, но лишь применительно к обвинению и защите, соотнося это с закрепленной в ст. 6 УПК РФ равнозначностью задач уголовного преследования виновных и непривлечения к уголовной ответственности невиновных [18].

Отдельные исследователи предлагают более широкий подход, согласно которому «сочетание публичных и частных начал» признается принципом уголовного процесса [19]. По мнению Е.А. Зайцевой, «в уголовном судопроизводстве, где происходит наиболее массированное вторжение в сферу охраняемых Конституцией РФ ценностей, должен обеспечиваться **разумный баланс**, позволяющий решать **задачи публичного масштаба в гармонии с реализацией частных интересов, и, прежде всего, – потерпевшего** (к такому выводу приводит анализ положений ст. 6 УПК РФ)» [20, с. 191–192].

Баланс публичных и частных интересов наиболее рельефно проявился в широкой дифференциации уголовно-процессуальной формы. Так, принятая еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. доктрина унифицированного порядка расследования и рассмотрения уголовных дел независимо от тяжести преступлений как процессуальная гарантия от действовавших ранее внесудебных «троек» и «особых совещаний» сменилась «процессуальным прагматизмом (целесообразностью)». В связи с этим были введены особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа (гл. 51.1 УПК РФ), дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ). В их основе лежит идея поиска компромисса между публичным и частным интересами, когда в ответ на позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление (заглаживание вреда, признание вины, примирение сторон и т. д.), государство смягчает условия уголовной ответственности и получает суще-

ственную процессуальную экономию в затратах на расследование и судебное рассмотрение уголовных дел.

Продолжают совершенствоваться процессуальные возможности органов уголовного производства путем введения новых следственных действий, таких как контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях абонентов, предоставления возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности, распространения сферы применения видео-конференц-связи в судебном и досудебном производстве и т. д. Одновременно с этим частный интерес получил такие ранее неизвестные процессуальные гарантии, как право не свидетельствовать против себя и близких, на получение квалифицированной юридической помощи, на судебное обжалование действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и т. д.

Однако ввиду отсутствия нормативного определения требования баланса законодатель иногда отступает от него, смещая акценты в сторону публичного или частного интереса. Например, если раньше подозреваемый был вправе получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, то после изменений, внесенных в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ в 2018 г., это право распространилось и на постановления о возбуждении уголовного дела по факту⁶. При этом первый подход в полной мере соответствовал идее баланса, поскольку позволял ознакомить подозреваемого только с теми процессуальными решениями, которые непосредственно затрагивают его законные интересы. В настоящее же время уголовно преследуемое лицо получает доступ к сведениям, относящимся к тайне следствия, которые, по общему правилу, становятся доступны по окончании предварительного расследования в соответствии со ст. 217 УПК РФ [21].

В 2020 г. была сокращена сфера действия особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, путем исключения из него преступления тяжкой

⁶ О внесении изменения в статью 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 19.07.2018 № 205-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

категории⁷. Это привело к существенному сокращению количества уголовных дел, рассматриваемых судами в ускоренном режиме, и увеличению нагрузки на судей [22]. При этом пострадал и частный интерес как обвиняемого, который лишился снижения размера и срока наказания в случае признания вины, так и потерпевшего, утратившего возможность влиять на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в досудебном производстве.

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ – ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

На сегодняшний день баланс публичного и частного интересов является ведущим фактором оптимизации уголовно-процессуальной деятельности. Однако несмотря на это, нормативное определение его в УПК РФ отсутствует, что является следствием состояния науки в этом вопросе, когда учеными не обосновывается идея баланса как основополагающего критерия формирования современного российского уголовно-процессуального права и не предлагается его нормативное закрепление. Вместо этого ученые продолжают настаивать на признании публичности в качестве одного из ведущих положений современного российского уголовного производства и включении его в качестве принципа в гл. 2 УПК РФ [23; 24; 25].

Настало время для концептуального решения данной проблемы, поскольку необходимо придать упорядоченность совершенствованию действующего УПК РФ и дать ориентир законодателю при разработке нового Кодекса. Очевидно, что принятый в 2001 г. УПК РФ, направленный в своих общих положениях на коренное переустройство отечественного уголовного процесса в состязательную (англосаксонскую) модель, фактически утратил такую направленность и не изменил традиционную континентальную (смешанную) форму отечественного уголовного производства с четким разделением досудебного и су-

дебного этапов. Неудача воплощения полной состязательности в отечественном уголовном производстве привела к переосмыслению и поиску иного фактора совершенствования уголовно-процессуального законодательства, чем является баланс публичного и частного интересов. Перспективный кодекс, необходимость разработки которого с каждым годом становится все более очевидной, должен учитывать исторический тип российского уголовного процесса, но с качественно иным, чем в советское время, содержанием, критерием которого выступает баланс публичного и частного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного предлагаем ввести в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ статью 6.2. следующего содержания:

«Статья 6.2. Обеспечение баланса публичного и частного интересов в уголовном производстве

1. Уголовное производство призвано обеспечить равную общественную ценность интересов государства и личности. При проведении процессуальных действий и принятии правовых решений следователь, дознаватель, прокурор и суд обязаны не только руководствоваться публичным интересом, но и учитывать законные интересы лиц, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности.

2. Следователь, дознаватель, прокурор и суд обязаны предоставить участвующим в уголовном процессе лицам возможность свободного выбора того предусмотренного настоящим Кодексом порядка производства по уголовному делу, который наиболее соответствует их законным интересам, и обеспечить осуществление избранной процедуры.

3. Ограничение прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном производстве, допускается только в установленном настоящим Кодексом порядке. Процессуальное принуждение применяется к личности лишь в том случае, если иными законными способами и средствами невозможно решить задачи уголовного производства».

⁷ О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 428 с.
2. Коршунов Н.М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции / Н.М. Коршунов // Журнал российского права. – 2010. – № 5. – С. 66–72.
3. Теория государства и права : учебник / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2010. – 744 с.
4. Мальцев В.А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования / В.А. Мальцев // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 18. – С. 5–10.
5. Суляева Д.Д. Налоговые вычеты как механизм обеспечения баланса интересов государства и налогоплательщиков / Д.Д. Суляева // Финансовое право. – 2011. – № 6. – С. 32–36.
6. Орловский Ю.П. Баланс интересов сторон трудового правоотношения в условиях глобализации экономики / Ю.П. Орловский // Право. – 2008. – № 1. – С. 52–61.
7. Никитенко А.И. Баланс интересов России и ЕС как основа международного сотрудничества / А.И. Никитенко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 4. – С. 47–50.
8. Халиулин В.Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.Е. Халиулин. – Саратов, 2009. – 227 с.
9. Киракосян С.А. Принцип равенства в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.А. Киракосян. – Ростов-на-Дону, 2009. – 217 с.
10. Аширбекова М.Т. Принцип публичности и процессуальный режим производства по уголовному делу / М.Т. Аширбекова. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 239 с.
11. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение / Н.Е. Петрова. – Самара, 2004. – 213 с.
12. Тыричев И.В. Принципы уголовного процесса / И.В. Тыричев // Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. П.А. Лупинской. – Москва : Юрист, 1995. – С. 88–126.
13. Уголовный процесс : учебник / под ред. И.Л. Петрухина. – Москва : Проспект, 2001. – 517 с..
14. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 555 с.
15. Меженина Л.А. Публичность российского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Меженина. – Екатеринбург, 2002. – 29 с.
16. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Андреева. – Томск, 2007. – 49 с.
17. Смольникова И.В. Частная жизнь граждан: основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства / И.В. Смольникова. – Москва : Луч, 1997. – 84 с.
18. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Пилигина. – Москва : Юрист, 2006. – 847 с.

REFERENCES

1. Korkunov N.M. Lectures on the General Theory of Law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2003. 428 p.
2. Korshunov N.M. Private and Public Law: Problems of Forming the Foundations of a Modern Theory of Convergence. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 5, pp. 66–72. (In Russian).
3. Pigolkin A.S., Dmitriev Yu.A. (eds.). Theory of State and Law. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2010. 744 p.
4. Maltsev V.A. Balance of Interests in the Sphere of Security: Concept and Mechanism of State and Legal Regulation. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 18, pp. 5–10. (In Russian).
5. Sulyaeva D.D. Tax Deductions as a Mechanism for Ensuring a Balance of Interests Between the State and Taxpayers. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2011, no. 6, pp. 32–36. (In Russian).
6. Orlovsky Yu.P. Balance of Interests of the Parties to Labor Relations in the Context of Economic Globalization. *Pravo = Law*, 2008, no. 1, pp. 52–61. (In Russian).
7. Nikitenko A.I. Balance of Interests of Russia and the EU as a Basis for International Cooperation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 4, pp. 47–50. (In Russian).
8. Khaliulin V.E. The Coordination of Interests of Legal Entities as a Prerequisite for the Formation of Civil Society in the Russian Federation. *Cand. Diss.* Saratov, 2009. 227 p.
9. Kirakosyan S.A. The Principle of Equality in Russian Civil Law. *Cand. Diss.* Rostov-on-Don, 2009. 217 p.
10. Ashirbekova M.T. The Principle of Publicity and the Procedural Regime of Criminal Proceedings. Moscow, Yurлитinform Publ., 2009. 239 p.
11. Petrova N.E. Private and Subsidiary Prosecution. Samara, 2004. 213 p.
12. Tyrichev I.V. Principles of Criminal Procedure. In Lupinskaya P.A. (ed.). *Criminal Procedure*. Moscow, Yurist" Publ., 1995, pp. 88–126. (In Russian).
13. Petrukhin I.L. (ed.). *Criminal Procedure*. Moscow, Prospekt Publ., 2001. 517 p.
14. Maslennikova L.N. Public and Dispositive Principles in Criminal Procedure in Russia. *Doct. Diss.* Moscow, 2000. 555 p.
15. Mezhenina L.A. Publicity of Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis*. Ekaterinburg, 2002. 29 p.
16. Andreeva O.I. Conceptual Foundations of the Relationship Between the Rights and Obligations of the State and the Individual in Criminal Proceedings of the Russian Federation and Their Use for Legal Regulation of Activities to Dispose of the Subject of Criminal Proceedings. *Doct. Diss. Thesis*. Tomsk, 2007. 49 p.
17. Smolnikova I.V. Private Life of Citizens: Grounds and Limits of Criminal Procedural Intervention. Moscow, Luch Publ., 1997. 84 p.
18. Mizulina E.B., Piligin V.N. (eds.). Lessons of Criminal Justice Reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group for Monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in Connection with the Fifth Anniversary of Its Adoption and Entry into Force). *Collection of articles and materials*. Moscow, Yurist" Publ., 2006. 847 p.

19. Гуськова А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография / А.П. Гуськова, Н.Г. Муратова. – Москва : Юрист, 2005. – 176 с.

20. Зайцева Е.А. Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения: обеспечения разумного баланса? / Е.А. Зайцева // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева / под ред. Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. – С. 188–195.

21. Азаренок Н.В. Новая редакция права подозреваемого получить копию постановления о возбуждении уголовного дела: оправдана ли эта новелла? / Н.В. Азаренок, А.А. Давлетов // Российский следователь. – 2019. – № 2. – С. 19–22.

22. Азарёнок Н.В. Правовые последствия исключения преступлений тяжкой категории из особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Н.В. Азарёнок // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред.: И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск, 2022. – С. 24–29.

23. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии : монография / Т.Ю. Вилкова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 323 с.

24. Лавдаренко Л.И. Проблема реализации принципа публичности в уголовном судопроизводстве / Л.И. Лавдаренко // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. – С. 142–144.

25. Бирюкова И.А. Роль прокурора в реализации принципа публичности в уголовном процессе России / И.А. Бирюкова, А.П. Кругликова // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 34–37.

19. Guskova A.P., Muratova N.G. Judicial Law: History and Modernity of the Judicial Authority in the Sphere of Criminal Proceedings. Moscow, Yurist Publ., 2005. 176 p.

20. Zaitseva E.A. Public and Private Interests of Participants on the Prosecution Side: Ensuring a Reasonable Balance? In Stoyko N.G. (ed.). *Prosecution and Defense in Criminal Cases: Historical Experience and Modernity. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev*. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2015, pp. 188–195. (In Russian).

21. Azarenok N.V., Davletov A.A. New Version of the Suspect's Right to Receive a Copy of the Resolution on Initiation of a Criminal Case: Is This Amendment Justified? *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2019, no. 2, pp. 19–22. (In Russian).

22. Azarenok N.V. Legal Consequences of Excluding Serious Crimes from the Special Procedure of Trial Provided for by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In Ragozina I.G., Derishev Yu.V. (eds.). *Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation. Materials of the International Scientific-Practical Conference*. Omsk, 2022, pp. 24–29. (In Russian).

23. Vilkova T.Yu. Principles of Criminal Proceedings in Russia: Legal Foundations, Content, Guarantees. Moscow, YurLitinform Publ., 2015. 323 p.

24. Lavdarenko L.I. The Problem of Implementing the Principle of Publicity in Criminal Proceedings. *Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions. Collection of Materials of the XXIV International Scientific-Practical Conference*. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2019, pp. 142–144. (In Russian).

25. Biryukova I.A., Kruglikova A.P. The Role of the Prosecutor in the Implementation of the Principle of Publicity in Criminal Proceedings in Russia. *Rossiiskaya yusticiya = Russian Justice*, 2014, no. 10, pp. 34–37. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давлетов Ахтям Ахатович – доктор юридических наук, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова;

Азарёнок Николай Васильевич – доктор юридических наук, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davletov Akhtyam Akhatovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov;

Azarenok Nikolay Vasilyevich – Doctor of Law, Director of the Institute of Justice, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 16.01.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.4

Original article

ДЕЖНЕВ Александр Сергеевич
Омская академия МВД России,
Омск, Россия,
e-mail: omsk-das@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-9383-5560>

DEZHNEV Alexander Sergeevich
Omsk Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Omsk, Russia.

МУРАВЬЕВ Кирилл Владимирович
Академия управления МВД России,
Москва, Россия
e-mail: murki@list.ru

MURAVYEV Kirill Vladimirovich
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia.

ПЕРЕДАЧА ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

REFERRAL OF INDIVIDUAL ISSUES OF A CRIMINAL CASE FOR RESOLUTION IN CIVIL
PROCEEDINGS

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим, когда невозможно определить судьбу гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, а также в случаях прекращения уголовного дела или уголовного преследования на этапе досудебного производства. Цель исследования: обоснование идеи о необходимости совершенствования законодательства с учетом анализа проблем регламентации гражданского иска в уголовном судопроизводстве, а также применения ареста имущества в целях обеспечения такого иска. При подготовке статьи использовались диалектический, а также общенаучные (логический, анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучные (формально-юридический, толкования правовых норм) методы. Результаты: разработаны подходы, связанные с решением проблем доказывания обстоятельств, касающихся размера вреда, причиненного преступлением, при передаче вопроса о его возмещении из уголовного в гражданский процесс; проиллюстрирована соответствующая судебная практика. Предложены меры по обеспечению сохранности арестованного имущества при наступлении условий, связанных со сменой режима разрешения правового спора. Обозначены пути оптимизации законодательного регулирования данного направления правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: возмещение вреда, гражданский иск, гражданский истец, арест на имущество, потерпевший, прекращение дела, преюдиция

Abstract. The article addresses problematic issues arising when the fate of a civil claim cannot be determined in a criminal case considered in a court of first instance, as well as in cases of termination of a criminal case or criminal prosecution in pre-trial proceedings. The purpose of the study is to substantiate the idea of the need to improve legislation, taking into account the analysis of the problems of regulating civil claims in criminal proceedings, as well as the use of property seizure in order to secure such a claim. Methods: in preparing the article, the dialectical method is used, as well as general scientific (logical, analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal legal, interpretation of legal norms) methods. Results: the authors have developed approaches related to solving problems of proving circumstances relating to the amount of harm caused by a crime when transferring the issue of its compensation from criminal to civil proceedings. Relevant case law is illustrated. The article proposes measures to ensure the safety of seized property at the onset of conditions associated with the change of the legal dispute resolution regime. The ways to optimise legislative regulation of this direction of law enforcement activity are outlined.

Keywords: compensation for harm, civil claim, civil plaintiff, property seizure, victim, termination of the case, prejudice

Для цитирования: Дежнев А.С. Передача отдельных вопросов уголовного дела для разрешения в гражданском процессе / А.С. Дежнев, К.В. Муравьев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 41–48.

For citation: Dezhnev A.S., Muravyev K.V. Referral of Individual Issues of a Criminal Case for Resolution in Civil Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 41–48. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.4.

ВВЕДЕНИЕ

Расследование и судебное разбирательство по уголовным делам нередко сопровождаются решением вопросов, связанных с имуществом. В силу различных причин не все такие вопросы могут быть разрешены в рамках уголовного судопроизводства. Законодатель допускает передачу отдельных аспектов уголовного дела для рассмотрения в гражданский процесс. Особенно часто – при необходимости возмещения вреда, причиненного потерпевшему, гражданскому истцу. Так, при прекращении уголовного дела по ряду оснований потерпевшему, гражданскому истцу разъясняется право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). При необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ). В этом же режиме рассматриваются вопросы, связанные с возмещением имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока наложения ареста на имущество (ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ). Кроме того, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ в порядке гражданского судопроизводства разрешаются споры о принадлежности вещественных доказательств при отсутствии сведений о законных владельцах. Есть и другие примеры (например, ч. 4 ст. 42, ч. 10 ст. 246, ч. 3 ст. 250 УПК РФ).

Можно констатировать, что законодатель последовательно проводит политику, связанную с расширением возможности передачи наиболее сложных вопросов, затрагивающих имущественные отношения, в гражданский процесс. В этой связи возникает проблема, касающаяся выбора механизма реализации соответствующих законодательных установлений. Решение ее может быть разным в зависимости от существа сложившихся правоотношений.

ПЕРЕДАЧА СУДОМ, РАССМАТРИВАЮЩИМ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО, ВОПРОСА О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Наиболее остро стоят вопросы, относящиеся к исполнению требований ст. 52 Конституции РФ, согласно которой государство обеспечивает потерпевшему не только доступ к правосудию, но и компенсацию причиненного ущерба. Гарантии прав данного субъекта реализуются, в частности, посредством рассмотрения судом гражданского иска по уголовному делу (ст. 44 УПК РФ), установленного в качестве правового механизма эффективной судебной защиты прав потерпевшего.

В целях обеспечения единства судебной практики рассмотрения и разрешения гражданского иска по уголовному делу Верховным Судом РФ даны соответствующие разъяснения¹. В числе прочего судам рекомендовано в ходе разбирательства уголовных дел принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу, с тем чтобы нарушенные преступления права потерпевшего были восстановлены, и не допускать при постановлении обвинительного приговора необоснованной передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. При этом суд разъяснил, что не является основанием передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в гражданском судопроизводстве необходимость производства дополнительных расчетов, если они связаны в том числе с уточнением размера имущественного вреда, который имеет значение для квалификации содеянного и определения

¹ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12 (далее – Постановление № 23). В юридической литературе справедливо обращается внимание на то, что не все проблемы, связанные с разрешением гражданского иска по уголовным делам, нашли отражение в Постановлении № 23 [1; 2].

объема обвинения, даже когда такие расчеты требуют отложения судебного разбирательства. При установлении факта необоснованной передачи вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства рекомендовано вынесение в адрес судьи частного постановления или определения (п. 27, 34 Постановления № 23).

Ситуации, при которых суд может оставить заявленный в уголовном деле гражданский иск без рассмотрения, обозначены в нормах раздела IX «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ. Такие основания появляются, во-первых, при неявке гражданского истца (его представителя), когда отсутствует просьба о рассмотрении иска в его отсутствие, а также когда гражданский иск не поддерживается прокурором, а равно при несогласии подсудимого с иском как полностью, так и частично (ч. 2 и 3 ст. 250 УПК РФ). Во-вторых, суд отказывает в удовлетворении гражданского иска при постановлении оправдательного приговора, вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела, кроме оснований, констатирующих отсутствие события преступления и непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (ч. 2 ст. 306 УПК РФ). Оставляя гражданский иск без рассмотрения, суд должен указать в своем решении, что за истцом сохраняется право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства (абз. 2 п. 30 Постановления № 23).

В научных публикациях отмечается вытекающий из смысла ч. 1 ст. 44 УПК РФ третий случай, позволяющий суду принять решение об оставлении гражданского иска без рассмотрения: поскольку в уголовном деле иск заявляется только о возмещении ущерба и компенсации морального вреда, причиненных преступлением, то при намерении потерпевшего восстановить свои имущественные права путем заявления к подсудимому требований имущественного характера, связанных с преступлением, но относящихся к последующему восстановлению прав (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным, о возмещении вреда в случае смерти кормильца), такие иски должны оставаться судом без рассмотрения, поскольку они разрешаются в порядке гражданского судопроизводства [3].

ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ГРАЖДАНСКОМ ИСКЕ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Недостатки законодательного регулирования в части удовлетворения заявленных в рамках уголовного процесса потерпевшим, гражданским истцом исковых требований обнаруживаются в досудебном производстве при принятии решений о прекращении уголовного дела. Данным участникам процесса следователь, дознаватель обязан разъяснить право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если уголовное дело прекращается по ряду оснований, указанных в ч. 4 ст. 213 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления, истечение сроков давности уголовного преследования, смерть подозреваемого, обвиняемого). При этом нуждаются в исследовании проблемы обеспечения сохранности имущества, на которое ранее был наложен арест, и возмещения вреда, причиненного противоправным деянием. Анализ деятельности органов судебной власти показывает, что в данной сфере есть существенные законодательные пробелы.

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что наложение ареста на имущество носит временный характер, а потому не может выходить за рамки уголовно-процессуальных отношений. Соответственно, действие этой меры распространяется лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, но должно сохраняться после окончания судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу. На этом фоне для возмещения причиненного преступлением вреда требуется дополнительное законодательное регулирование, предполагающее перевод ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство². Таким образом, необходимо предусмотреть дополнительное нормативное урегулирование для оставления возможности заинтересованному лицу продолжить имущественный спор уже в рамках иной правовой

² По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П // Российская газета. 2019. 29 апр.

процедуры, с сохранением соответствующих обеспечительных мер.

Полагаем, что в современных правовых условиях смена режима реализации конституционного права на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, существенно ограничивает возможности потерпевшего и гражданского истца. В гражданском процессе, в силу особенностей процедуры, происходит потеря ряда гарантий, что связано с отсутствием представителей власти, осуществляющих обвинительную деятельность, и в целом процесс доказывания. Потерпевшему, гражданскому истцу приходится самостоятельно, как правило, за свой счет, заботиться о квалифицированной защите личных имущественных интересов. Помимо этого, очевидны потери, связанные со сменой статуса указанных участников уголовного процесса [4, с. 103]. Потерпевшие фактически вынуждены отстаивать свои интересы дважды – в уголовном (как потерпевшие), а затем в гражданском (как истцы) процессе [5, с. 20]. При этом правовое положение потерпевшего (ст. 42 УПК РФ) в уголовном процессе существенно отличается от положения истца в гражданском процессе (ст. 35, 38 ГПК РФ).

В приведенном выше решении Конституционный Суд РФ также сформулировал требование о сохранении процессуальных гарантий прав лиц. Одна из них касается признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска при обосновании в нем фактической принадлежности имущества определенному лицу. Средствами уголовного судопроизводства должна констатироваться доказанность указанного обстоятельства. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 309 УПК РФ при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить предъявленный по делу гражданский иск. Лишь при необходимости произвести дополнительные расчеты, а также другие действия, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства³.

Между тем нельзя забывать, что в рамках гражданского процесса, в силу диспозитивных

начал, действуют иные механизмы доказывания. С учетом данной особенности для реализации гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства должна исключаться необходимость повторного установления обстоятельств, уже исследованных в рамках уголовного дела. Ранее принятые судебные решения должны иметь преюдициальное значение, что вытекает из содержания ч. 4 ст. 61 ГПК РФ. Фактическому доказыванию необходимо подвергать лишь те обстоятельства, которые не были установлены в рамках уголовного дела ввиду их существенного значения для разрешения имущественного спора. В судебной практике имеется достаточно примеров, подтверждающих данный тезис.

Так, в рамках одного из уголовных дел приговорами Химкинского городского суда Московской области от 17 декабря 2018 г. и от 12 августа 2019 г. Ш. и Х. признаны виновными в хищении доли в размере 34 % уставного капитала ООО, принадлежащего Г., с причинением ущерба на сумму 46 328 400 руб. Этими же приговорами за Г. признано право на удовлетворение гражданского иска в части взыскания солидарно с Ш. и Х. в счет возмещения имущественного ущерба денежных сумм. Вопрос о размере возмещения передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Однако решением Хорошевского районного суда г. Москвы от 19 февраля 2020 г. в удовлетворении иска было отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 ноября 2020 г. решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение – о частичном удовлетворении иска. Однако позже определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. апелляционное определение отменено, оставлено в силе решение суда первой инстанции.

По этому поводу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила, что приговор суда не может рассматриваться как обычное письменное доказательство, обладающее свойством преюдициальности. Этим приговором разрешен по существу гражданский иск о праве, с определением в резолютивной части судебного акта прав и обязанностей участников материально-правового гражданского отношения, что нельзя игнорировать в гражданском деле.

³ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 2016. 7 дек.

Иное может привести к фактическому преодолению окончательности и неопровержимости вступившего в законную силу судебного акта без соблюдения установленных законом особых процедурных условий его пересмотра, то есть к произволу при осуществлении судебной власти, что противоречило бы ее конституционному назначению.

За Г. по результатам рассмотрения уголовного дела было признано право на удовлетворение гражданского иска о взыскании с ответчиков денежных сумм для возмещения вреда, причиненного преступлением. Однако этот факт был проигнорирован судами первой и кассационной инстанций, отказавшими Г. в возмещении ущерба в порядке гражданского судопроизводства. В итоге определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции⁴.

Важно обратить внимание на то, что само по себе юридическое значение установленных в уголовном деле обстоятельств преступной деятельности, в том числе и ее имущественная составляющая, может быть разной. Одно дело, когда судебное решение о виновности лица уже состоялось и приговор вступил в законную силу. В этом случае доказанность события преступления, виновность лица и факт причинения имущественного вреда (п. 4 ч. 2 ст. 73 УПК РФ) подтверждены властным решением суда. Здесь при передаче решения отдельных вопросов дела в гражданский процесс (например, п. 6 ч. 3 ст. 81, ч. 2 ст. 309 УПК РФ) особых сложностей, как правило, не возникает. Действуют правила преюдиции (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ).

В другой ситуации уголовное дело может быть до конца не расследовано и прекращено следователем, дознавателем в соответствии с основаниями, предусмотренными ч. 4 ст. 213 УПК РФ. При таких условиях разрешение имущественных споров в гражданском процессе неизбежно будет сталкиваться с необходимостью изучения обстоятельств преступного события, его влияния на характер имущественных претензий потерпевшего, гражданского истца. Проблема осложняется тем, что соглас-

но ч. 4 ст. 61 ГПК РФ правила преюдиции связываются лишь с судебными решениями по уголовному делу. Выводы следователя, дознавателя неизбежно будут требовать дополнительной проверки в рамках гражданского судопроизводства. На это настраивает и судебная практика.

Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что согласно ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 71 ГПК РФ данные предварительного расследования должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств. Они, наряду с другими имеющимися в деле доказательствами, оцениваются судом по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании⁵.

Помимо этого, высший судебный орган конституционного контроля обратил внимание на то, что для потерпевшего сохраняется возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности. Подчеркивается, что обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба. Соответственно, потерпевшему должно обеспечиваться содействие со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причиненного ущерба⁶.

Несмотря на сохранение определенных гарантий защиты в гражданском процессе имущественных интересов потерпевшего по уголовному делу, полагаем, что эффективность такого рода правоприменительной деятельности суда, в силу специфики гражданско-процессуальных процедур, может оказаться достаточно низкой. На некоторые проблемы в этой части обращается внимание в юридической литературе.

Так, И.Ю. Загоруйко и Б.Д. Егоров справедливо ставят вопрос о соотношении судебного решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и аналогичного постановления следователя или дознава-

⁴ Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 5-КГ21-82-К2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова : постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П // Российская газета. 2017. 13 марта.

⁶ Там же.

теля. Как известно, преюдициальное значение в гражданском процессе имеет лишь первое из них (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). Данная ситуация неоднозначна, особенно когда суд, не приступая к судебному следствию, без изучения доказательств принимает решение о прекращении уголовного дела на стадии предварительного слушания (п. 4 ч. 1 ст. 236 УПК РФ) [6].

Здесь имеются отличия лишь в субъектах принятия решений, а не в процессуальных гарантиях реализации судебной власти либо обоснованности прекращения уголовного дела или преследования. Такая конструкция преюдиции в гражданском судопроизводстве ставит в неравное положение потерпевших от преступления с другими участниками правового спора. В одном случае на него возлагается обязанность доказывания преступного события и связанного с ним вреда, а у лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, соответственно, имеется процессуальная возможность оспорить данные обстоятельства. В другом случае потерпевший освобождается от обязанности доказывания, а лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело судом, не вправе оспорить такие обстоятельства. На этом фоне высказываются предложения о закреплении возможности принятия решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лишь по судебному решению для защиты прав и законных интересов потерпевшего [6, с. 258]. Учитывая образовавшийся законодательный пробел в этой части, такой подход не лишен смысла.

Особенно остро вопрос о защите прав и законных интересов потерпевшего может стоять, если решение о прекращении уголовного дела принимается на первоначальном этапе расследования, когда доказательства собраны не в полном объеме. В такой ситуации на потерпевшего фактически перекладывается весь объем работы по доказыванию, которую должны выполнять органы предварительного расследования.

Для решения данной проблемы следует поддержать идею об оптимизации правовых условий, связанных с прекращением уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям. Предлагается рассматривать согласие подозреваемого, обвиняемого на прекращение производства такого рода в более широком значении. Оно должно включать согласие с тем, что вменяемое противоправ-

ное деяние имело место и совершено именно им, а также признание гражданско-правовых последствий соответствующего деяния. Данное волеизъявление целесообразно воспринимать как признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (ч. 2 ст. 68 ГПК РФ). Его необходимо включить в одно из обязательных условий для прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям. Оно будет считаться основанием для освобождения от доказывания потерпевшим обстоятельств преступного события в гражданском судопроизводстве ввиду их признания другой стороной. Для этого предлагается изменить содержание ч. 2 ст. 27 УПК РФ [6, с. 260].

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ ИМУЩЕСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО АРЕСТУ

Помимо фактора неопределенности, связанного с вопросами доказывания обстоятельств, касающихся имущественных отношений, возникают проблемы, вызванные необходимостью обеспечения сохранности имущества, подвергнутого аресту в порядке ст. 115 УПК РФ. При прекращении уголовного дела, в силу п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ, наложение ареста на имущество отменяется. Для реализации исковых требований, возмещения вреда, причиненного преступлением, далеко не всегда удается сохранить это имущество. Требуется не только оперативно возбудить гражданское дело, но и арестовать имущество в порядке, предусмотренном гл. 13 ГПК РФ. В сложившихся условиях неизбежно возникает перерыв в обременении спорного имущества. Соответственно, гражданский ответчик, помимо освобождения от уголовной ответственности, получает потенциальную возможность скрыть свое имущество для освобождения от материальной ответственности за совершенное преступление. Сходный недостаток законодательного регулирования приведен Конституционным Судом РФ применительно к переводу ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство после вступления приговора в законную силу⁷.

⁷ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой.

Таким образом, описываемая проблема образует два аспекта: один связан с доказыванием обстоятельств, позволяющих установить принадлежность спорного имущества, другой – с сохранением этого имущества. Решение первого вопроса, с учетом содержания ч. 4 ст. 61 и ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, имеет предпосылки для разрешения, даже несмотря на современную редакцию анализируемой сферы законодательного регулирования. Что касается обеспечения сохранности спорного имущества, очевидно, что соответствующий механизм еще не разработан.

Несмотря на то что арест на имущество в уголовном процессе осуществляется по судебному решению, он не может быть сохранен путем реализации правил преюдиции в гражданском процессе (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). Любая форма окончания производства по уголовному делу предполагает отмену указанной меры процессуального принуждения [7; 8, с. 31]. Повторные ограничения могут быть введены лишь в рамках гражданского судопроизводства (ст. 140 ГПК РФ), с учетом обстоятельств, установленных следователем, дознавателем или судом. При таких условиях представляется целесообразным для потерпевшего, гражданского истца до окончания производства по уголовному делу и, соответственно, до отмены ареста на имущество инициировать возбуждение гражданского дела в суде с последующим арестом спорного имущества. Разъяснение заинтересованным лицам данной возможности в рамках ст. 213 и ст. 309 УПК РФ должно осуществляться до прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также до вступления приговора в законную силу, что требует соответствующих законодательных изменений.

В юридической литературе указанный подход имеет отражение. В частности, О.В. Химичева и И.Б. Тутынин предлагают установить обязанность следователя, дознавателя заблаговременно информировать потерпевшего, гражданского истца, их представителей о предстоящем решении отменить арест имущества [9, с. 254]. Аналогично рассуждает и М.Д. Назарова. Она указывает, что введение в УПК РФ такой обязанности для лиц, осуществляющих предварительное расследование, позволит должным образом реализовать предписанное Конституцией РФ право граж-

дан, потерпевших от преступлений, на возмещение ущерба [10, с. 156–157].

С учетом описанной проблематики дополнительно возникает вопрос о реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением, совершенным в соучастии [11, с. 43]. Как решить судьбу гражданского иска, если уголовное преследование прекращено лишь в отношении одного из обвиняемых? В этой ситуации не исключена конкуренция процедур в уголовном и гражданском судопроизводстве. Полагаем, что при наличии общего имущественного вреда соответствующая обеспечительная деятельность и доказывание должны осуществляться в рамках уголовного процесса. Если же имущественные претензии предъявлены лишь к лицу, уголовное преследование в отношении которого прекращено, вопрос о судьбе гражданского иска может решаться в рамках гражданского судопроизводства.

В этом контексте возникает вопрос о том, может ли соответствующая мера процессуального принуждения сохранять свое действие, если дело в отношении других соучастников преступного деяния не прекращено. Ответ на него законодатель не дает. Полагаем, что с учетом общего требования о компенсации ущерба, причиненного преступлением (ст. 52 Конституции РФ), при наличии коллективной ответственности соучастников преступления арест имущества целесообразно оставить в силе. Даже если в последующем имущественный спор перейдет в гражданско-правовой режим, данный шаг позволит сохранить обеспечение исковых требований, давая возможность истцу получить компенсацию вреда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ законодательства и правоприменительной деятельности показывает, что сформированы предпосылки для межотраслевого регулирования проблемы, связанной с разрешением вопросов уголовного дела в гражданском процессе. С учетом конституционно-правового значения защиты имущественных интересов потерпевшего она требует безотлагательного решения. Это обосновывает необходимость внесения изменений в УПК РФ и другие законодательные акты.

Список источников

1. Головки Л. Гражданский иск в уголовных делах / Л. Головки, С. Пашин, В. Ключевант, А. Пилюк, Н. Шатикина, К. Скловский, Н. Колоколов, В. Бурковская, Р. Курмаев, М. Михеенкова, Ю. Тай // Закон. – 2020. – № 11. – С. 28–44.
2. Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле – «лед» и «пламень» в одном флаконе / Н.А. Колоколов // Мировой судья. – 2021. – № 5. – С. 9–15.
3. Долгих Т.Н. Оставление гражданского иска без рассмотрения в уголовном процессе / Т.Н. Долгих // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Сушина Т.Е. Современное состояние и перспективы развития гражданского иска в уголовном процессе / Т.Е. Сушина // Lex Russica. – 2019. – № 3. – С. 100–107.
5. Гаврилов М.А. Гражданский иск при прекращении судом уголовного дела в связи со смертью обвиняемого / М.А. Гаврилов // Российский судья. – 2018. – № 11. – С. 17–23.
6. Загоруйко И.Ю. Вопросы межотраслевой преюдиции судебных актов, постановленных по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях, в гражданском процессе Российской Федерации / И.Ю. Загоруйко, Б.Д. Егоров // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 6. – С. 257–258.
7. Никоноров Г.В. Решение «судьбы» гражданского иска и арестованного имущества при прекращении уголовного дела судом по реабилитирующим основаниям / Г.В. Никоноров // Уголовное право. – 2024. – № 1. – С. 75–79.
8. Орлова Т.В. Применение меры процессуально-принуждения в виде наложения ареста на имущество / Т.В. Орлова // Российский судья. – 2023. – № 6. – С. 28–32.
9. Химичева О.В. Об отмене ареста имущества при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с позиций обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением / О.В. Химичева, И.Б. Тутынин // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ч. 2. – Краснодар, 2024. – С. 251–258.
10. Назарова М.Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / М.Д. Назарова. – Орел, 2024. – 254 с.
11. Петрова А.С. Проблемные вопросы, возникающие при разрешении гражданского иска в уголовном деле / А.С. Петрова // Российский следователь. – 2024. – № 7. – С. 42–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дежнев Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса;

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dezhnev Alexander Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure;

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Center.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 15.01.2025. The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.

REFERENCES

1. Golovko L., Pashin S., Klyuvgant V., Piyuk A., Shatikhina N., Sklovsky K., Kolokolov N., Burkovskaya V., Kurmaev R., Mikheenkova M., Tai Yu. A Civil Claim in Criminal Cases. *Zakon = Law*, 2020, no. 11, pp. 28–44. (In Russian).
2. Kolokolov N.A. A Civil Claim in a Criminal Case: Ice and Fire Rolled into One. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*, 2021, no. 5, pp. 9–15. (In Russian).
3. Dolgikh T.N. Leaving a Civil Claim Without Consideration in Criminal Proceedings. Available at: <https://www.consultant.ru>.
4. Sushina T.E. Current State and Prospects of Development of a Civil Suit in Criminal Proceedings. *Lex Russica*, 2019, no. 3, pp. 100–107. (In Russian).
5. Gavrilov M.A. A Civil Claim at Termination of a Criminal Case by Court in View of the Death of the Accused. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2018, no. 11, pp. 17–23. (In Russian).
6. Zagoruiko I.Yu., Egorov B.D. The Issues of Adjudicated Decisions on Termination of Criminal Proceedings on Non-Rehabilitating Grounds in Civil Proceedings. *Vestnik Grazhdanskogo Processa = Herald of Civil Procedure*, 2020, No. 6, Pp. 257–258. (In Russian).
7. Nikonorov G.V. Resolving the “Fate” of a Civil Claim and Seized Property upon Termination of a Criminal Case by Court on Non-Exonerative Grounds. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 1, pp. 75–79. (In Russian).
8. Orlova T.V. Application of a Procedural Coercive Measure in the Form of Seizure of Property. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2023, no. 6, pp. 28–32. (In Russian).
9. Khimicheva O.V., Tutynin I.B. On the Cancellation of the Seizure of Property upon Termination of a Criminal Case (Criminal Prosecution) from the Standpoint of Ensuring Compensation for Damage Caused by a Crime. *Current Issues of Judicial, Law Enforcement, Human Rights, Criminal Procedure and Anti-Corruption Activities: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar, 2024, pt. 2, pp. 251–258. (In Russian).
10. Nazarova M.D. Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Proceedings When Seizing Property. *Cand. Diss. Orel*, 2024. 254 p.
11. Petrova A.S. Problematic Issues Arising in the Resolution of a Civil Claim in a Criminal Case. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2024, no. 7, pp. 42–26. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.5

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет;
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград, Россия,
e-mail: iliadikarev@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University; Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ: СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ И ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ISSUES OF THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE AGREEMENTS: PARTIES AND CONCLUSION
PROCEDURE

Аннотация. В досудебном производстве по уголовным делам встречается четыре вида уголовно-процессуальных актов: акты применения права, процессуальные обращения, процессуальные акты распорядительного характера и процессуальные договоры. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеется лишь один пример последнего вида процессуальных актов – досудебное соглашение о сотрудничестве. Столь ограниченная сфера договорных отношений в уголовном судопроизводстве объясняется его публично-правовой природой, однако это не означает, что у рассматриваемой разновидности уголовно-процессуальных актов нет перспектив развития. Чтобы сделать их реальными, требуется разработка теории уголовно-процессуальных договоров. Цель исследования состоит в разработке на основе анализа регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве общих положений, которые могли бы составить теоретическую основу регулирования уголовно-процессуальных договоров. В частности, необходимо определить субъектный состав процессуальных договоров, их предмет, гарантии прав и законных интересов участников процессуальных договоров на этапе их заключения, пределы обжалования отказа властных субъектов от заключения процессуальных договоров. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы, прежде всего логико-юридический и юридической интерпретации. Результаты: исследование показало, что обязательства по процессуальному договору для каждого его участника предполагают совершение действий только в интересах противополо-

Abstract. There are four types of criminal procedure acts in pre-trial criminal proceedings: acts of application of law, procedural appeals, procedural acts of dispositive nature and procedural agreements. In the current criminal procedure legislation, there is only one example of the latter type of procedural acts, namely a pre-trial co-operation agreement. Such a limited scope of contractual relations in criminal proceedings is explained by its public law nature; however, this does not mean that this type of criminal procedure acts has no prospects for development. To make them real it is required to develop a theory of criminal procedure agreements. The purpose of the study is to develop, based on analysing the regulation of a pre-trial cooperation agreement, general provisions that could constitute a theoretical basis for the regulation of criminal procedure agreements. In particular, it is necessary to define parties of procedural agreements, their subject matter, guarantees of the rights and legitimate interests of participants of procedural agreements at the conclusion stage, the limits of appealing against the refusal of authorities to conclude procedural agreements. The dialectical method serves as the methodological basis of the research. In addition, the general scientific methods of analysis, synthesis and systematic approach are used, as well as special legal methods, primarily logical-legal and legal interpretation. Results: the study shows that the obligations under a procedural agreement for each of its participants imply the performance of actions only in the interests of the opposing party; the conclusion of a procedural agreement requires the participation or control of the authorities conducting criminal proceedings;

ложной стороны; заключение процессуального договора требует участия или контроля со стороны властных субъектов, ведущих уголовный процесс; участие субъектов, осуществляющих защиту прав и законных интересов стороны процессуального договора, должно выступать в качестве обязательной процессуальной гарантии законности его заключения; решение должностного лица об отказе в заключении процессуального договора подлежит обжалованию в предусмотренном законом порядке.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, процессуальный договор, досудебное соглашение о сотрудничестве, потерпевший

Для цитирования: Дикарев И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: субъектный состав и процедура заключения / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 49–58.

the participation of entities defending the rights and legitimate interests of a party to a procedural agreement shall act as a mandatory procedural guarantee of the legality of its conclusion; the decision of an official to refuse to conclude a procedural agreement shall be subject to appeal in the manner prescribed by law.

Keywords: criminal procedure acts, procedural agreement, pre-trial cooperation agreement, victim

For citation: Dikarev I.S. Issues of the Theory of Criminal Procedure Agreements: Parties and Conclusion Procedure. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 49–58. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.5.

ВВЕДЕНИЕ

Значительная часть огромного массива процессуальных документов, составляемых в ходе досудебного производства по уголовным делам, – это уголовно-процессуальные акты. Ключевым критерием, отличающим процессуальные акты от иных процессуальных документов, является то, что их вынесение порождает юридические последствия, проявляющиеся в возникновении, изменении или прекращении уголовно-процессуальных отношений [1]. К числу уголовно-процессуальных актов относится и досудебное соглашение о сотрудничестве (далее – ДСС), являющееся единственной на данный момент формой такой разновидности процессуальных актов, как процессуальные договоры. Отсутствие в уголовном судопроизводстве других примеров процессуальных договоров не отменяет того, что данная разновидность уголовно-процессуальных актов имеет серьезные перспективы для развития и может успешно использоваться для регулирования и иных отношений, складывающихся между участниками уголовного процесса. Однако для того чтобы процессуальные договоры стали для законодателя реально работающим инструментом регламентации процессуальной деятельности, необходима разработка теории уголовно-процессуального договора. Осуществить

эту работу на данный момент можно только одним способом – препарирова уже имеющуюся процессуальную конструкцию ДСС и выявляя на основе анализа ее элементов специфические закономерности, обобщение которых позволит разработать универсальные для любых процессуальных договоров положения.

ДОГОВОРНАЯ ПРИРОДА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Начнем с того, что далеко не все исследователи признают договорную природу ДСС. Так, Е.Л. Федосеева полагает, что этот уголовно-процессуальный акт представляет собой не соглашение, а согласие подозреваемого (обвиняемого) на сотрудничество со следствием, которое он выражает прокурору [2, с. 6, 12]. По мнению Н.А. Дудиной, ДСС выступает специфической разновидностью правоприменительного акта, а конструкцию соглашения она называет «псевдодоговорной». Допустимость использования в данном случае термина «соглашение» автор оправдывает лишь добровольностью его заключения со стороны обвиняемого или подозреваемого, а также наличием взаимного интереса у сторон [3, с. 49]. Я.В. Лошкобанова, называя ДСС «сделкой», считает ее односторонней, полагая, что только обязательства подозреваемого и обвиняемого имеют добровольный характер, тогда

как обязанности прокурора предусмотрены уголовно-процессуальным законом [4, с. 12].

Общим в приведенных позициях является то, что их авторы рассматривают заключение ДСС как акт применения права властным субъектом судопроизводства, с которым сторона защиты лишь соглашается, принимая на себя определенные обязательства. Признать правильным такое понимание правовой природы ДСС сложно.

Акты применения права как самостоятельная группа уголовно-процессуальных актов характеризуются тем, что в них проявляется государственная воля, формулируются решения, принимаемые властными субъектами судопроизводства по результатам осуществляемой ими деятельности. Облекаемые, как правило, в форму постановлений, акты применения права всегда носят односторонний характер, выражают решение определенного должностного лица или государственного органа. Да, в ряде случаев такие процессуальные акты нуждаются в согласовании с другими участниками уголовного судопроизводства. Например, уголовно-процессуальный закон (ч. 3 ст. 213 УПК РФ) требует получения согласия обвиняемого или подозреваемого на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, перечисленным в ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Но такой процессуальный порядок не превращает обвиняемого или подозреваемого в «соавторов» постановления следователя, поскольку они не являются субъектами применения права. Их согласие с решением должностного лица составляет лишь одно из законных условий вынесения соответствующего постановления [1, с. 33].

Принципиально иное положение складывается при заключении ДСС. Во-первых, заключая ДСС, прокурор, конечно, руководствуется уголовно-процессуальным законом, применяет его положения. Однако юридическое значение в данном случае имеет не столько факт применения закона, допускающего заключение прокурором такого соглашения, сколько обязанности, которые возникают у него в случае добросовестного исполнения обвиняемым или подозреваемым принятых на себя обязательств. Одновременно заключение ДСС влечет возникновение и у стороны защиты обязанностей, которые она исполняет

под угрозой прекращения действия соглашения и связанного с этим отказа в применении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу. Таким образом, складывающиеся в связи заключением ДСС правоотношения производны от его содержания, которое определяется сторонами на основании взаимной договоренности. Во-вторых, ДСС, в отличие от актов применения права, не носит властного характера. Его заключение инициирует сам обвиняемый или подозреваемый, подавая прокурору соответствующее ходатайство. Сторона защиты заключает такое соглашение только в том случае, если условия, выдвигаемые процессуальным контрагентом, являются для нее приемлемыми, а обязательства – исполнимыми. Отказ стороны защиты от заключения ДСС для стороны обвинения является непреодолимым. Кроме того, обвиняемый вправе в любой момент отказаться от дальнейшего исполнения условий ДСС, что приводит к прекращению его действия. В-третьих, договорная форма ДСС, включающая в себя согласованные сторонами условия, позволяет рассматривать всех лиц, подписывающих такое соглашение, как полноправных «соавторов» рассматриваемого уголовно-процессуального акта.

В этой связи представляется обоснованной позиция исследователей, которые полагают, что ДСС – не что иное, как процессуальный договор [5, с. 9; 6, с. 118; 7, с. 64].

Договорная природа ДСС и его принципиальное отличие от других видов уголовно-процессуальных актов предполагает необходимость рассмотрения особенностей формы его заключения, весьма специфичной для уголовно-процессуального права.

СУБЪЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ ДСС заключается между сторонами обвинения и защиты. В ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ законодатель конкретизирует субъектный состав участников ДСС, указывая, что оно подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником.

Положения закона, предусматривающие заключение ДСС между сторонами обвинения и защиты, наводит на мысль о том, что процессуальные договоры всегда должны заключаться только между участниками уголовного судопроизводства, находящимися в процессуальной оппозиции. Очевидно, что договор между участниками уголовного процесса, выступающими на одной стороне, беспредметен, поскольку действия в интересах контрагента были бы в этом случае одновременно действиями в собственном интересе.

Несмотря на прямо выраженную волю законодателя относительно субъектов заключения ДСС со стороны защиты, многие авторы высказываются против признания стороной ДСС подозреваемого. Исследователи обращают внимание на бессмысленность заключения ДСС с подозреваемым, поскольку этот участник уголовного судопроизводства является временным [8, с. 28]. Кроме того, отмечается, что только после привлечения лица в качестве обвиняемого сторона обвинения сможет более объективно оценить необходимость заключения ДСС [3, с. 116], а сторона защиты – четко определить свою позицию относительно согласия с предъявленным обвинением [9, с. 20].

Такая позиция представляется совершенно обоснованной. Во-первых, непривлечение лица в качестве обвиняемого свидетельствует об отсутствии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения его в совершении преступления. В таких условиях обсуждать вопросы, связанные с уголовной ответственностью лица, как минимум преждевременно. Во-вторых, сторона защиты для обсуждения условия ДСС должна располагать информацией о том, в чем лицо обвиняется и как квалифицированы его деяния, поскольку эти сведения исключительно важны для оценки целесообразности заключения ДСС. В этой связи категорически неприемлемыми представляются высказываемые в юридической литературе предложения заключать ДСС на стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 13].

Указание в законе на подписание ДСС защитником не следует толковать в том смысле, что он также является стороной соглашения. Как верно отмечает Е.Л. Федосеева, защитник подписывает соглашение, поскольку на этого участника уголовного процесса возложена за-

щита прав и законных интересов обвиняемого, но стороной ДСС он не является [2, с. 12]. Позиция, которую занимает защитник относительно целесообразности заключения ДСС, юридического значения не имеет. Подписание защитником этого процессуального документа в данном случае ничем не отличается от, например, подписания им постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Подпись защитника служит свидетельством надлежащего обеспечения процессуальных прав его подзащитного, а также подтверждает участие самого защитника в соответствующем процессуальном действии. В этой связи представляются спорными предложения исключить из УПК РФ положения, предусматривающие необходимость подписания защитником как ходатайства о заключении ДСС, так и самого соглашения [10, с. 44].

СУБЪЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ

Контрагентом стороны защиты при заключении ДСС выступает прокурор, так как именно его подпись ставится на этом документе. Возникает вопрос: почему стороной ДСС не является представитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело (следователь или руководитель следственного органа)? В юридической литературе такое положение объясняется особой ролью прокурора как главы обвинительной власти [9, с. 20; 11, с. 8–9]. Предложенное объяснение было бы вполне убедительным, не проводил законодатель в 2007 г. реформу досудебного производства, в результате которой у прокурора были изъяты полномочия, связанные с непосредственным участием в уголовном преследовании и процессуальном руководстве органами предварительного следствия. В настоящее время единственной процессуальной функцией, осуществляемой прокурором в ходе предварительного следствия, является надзор за деятельностью органа расследования. Следовательно, никаких оснований считать прокурора главой обвинительной власти на данном этапе производства по уголовному делу нет. В этой связи в юридической литературе неоднократно высказы-

валась мысль о том, что прокурор – ненадлежащий субъект заключения ДСС и что сторону обвинения в этом соглашении должны представлять следователь или руководитель следственного органа [12, с. 102; 5, с. 11; 13, с. 90; 14, с. 69 и др.].

Конечно, следственная власть не устранена полностью от участия в заключении ДСС: следователь (по согласованию с руководителем следственного органа) рассматривает ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении ДСС и, в зависимости от оценки целесообразности заключения такого соглашения, отказывает в его удовлетворении либо направляет его прокурору (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ). Таким образом, позиция следственного органа имеет значение одного из условий заключения ДСС.

Несмотря на столь скромную роль следственного органа в установлении договорных отношений со стороной защиты, есть авторы, предлагающие вообще не учитывать позицию следователя относительно заявленного подозреваемым или обвиняемым ходатайства о заключении ДСС [8, с. 11]. По мнению Е.Л. Федосеевой, прокурора следует наделить полномочием рассматривать ходатайство о заключении ДСС непосредственно, а следователю оставить право выносить представление о целесообразности либо нецелесообразности заключения соглашения о сотрудничестве [2, с. 7].

В юридической литературе подобные предложения встречают обоснованную критику [15, с. 134]. Совершенно очевидно, что никто лучше следователя не может оценить реальную потребность в содействии со стороны подозреваемого или обвиняемого. Непричастный к производству предварительного расследования прокурор, функция которого исчерпывается осуществлением надзора за процессуальной деятельностью следственного органа, не всегда может принять по такому вопросу правильное, обоснованное решение.

Представляется, что роль следственного органа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не только не может быть уменьшена, но, напротив, ее необходимо существенно усилить. Как представляется, руководитель следственного органа должен стать

полноценной стороной ДСС, подписывающей его текст. Именно орган предварительного следствия является по ДСС основным «выгодоприобретателем» на этапе расследования, а значит, руководитель такого органа должен непосредственно участвовать в обсуждении его условий и обязательств, принимаемых на себя стороной защиты.

Ранее автор этих строк предлагал исключить прокурора из числа субъектов заключения ДСС в ходе предварительного расследования [16, с. 30]. В настоящее время мы пересмотрели свою позицию и полагаем, что прокурор должен подписывать ДСС наряду с руководителем следственного органа.

Обвинительная власть в современном уголовном процессе России разделена на следственную и прокурорскую, вследствие чего для эффективного осуществления уголовного преследования теперь требуются консолидированные усилия представителей каждой из этих ветвей власти. Совершенно прав А.В. Травников, отмечая, что именно прокурор является той процессуальной фигурой, которой предстоит определить возможность рассмотрения уголовного дела в особом порядке [17, с. 110]. В этой связи позиция прокурора обязательно должна учитываться при заключении ДСС.

Однако, делая такой вывод, необходимо отдавать себе отчет в том, что прокурор, участвуя в заключении ДСС, принимает на себя временно несвойственную ему на этапе предварительного расследования функцию уголовного преследования. Такой вывод следует не только из легального определения ДСС (п. 61 ст. 5 УПК РФ), по смыслу которого прокурор в этом соглашении представляет сторону обвинения, но и закономерно вытекает из целей и содержания участия прокурора в заключении ДСС, поскольку оценка целесообразности такого соглашения осуществляется им исходя из интересов обвинительной деятельности. Допущение в указанном случае (пусть даже эпизодического) включения прокурора в осуществление уголовного преследования ставит перед уголовно-процессуальной теорией вопрос о том, насколько это влияет на объективность прокурора при осуществлении надзорной деятельности в дальнейшем. На данный момент он остается открытым.

ВОПРОС О РОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Помимо государственных органов и должностных лиц, для которых осуществление уголовного преследования составляет публично-правовую обязанность, к стороне обвинения относится также потерпевший. Однако уголовно-процессуальный закон не наделяет его правом участвовать в заключении ДСС, что некоторыми авторами расценивается как недостаток действующей регламентации [3, с. 37]. Вместе с тем для подобной критики нет оснований, поскольку законодатель справедливо исходит из того, что личный интерес, которым руководствуется в уголовном процессе потерпевший, не всегда совпадает с интересами публичными. В частности, потерпевший может категорически возражать против заключения с обвиняемым ДСС лишь потому, что в последующем это повлечет смягчение наказания. В подобных ситуациях субъективное усмотрение потерпевшего, будь он стороной ДСС, оказалось бы непреодолимым препятствием для заключения соглашения, вследствие чего возможность сотрудничества с обвиняемым в интересах расследования преступлений была бы полностью заблокирована.

Компенсация отсутствующего у потерпевшего права участвовать в заключении ДСС должна, по нашему мнению, обеспечиваться за счет наделения этого участника уголовного процесса правом обжалования приговора по всем предусмотренным законом основаниям. Для этого необходимо, чтобы суд в приговоре, постановляемом в особом порядке судебного разбирательства, мотивировал свои выводы на основе оценки всех имеющихся в деле доказательств [18].

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДОСТИЖЕНИЯ СТОРОНАМИ СОГЛАСИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Будучи процессуальным договором, ДСС может быть заключено только при наличии у сторон соответствующего намерения. Именно эта черта придает ДСС характер процессуального договора. Сторона защиты проявляет

свое волеизъявление путем подачи прокурору ходатайства в порядке ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ. Позиция следователя (согласованная с руководителем следственного органа) при заключении ДСС выражается в его действиях после получения ходатайства подозреваемого или обвиняемого – он либо ходатайствует перед прокурором о заключении ДСС, либо отказывает в удовлетворении ходатайства стороны защиты. Наконец, прокурор свое решение выражает путем вынесения постановления об удовлетворении ходатайства о заключении ДСС. Заключение соглашения происходит путем его подписания (ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ) – действия, в котором находит окончательное выражение как решение прокурора, так и волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) на возникновение прав и обязанностей, вытекающих из предварительно согласованных сторонами условий. Данный элемент процессуальной формы указывает на обязательность письменной формы рассматриваемого процессуального договора.

Возникает вопрос: каковы последствия недостижения согласия о заключении ДСС, когда какая-либо из сторон не имеет намерения вступить с другой стороной в договорные отношения? Совершенно очевидно, что отсутствие у обвиняемого воли на заключение ДСС в силу объективных причин не может быть преодолено. Важно учитывать, что предмет процессуального договора могут быть только такие действия, совершение которых составляет право, но не процессуальную обязанность субъекта. Так, например, правом обвиняемого является отказ от дачи показаний. Заключая ДСС, обвиняемый отказывается от этого права, принимая взамен на себя обязательство совершать активные действия (в том числе давать показания) в целях оказания содействия расследованию. В таких условиях понуждение к заключению ДСС не только незаконно, но и бессмысленно, ведь добиться выполнения обязательств по содействию расследованию от обвиняемого (подозреваемого) попросту невозможно.

Иное дело – должностные лица, представляющие в этом процессуальном договоре сторону обвинения, поскольку удовлетворение ходатайства стороны защиты о заключении ДСС или отказ в его удовлетворении – это про-

цессуальные решения. Принимая их, следователь и прокурор, во-первых, руководствуются не личными, а публичными интересами, во-вторых, выступают от имени государственного органа, в котором проходят службу (другими словами, представляют, соответственно, следственную или прокурорскую власть). Значит, решения следователя и прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении ДСС подлежат обжалованию со стороны обвиняемого (подозреваемого), но в каком порядке: судебном или ведомственном?

В юридической литературе встречается мнение, что сторона защиты должна иметь право обжаловать принимаемые следователем и прокурором решения по ходатайствам о заключении ДСС в судебном порядке [19, с. 205]. Более того, примеры обжалования с оставлением вышестоящими судебными инстанциями в силе решений, принимаемых судами по таким жалобам, встречаются в судебной практике¹. Находятся среди ученых и противники данного подхода. Например, К.Ф. Багаутдинов полагает, что поскольку ДСС представляет собой добровольно заключаемый сторонами договор, «нельзя понудить прокурора к заключению досудебного соглашения, возложив на него эту обязанность» [6, с. 115]. Схожей позиции придерживаются и некоторые другие авторы [3, с. 117].

По нашему мнению, полное исключение из сферы судебного контроля решений органов предварительного следствия и прокурора, принимаемых по ходатайствам стороны защиты о заключении ДСС, недопустимо. Исключить при разрешении таких ходатайств нарушения закона невозможно, а значит, заинтересованным лицам должна быть обеспечена судебная защита их прав и законных интересов. Другое дело, что предмет судебного контроля должен быть ограничен только законностью таких решений, то есть судебной проверке подлежит исключительно соблюдение требований уголовно-процессуального закона при разрешении поступившего ходатайства. Что же касается вопросов целесообразности заключения ДСС (то есть целесообразности самого сотрудничества сторон), то на них, как представляется, суд отвечать не должен. Иное означало бы прямое вмешательство судебной власти в обвинитель-

ную деятельность, а это не только сопряжено с отступлением от принципа состязательности сторон, но и способно нанести ущерб эффективности уголовного преследования.

Что же касается ведомственного контроля за принимаемыми следователем и прокурором решениями по ходатайствам стороны защиты о заключении ДСС, то для его осуществления нет никаких препятствий. В условиях субординации, действующей в системе органов Следственного комитета и прокуратуры, каждый вышестоящий руководитель вправе проверить решения нижестоящего сотрудника и оценить их законность, а также соответствие отстаиваемым ведомством публичным интересам. Другое дело – кто должен осуществлять такой контроль? Если говорить о решении прокурора об отказе в заключении ДСС, то его обжалование вышестоящему прокурору логично и не вызывает возражений. Что же касается жалоб на решения следователя об отказе в заключении ДСС и руководителя следственного органа об отказе в согласовании ходатайства следователя, то их рассмотрение прокурором представляется недопустимым. В этой связи вызывают возражения встречающиеся в юридической литературе предложения прямо закрепить в законе такое полномочие прокурора [17, с. 109]. Трудно согласиться с мнением, что в таком порядке обжалования решений должностных лиц следственного органа не усматривается никаких ограничений процессуальной самостоятельности следователя и руководителя следственного органа [20, с. 112]. Дело в том, что речь идет об особой разновидности уголовно-процессуальных актов – процессуальном договоре, в котором следственный орган выступает в качестве отдельной стороны, а принимаемые следователем и руководителем следственного органа решения выражают позицию следственного органа относительно заключения ДСС. Возможность преодоления этой позиции принимаемым по жалобе обвиняемого или подозреваемого решением прокурора означает фактическое исключение следственного органа из договора. В итоге основной выгодоприобретатель от сотрудничества в ходе расследования уголовного дела, каковым следственный орган и является, оказывается попросту «не у дел», поскольку сотрудничество ему навязывается прокурором. Такое положение представляется в корне неверным.

¹ Определение Московского городского суда от 07.09.2011 по делу № 22-11142 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Думается, специфика процессуального договора, выражающаяся в том, что для его заключения требуется выражение намерения каждой из сторон заключить договор, должна приниматься во внимание при регламентации порядка обжалования процессуальных решений. В частности, обжалование решений следователя и руководителя следственного органа должно допускаться только по ведомственной линии и не выходить за пределы системы Следственного комитета РФ. Отсутствующий прокурорский надзор в данном случае будет компенсироваться возможностью заинтересованных лиц обращаться с жалобами в суд, который, как уже было сказано, должен оценивать принятое решение только с позиции его законности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изучения сущности и правовой природы ДСС, особенностей его заключения, в том числе с учетом субъектного состава, можно сделать ряд обобщений, которые потенциально могут использоваться при конструировании законодателем новых моделей процессуальных договоров в уголовном судопроизводстве.

1. Обязательства по процессуальному договору предполагают совершение действий в интересах противоположной стороны.

2. Предметом процессуального договора могут быть только такие действия, совершение которых составляет для лица, отстаивающего в уголовном деле личный интерес, право, но не процессуальную обязанность. В отношении властных субъектов предусмотрен иной механизм реализации договорных обязательств. Поскольку всякое полномочие государственного органа или должностного лица превращается в обязанность каждый раз, когда появляются предусмотренные законом основания для реализации, его исполнение носит условный характер – полномочие реализуется в том случае, когда процессуальный оппонент выполняет свои обязательства. Именно такой механизм заложен в конструкцию ДСС.

3. Учитывая, что уголовно-процессуальные отношения носят властный характер, процессуальный договор не может заключаться без участия субъекта, ведущего уголовный процесс. В досудебном производстве, в силу

специфики его организации, такой субъект одновременно является стороной процессуального договора (следователь, руководитель следственного органа, прокурор). Данный общий вывод не исключает, что в будущем уголовно-процессуальное законодательство может предусматривать и заключение процессуальных договоров между участниками уголовного процесса, в составе которых не будет властных субъектов. Так, в ходе досудебного производства могло бы заключаться соглашение между обвиняемым и потерпевшим, по которому обвиняемый принимал бы на себя обязательство в установленный срок возместить причиненный преступлением вред, а потерпевший – не возражать против применения особого порядка судебного разбирательства. Очевидно, что такие соглашения могли бы существенно способствовать достижению указанной в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ задачи уголовного процесса. Если говорить о судебном производстве, то здесь властный субъект (суд) в принципе не может быть субъектом каких-либо процессуальных договоров. Соответственно, в обоих указанных случаях для придания процессуальному договору юридического значения и обеспечения законности при его заключении такой договор должен утверждаться субъектом, ведущим уголовный процесс. Другими словами, заключение процессуальных договоров между участниками уголовного процесса, не являющимися властными субъектами, должно утверждаться должностным лицом или органом, ведущим уголовный процесс.

4. Следственная и судебная практика исходит из того, что участниками ДСС не могут быть несовершеннолетние обвиняемые и подозреваемые. Такое толкование обусловлено невозможностью принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке судебного разбирательства (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»). В то же время при ином предмете процессуального договора вопрос о допустимости его заключения несовершеннолетним (при участии его законного представителя) вполне может обсуждаться. В этой связи бы-

ло бы преждевременным констатировать в качестве общего правила заключения процессуальных договоров наличие специальной процессуальной дееспособности (достижение совершеннолетия).

5. Участие субъектов, осуществляющих защиту прав и законных интересов своих подзащитных и доверителей, должно выступать в качестве обязательной процессуальной гарантии законности заключения процессуальных договоров. Вместе с тем такие участники уголовного процесса не должны рассматриваться в качестве сторон процессуального договора, поскольку иное означало бы возможность блокирования ими заключения соглашения между сторонами, что представляется недопустимым вмешательством в осуществление сторонами их процессуальных прав.

6. В настоящее время ДСС может заключаться только в письменной форме. Однако из этого не следует, что письменная форма – единственно возможная для процессуальных договоров. Если законодатель допустит заклю-

чение процессуальных договоров в ходе судебного производства, то их положения могли бы фиксироваться и в протоколе судебного заседания, с обязательным подписанием сторонами той части протокола судебного заседания, в которой фиксируются условия соглашения.

7. Участники уголовного процесса, отстаивающие в деле личный, защищаемый или представляемый интерес, вправе обжаловать решение должностного лица об отказе в заключении процессуального договора. В рамках ведомственного контроля проверке подлежат как законность, так и обоснованность вынесенного решения. Предметом судебной проверки может выступать только соблюдение требований уголовно-процессуального закона при принятии должностным лицом решения об отказе в заключении процессуального договора. В то же время обжалование не допускается, если отказ заключить процессуальный договор исходит от участника уголовного процесса, отстаивающего в уголовном деле личный интерес.

Список источников

1. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальные акты досудебного производства / И.С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 2. – С. 31–35.
2. Федосеева Е.Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Л. Федосеева. – Екатеринбург, 2014. – 24 с.
3. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Дудина. – Красноярск, 2015. – 212 с.
4. Лошкобанова Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Я.В. Лошкобанова. – Краснодар, 2015. – 228 с.
5. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Иванов. – Челябинск, 2013. – 25 с.
6. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки / К.Ф. Багаутдинов // Юрист-Правоведъ. – 2018. – № 3. – С. 114–118.
7. Хромова Н.М. Особый порядок судебного разбирательства как процессуальный договор / Н.М. Хромова // Российский судья. – 2019. – № 5. – С. 60–64.
8. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.Ф. Багаутдинов. – Нижний Новгород, 2020. – 224 с.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Criminal Procedure Acts of Pre-Trial Proceedings. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2020, no. 2, pp. 31–35. (In Russian).
2. Fedoseeva E.L. Special Procedure for Criminal Proceedings When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Cand. Diss. Thesis*. Yekaterinburg, 2014. 24 p.
3. Dudina N.A. Procedure for Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement as a Procedural Form of Active Repentance. *Cand. Diss.* Krasnoyarsk, 2015. 212 p.
4. Loshkobanova Ya.V. Ensuring the Rights and Legitimate Interests of the Suspect, Accused and Victim When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Cand. Diss.* Krasnodar, 2015. 228 p.
5. Ivanov A.A. Theoretical and Organizational-Legal Aspects of the Implementation of the Institute of Pre-Trial Cooperation Agreement in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis*. Chelyabinsk, 2013. 25 p.
6. Bagautdinov K.F. Pre-Judicial Cooperation Agreement: Concept, Content, Main Features. *Jurist-Pravoved*, 2018, no. 3, pp. 114–118. (In Russian).
7. Khromova N.M. Special Procedure of Judicial Proceedings as a Procedural Agreement. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2019, no. 5, pp. 60–64. (In Russian).
8. Bagautdinov K.F. A Pre-Trial Cooperation Agreement: Current Issues of Optimizing the Mechanism for Implementation and Improving the Procedural Status of Its Participants. *Cand. Diss.* Nizhny Novgorod, 2020. 224 p.
9. Aleksandrov A.S., Kolesnik V.V. Procedure of Conclusion of Pre-Judicial Agreement on Cooperation: Legal Stance of the Higher Courts of Russia. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 19, pp. 16–22. (In Russian).

9. Александров А.С. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / А.С. Александров, В.В. Колесник // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 16–22.
10. Ульянова Л.Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве / Л.Т. Ульянова // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 42–45.
11. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Климанова. – Самара, 2017. – 21 с.
12. Тензина Е.Ф. О роли прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в досудебном производстве по уголовному делу / Е.Ф. Тензина // Бюллетень Уральского отделения МАСП. – 2010. – № 1. – С. 101–102.
13. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 168 с.
14. Головинская И.В. К вопросу о полномочиях следователя и прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / И.В. Головинская // Современный юрист. – 2017. – № 3. – С. 62–70.
15. Сергеев А.Б. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуальный институт: вопросы совершенствования / А.Б. Сергеев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 13 (368). – С. 129–136.
16. Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 27–30.
17. Травников А.В. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при заключении, изменении и расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / А.В. Травников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – С. 108–113.
18. Дикарев И.С. Обеспечение прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 196–202.
19. Каац М.Э. Проблемные стороны российского института соглашения о сотрудничестве (досудебный период) / М.Э. Каац // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 202–207.
20. Гаджиев Д.Д. Особенности функциональной роли следователя в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Д.Д. Гаджиев // Следствие в России: три века в поисках концепции : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 г.) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва : Московская академия Следственного комитета РФ, 2017. – С. 111–113.
21. Ul'yanova L.T. Subjects of Prejudicial Agreement on Cooperation. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 15, pp. 42–45. (In Russian).
22. Klimanova O.V. Pre-Trial Cooperation Agreement: Legal Nature, Contractual Characteristics and Problems of Crime Qualification. *Cand. Diss. Thesis*. Samara, 2017. 21 p.
23. Tensina E.F. On the Role of the Prosecutor in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement in Pre-Trial Criminal Proceedings. *Byulleten' Ural'skogo otdeleniya MASP = Bulletin of the Ural Branch of the International Association for Assistance to Justice*, 2010, no. 1, pp. 101–102. (In Russian).
24. Yakimovich Yu.K. Concept, Purpose, Differentiation of Criminal Procedure. Principles of Criminal Procedure. Tomsk University Press Publ., 2015. 168 p.
25. Golovinskaya I.V. To the Question of the Powers of Investigator and Prosecutor at the Conclusion of Pre-Trial Agreement on Cooperation. *Sovremennyy yurist = Modern Lawyer*, 2017, no. 3, pp. 62–70. (In Russian).
26. Sergeev A.B. A Special Procedure for Criminal Proceedings at the Conclusion of the Pre-Trial Agreement on Cooperation of the Criminal Procedure Institute: Improving. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Law*, 2015, no. 13 (368), pp. 129–136. (In Russian).
27. Dikarev I.S. Controversial Issues of Organization of Pre-Judicial Manufacture on Criminal Cases. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2016, no. 5, pp. 27–30. (In Russian).
28. Travnikov A.V. Criminal Procedural Problems Related with Conclusion, Amendment and Termination of a Pre-Trial Cooperation Agreement in Criminal Cases on Crimes of a Terrorist Nature. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 4 (80), pp. 108–113. (In Russian).
29. Dikarev I.S. Ensuring the Victim's Rights When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 196–202. (In Russian).
30. Kaats M.E. Challenging Sides of Russian Cooperation Agreement (Pretrial Period). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2, pp. 202–207. (In Russian).
31. Gadzhiev D.D. Features of the Functional Role of the Investigator in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. In Bastrykin A.I. (ed.). *Investigation in Russia: Three Centuries in Search of a Concept. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 12, 2017)*. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation Publ., 2017, pp. 111–113. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, профессор, директор Института права Волгоградского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law, Volgograd State University; Professor of the Department of Criminal Procedure, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 13.12.2024. The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.6

Original article

ЗАЙЦЕВА Елена Александровна
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград, Россия,
e-mail: gennadiv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8608-633X>

ZAYTSEVA Elena Aleksandrovna
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА

RETURNING A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR AND BALANCING PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Аннотация. Публичный по своей природе уголовный процесс требует в цивилизованных государствах соблюдения баланса публичного и частного интересов. Подходы Конституционного Суда РФ к определению указанного баланса не всегда точно воплощаются законодателем во вновь принятых уголовно-процессуальных нормах. В последние годы в ряде институтов уголовно-процессуального права наблюдается постепенное усиление публичных начал и сужение сферы частного интереса. Иллюстрацией этого выступает правовой институт возвращения уголовного дела прокурору. Цель: анализ норм правового института возвращения уголовного дела прокурору сквозь призму баланса частного и публичного интересов. Методы: сравнительно-правовой, исторический, юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило обосновать тезис, что баланс частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве – весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор); выявлены основные тренды в установлении данного баланса в системе норм правового института возвращения уголовного дела прокурору.

Ключевые слова: публичный интерес, частный интерес, баланс частного и публичного, возвращение уголовного дела прокурору, дополнительное расследование, правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ

Для цитирования: Зайцева Е.А. Возвращение уголовного дела прокурору и обеспечение баланса публичного и частного интереса / Е.А. Зайцева. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 59–68.

Abstract. Criminal proceedings, being public by their nature, require in civilised states a balance between public and private interests. The approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation to determining this balance are not always accurately embodied by the legislator in newly adopted criminal procedural norms. In recent years, there has been a gradual strengthening of public principles and narrowing of the sphere of private interest in a number of institutions of criminal procedure law. This is illustrated by the legal institution of returning a criminal case to the prosecutor. Purpose: to analyse the norms of the legal institution of returning a criminal case to the prosecutor through the prism of the balance of private and public interests. Methods: comparative-legal, historical, legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study allows to substantiate the thesis that the balance of private and public principles in criminal proceedings is a very mobile “substance”, which is under the influence of constantly developing social relations (objective factor) and requests of ruling elites (subjective factor); the article reveals the main trends in the establishment of this balance in the system of norms of the legal institution of returning a criminal case to the prosecutor.

Keywords: public interest, private interest, balance of private and public, return of a criminal case to the prosecutor, additional investigation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Zaytseva E.A. Returning a Criminal Case to the Prosecutor and Balancing Public and Private Interests. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 59–68. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.6.

Говоря о правах человека, нельзя забывать, что мы говорим не только о правах, но и о самом человеке.
В. Зорькин

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика баланса публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве – благодатная почва для исследования тех или иных правовых институтов, в которых соотношение этих ценностей отражает демократичную (или не вполне демократичную) природу уголовного процесса. Возвращение уголовного дела прокурору, имеющее межстадийный характер, охватывающее широкий спектр уголовно-процессуальных отношений, представляет собой привлекательное исследовательское поле для анализа баланса публичного и частного интересов, чему и посвящена настоящая статья.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ?

Подход законодателя к формулированию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) показывает доминирование частного интереса над публичным, что логично с точки зрения идеологии Уголовно-процессуального кодекса, в первоначальную редакцию которого было заложено множество институтов, отражающих правозащитный и правообеспечительный тренд обновленного законодательства. К такому выводу (о примате частного над публичным в публичной по своей природе уголовно-процессуальной отрасли права) приходит любой читатель второй главы Кодекса, которую открывает ст. 6 УПК РФ, презентующая назначением уголовного процесса в первую очередь защиту интересов частных лиц, а уж потом – «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания». И то в определенном смысле даже в этих двух последних важных аспектах деятельности публичных органов можно усмотреть следование идее защиты частного интереса – того же потерпевшего, к примеру, который по большей части заинтересован в реализации уголовной ответственности.

Возникает закономерный вопрос: действительно ли так обстоят дела в российском уголовном процессе – в смысле «смещения крена» в сторону обеспечения частного интереса – или все-таки соблюдается баланс

частного и публичного¹ в этой важной сфере государственной деятельности? Здесь уместно вспомнить выражение А.В. Смирнова, который очень точно отразил предназначение уголовного судопроизводства: «после войн и революций именно уголовный процесс на протяжении веков оставался в руках политической элиты самым острым, самым заветным орудием политической борьбы»².

И это – данность, объективная закономерность, которую нельзя игнорировать, руководствуясь любыми благими намерениями в стремлении достичь надлежащего уровня цивилизованности уголовного процесса, придать ему правозащитный и правообеспечительный характер. Уголовный процесс – это негативная реакция государства (порой весьма жесткая, с серьезным ограничением охраняемых Конституцией ценностей) на факт совершения запрещенного уголовным законом деяния. Это способ воплощения в жизнь уголовной политики государства, которое, защищаясь от различных криминальных проявлений, не может в ходе этой борьбы пренебречь своими интересами коллективного субъекта в угоду интересам индивидуальных субъектов. На первый взгляд, это звучит несколько цинично, особенно на фоне правозащитной риторики во многих юридических журналах. Но в связи со сказанным вспоминается мнение Ю.К. Орлова, которое показывает, по нашему глубокому убеждению, реальное соотношение публичных и частных интересов в любом государстве: «Когда речь заходит о более высоких социальных ценностях, интересы отдельной личности отходят на задний план ли-

1 Учитывая ограниченный объем статьи, не будем подробно приводить полемику о содержании публичного интереса в уголовном судопроизводстве. Лишь отметим, что в отличие от минималистского подхода к содержанию публичного интереса, который Д.А. Курбанов, М.С. Арутюнян и О.Ю. Хисматуллин видят как «законный интерес, установленный нормами права», как «государственно-общественный интерес» [1, с. 80], автор склонна разделить позицию И.Г. Смирновой, выделяющей в содержании публичного интереса две составляющие: «государственный интерес и подтвержденный государством и законодательно закрепленный общественный интерес как совокупность социально значимых частных интересов, не вступающих в противоречие с государственным интересом» [2, с. 17].

2 Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iuaj.net/node/1668> (дата обращения: 12.12.2024).

бо вообще не принимаются в расчет... Таким образом, примат интересов отдельной личности над социальным – не более чем химера, иллюзия, утешительный самообман, самомнение и притязание человеческого разума» [3, с. 9].

Рассуждая об этой проблеме, невольно приходишь к мысли, что государства по-разному фиксируют факт примата публичных интересов над частными в стремлении выглядеть демократичным и цивилизованным политическим образованием. Данное стремление с различными нюансами (в зависимости от степени правового цинизма элит) отражается в основных законах государств и нормативных актах, которые в системе своей закрепляют тот самый баланс, соответствующий чаяниям правящих элит и – частично – ожиданиям народонаселения той или иной страны. При этом следует учитывать, что закрепленный в законах баланс частного и публичного начал в плоскости реальных правоотношений не всегда находит воплощение в том формате, который заложен нормативной базой государства. Декларативность многих нормоустановлений, далеких от объективных общественных потребностей и возникающих из них общественных отношений, приводит к тому, что в действительности правового бытия складывается иное соотношение «ценностей», отличное от заявленного законодателем.

Конституционный Суд РФ О БАЛАНСЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО

О балансе частного и публичного интересов нередко рассуждает в своих решениях Конституционный Суд РФ, проверяя соответствие конституционно-правовым смыслом тех или иных предписаний нормативных правовых актов³. В зависимости от политической

ситуации решение вопроса о наличии этого баланса в регулируемых проверяемым нормативно-правовым актом отношениях может различаться даже в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, применительно к сфере административных отношений специалисты замечали смещение акцента в выстраивании того самого баланса: «несмотря на декларируемую конституционную ценность – обеспечение баланса частных и публичных интересов, КС РФ в последнее время отдает приоритет защите публичных интересов» [4]. Аналогичные высказывания можно найти в научной литературе по земельному [5] и финансовому праву [6]. Пожалуй, внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка влияет на отношение государства к поддержанию данного баланса в определенном ракурсе – с учетом решаемых задач по приданию стабильности всей системе государства в тех или иных условиях (что, кстати, сказывается и на деятельности Конституционного Суда РФ).

Не является исключением и сфера уголовно-процессуального права, применительно к которой правовые позиции Конституционного Суда РФ по ряду важных вопросов с течением времени подверглись корректуре самого органа конституционного нормоконтроля. Примером может служить институт возвращения уголовного дела прокурору, который стал предметом пристального внимания Конституционного Суда РФ в 2013 г., когда Суд в знаменитом постановлении по делу Гадаева уточнил свою позицию по положению суда в состязательном уголовном процессе⁴, несмотря на сформированные в период «тихой революции» [7] идейные ориентиры по этому вопросу⁵. Таким образом, можно заключить, что баланс частного и публичного начал в уго-

3 См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булгакова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 377-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области : постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. II), ст. 289.

4 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28, ст. 3881.

5 Например, ранее, в постановлении от 20.04.1999 № 7-П, Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ положения п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору «при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» (Собрание законодательства РФ. 1999. № 17, ст. 2205).

ловном судопроизводстве не является константой. Это весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор).

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ И РАСШИРЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО НАЧАЛА

Что касается института возвращения уголовного дела прокурору, то в нем, как в своеобразном зеркале, отразился тренд на сужение сферы частного интереса в пользу доминирования публичного интереса при решении вопроса о дополнительном расследовании. Автор не оговорился: «дополнительное расследование из суда» изначально было «иссечено» из ткани уголовного процесса благодаря усилиям разработчиков УПК РФ, которые не только удалили любое упоминание о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование из судебных стадий (вместо «возвращения уголовного дела судом на дополнительное расследование» появилось «возвращение уголовного дела прокурору»), но и установили 5-суточный срок для устранения выявленных судом нарушений (ч. 2 ст. 237 УПК РФ)⁶. А в 2003 г. законодатель вообще запретил производство следственных действий в период устранения под руководством прокурора препятствий к рассмотрению дела судом (ч. 4 и 5 ст. 237 УПК РФ). Данный запрет, установленный Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ⁷, уже в декабре того же 2003 г. был признан Конституционным Судом РФ противоречащим ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46 и ст. 52 Конституции РФ: «положение части четвертой статьи 237 УПК Российской Федерации, не позволяющее осуществлять необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия, исключает какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допустившими эти нарушения органами рассле-

дования, но и при последующем разбирательстве дела судом»⁸.

Примечательно, что Конституционный Суд РФ за три месяца до издания упомянутого Федерального закона № 92-ФЗ однозначно выразил свою позицию относительно важности для защиты частного интереса участников уголовного процесса устранения нарушений закона путем производства необходимых следственных действий по делу, направленному судом прокурору, подчеркивая, что «в противном случае участники уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы были нарушены в ходе досудебного производства, по существу, были бы лишены судебной защиты»⁹. Тем не менее законодатель, внося дополнения в ст. 237 УПК РФ в виде частей 4 и 5, явно проигнорировал правовые позиции Конституционного Суда РФ. С точки зрения целесообразности и социальной ценности права данные нормоустановления можно назвать юридическим «спамом», как образно выразился В.Д. Зорькин¹⁰. И только Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ части 2, 4 и 5 были исключены из ст. 237 УПК РФ¹¹.

Что означала отмена этих ограничений для правоприменителей? По сути – возможность полномасштабного расследования после возвращения уголовного дела из суда, включая выявлениеотягчающих ответственность обвиняемого обстоятельств, установление новых преступных эпизодов. Это позволяет говорить о начале возрождения института дополнительного расследования, который, по

8 По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51, ст. 5026.

9 По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева : постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12, ст. 1176.

10 Валерий Зорькин: Сон права рождает произвол // Российская газета. 2017. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (дата обращения: 01.12.2024).

11 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5724.

заведенному обыкновению, в стиле реформы УПК РФ 2001 г., продолжают застенчиво именовать «возвращением уголовного дела прокурору». Но эти изменения были сущностными, они кардинально повлияли на природу процессуальной деятельности, осуществляемой по уголовному делу, возвращенному из суда. Представители адвокатского сообщества, с которыми приходилось общаться автору настоящей статьи, отрицательно восприняли указанные преобразования, видя в них усиление публичного начала, «наступление» на частные интересы, создание условий для манкирования презумпцией невиновности.

Конечно, в контексте частного интереса обвиняемого первоначальный, усеченный вариант процессуальной деятельности следователя по возвращенному ему из суда делу был более выгодным, так как существенно ограничивал познавательные возможности следователя в инструментальном и темпоральном аспектах. А это нередко приводило к вынесению оправдательных приговоров ввиду непричастности лица к совершению преступления. Частный интерес потерпевшего в ситуации с запретом производства дополнительных следственных действий по большей части оказывался неудовлетворенным, если эта система норм приводила к оправданию подсудимого. Но данный порядок для потерпевшего в ряде случаев мог повлечь быстрее разрешение уголовного дела с возможностью получения возмещения вреда, причиненного преступлением (хотя в тот период вопросам возмещения вреда потерпевшему, как известно, ни государством, ни властными субъектами не уделялось должного внимания). Таким образом, в отношении потерпевшего в процедуре, установленной редакцией ст. 237 УПК РФ до издания Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, проявляла себя определенная двойственность, что вряд ли можно признать справедливым с точки зрения баланса частных интересов различных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Любопытным в контексте проблематики настоящей статьи представляется постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П, которым признаются противоречащими конституционным установлениям положения п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413 и 418 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 237 УПК РФ «в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и

пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления»¹². Признавая возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств «резервным» механизмом устранения несправедливости вступивших в силу судебных актов, Конституционный Суд РФ увидел в существующем нормативном регулировании явно несправедливую систему, не позволяющую ухудшить положение осужденного при обнаружении иных новых обстоятельств, требующих переквалификации его деяния как более тяжкого (что предполагает возвращение уголовного дела прокурору). В определенной степени можно утверждать, что этот дефект норм уголовно-процессуального закона сродни положениям ст. 405 УПК РФ, признанным Конституционным Судом РФ в постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П¹³ неконституционными, так как в обоих случаях потерпевшим ограничивался доступ к правосудию, возможность добиться справедливого судебного решения; обе ситуации в их прежнем нормативном регулировании¹⁴ нарушали баланс таких

12 По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22, ст. 2686.

13 По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22, ст. 2194.

14 Следует добавить, что, несмотря на адресованное законодателю четкое предписание Конституционного Суда РФ в п. 2 резолютивной части постановления от 16.05.2007 № 6-П в течение 6 месяцев устранить данный дефект норм, законодатель не спешил реагировать на данное постановление и скорректировал положения закона только спустя шесть лет – в 2013 г. (см.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 26.04.2013 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 17, ст. 2031). Такую же «расторопность» законодатель проявил и по правовым позициям Конституционного Суда РФ, выраженным в постановлении от 11.05.2005 № 5-П: лишь в 2009 г. была введена новая редакция ст. 405 УПК РФ, закрепившая правила поворота к худшему в суде надзорной инстанции (см.: О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14.03.2009 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 11, ст. 1268).

охраняемых ценностей, «как справедливость и стабильность судебных актов»¹⁵.

Ссылка в тексте постановления Конституционного Суда РФ на такие ценности, как «справедливость и стабильность судебных актов», позволяет соотнести их с ценностями, которых касается данная статья. По сути своей, соблюдение требований справедливости и стабильности судебных актов отвечает интересам правосудия в целом, отражает публичный интерес в обеспечении стандартов осуществления судебной власти и достижения ожидаемого социального эффекта от реализации этой важной государственной функции. С другой стороны, справедливость судебных актов в коннотации двух вышеупомянутых постановлений Конституционного Суда предстает не только как воплощение права потерпевших на доступ к правосудию, но и как отражение интереса потерпевших в получении удовлетворения от свершившегося правосудия.

Что касается такой ценности, как стабильность судебных актов, то в определенной степени она значима не только исключительно для размеренного функционирования судебной системы (иначе данная категория приобретет оттенок «самоценности» для чиновничьей составляющей судейского бытия), но и для осужденных, которые, благодаря ей, защищены от произвольного изменения вынесенных по их делам вступивших в силу решений в сторону, ухудшающую их положение.

Продолжая анализировать возвращение уголовного дела прокурору сквозь призму баланса частного и публичного интересов, подчеркнем значимость для развития института возвращения уголовного дела прокурору из суда Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ¹⁶ о реформе судебно-проверочных производств, которым законодатель придал институту возвращения судом уголовного дела прокурору универсальный, межстадийный характер, распространив основания,

предусмотренные ст. 237 УПК РФ, на апелляционное (ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ), кассационное (п. 3 ч. 1 ст. 401.14 и ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ) и надзорное производство (п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ). Полагаем, что эти изменения закона также послужили укреплению инструментов защиты публичного интереса (с учетом изложенного в начале настоящей статьи подхода к пониманию содержания последнего).

РЕАНИМАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?

Прорывным с точки зрения реанимации возвращения уголовного дела для дополнительного расследования из суда можно признать Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹⁷, который ввел в систему досудебного производства сокращенную форму дознания. Возможность принятия судом при рассмотрении уголовного дела по существу решения о возвращении уголовного дела прокурору для проведения дознания в общем порядке (ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ) – это по сути своей решение о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование из суда, учитывая сокращенный формат доказывания для дознания, проведенного по правилам гл. 32.1 УПК РФ. При этом законодатель предоставляет суду право самостоятельно (и без ходатайств сторон) принимать такое решение при наличии обстоятельств, указанных в ст. 226.2 и ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ. Полагаем, данные дополнения ст. 237 УПК РФ следует расценивать как усиление публичного начала в совокупности предписаний анализируемого нами института. Они наполнили систему норм правового института возвращения уголовного дела прокурору установлениями, типичными для классического «возвращения уголовного дела для дополнительного расследования из суда», ибо именно в ходе дознания в общем порядке собираются дополнительные доказательства для установления всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ для данного случая (в отличие от сокращенной формы дозна-

¹⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда.

¹⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 45.

¹⁷ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

ния, где дознаватель ограничивается сбором доказательств «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ)). Вряд ли можно признать такое расследование, проведенное в сокращенном режиме по правилам ст. 226.5 УПК РФ, полноценной основой¹⁸ для принятия окончательных решений по завершении дознания в общем порядке. Именно по этой причине сбор дополнительных доказательств для более точного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, – неизбежное следствие возвращения уголовного дела на дознание в общем порядке. И здесь мы бы поспорили с Конституционным Судом, утверждавшим, что проведение следственных действий по возвращенному из суда делу «превращает процедуру возвращения дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, в особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования»¹⁹.

Продолжая анализировать институт возвращения уголовного дела прокурору в контексте укрепления позиций публичного интереса, отметим дополнение оснований для возвращения уголовного дела прокурору, последовавшее после принятия упомянутого постановления Конституционного Суда РФ № 16-П по жалобе Б.Т. Гадаева. Красноречиво этот вывод подчеркивает цитата из данного постановления: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности

суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»²⁰. Действительно, Конституционный Суд РФ в постановлении № 16-П сделал решительные шаги от режима благоприятствования защите в пользу примата публичного интереса [10, с. 40].

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

Правоприменительная практика возвращения уголовного дела прокурору выстраивается не только с учетом обновляющегося законодательства, корректирующих его правовых позиций Конституционного Суда РФ, но и с ориентиром на правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, которые содержат сформированное на основе обобщения всероссийской уголовно-процессуальной практики официальное толкование нормативных установлений, обеспечивая стабильность и единообразие правоприменительной деятельности в этой части.

Сразу отметим, что вопросы дополнительного расследования (с учетом прежнего названия соответствующего правового института) были предметом рассмотрения в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, Пленума Верховного Суда СССР²¹, а аспекты возвращения уголовного дела прокурору нашли отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, среди которых особо выделим постановление от 8 декабря 1999 г. № 84, вынесенное до принятия УПК РФ и специально посвященное именно институту возвращения уголовного дела судом для

¹⁸ Здесь мы наблюдаем противоречие между положениями ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, закрепляющими усеченный предмет доказывания для сокращенной формы дознания, и предписаниями ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, ориентирующими дознавателя отражать в обвинительном постановлении почти такой же перечень обстоятельств, что и при составлении обвинительного акта (п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Впрочем, сокращенная форма дознания вся соткана из противоречий, о чем мы неоднократно писали в ряде наших публикаций [8; 9 и др.].

¹⁹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда.

²⁰ Там же.

²¹ О работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР : Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 31.03.1961 № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.04.1984 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 7; О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел на дополнительное расследование : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 № 10 // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 2.

дополнительного расследования²². Хотя правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ в тот период были сформированы под воздействием «тихой революции» Конституционного Суда РФ, что отразилось на педалировании проблематики роли суда в состязательном судопроизводстве, тем не менее и в постановлении от 8 декабря 1999 г. № 84 находят свое закрепление публичные аспекты. Так, Пленум отмечает, что вне зависимости от ходатайств сторон о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование суд «принимает решение исходя из интересов всесторонности и объективности исследования обстоятельств рассматриваемого дела»²³.

Минуло 25 лет, и Пленум Верховного Суда РФ вновь обратился к вопросам возвращения уголовного дела прокурору, посвятив им специализированное постановление № 39, уже в п. 1 которого Пленум оперирует категориями, указывающими на потребность соблюдения баланса публичных и частных интересов: обозначает целью возвращения уголовного дела прокурору устранение препятствий к рассмотрению дела судом, непреодолимых в судебном заседании и не позволяющих суду вынести справедливое, законное и обоснованное решение (то есть называет данный институт средством обеспечения нормального осуществления функции правосудия, публичной по своей природе). Одновременно Пленум устанавливает ограничения на использование этого инструмента с учетом того, что «он затрагивает право на доступ к правосудию и его осуществление без неоправданной задержки»²⁴ (затрагивает частные интересы потерпевшего и подсудимого), требуя

возвращения уголовного дела лишь при наличии указанных в ст. 237 УПК РФ оснований.

Данный документ содержит детальное изложение правовых случаев, подпадающих под действие отдельных оснований возвращения уголовного дела прокурору. При этом Пленум пошел по пути минимизации бюрократизма в решении вопроса о существенности нарушений, влекущих применение п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, перечислив в п. 8 ситуации, которые исправимы в судебном заседании. Например, если в п. 14 постановления от 5 марта 2004 г. № 1 безусловным основанием возвращения уголовного дела прокурору признавалось «когда в обвинительном заключении или обвинительном акте отсутствуют указания на прошлые судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу»²⁵, то новое постановление от 17 декабря 2024 г. № 39 не видит препятствий к рассмотрению уголовного дела в суде по существу, если «соответствующие сведения имеются в материалах уголовного дела либо дополнительно представлены государственным обвинителем»²⁶. И опять, формулируя разъяснения правоприменителям по вопросам, когда нарушение уголовно-процессуального закона может быть исправимо, Пленум в п. 8 излагает общее правило, вытекающее из важности соблюдения частного интереса подсудимого: исправление нарушения не приводит к изменению обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его право на защиту²⁷.

Возможность восстановления в суде прав потерпевшего, которыми он не смог воспользоваться в ходе предварительного расследования (п. 10 постановления № 39), исключает возвращение дела прокурору, но с учетом мнения потерпевшего (вновь в качестве критерия

22 О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.1999 № 84 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2 ; О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5 ; О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2.

23 О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования.

24 Там же.

25 О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

26 О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору.

27 Там же. Сходным образом формулируются и разъяснения в п. 9 постановления № 39.

предотвращения возврата уголовного дела в досудебное производство использован частный интерес участника уголовного процесса).

Анализ содержания п. 12 постановления № 39 приводит к выводу, что Пленум Верховного Суда РФ избыточно акцентировал внимание на соблюдении частного интереса обвиняемого, посчитав, что в ходе предварительного слушания могут возникнуть ситуации, не позволяющие восстановить права последнего, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ. Состязательный режим предварительного слушания, дающий возможность не только разъяснять права обвиняемому и рассматривать возникающие в связи с этим его ходатайства, но и даже полноценно исследовать доказательства, – это универсальный, резервный инструмент исправления процессуальных нарушений, связанных с разъяснением прав участникам процесса. Предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ права на выбор судебной процедуры и состава суда без малейшего препятствия могут быть реализованы именно в рамках предварительного слушания. В связи с этим считаем, что из содержания п. 12 постановления № 39 надлежит исключить последнее предложение.

Что касается п. 15 постановления № 39, где акцентируется внимание на необходимости соблюдения судом *status quo* при инициировании возвращения уголовного дела прокурору, то данная проблематика, ввиду ее значимости в системе норм соответствующего института и дискуссионности, нуждается в отдельном масштабном исследовании.

Выводы

1. Баланс частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве не является константой. Это весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор).

2. Ретроспективный анализ правового института возвращения уголовного дела прокурору сквозь призму баланса публичного и частного интересов показал постепенное усиление публичного начала за счет норм, расширяющих полномочия властных субъектов по устранению препятствий рассмотрения уголовного дела судом, увеличения числа оснований для такого возвращения, укрепления статуса суда в решении вопроса об инициировании возвращения уголовного дела прокурору. При этом законодатель не всегда при формулировании новелл, дополняющих данный институт, в должной мере учитывал правовые позиции Конституционного Суда РФ.

3. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 декабря 2024 г. № 39 минимизировал бюрократические аспекты при решении вопроса о существенности нарушений, влекущих возвращение уголовного дела прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Видя в данном институте способ устранения препятствий для рассмотрения уголовного дела в суде, Пленум в качестве критерия пределов допустимости этого способа избрал частный интерес потерпевшего и обвиняемого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курбанов Д.А. Публичный интерес в системе законных интересов, подлежащих судебной защите / Д.А. Курбанов, М.С. Арутюнян, О.Ю. Хисматуллин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 2 (218). – С. 78–80.
2. Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 14–18.
3. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – Москва : Юрист, 2009. – 175 с.
4. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др. ; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. – Москва : ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2020. – 176 с.

REFERENCES

1. Kurbanov D.A., Harutyunyan M.S., Hismatullin O.Yu. Public Interest in the System of Legitimate Interests Subject to Judicial Protection. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2023, no. 2 (218), pp. 78–80. (In Russian).
2. Smirnova I.G. Interest Is a Concept of Criminal Procedure. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 8, pp. 14–18. (In Russian).
3. Orlov Yu.K. Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings. Moscow, Yurist Publ., 2009. 175 p.
4. Lazarev V.V., Gadzhiev H.I., Alimov E.V. et al.; Lazarev V.V., Gadzhiev H.I. (eds.). Data Protection: Scientific and Practical Commentary on Judicial Practice. Moscow, CONTRACT Publ., 2020. 176 p.

5. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е.Н. Абанина, Н.Н. Аверьянова, А.П. Анисимов и др. ; под общ. ред. А.П. Анисимова. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 800 с.
6. Лысова-Бахарева Ю.В. Контроль агентов первичного финансового мониторинга за банковскими операциями своих клиентов как ограничение субъективных гражданских прав в банковской сфере / Ю.В. Лысова-Бахарева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 9. – С. 73–88.
7. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.
8. Зайцева Е.А. Применение специальных познаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ / Е.А. Зайцева // Адвокат. – 2013. – № 7. – С. 9–13.
9. Зайцева Е.А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования / Е.А. Зайцева // Судебная экспертиза. – 2016. – № 1 (45). – С. 38–45.
10. Зайцева Е.А. Постановление КС РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве / Е.А. Зайцева // Российский судья. – 2014. – № 5. – С. 39–43.
5. Abanina E.N., Averianova N.N., Anisimov A.P. et al.; Anisimov A.P. (ed.). Actual Problems of the Theory of Land Law in Russia. Moscow, Yusticinform, 2020. 800 p.
6. Lysova-Bakhareva Yu.V. Control of Primary Financial Monitoring Agents Over the Banking Operations of Their Clients as a Limitation of Subjective Civil Rights in the Banking Sector. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2022, no. 9, pp. 73–88. (In Russian).
7. Bozhev V.P. “Quiet Revolution” of the Constitutional Court in the Criminal Procedure of the Russian Federation. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2000, no. 10, pp. 9–11. (In Russian).
8. Zaytseva E.A. Application of Special Knowledge through the Prism of the Federal Law of March 4, 2013 No. 23-FZ. *Advokat*, 2013, no. 7, pp. 9–13. (In Russian).
9. Zaytseva E.A. Regulation of Forensic Examination at the Stage of Initiation of a Criminal Case: Current State and Ways to Improve. *Sudebnaya ekspertiza = Forensic Examination*, 2016, no. 1 (45), pp. 38–45. (In Russian).
10. Zaitseva E.A. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Complaint of B.T. Gadaev and the Request of the Kurgan Regional Court: Reflections on the Court's Right to Return Criminal Cases to the Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings. *Rossiyskij sud'ya = Russian Judge*, 2014, no. 5, pp. 39–43. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaytseva Elena Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 31.01.2025. The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.7

Original article

КАЧАЛОВА Оксана Валентиновна
Российский государственный
университет правосудия,
Москва, Россия
e-mail: oksana_kachalova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4440-8510>

KACHALOVA Oksana Valentinovna
Russian State University of Justice,
Moscow, Russia.

ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES AND THE
DIGITALISATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Развитие современных технологий, проникающих во все сферы общественной жизни, включая уголовное судопроизводство, цифровизация производства по уголовным делам ставят на повестку дня вопрос о соответствии внедряемых технологий и изменяющегося процесса взаимодействия участников уголовного судопроизводства частным и публичным интересам, реализуемым в ходе производства по уголовным делам. Цель статьи – анализ соответствия частным и публичным интересам процесса внедрения современных цифровых технологий при производстве по уголовным делам. Методы: сравнительно-правовой, системного анализа, синтеза, прогнозирования. Автор приходит к выводам, что с позиций частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве ряд технологий, внедряемых в производство по уголовным делам, в полной мере соответствуют и тем и другим, поскольку облегчают для участников уголовного судопроизводства возможность осуществления своих прав, повышают степень их информированности, для государства – оптимизируют и рационализируют процесс производства по уголовным делам. Однако ряд технологий главным образом отвечает публичным интересам, поскольку оптимизирует деятельность лиц, ответственных за производство по уголовному делу – судьи, следователя, прокурора, облегчает работу властно уполномоченных участников процесса. Технологии принятия решений на основе искусственного интеллекта в их современном виде не соответствуют ни частным, ни публичным интересам, поскольку не обладают эмоциональным интеллектом, столь необходимым для разрешения юридических конфликтов.

Abstract. The development of modern technologies that penetrate all spheres of public life, including criminal proceedings, the digitalisation of criminal proceedings raises the issue of whether the technologies introduced and the changing interaction between participants in criminal proceedings are compatible with private and public interests realised in the course of criminal proceedings. The purpose of the article is to analyse the compliance of the process of implementation of modern digital technologies with private and public interests in criminal proceedings. Methods: comparative-legal, system analysis, synthesis, prognosis. The author concludes that from the perspective of private and public interests in criminal proceedings, a number of technologies introduced in criminal proceedings fully correspond to both, as they facilitate the possibility for participants in criminal proceedings to exercise their rights, increase their awareness, and they optimise and rationalise the process of criminal proceedings for the state. However, a number of technologies are mainly in the public interest, as they optimise the activities of persons responsible for criminal proceedings, i.e., judges, investigators, prosecutors, and facilitate the work of authorised participants in the process. Artificial intelligence-based decision-making technologies in their current form do not serve either private or public interests, because they lack the emotional intelligence so necessary for resolving legal conflicts.

Качалова О.В., 2025

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, частный и публичный интерес, технологии доступа к правосудию, искусственный интеллект, цифровое неравенство

Для цитирования: Качалова О.В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства / О.В. Качалова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 69–77.

Keywords: digitalisation of criminal proceedings, private and public interest, technologies for access to justice, artificial intelligence, digital inequality

For citation: Kachalova O.V. Private and Public Interests in Proceedings in Criminal Cases and the Digitalisation of Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 69–77. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.7.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы о соотношении частных и публичных интересов при производстве по уголовным делам не перестают будоражить научное сообщество. С каждой новой вехой в развитии современного общества дискуссия только набирает обороты, каждый новый ее виток заставляет по-новому взглянуть на когда-то, казалось бы, разрешенные вопросы, дает новые поводы для обсуждения. К числу важнейших факторов, определяющих вектор дискуссии о частных и публичных интересах в уголовном процессе, относятся изменение современной геополитической обстановки, развитие современных технологий, смена идеологической парадигмы и др.

Одним из наиболее значимых факторов для развития всех сфер общественного бытия является стремительное развитие современных цифровых технологий. В связи с этим важным представляется вопрос о соотношении частных и публичных интересов в условиях цифровизации современного уголовного судопроизводства.

СОДЕРЖАНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вопросам соотношения частных и публичных интересов посвящено немало научных работ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.]. Не вдаваясь в дискуссию о данных понятиях, их соотношении, содержании, классификациях и т. д., определим наиболее значимые частные и публичные интересы, которые реализуются при производстве по уголовным делам.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что публичный и частный интересы не могут противопоставляться. Публичный

интерес предполагает необходимость защиты ряда частных интересов, совпадающих с потребностями общества, «правомерный частный интерес, как правило, совпадает с публичным, поскольку обеспечение возможности для реализации правомерной защиты личности является частью публичного правового интереса» [5, с. 27]; «личные и публичные интересы в уголовном судопроизводстве находятся в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности, при которых публичный интерес направлен также на защиту законных интересов личности, а обеспечение прав личности является необходимой предпосылкой... достижения назначения уголовного судопроизводства» [3, с. 12]. Существует и точка зрения, согласно которой частные интересы могут подавляться публичными, если идут вразрез с последними [9, с. 91–92].

Содержание публичных интересов в уголовном судопроизводстве рассматривается в науке уголовно-процессуального права по-разному. Существуют точки зрения, согласно которым в содержание публичного интереса включаются весьма разноплановые явления (охрана конституционного строя, выполнение процессуальных действий, восстановление социальной справедливости и др. [10, с. 96]. Полагаем такой подход излишне широким. На наш взгляд, следует согласиться с Э.С. Каминским в том, что «содержание публичного интереса составляют обеспечение режима расследования и разрешения уголовных дел, позволяющего привлекать виновных к ответственности; охрана прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность; отказ от применения избыточных мер ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных уголовному пресле-

дованию и осуждению методов разрешения уголовно-правовых конфликтов» [5, с. 29].

К содержанию частных интересов в уголовном судопроизводстве относят интерес в исходе дела, интерес в том, чтобы права участников процесса не ограничивались, интерес в охране личных прав (сохранение тайны частной жизни) и т. д. Как верно отмечает А.А. Насонов, частный интерес обусловлен стремлением участников уголовного судопроизводства «удовлетворить свои потребности в уголовно-процессуальной сфере путем достижения позитивного для них результата в рамках уголовно-процессуальных отношений» [11, с. 72].

Поскольку уголовное судопроизводство – сфера разрешения уголовно-правового конфликта, то и при производстве по уголовным делам частные интересы участников уголовного судопроизводства вступают в противоречие друг с другом, а также с публичными интересами. Так, например, как правило, в конфликтном состоянии находятся интересы потерпевшего и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, на стадии возбуждения уголовного дела интересы обвиняемого избежать уголовной ответственности могут противоречить публичным интересам и т. д. Отметим, что далее в качестве частных интересов будут рассмотрены только интересы, не противоречащие закону.

В уголовном судопроизводстве есть целый ряд норм и институтов, содержание которых в равной степени может быть направлено на обеспечение как частных, так и публичных интересов. Это нормы, определяющие безопасность участников уголовного судопроизводства, касающиеся вопросов обжалования и подачи ходатайств, реабилитации и т. д. Одним из таких сегментов уголовного судопроизводства, точкой одновременного приложения частных и публичных интересов является применение современных цифровых технологий при производстве по уголовным делам.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ТОЧКА СОВПАДЕНИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ?

Цифровизация современного уголовного судопроизводства, формирование высокотех-

нологичного уголовного процесса, создание электронного уголовного дела, широкое внедрение в уголовный процесс аудио- и видеотехнологий, использование технологий на основе искусственного интеллекта при производстве по уголовным делам, вопросы использования электронных доказательств являются предметом пристального внимания со стороны современной науки уголовно-процессуального права [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20 и др.].

Основные задачи внедрения современных технологий в производство по уголовным делам: создание комфортного доступа к правосудию (доступ к процессуальной информации, упрощение процесса подачи ходатайств и жалоб, возможность дистанционного участия в процессуальных действиях), расширение возможностей доказывания по уголовным делам посредством использования электронных доказательств, использование современных технологий для раскрытия преступлений, рационализация процесса принятия процессуальных решений и фиксации процессуальных действий. Рассмотрим, соответствуют ли данные задачи частным и публичным уголовно-процессуальным интересам.

На первый взгляд, применение оптимизирующих уголовное судопроизводство и упрощающих доступ к правосудию технологий отвечает и тем и другим, является своеобразной точкой их совпадения. Но так ли это на самом деле, можно убедиться, проанализировав основные направления использования современных технологий в уголовном судопроизводстве. К ним относятся:

1. Технологии, обеспечивающие доступ к правосудию:

- подача заявлений, ходатайств и жалоб в электронном виде;

- создание возможностей удаленного доступа к материалам уголовного дела для сторон (в формате электронного уголовного дела). Формат электронного уголовного судопроизводства широко используется в ряде стран (Казахстан, Грузия и др.);

- использование участниками уголовного судопроизводства чат-ботов, голосовых помощников в целях ознакомления с правами, обязанностями, основными правилами уголовного судопроизводства, его этапами, ос-

нованиями для принятия тех или иных процессуальных решений и т. д. Так, например, в США используются чат-боты (LACourtConnect, Assistant Judicial Information и др.), в системы которых загружено более десяти тысяч наиболее часто задаваемых вопросов и ответов, касающихся информации о работе суда, правил подачи документов и иной правовой информации [21]. Эти технологии применяются в гражданском судопроизводстве, однако вполне могут быть использованы при производстве по уголовным делам;

- использование сервисов по составлению жалоб, ходатайств, заявлений. В США, например, широко применяются правовые навигаторы (Florida Law Help, Colorado Resource Network и др.), осуществляющие генерацию документов, составляющие заявления, позволяющие получить ответы на вопросы юридического характера [21];

- автоматическое информирование участников уголовного судопроизводства;

- использование видеотехнологий в уголовном судопроизводстве (проведение следственных и иных процессуальных действий, судебных заседаний посредством видео-конференц-связи, веб-конференции и т. п.).

С позиций частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве технологии, улучшающие доступ к правосудию, в равной степени соответствуют и тем и другим, поскольку облегчают для участников уголовного судопроизводства возможность осуществления своих прав, повышают степень их информированности, для государства – оптимизируют и рационализируют процесс производства по уголовным делам, сокращают его сроки, снижают процессуальные издержки.

2. Технологии, выполняющие функцию помощника судьи, следователя, прокурора (информационно-аналитическая и экспертная поддержка, автоматизированный поиск и анализ судебных решений по аналогичным делам, поиск имущества, необходимого для возмещения вреда, причиненного преступлением, конфискации имущества и т. д.). Эти технологии отвечают главным образом публичным интересам, поскольку оптимизируют деятельность лиц, ответственных за производство по уголовному делу.

3. Технологии, выполняющие функцию партнера судьи, следователя, прокурора.

Такие функции может выполнять коллаборативный робот, управляемый человеком. В результате комбинированной работы робота и человека в уголовном судопроизводстве можно решать следующие задачи:

- определять сроки давности;

- рассчитывать размер наказания (учитывая неоконченную преступную деятельность – приготовление и покушение на преступление, рецидив преступления, возраст несовершеннолетнего, рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, проведение дознания в сокращенной форме, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств). В Германии, например, действует проект Smart Sentencing, который направлен на унификацию размеров наказания, применяемых разными судами. Нейросеть предлагает судье среднее значение, которое приняли за основу его коллеги, вынося приговор за аналогичное преступление¹;

- производить зачет меры пресечения (запрета определенных действий, домашнего ареста, заключения под стражу) в срок наказания;

- составлять проекты процессуальных актов;

- осуществлять контроль принимаемого решения на предмет его соответствия нормам права, позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ и т. д.

Суд, следовательно, прокурор проверяют выводы, сгенерированные роботом, и методу их вычисления, получения «машинного» решения. С одной стороны, эти технологии облегчают работу должностных лиц, оптимизируют их деятельность, что в полной мере соответствует публичным интересам. С другой стороны, отсутствие эмоционального интеллекта и этических аспектов в работе нейросети не позволяют генерировать объективные решения. Об этом неоднократно упоминалось в научных дискуссиях, посвященных проблемам цифровизации правосудия² [15; 22].

1 Момотов рассказал, откуда в российские суды придет искусственный разум [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/momotov-rasskazalotkuda-v-rossijskiesudy-pridet-iskusstvennyj-razum/> (дата обращения: 14.12.2024).

2 Нейросеть выносит судебные решения: американский и немецкий подходы [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/652963/> (дата обращения: 14.12.2024).

4. Технологии, выполняющие функцию помощи в осуществлении делопроизводства (распознавание и перевод в цифровой формат документов, цифровое протоколирование, аудио- и видеозапись, сбор и обработка данных судебной статистики и т. д.). Так, например, в США используются программы распознавания и обработки текстовых документов eDiscovery, Odyssey File&Serve, Intellidact AI, которые автоматически обрабатывают до 75–80 % документов без вмешательства человека [21]. Данная группа технологий в первую очередь соответствует публичным интересам в уголовном судопроизводстве, поскольку оптимизирует и рационализирует процесс делопроизводства. Косвенно это касается и частных интересов – скорая фиксация и протоколирование результатов судебного заседания позволяют участникам уголовного процесса получать копии вынесенных решений в максимально короткие сроки.

5. Технологии, направленные на раскрытие преступлений: системы распознавания лиц, голосов на аудиозаписях, дипфейков, ложных показаний (например, система DARE в США создана на основе видеоматериалов реальных дел и отслеживает визуальные изменения мимики, голоса и речи человека)³. Эта группа технологий в равной степени отвечает как публичным, так и частным интересам, поскольку в конечном итоге позволяет оптимизировать и ускорить процесс расследования преступлений.

6. Технологии прогнозирования:

- технологии прогнозирования решения по уголовному делу (на основе машинного анализа решений по аналогичным делам делается прогноз по конкретному уголовному делу);

- прогнозирование принятия судом решения о мере пресечения, возможного наказания и т. д. (например, программа Recidivism models на основе статистических данных об осужденных дает прогноз совершения конкретным лицом рецидива, она используется более чем в 20 штатах США)⁴.

³ Компьютер научили распознавать обман в суде [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/news/2017/12/20/dont-lie-to-neural-network><https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/652963/> (дата обращения: 14.12.2024).

⁴ Нейросеть выносит судебные решения: американский и немецкий подходы.

Технологии прогнозирования наиболее спорные с точки зрения соответствия частным и публичным интересам. С одной стороны, они помогают должностным лицам принимать соответствующие решения, оптимизируют их деятельность, что на первый взгляд соответствует публичным интересам, с другой стороны, результаты «машинного прогнозирования» весьма спорны. Так, в США резонансным стало дело Эрика Лумиса против штата Висконсин, по которому заявитель ставил под сомнение применение системы COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), используемой судами для оценки риска рецидива при принятии решений, связанных с предварительным заключением, вынесением обвинительного приговора или условно-досрочном освобождении. Данной системой риски рецидива у афроамериканцев оцениваются выше [23].

Кроме того, широкое применение прогнозирования создает риски «предсказанного» правосудия. Инструменты прогнозирования результатов судебных разбирательств и последующий рост числа принятых по прогнозам решений поднимает проблему «поддающегося манипулированию правосудия». При активном внедрении искусственного интеллекта в правосудие в части прогнозирования принятия решения с неизбежностью начнется влияние на само правосудие. Судья будет фактически поставлен в зависимость от алгоритмов прогнозирования.

Логика решений, принимаемых на основе технологий искусственного интеллекта, может быть непонятна гражданам. Это создает риски недоверия к правосудию, что в корне противоречит как частным, так и публичным интересам.

7. Вспомогательные технологии рассмотрения уголовного дела. В 2018 г. в Китае была внедрена Шанхайская интеллектуальная вспомогательная система рассмотрения уголовных дел. Она объединяет несколько баз данных, состоящих из десятков миллионов документов, среди которых методические стандарты классификации и оценки судебных доказательств, сведения и документы по уголовным делам (включая все доказательства, все документы по уголовным делам, а также вынесенные приговоры), сведения о нераскрытых делах, об отказе в возбужде-

нии уголовного дела. Система с помощью генеративного искусственного интеллекта, больших языковых моделей и баз данных быстро и точно устанавливает факты по делам; в режиме реального времени сопоставляет между собой материалы дела; анализирует и обобщает процессуальные документы; выполняет структурированный обзор материалов дела; определяет наличие или отсутствие доказательств какого-либо факта; рекомендует нормы закона, применимые к разрешению спора, исходя из решений аналогичных дел (предлагает подходящую комбинацию процессуальных и материально-правовых норм с учетом особенностей конкретного дела); проводит анализ вынесенных решений, помогая выявить несоответствия и обеспечить единообразие судебной практики; составляет проект судебного акта, опираясь на позиции сторон, информацию о доказательствах и обстоятельствах спора. Окончательное решение остается за судьей, который может изменить «компьютерный приговор». При разногласиях между судьей и искусственным интеллектом судья обязан занести в систему объяснение своего решения, что, по мнению разработчиков, снижает уровень коррупции и количество необоснованных решений. Система осуществляет перевод устной речи в письменную для формирования протокола судебного заседания, эффективно транскрибирует выступления сторон, выделяя структуру устной речи и ключевые моменты выступления, значительно упрощает работу секретаря судебного заседания, которому остается только проверить готовый протокол⁵. Эти функции доступны в режиме онлайн и в специальном приложении для смартфона, разработанном для судей, следователей и других участников процесса.

На одном из медиаресурсов был приведен интересный пример работы Шанхайской интеллектуальной вспомогательной системы. После открытия судебного заседания на экранах компьютеров перед судьей, прокурором, адвокатом и подсудимым, а также на двух больших экранах в зале начинают поочередно демонстрироваться все доказательства

по делу. Речь каждого выступающего в режиме реального времени преобразуется в письменную форму и транслируется на экранах. Судья говорит: «Выведи отчет о нарушениях, допущенных в деле» – на экране появляется уведомление: «В данном деле в отношении изъятых предметов отсутствует протокол изъятия предметов». В суде подсудимый отказался от своих признательных показаний и заявил, что ранее не был знаком с потерпевшим. На экране сразу же появились два доказательства: первое – признание подсудимого, что на протяжении последних двух лет у него были контакты с потерпевшим; второе – все записи телефонных разговоров между подсудимым и потерпевшим за эти два года. После окончания судебного заседания автоматически создается полный протокол заседания, который секретарь проверяет на наличие ошибок, после чего передает всем участникам для подписания на электронном планшете⁶.

С позиции частных и публичных интересов данная технология может быть оценена следующим образом. Вспомогательная часть данной системы, безусловно, соответствует как частным, так и публичным интересам в уголовном судопроизводстве, позволяет облегчить доступ к процессуальной информации и ее анализ, а вот вынесение итогового решения машинным способом представляется принципиально неправильным, поскольку, как уже отмечалось, нейросеть, не обладая эмоциональным интеллектом, не может вынести объективное и справедливое решение, что не соответствует ни частным, ни публичным интересам.

Внедрение современных технологий в производство по уголовным делам также несет в себе риски того, что алгоритмы машинного обучения могут допускать ошибки, которые могут привести к несправедливым решениям, сбор и обработка больших объемов данных может нарушать конфиденциальность персональных данных. Кроме того, широкое применение технологий при производстве по уголовным делам создает цифровое неравенство среди участников процесса, не владеющих современными технологиями. Это не отвечает частным и публичным интересам. Дальнейшее внедрение современных цифровых тех-

⁵ Заменит ли AI судью: рассказываем про Intelligent Justice в Китае [Электронный ресурс]. URL: https://doczilla.pro/ru/blog/intelligent_justice<https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/652963/> (дата обращения: 14.12.2024).

⁶ Там же.

нологий в производство по уголовным делам с позиции их соответствия частным и публичным интересам требует принятия нормативных актов, регламентирующих возможность передачи части функций человека (судьи, следователя, прокурора) искусственному интеллекту, строгого ограничения тех цифровых инструментов, которые могут использоваться при производстве по уголовным делам, дублирования основных процессуальных действий по ходатайству сторон традиционным образом во избежание цифрового неравенства участников уголовного судопроизводства, а также формирования единого пространства доверия к цифровой среде и правовой культуры применения данного рода технологий.

Выводы

1. С позиции частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве технологии, улучшающие доступ к правосудию, в равной степени соответствуют и тем и другим, поскольку облегчают для участников уголовного судопроизводства возможность осуществления своих прав, повышают степень их информированности, для государства – оптимизируют и рационализируют процесс производства по уголовным делам, ускоряют его сроки, снижают процессуальные издержки.

2. Технологии, выполняющие функцию помощника судьи, следователя, прокурора, отвечают главным образом публичным интересам, поскольку упрощают деятельность лиц, ответственных за производство по уголовному делу.

3. Технологии, выполняющие функцию партнера судьи, следователя, прокурора, с одной стороны, облегчают работу властно уполномоченных участников процесса, опти-

мизируют их деятельность, с другой стороны, отсутствие эмоционального интеллекта и этических аспектов в работе нейросети не всегда позволяет генерировать объективные решения, что не соответствует ни частным, ни публичным интересам.

4. Технологии, помогающие в осуществлении делопроизводства, в первую очередь соответствуют публичным интересам в уголовном судопроизводстве, поскольку оптимизируют и рационализируют процесс делопроизводства. Однако косвенно они направлены и на обеспечение частных интересов: скорая фиксация и протоколирование результатов судебного заседания позволяет участникам процесса получить копию вынесенных решений в максимально короткие сроки.

5. Технологии прогнозирования являются наиболее спорными с точки зрения соответствия частным и публичным интересам. С одной стороны, они оптимизируют деятельность властно уполномоченных субъектов, с другой – широкое применение прогнозирования создает риски «предсказанного» правосудия. Логика решений, принимаемых на основе технологий искусственного интеллекта, может быть непонятна гражданам. Это создает риски недоверия к правосудию, что противоречит как частным, так и публичным интересам.

6. Вспомогательные технологии рассмотрения уголовного дела позволяют облегчить доступ к процессуальной информации и ее анализ, что соответствует как частным, так и публичным интересам, а вот вынесение итогового решения машинным способом представляется принципиально неправильным, поскольку нейросеть, не обладая эмоциональным интеллектом, не может вынести объективное и справедливое решение, что не соответствует ни частным, ни публичным интересам.

Список источников

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Андреева. – Томск, 2007. – 443 с.
2. Артамонова Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве / Е.А. Артамонова ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2004. – 162 с.

REFERENCES

1. Andreeva O.I. Conceptual Foundations of the Relationship Between the Rights and Obligations of the State and the Individual in Criminal Procedure of the Russian Federation and Their Use for Legal Regulation of Activities Related to the Disposal of the Subject of Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Tomsk, 2007. 443 p.
2. Artamonova E.A., Kornukov V.M. (ed.). Private Principle in Russian Criminal Proceedings. Saratov State Academy of Law Publ., 2004. 162 p.

3. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф.Н. Багаутдинов. – Москва, 2004. – 499 с.
4. Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.И. Ильницкая. – Москва, 2003. – 201 с.
5. Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Э.С. Каминский. – Москва, 2021. – 198 с.
6. Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов, О.Я. Баев и др. ; науч. ред. Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 159 с.
7. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 554 с.
8. Хроменков И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / И.Р. Хроменков, О.В. Качалова. – Москва : Проспект, 2023. – 164 с.
9. Исакова Т.В. О понятии интереса в уголовном процессе / Т.В. Исакова // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. – Орел, 2017. – С. 90–94.
10. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве / А.В. Спирин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 91–104.
11. Насонов А.А. Разумное соотношение публичных и частных интересов в уголовно-процессуальной сфере и роль категории «согласие» в его обеспечении / А.А. Насонов // Общество и право. – 2022. – № 2 (80). – С. 71–76.
12. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Балашова. – Москва, 2020. – 216 с.
13. Высокотехнологичный уголовный процесс / под ред. С.В. Зуева и Л.Н. Масленниковой. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 216 с.
14. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Зазулин. – Екатеринбург, 2018. – 251 с.
15. Качалов В.И. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу / В.И. Качалов, О.В. Качалова, Е.В. Марковичева // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 222–229.
16. Качалова О.В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О.В. Качалова, Ю.А. Цветков // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.
17. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2023. – 664 с.
18. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.С. Сергеев. – Екатеринбург, 2018. – 322 с.
19. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.С. Черкасов. – Хабаровск, 2022. – 210 с.
20. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Юркевич. – Москва, 2021. – 259 с.
3. Bagautdinov F.N. Public and Personal Interests in Russian Criminal Proceedings and Guarantees of Their Provision During Preliminary Investigation. *Doct. Diss.* Moscow, 2004. 499 p.
4. Ilnitskaya L.I. Personal Interests of Participants in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2003. 201 p.
5. Kaminsky E.S. Ensuring Public Legal Interests in the Application of Alternative Methods of Resolving Criminal Law Conflicts in Pre-Trial Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2021. 198 p.
6. Kokorev L.D., Kotov D.P., Baev O.Ya. et al.; Kokorev L.D. (ed.). Public and Personal Interests in Criminal Proceedings. Voronezh University Publishing House, 1984. 159 p.
7. Maslennikova L.N. Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss.* Moscow, 2000. 554 p.
8. Khromenkov I.R., Kachalova O.V. Ensuring Legal Interests by the Court at the Pre-Trial Stages of Russian Criminal Proceedings. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 164 p.
9. Isakova T.V. On the Concept of Interest in Criminal Procedure. *Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Citizens in the Activities of Preliminary Investigation Bodies.* Orel, 2017, pp. 90–94. (In Russian).
10. Spirin A.V. Public Interest in Criminal Proceedings. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 91–104. (In Russian).
11. Nasonov A.A. A Reasonable Balance of Public and Private Interests in the Criminal Procedure Sphere and the Role of the Category “Consent” in Its Provision. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2022, no. 2 (80), pp. 71–76. (In Russian).
12. Balashova A.A. Electronic Information Carriers and Their Use in Criminal Procedural Evidence. *Cand. Diss.* Moscow, 2020. 216 p.
13. Zuev S.V., Maslennikova L.N. (ed.). High-Tech Criminal Procedure. Moscow, YurLitinform Publ., 2023. 216 p.
14. Zazulin A.I. Legal and Methodological Foundations for Using Digital Information in Evidence in a Criminal Case. *Cand. Diss.* Yekaterinburg, 2018. 251 p.
15. Kachalov V.I., Kachalova O.V., Markovicheva E.V. Possibilities of Using Information Technologies When Making Procedural Decisions by the Court in a Criminal Case. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 477, pp. 222–229. (In Russian).
16. Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. Electronic Criminal Case Is a Tool for Modernizing Criminal Proceedings. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2015, no. 2, pp. 95–101.
17. Maslennikova L.N. (ed.). The Concept of Constructing a Criminal Justice System That Ensures Access to Justice in the Context of Digital Technology Development. Moscow, Norma Publ., 2023. 664 p.
18. Sergeev M.S. Legal Regulation of the Use of Electronic Information and Electronic Storage Media in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Ekaterinburg, 2018. 322 p.
19. Cherkasov V.S. Legal Regulation of the Use of Electronic Means in Evidence at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Khabarovsk, 2022. 210 p.
20. Yurkevich M.A. The Use of Video Technologies by the Court in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2021. 259 p.

21. Купчина Е.В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США / Е.В. Купчина // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – № 4. – С. 64–68.

22. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex Russica. – 2019. – № 5. – С. 91–104.

23. Brennan T. Evaluating the Predictive Validity of the Compas Risk and Needs Assessment System / T. Brennan, W. Dieterich, B. Ehret // Criminal Justice and Behavior. – 2009. – Vol. 1. – P. 21–40.

21. Kupchina E.V. The Application of Artificial Intelligence Technology in the US Civil Court System. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, no. 4, pp. 64–68. (In Russian).

22. Voskobitova L.A. Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue. *Lex Russica*, 2019, no. 5, pp. 91–104. (In Russian).

23. Brennan T., Dieterich W., Ehret B. Evaluating the Predictive Validity of the Compas Risk and Needs Assessment System. *Criminal Justice and Behavior*, 2009, vol. 1, pp. 21–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Качалова Оксана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kachalova Oksana Valentinovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 27.01.2025.
The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 27.01.2025.

Научная статья
УДК 343.2
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8

Original article

КЛИМАНОВА Ольга Валериевна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
e-mail: klimanovaov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-7924-355X>

KLIMANOVA Olga Valerievna
Samara National Research University named
after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia.

О КОМПРОМИССНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ)

COMPROMISE CRIMINAL LAW RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF RELEASING A PERSON FROM
CRIMINAL LIABILITY IN VIEW OF RECONCILIATION WITH THE VICTIM)

Аннотация. В публичных отраслях права закрепились нормы и институты, основанные на удовлетворении частного интереса. В уголовном праве проблема соотношения частного и публичного стоит особенно остро с учетом значимости охраняемых отношений и особой власти государства при решении вопросов уголовной ответственности. Один из наиболее ярких примеров выражения частных начал в уголовном праве – освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Этой норме уделено основное внимание ввиду неопределенности основания освобождения от уголовной ответственности и противоречивого раскрытия в судебных решениях названных в этой статье условий освобождения от уголовной ответственности. Цель: исследовать компромиссные уголовно-правовые отношения и рассмотреть возможность совершенствования нормы ст. 76 УК РФ и практики ее применения исходя из компромиссной природы этой нормы и содержания регулируемых ею отношений. Методы: эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, частнонаучные методы: юридино-догматический и толкования правовых норм. Результаты: сделан вывод о значимости оставления достаточных пределов усмотрения правоприменителя при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Усмотрение должно быть ограничено единственным образом – законодательным. Именно в законе следует определить основание принятия решения в целях обеспечения баланса публичного и частного интересов и в соответствии с компромиссным характером соответствующей нормы. Без такого основания

Abstract. Norms and institutions based on satisfying private interests have been established in public branches of law. In criminal law, the problem of the relationship between private and public principles is particularly acute, given the importance of protected relations and the special power of the state in resolving issues of criminal liability. One of the most striking examples of the expression of private principles in criminal law is the release of a person from criminal liability in view of reconciliation with the victim (Art. 76 of the Criminal Code of Russian Federation). The main attention is paid to this norm due to the uncertainty of the grounds for releasing from criminal liability and contradictory disclosure in court decisions of the conditions of releasing from criminal liability mentioned in this article. Purpose: to study compromise criminal law relations and to consider the possibilities of improving the norm of Article 76 of the Criminal Code of Russian Federation and the practice of its application, based on the compromise nature of this norm and the content of the relations regulated by it. Methods: empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the article concludes that it is important to leave sufficient discretion to the law enforcement officer when releasing a person from criminal liability in view of reconciliation with the victim. Discretion should be limited in the only way – by legislation. It is in the law that the basis for the decision should be defined in order to balance public and private interests and in accordance with the compromise nature of the relevant rule. Without such a basis, judicial practice will remain contradictory. In the absence

судебная практика останется противоречивой. В отсутствие легальных пределов усмотрения Верховный Суд РФ порой императивно устанавливает запреты применения ст. 76 УК РФ, что разрушает основы компромисса в уголовном праве.

Ключевые слова: восстановительное правоотношение, заглаживание вреда, компромисс, освобождение от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, публичный интерес, частный интерес, уголовно-правовое отношение

Для цитирования: Климанова О.В. О компромиссных уголовно-правовых отношениях (на примере освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) / О.В. Климанова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 78–88.

of legal limits of discretion, the Supreme Court of the Russian Federation sometimes imperatively bans the application of Article 76 of the Criminal Code, which destroys the foundations of compromise in criminal law.

Keywords: restorative legal relationship, reparation for harm, compromise, release from criminal liability, reconciliation with the victim, public interest, private interest, criminal law relationship

For citation: Klimanova O.V. Compromise Criminal Law Relations (on the Example of Releasing a Person from Criminal Liability in View of Reconciliation with the Victim). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 78–88. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8.

ВВЕДЕНИЕ

Об особенностях реализации частных интересов в публичных отраслях права говорят многие и давно, что связано с выбором концепции прав человека в качестве конституционной основы развития и систематизации всего российского отраслевого законодательства, а также с трудностями обеспечения баланса противоположностей – частного и публично-го начал. Как правило, речь идет об условных «соглашениях», которые могут иметь разные формы, например, мирового соглашения, соглашения о подсудности в гражданском процессе, досудебного соглашения о сотрудничестве и согласия лица с предъявленным обвинением в уголовном процессе, освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в уголовном праве. На самом деле примеров соглашений гораздо больше, причем не только в публичных отраслях права процессуального направления (особенно цивилистического), но и уголовно-правового. Считается, что это проявление в отечественной правовой системе процессов конвергенции частного и публичного права [1; 2; 3]. Субъекты правоотношений, даже публичных, могут распоряжаться своими правами, это допускает возможность заключения соглашения [4, с. 12–13], пусть и специфического.

В уголовном праве понятие частного интереса связывают в первую очередь с фигу-

рой потерпевшего. Как правило, речь идет об особом виде уголовно-правовых отношений – восстановительных. Они выделяются по критерию назначения, сопоставимого с целями уголовного принуждения, в данном случае – восстановления социальной справедливости, и с учетом задачи восстановления прав потерпевшего, нарушенных преступлением [2, с. 42–43]. Эти отношения нетипичны для уголовного права, ориентированного в основном на регулирование охранительных отношений в связи с совершением преступлений, и с точки зрения субъектного состава. В типичных уголовно-правовых отношениях (отношениях уголовной ответственности) субъектами являются государство и лицо, совершившее преступление (в публичных отраслях права одним из субъектов регулируемого отношения всегда является государство). В восстановительных же правоотношениях, как отмечают многие исследователи, потерпевший становится самостоятельным субъектом [см., например: 5, с. 26–29]. Однако полный субъектный состав восстановительных отношений и, соответственно, их содержание – характеристика прав и обязанностей этих лиц – в законе однозначно не закреплены, а приблизительно намечены с использованием управомочивающих норм. В них предполагается возможность выбора варианта поведения с учетом определенных критериев, и нерешенность соответствующих критери-

альных вопросов влечет практические трудности и ставит под сомнение эффективность применения восстановительных процедур в уголовном праве. Рассмотрим эти вопросы на самом распространенном примере реализации частного интереса в уголовном праве – освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Многие исследователи отказывают потерпевшему в возможности быть самостоятельным субъектом восстановительных отношений, в особенности при совершении преступления против публичных интересов, иногда называя его «субсидиарным участником» правоотношения [6, с. 58–60]. Однако если возмещение причиненного преступлением вреда является условием освобождения от ответственности, роль потерпевшего иная. Это касается примирения: для инициирования такого процесса необходимо заявление потерпевшего. Значит, потерпевший – полноценный субъект особого уголовно-правового отношения. Вопрос только – с кем?

Такие отношения невозможны без лица, совершившего преступление. Содержанием их называют обычно право потерпевшего обратиться к государству с требованием не применять к преступнику меры уголовно-правовой репрессии и право виновного примириться с потерпевшим и загладить причиненный вред [5, с. 26–29]. Отношения между преступником и потерпевшим обычно определяют как «горизонтальные», учитывая частный статус обоих субъектов.

Полагаем, что в данном случае есть третий обязательный субъект – государство, у которого возникает корреспондирующая соответствующим правам преступника и потерпевшего обязанность рассмотреть вопрос о возможности освобождения лица от ответственности. Вне государственного участия правоотношения были бы сугубо гражданско-правовыми.

Уголовно-правовые восстановительные отношения имеют в большей части публичный и «вертикальный» вид. Такой вывод об-

условлен не только статусом государства, но и тем, что корреспондирующая примирению обязанность государства связана не с непосредственным освобождением от ответственности, а с обязанностью рассмотрения соответствующего вопроса и принятия решения с учетом наличия необходимых условий и оснований (а не только самого факта примирения), что расширяет свободу волеизъявления государства. В ст. 76 УК РФ сказано: «Лицо... может быть освобождено от уголовной ответственности...». А может и не быть.

Иногда подобные отношения классифицируют и как компромиссные. Компромисс предполагает правоотношение, возникающее между лицом, совершившим преступление, и государством по поводу преступления, в результате которого достигается соглашение о прекращении (смягчении) уголовно-правового воздействия со стороны государства на виновное лицо в обмен на совершение последним определенных в законе положительных посткриминальных поступков [7, с. 8]. Порой, подчеркивая сильное частноправовое начало компромисса в уголовном праве, его правильно определяют через термин «сделка» [8, с. 9–13, 29–30].

Тезис о бескомпромиссности борьбы с преступностью остался в прошлом, сейчас в уголовной политике явно выражено стремление государства легализовать разные формы компромисса между лицом, совершившим преступление, и органами правосудия как нормальные инструменты контроля преступности. Целесообразность существования компромисса в уголовном законе не подвергается сомнению, вопрос – в его пределах и качестве применения, в сочетании частной и публичной воли. Настаивая на преимущественно публичном характере такого рода отношений, согласимся с тезисом, что законодатель связывает наступление уголовной ответственности (или освобождение от нее) в рассматриваемом случае не с волей потерпевшего, а с тем, что он видит примирение оптимальной формой разрешения уголовно-правового конфликта [9, с. 449]. Если по делам частного обвинения, например, общественная опасность преступления недостаточно высока и условно субъективна (оценивается с точки зрения потерпевшего), а потому вопрос об ответственности ставится

в полную зависимость от мнения потерпевшего, то дела о других преступлениях, в которых общественная опасность имеет «публичное» признание, предполагают только согласие потерпевшего на примирение, но окончательное решение принимает государство.

Таким образом, корень исследовательской проблемы – в определении содержания компромиссных правоотношений – прав и обязанностей изначально неравных субъектов – и в определении приоритетного интереса (частного или публичного) при принятии окончательного решения.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ОЦЕНОЧНЫМ ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ?

Условия освобождения от ответственности в связи с примирением с потерпевшим определены в законе и официальных судебных позициях. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» прямо названы два таких условия: примирение виновного с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда. В ст. 76 УК РФ указано еще и на совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые.

Основанием освобождения от уголовной ответственности обычно называют снижение (утрату) общественной опасности преступления и (или) личности лица, совершившего деяние [10, с. 53–54]. Такая позиция, хотя и не единственная, представляется наиболее близкой к истине: если бы примирение с потерпевшим было основанием освобождения от ответственности, оно бы было основным (возможно, единственным) для принятия соответствующего решения правоприменителем. Но примирение является одним из условий, позволяющих рассмотреть вопрос об освобождении от ответственности.

В пользу определения в качестве основания снижения опасности преступления или личности виновного свидетельствуют и многочисленные позиции Конституционного Суда РФ. Интересно, что, по его мнению,

перечисленных в УК РФ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 обстоятельств мало для обоснования наличия основания освобождения от уголовной ответственности, необходимо выяснять массу иных условий.

Так, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что суд вправе, а не обязан прекратить дело при соблюдении условий примирения сторон, так как должностные лица не просто констатируют наличие указанных условий, а принимают решение «с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая вид уголовного преследования, особенности объекта, наличие выраженного свободно волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность»¹. Также, по мнению Конституционного Суда РФ, критерии освобождения от ответственности, указанные в законе, направлены на учет обстоятельств, свидетельствующих о том, что лицо своими действиями снизило степень общественной опасности совершенного им преступления до минимума, позволяющего отказать от его уголовного преследования и прекратить дело². Представляется, что такое основание – это инструмент учета публичного интереса государства, когда несмотря на полную удовлетворенность частного интереса согласившегося примириться потерпевшего уголовное преследование продолжается.

Таким образом, итоговое решение принимается правоприменителем фактически по усмотрению, если основанием освобождения от уголовной ответственности признается снижение (утрата) общественной опасности лица или преступления – оценочные по своей природе. Полагаем неверным, что основание освобождения от уголовной ответственности не только не конкретизировано, а вообще не

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Определения Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О, от 21.04.2011 № 591-О-О, от 26.10.2017 № 2257-О, от 20.12.2018 № 3399-О и № 3405-О, от 26.03.2019 № 650-О, от 25.04.2024 № 891-О и др. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

названо в ст. 76 УК РФ. Это фактически вводит в заблуждение одну из сторон компромиссного отношения (лицо, совершившее преступление), стимулируя его к совершению отдельных позитивных действий, указанных в УК РФ, в адрес, казалось бы, главного субъекта такого отношения – потерпевшего. Однако даже после состоявшегося примирения эти действия могут быть не учтены судом и нейтрализуются, например, общей отрицательной характеристикой личности, наличием криминального опыта или многообъектностью преступления.

Примечательно, что в ст. 75 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием) есть прямое указание на искомое основание: «лицо... вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Хотя эта формула может быть усовершенствована, тем не менее сам факт формулирования подобного основания наряду с условиями освобождения – верный. Ведь оно балансирует частные интересы потерпевшего на заглаживание вреда, преступника – на вступление в подобную «сделку» и освобождение от уголовного принуждения, публичный интерес государства – на предупреждение совершения новых преступлений и защиту личности, общества и государства от опасных посягательств.

УСМОТРЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Не только само основание освобождения, но даже многие из условий, которые названы в законе, оценочны, не имеют формализованного содержания и определяются правоприменителем по своему усмотрению с учетом конкретных обстоятельств, относящихся к преступлению и личности виновного, тем самым все более отдаляя лицо, совершившее преступление, от прогнозирования последствий примирения с потерпевшим и подчеркивая преимущественно публичный статус таких отношений.

Одно из таких условий – примирение с потерпевшим. Этот термин официально не раскрыт. Остановимся на наиболее удачном

определении примирения как состоявшегося на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, урегулирования между обвиняемым и потерпевшим уголовно-правового конфликта, а также достижения между ними соглашения относительно порядка, размера и срока возмещения причиненного вреда [11, с. 45]. И дополним, что примирение юридически выражается в заявлении потерпевшего о прекращении уголовного дела (ст. 25 УПК РФ).

Однако возникает вопрос: кем определяется факт примирения? На первый взгляд, состоявшееся примирение определяется лично потерпевшим, оно может включать компенсацию имущественного и морального вреда, принесение извинений и т. п. Однако заявления потерпевшего для признания примирения состоявшимся мало, примирение подтверждается судом через исследование множества обстоятельств. Например, в отношении Т. уголовное дело по ч. 2 ст. 216 УК РФ было прекращено в соответствии со ст. 76 УК РФ. Впоследствии Верховный Суд РФ решение отменил, обратив внимание, что, несмотря на наличие заявления потерпевшего (брата погибшего) о прекращении дела в связи с примирением, судом не проверены добровольность его волеизъявления и то, что Т. принес извинения, а сумма в 50 тысяч рублей неадекватна жизни погибшего. Кроме того, не выяснено по существу его семейное положение, хотя у погибшего остались жена и трое малолетних детей, которые «будут испытывать моральные страдания на протяжении всей жизни, поскольку вырастут в неполной семье»³. То есть примирение признается состоявшимся именно судом, а не удовлетворенным потерпевшим.

Второе обязательное условие освобождения – заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Это обстоятельство является элементом примирения, также оценочным, но, в отличие от примирения, Пленум Верховного Суда РФ определяет его содержание примерно, поясняя, что под заглаживанием вреда следует понимать «возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.06.2024 № 78-УД24-7-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и интересов потерпевшего (речь идет и о компенсации имущественного ущерба, и морального вреда, оказании иной необходимой помощи потерпевшему, принятии иных мер)». При этом способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим, хотя, как видно из примера выше, суд оставляет за собой право пересмотреть позицию потерпевшего относительно достаточности такой компенсации.

Поэтому закономерен вопрос о том, как определить параметры заглаживания вреда с учетом разнообразия видов преступлений, в первую очередь с точки зрения объекта, особенно если страдает публичный интерес – общества и государства. В этой связи выделим наиболее примечательные проблемы. Первая и самая очевидная – возможно ли в принципе примирение с потерпевшим по многообъектным преступлением, когда страдает и конкретный потерпевший, и общество или государство в целом. Этот вопрос не решен. Высказывается точка зрения, что к ст. 76 УК РФ в таком случае необходимо подходить формально. В ней речь идет о примирении именно с потерпевшим, условия которого исчерпывающим образом перечислены в УК РФ, а требования относительно заглаживания вреда иному объекту в законе не содержатся [12, с. 19], значит, их нет. Другие говорят о невозможности примирения по делам о многообъектных преступлениях [13, с. 87].

Как в теории, так и в судебной практике подход к определению критериев заглаживания вреда по многообъектным преступлениям не сформирован. Не решено, может ли перевесить восстановление частного интереса вред публичному и, главное, сохраняет ли лицо свою опасность в таком случае и целесообразна ли тогда уголовная ответственность?

В недавнем прошлом Верховный Суд РФ формулировал позицию прямо и недвусмысленно, позволяя судам с учетом конкретных обстоятельств дела оценивать снижение опасности личности и совершенного деяния, а также достаточность заглаживания вреда даже по ст. 264 УК РФ с учетом мнения потерпевшего. «Судебная коллегия считает неправомерным требовать от обвиняемого совершения действий, направленных на заглаживание вреда публичному объекту, в качестве усло-

вия применения ст. 76 УК РФ... Условия, изложенные в ст. 76 УК РФ, расширительному толкованию не подлежат, иных формальных условий, ограничивающих применение ст. 76 УК РФ, закон не предусматривает. Причинение смерти участнику дорожного движения не является препятствием для освобождения от ответственности»⁴. Причем такая позиция носила не прецедентный, а системный характер. Верховный Суд РФ неоднократно пояснял, что «запрета на прекращение уголовного дела при совершении преступления, причиняющего вред двум объектам, закон не содержит»⁵, «отказ в удовлетворении ходатайства потерпевшего о прекращении уголовного дела при соблюдении условий, установленных ст. 76 УК РФ, по тем лишь мотивам, что преступление совершено против здоровья человека, не основан на законе»⁶.

В последний год позиция Верховного Суда РФ в корне изменилась. Теперь усмотрение судов серьезно ограничено сформулированным запретом на примирение сторон по ст. 264 УК РФ. Основной довод, который использует Верховный Суд РФ, – понимание основания освобождения от ответственности как непосредственно связанного с характеристиками преступления, включая наличие публично признаваемой общественной опасности. Теперь при принятии решения по делам с состоявшимся примирением, даже при соблюдении всех условий ст. 76 УК РФ, судам необходимо оценить удовлетворенность в первую очередь публичного интереса. В многочисленных решениях Верховного Суда РФ говорится, что «прекращение уголовного дела по данному основанию не соответствует общественным интересам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также... примирение не способно предотвратить в будущем подобные нарушения, поскольку прекращение дела не ограничило Б. в праве управления транс-

4 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.11.2023 № 82-УДП23-10-К7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.12.2022 № 44-УД22-44-К7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8. С. 47–48.

портными средствами»⁷. В некоторых решениях есть прямое указание на второй объект, вред которому не возмещен: «Общественная опасность содеянного в рассматриваемом случае заключается в причинении вреда интересам государства и общества в сфере эксплуатации транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности. В обжалуемом постановлении судом не указано, какие действия Р. расценены как загладившие вред этим общественным интересам»⁸, или, например, «дополнительный объект данного преступного деяния – это здоровье и жизнь человека, утрата которой необратима и невозполнима»⁹. О невозполнимости утраченной жизни Верховный Суд говорит многократно, даже когда примирение с потерпевшим состоялось: «Субъективное мнение потерпевшей (матери погибшего) о полном заглаживании вреда не может быть единственным подтверждением, которое являлось бы достаточным основанием для освобождения Б. от уголовной ответственности, такого снижения степени опасности содеянного, заключающегося не только в гибели человека, но прежде всего в утрате родителями своего ребенка, которая невозполнима»¹⁰. Аналогичных решений немало¹¹. Выходит, вывод об удовлетворении частного интереса публичный субъект по таким делам всецело оставляет за собой, выводя потерпевшего за рамки этих отношений и обесценивая его позицию о примирении.

Таким образом, очевидно, что без иницирования изменения закона и нормативных

судебных позиций через судебные решения по конкретным делам высшая судебная инстанция изменила подход к толкованию нормы ст. 76 УК РФ, установила ее новое содержание за счет ограничения дискреционных полномочий правоприменителя. Притом что в данном случае дискреция обоснованна и выступает в качестве единственного балансира частного и публичного интереса при применении данной компромиссной процедуры.

Конечно, лицо не снижает своей опасности, и его освобождение от ответственности за совершенное преступление нецелесообразно, если имело место последующее неоднократное нарушение правил дорожного движения тем, по чьей вине от аналогичных действий уже погиб человек¹². Весомым аргументом невозможности освобождения лица от ответственности при соблюдении всех условий ст. 76 УК РФ является и фактическая повторность преступления при юридически отсутствующей множественности.

Но Верховный Суд РФ радикально в совокупности решений 2023–2024 гг. сформулировал запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по преступлениям с двумя объектами, как представляется, лишь потому, что вред компенсирован только определенному потерпевшему или вообще не компенсирован, поскольку «утрата жизни невозполнима», а вред второму объекту не возмещен. Соглашаясь в целом с доводом о принципиальной невозможности компенсации причинения смерти (который, однако, не имеет законодательной основы, тем более что речь идет о преступлениях обычно неосторожных – с относительно невысокой степенью общественной опасности), тем не менее полагаем, что решение о возполнимости утраты должно приниматься лично потерпевшим (близким погибшего) в отсутствие прямых законодательных запретов.

Второй довод – о невозмещении вреда публичному объекту – также непоследователен. Интересно, что по другим основаниям освобождения от ответственности, например, в связи с назначением судебного штрафа, допускается возмещение вреда обществу

7 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.06.2024 № 33-УД24-6-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 66-УДП23-20-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 6-УДП24-2-К2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.06.2024 № 33-УД24-6-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.01.2024 № 71-УДП23-11-КЗ; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.08.2024 № 36-УДП24-10-К2; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2024 № 81-УДП24-11-К8 и др. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2024 № 81-УДП24-11-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и государству в разных, весьма неочевидных формах, и даже когда ущерб причиняется не двум, а одному объекту – публичному. Например, при совершении служебного подлога сотрудником ФСИН таким заглаживанием вреда государству и восстановлением нарушенных интересов являлось «принесение официальных извинений руководству, признание вины, увольнение со службы по собственному желанию»¹³. При совершении преступлений против здоровья населения (например, наркосбыта) – пожертвования в благотворительные фонды как компенсация вреда, причиненного обществу¹⁴. Значит, заглаживание «публичного» вреда все же признается возможным и активно практикуется, но, как видим, избирательно.

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРИМИРЕНИЕ С ГОСУДАРСТВОМ?

Одним из проблемных аспектов применения положений о примирении с потерпевшим при совершении преступлений против публичных интересов является то, что в этих случаях лицо, обладающее правом примириться с виновным, законодательно не определено, равно как и в ситуациях, когда интересы общества или государства выступают основным объектом [13, с. 87]. Иными словами, речь идет о фактическом отсутствии потерпевшего, способного примириться.

Категория потерпевшего в УК РФ не раскрыта. Классический подход к этому субъекту в уголовном праве сформулирован П.С. Дагелем: это физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный (материальный) или моральный вред [14, с. 18–20]. В ст. 42 УПК РФ похожее определение: потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Причем в случае смерти пострадавшего права потер-

певшего переходят к одному из близких родственников (для целей ст. 76 УК РФ с ними тоже возможно примирение, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ).

Однако следует помнить, что статус потерпевшего предполагает появление у лица совокупности прав и обязанностей, и этот статус приобретается формально особым решением правоприменителя. Не углубляясь в дискуссию о соотношении материального и процессуального подходов к понятию потерпевшего (пострадавшего, жертвы преступления), зададимся вопросом о его сущности и, соответственно, определимся: возможно ли по преступлениям против публичных интересов определение потерпевших, которым преступлением причинен вред, и заглаживание им всем вреда? Например, по преступлениям против государственной власти юридически представителем потерпевшего признается орган государственной власти, а потерпевшим фактически будет публично-правовое образование – государство. Именно с учетом позиции такого представителя потерпевшего определяется, например, общественно опасное последствие при злоупотреблении должностными полномочиями и т. п. Возможно ли примирение с таким представителем потерпевшего?

Практика по этому направлению крайне противоречива. Например, при совершении экологических преступлений вред причиняется окружающей среде. По поводу примирения сторон при незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) кассационные суды указывают в одних случаях, что «В. впервые привлекался к уголовной ответственности за совершение преступления небольшой тяжести, возместил причиненный вред в полном объеме в сумме, определенной потерпевшим, через уплату в кассу Министерства лесного хозяйства Республики Башкортостан, примирение между ним и потерпевшим достигнуто... суд обоснованно пришел к выводу об уменьшении опасности содеянного, позволяющей освободить обвиняемого от уголовной ответственности»¹⁵, а в других, наоборот: «принимая решение о прекращении дела, суд оставил без во внимания, что основным непосредственным объектом преступления,

¹³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.09.2019 № 117-УД19-4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. – С. 6–7.

¹⁴ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12. С. 25–30.

¹⁵ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 № 77-4769/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренного ч. 2 ст. 260 УК РФ, является не физическое либо юридическое лицо, а экологическая безопасность такого компонента окружающей природной среды, как дикорастущая флора, ее стабильность и природно-ресурсный потенциал в области охраны и рационального использования лесного фонда. Заглаживание вреда в виде полного возмещения материального ущерба ГКУ Амурской области "Шимановское лесничество" нельзя расценивать как удовлетворяющее ст. 76 УК РФ, и оно не свидетельствует о полном заглаживании вреда, причиненного преступлением»¹⁶.

Примечательно, что принципиального решения по указанной ситуации нет ни в УК РФ, ни в судебных позициях Верховного и Конституционного Судов РФ. Этот вопрос может быть решен в рамках не допустимого усмотрения суда, а легального формулирования основания и условий освобождения. Он требует однозначного решения в законе или нормативных судебных позициях, и это решение должно быть единым и системным для всех видов освобождения от ответственности, требующих заглаживания вреда. Учитывая, что в действующем законе круг потерпевших определен широко и без конкретизации, исключений в настоящее время быть не должно – возможность возмещения вреда публичным интересам должна быть, если ее признает потерпевший как сторона примирения и субъект восстановительного отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освобождение от ответственности в связи с примирением с потерпевшим – компромисс государства и преступника, который возможен, в соответствии с категорией и видовыми характеристиками преступления, при незначительной опасности лица, его совершившего. Такой компромисс имеет серьезные публичные цели и поставлен в зависимость от усмотрения правоприменителя.

Усмотрение в уголовном праве – это объективная необходимость, и оно не просто допустимо, но и в некоторых случаях необходимо, поскольку является наиболее эффективным способом разрешения конкретных

ситуаций со специфическими особенностями учитываемых обстоятельств [15, с. 108–109]. Усмотрение правоприменителя предполагает относительную свободу выбора при принятии решения; наличие пределов усмотрения, установленных законом; обоснованность и справедливость принятого решения; обязательный учет конкретных обстоятельств совершенного общественно опасного деяния [16, с. 9–15]. Эти признаки в рамках примирения сторон в основном соблюдены, и предусмотренный законом уровень усмотрения в данном случае необходим и достаточен: и само примирение, и заглаживание вреда индивидуальны, подтверждаются потерпевшим и верифицируются государством с учетом обстоятельств дела (тем самым подтверждая соблюдение частного интереса), а также с точки зрения наличия оценочного основания (как гармонизация частного интереса с публичным).

Формулировка не рекомендаций по толкованию уголовно-правовой нормы, а новых запретов (о неприменении ст. 76 УК РФ при совершении определенных видов преступлений или для особых субъектов и особых потерпевших) высшим судебным органом трансформирует управомочивающую компромиссную норму в императивную, что не является полномочием судебного органа и может, в свою очередь, быть общественно опасным. Например, вместо освобождения от ответственности по ст. 76 УК РФ в условиях, когда в результате дорожно-транспортного происшествия погибли члены семьи виновного, если примирение имеет место внутри семьи, применение мер уголовной репрессии (надо сказать, в настоящее время крайне суровых по ст. 264 УК РФ) может способствовать утяжелению условий жизни всех членов семьи и формированию отношения к правосудию как к несправедливому. Кроме того, такая практика может способствовать снижению активности лиц, совершивших преступления, на возмещение ущерба.

Право, а не обязанность правоприменителя принять решение об освобождении от ответственности логично используется в законе как инструмент, позволяющий не идти на поводу у частного интереса потерпевшего при решении публичного вопроса об уголовной ответственности, а также определить, учтен ли публичный интерес и в достаточ-

¹⁶ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2022 по делу № 77-611/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной ли степени общество защищено от преступных проявлений, насколько необходимо и целесообразно применение уголовной репрессии для восстановления социальной справедливости, исправления лица и предупреждения совершения им преступлений. Если предусмотренная в законе дискреция устраняется, то конструкция компромиссного отношения разрушается, оно становится ма-

лоприменимым и неперспективным для лиц, совершивших преступление. Потому компромиссное содержание этих отношений требует защиты путем установления легальных пределов дискреции с определением основания и уточнением условий принятия решения, не допускающих произвольного и противоречивого применения норм института освобождения от ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. – Москва : Статут, 2015. – 368 с.
2. Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве / Т.В. Кленова // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41–45.
3. Муратова Н.Г. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса / Н.Г. Муратова, М.Ю. Челышев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 10–27.
4. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г.В. Абшилава. – Москва, 2012. – 55 с.
5. Сидоренко Э.Л. Частные начала в уголовном праве / Э.Л. Сидоренко, М.А. Карабут. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. – 212 с.
6. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика : монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2021. – 436 с.
7. Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Терских. – Екатеринбург, 2013. – 29 с.
8. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Х.Д. Аликперов. – Москва, 1992. – 36 с.
9. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.
10. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики / В.В. Сверчков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 583 с.
11. Ухова Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : монография / Е.В. Ухова. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 144 с.
12. Гарбатович Д.А. Возмещение ущерба и иное заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности (ст. 76, 762 УК РФ) в зависимости от особенностей объекта преступления / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2024. – № 12. – С. 12–27.
13. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом общей судебной практики : научно-практическое пособие / А.В. Бриллиантов. – Москва : Проспект, 2014. – 111 с.

REFERENCES

1. Eliseev N.G. Procedural Agreement. Moscow, Statut Publ., 2015. 368 p.
2. Klenova T.V. On the Compatibility of Public and Private Interests in Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2006, no. 2, pp. 41–45. (In Russian).
3. Muratova N.G., Chelyshev M.Yu. On the Inter-Branch Theory of Procedural Agreements: Issues of Civil Law, Civilistic and Criminal Procedure. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*, 2012, no. 4, pp. 10–27. (In Russian).
4. Abshilava G.V. Conciliation Procedures in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2012. 55 p.
5. Sidorenko E.L., Karabut M.A. Private Principles in Criminal Law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2007. 212 p.
6. Pudovochkin Yu.E. (ed.). Exemption from Criminal Liability: Theory, Law, Practice. Russian State University of Justice Publ., 2021. 436 p.
7. Tersikh A.I. Compromise in Russian Criminal Law. *Cand. Diss. Thesis*. Yekaterinburg, 2013. 29 p.
8. Alikperov Kh.D. Problems of Admissibility of Compromise in the Fight Against Crime. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1992. 36 p.
9. Golovko L.V. Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2002. 544 p.
10. Sverchkov V.V. Release from Criminal Liability, Termination of a Criminal Case (Prosecution), Refusal to Initiate It: Problems of Theory and Practice. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2008. 583 p.
11. Ukhova E.V. Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings. Moscow, YurLitinform Publ., 2008. 144 p.
12. Garbatovich D.A. Compensation for Damage and Other Compensation for Harm as Conditions for Release from Criminal Liability (Articles 76, 762 of the Criminal Code of the Russian Federation) Depending on the Characteristics of the Object of the Crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 12, pp. 12–27. (In Russian).
13. Brilliantov A.V. Release from Criminal Liability: Taking into Account General Judicial Practice. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 111 p.
14. Dagal P.S. (ed.). Victim of a Crime. Far Eastern University Publ., 1974. 217 p.

14. Потерпевший от преступления : монография / отв. ред. П.С. Дагель. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1974. – 217 с.

15. Жевлаков Э.Н. Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе / Э.Н. Жевлаков, И.Э. Звечаровский, В.С. Минская, А.В. Наумов, Н.Ю. Решетова, А.В. Савкин, А.Г. Халиулин // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 108–113.

16. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве / Ю.В. Грачева. – Москва : Проспект, 2016. – 104 с.

15. Zhevlakov E.N., Zvecharovsky I.E., Minskaya V.S., Naumov A.V., Reshetova N.Yu., Savkin A.V., Khaliulin A.G. Discretion in Criminal Law and Criminal Procedure. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 1, pp. 108–113. (In Russian).

16. Gracheva Yu.V. Judicial Discretion in Criminal Law. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 104 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климанова Ольга Валериевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klimanova Olga Valerievna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.
The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 16.01.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.9

Original article

Кудрявцева Анна Васильевна
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия;
Санкт-Петербургский городской суд,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: acifna@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7666-8048>

KUDRYAVTSEVA Anna Vasilievna
North-West Branch of the Russian State
University of Justice, Saint Petersburg City Court,
Saint Petersburg, Russia.

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ (ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА) УМЕРШЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ СПОСОБАМИ)

PROTECTION OF PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS (PRIVATE INTEREST) OF A DECEASED
VICTIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS (BY PUBLIC LAW METHODS)

Аннотация. Защита прав граждан от преступных посягательств уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными способами является задачей государственных органов и должностных лиц. Она решается посредством уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых. Потерпевший, наделенный уголовным и уголовно-процессуальным законом правом уголовного преследования, имеет право на защиту своих прав и интересов, а также на эффективное расследование. Смерть потерпевшего не приостанавливает и не устраняет необходимость расследования и разрешения уголовного дела, поскольку задача уголовного судопроизводства – привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, назначение ему справедливого наказания (или освобождение невинного от уголовной ответственности), защита и восстановление прав потерпевшего. Утрачиваются ли права потерпевшего в связи с его смертью, достаточно ли урегулирован институт правопреемства в уголовном судопроизводстве, какие права и к кому переходят от умершего потерпевшего, каковы особенности защиты личных неимущественных прав потерпевшего посредством уголовного судопроизводства – эти вопросы являются предметом дискуссий в науке и до сих пор не решены на законодательном уровне. Цель исследования – выявление проблем правопреемства в уголовном судопроизводстве и их разрешение в доктрине вне зависимости от того, какие имущественные или личные неимущественные права умершего потерпевшего защищаются; определение влияния на статус правопреемника умершего

Abstract. Protection of citizens' rights from criminal encroachments by criminal law and criminal procedure methods is the task of state bodies and officials. It is solved through criminal prosecution of suspects and defendants. The victim, endowed by criminal law and criminal procedure law with the right of criminal prosecution has the right to protect his or her rights and interests, including through the right to an effective investigation. The death of the victim does not suspend or eliminate the need to investigate and resolve the criminal case, since the purpose of criminal proceedings is to bring to criminal responsibility the person who committed the crime, to impose a fair punishment (or to release the innocent from criminal responsibility), to protect and restore the victim's rights. Whether the victim's rights are lost due to his death, whether the institute of legal succession in criminal proceedings is sufficiently regulated, what rights and to whom are transferred from the deceased victim, what are the features of protection of personal non-property rights of the victim through criminal proceedings. These issues are the subject of discussions in science and have not yet been resolved at the legislative level. The purpose of the study is to identify the problems of succession in criminal proceedings and their resolution in the doctrine regardless of what property or personal non-property rights of the deceased victim are protected, as well as to determine the impact on the status of the successor of the deceased victim of

потерпевшего момента смерти потерпевшего и связи смерти потерпевшего с преступлением. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование выявило необходимость урегулирования перехода прав умершего потерпевшего к его близким родственникам, близким лицам или родственникам, а при их отсутствии – к лицам со стороны обвинения посредством института уголовно-процессуального правопреемства. На регламентирование процессуальных прав правопреемника потерпевшего не должны влиять следующие обстоятельства: умер ли потерпевший в результате совершения против него преступления или не в связи с этим, или когда преступление было совершено против имущественных или личных неимущественных прав уже умершего потерпевшего, охраняемых государством в виде основных прав и свобод, закрепленных в гл. 2 Конституции РФ.

Ключевые слова: потерпевший, уголовно-процессуальное правопреемство, близкие родственники, близкие лица, уголовно-правовой статус

Для цитирования: Кудрявцева А.В. Защита личных неимущественных прав (частного интереса) умершего потерпевшего в уголовном судопроизводстве (публично-правовыми способами) / А.В. Кудрявцева. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 89–97.

the moment of the victim's death and the connection of the victim's death with the crime. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study reveals the need to regulate the transfer of rights of the deceased victim to his close relatives, close persons or relatives, and in their absence to persons on the prosecution side through the institute of criminal procedure succession. The regulation of procedural rights of the legal successor of the victim should not be affected by the following circumstances: whether the victim died as a result of a crime committed against him or not in connection with it, or when the crime was committed against the property or personal non-property rights of the already deceased victim, protected by the state in the form of fundamental rights and freedoms enshrined in Chapter Two of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: victim, criminal procedure succession, close relatives, close persons, criminal law status

For citation: Kudryavtseva A.V. Protection of Personal Non-Property Rights (Private Interest) of a Deceased Victim in Criminal Proceedings (By Public Law Methods). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 89–97. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.9.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость защиты прав умершего потерпевшего достаточно часто возникает в судебной практике. При отсутствии регулирования института правопреемства потерпевшего (как и правопреемства обвиняемого (подозреваемого) в уголовном судопроизводстве) суды принимают непоследовательные, противоречивые решения, отсутствует даже название лица, к которому переходят права потерпевшего после его смерти. На практике такие лица признаются потерпевшими, представителями потерпевших. В таких случаях правовой основой выступает ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Однако эта норма не регулирует случаи, когда потерпевший умер не в связи с совершением против него преступления, а по иным причинам, хотя на практике встречаются ситуации,

когда преступления совершаются в отношении имущества и личных неимущественных прав уже умершего лица.

Возможна ли защита имущества и личных неимущественных прав умершего лица уголовно-правовыми и, соответственно, уголовно-процессуальными способами? Определенного ответа на этот вопрос нет ни в науке уголовно-процессуального права, ни в законодательстве, ни в судебной практике. В качестве примера приведу казус: «знакомые» умершего коллекционера, воспользовавшись ключами, которые им выдали в морге вместе с его вещами, проникли в квартиру коллекционера и забрали ключи от хранилища с целью ее хищения, а затем похитили часть коллекции. Органами предварительного расследования действия злоумышленников были квалифицированы как хищение культурных ценно-

стей и незаконное проникновение в жилище. Суд первой инстанции исключил из обвинения незаконное проникновение в жилище, посчитав, что такое право у умершего лица отсутствует в силу отсутствия субъекта права.

В связи с данным казусом возникают вопросы, которые затрагивают не существующий в уголовно-процессуальном праве России институт правопреемства, в нашем случае – институт правопреемства умершего потерпевшего в уголовном процессе. В отличие от норм уголовно-процессуального права в науке уголовно-процессуального права необходимость в данном институте давно очевидна [1; 2].

ИНСТИТУТ ПРАВОПРЕЕМСТВА УМЕРШЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

В связи с переходом прав умершего потерпевшего к иным лицам (правопреемством) в уголовном процессе можно выделить три ситуации: первая отчасти урегулирована уголовно-процессуальным законодательством (ч. 8 ст. 42 УПК РФ); вторая связана со смертью потерпевшего не в результате совершения в отношении него преступления; третья – когда преступления совершены в отношении благ, принадлежащих ранее (еще до совершения преступления в отношении этих благ) умершему потерпевшему.

В первом случае в соответствии с формулировкой ч. 8 ст. 42 УПК РФ права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, переходят к одному из близких родственников или близких лиц умершего, а при их отсутствии – к одному из его родственников. Формулировка данной нормы является предметом дискуссий, которые сводятся к необходимости ответа на вопросы о том, каков процессуальный статус данных лиц, какие права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, переходят к близким родственникам, близким лицам и родственникам, признаются ли эти лица потерпевшими.

Совершенно очевидно, что только часть прав умершего потерпевшего может перейти к близким родственникам, близким лицам и родственникам. Например, к ним не могут перейти такие права, как право давать показания, подвергнуться освидетельствованию или экспертизе. При этом эти лица могут быть допрошены по делу, поскольку могут знать об

обстоятельствах совершения преступления в силу совместного проживания с потерпевшим, и здесь возможно совмещение двух процессуальных функций в одном лице (по аналогии с возможностью допроса законного представителя несовершеннолетнего свидетеля).

Вторая ситуация связана с тем, что в момент совершения преступления потерпевший был жив, но, пока шло расследование или судебное разбирательство, умер. Интересно, что при ответе на вопрос о необходимости в этом случае продолжать уголовное судопроизводство, которое в силу своей публичности не может быть прекращено, ученые в качестве аргумента приводят ч. 2 ст. 318 УПК РФ, регламентирующую производство по делам частного характера: «В случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном ч. 3 настоящей статьи», которая, в свою очередь, ссылается на предусмотренный ч. 4 ст. 20 УПК РФ порядок, когда дело частного характера, в силу невозможности потерпевшего самостоятельно защитить свои права, возбуждается следователем или с согласия прокурора дознавателем. Совершенно очевидно, что в случае смерти потерпевшего, не связанной с преступлением по делам частного-публичного или публичного характера, уголовное судопроизводство должно быть продолжено. Однако такие ситуации не урегулированы уголовно-процессуальным законодательством.

По поводу возможности правопреемства в случае смерти потерпевшего или ликвидации юридического лица – потерпевшего тоже ведутся дискуссии. Так, А.Д. Прошляков полагает, что в правовых ситуациях смерти потерпевшего, не связанной с совершением преступления против него, никакое правопреемство УПК РФ не предусматривает, соответственно, дальнейшее производство по такому делу должно происходить без участия его правопреемников, а нарушенные преступлением права должны отстаивать органы уголовного судопроизводства со стороны обвинения [3, с. 207]. М.В. Парфенова и Е.И. Конах считают, что близкий родственник потерпевшего должен признаваться потерпевшим в силу ч. 8 ст. 42 УПК РФ, даже если потерпевший умер по другой причине [4, с. 9].

Вместе с тем именно по таким ситуациям и предлагается введение института уголовно-процессуального правопреемства, который в научной литературе определяется как «приобретение ввиду смерти потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого его близкими родственниками и (или) близкими лицами, а в их отсутствие или невозможности участия – родственниками правомочий по защите нематериальных благ, принадлежавших умершему (достоинства личности, чести, доброго имени, жизни и здоровья), а также переход к ним определенной части прав и обязанностей, которыми обладал умерший или должен был обладать в силу занимаемого фактического положения в уголовном процессе. Преемству не подлежат уголовно-процессуальные права и обязанности, неотделимые от личности умершего потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого» [5, с. 143].

Институт правопреемства умершего участника уголовного судопроизводства связывают с институтом наследования в гражданском праве. В науке гражданского права встречаются мнения о неимущественном характере предмета наследственного права, но определенно утверждается, что личные неимущественные права, не связанные с имущественными, не могут быть включены в наследственную массу. Ю.К. Толстой предлагает следующее определение: «Наследственное право – это совокупность правовых норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения, связанные с переходом прав и обязанностей умершего лица (наследодателя) к его наследникам в порядке наследования» [6, с. 208]. О.А. Красавчиков, рассматривая вопрос о системе советского гражданского права, определял нормы наследственного права как «регулирующие имущественные и некоторые неимущественные отношения, возникающие в связи с переходом прав и обязанностей после смерти гражданина к его наследникам» [7, с. 40].

Вопрос о невозможности наследования личных неимущественных прав в гражданском праве решен. Поскольку отсутствует сам субъект личных неимущественных прав, его права, неотчуждаемые от личности, не могут быть предметом наследования. Вместе с тем неимущественные права – на честь, достоинство и репутацию – подлежат защите в соответствии со ст. 150 ГК РФ; в соответствии

с абз. 2 ч. 1 ст. 152 ГК РФ заинтересованные лица вправе обратиться за защитой чести, достоинства и деловой репутации умершего.

В связи с этим можно констатировать, что, несмотря на смерть (ликвидацию) субъекта права, его личные неимущественные права продолжают подлежать защите и охране. М.Н. Малеина приходит к выводу «о существовании некоторых нематериальных благ в отрыве от человека в усеченном объеме (составе)» [8, с. 43]. С.А. Зинченко полагает, что отдельные права (правомочия) человека после его смерти могут существовать бессубъектно и бессрочно [9, с. 111]. В.А. Белов называет данное правовое явление «феноменом переживания» и аргументирует возможность его существования теорией привязки личных прав к юридическому факту смерти, а не к умершему [10, с. 634–639]. Е.В. Богданов полагает, что общество имеет возможность защищать личные неимущественные права умершего, делегируя определенному кругу лиц возможность их защиты [11, с. 29–30].

Возражая этому, Н.Н. Парыгина указывает: «предпринимать меры к тому, чтобы оградить от посягательств деловую репутацию (или любое другое нематериальное благо) умершего физического или ликвидированного юридического лица, столь же абсурдно, как отстаивать права ушедшего человека на жизнь и здоровье» [12, с. 92]. А.А. Демичев и О.В. Исаенкова считают, что, по общему правилу, наследование личных неимущественных прав неотделимо от личности наследодателя, а потому такие права в составе наследственной массы не переходят к наследникам ни по закону, ни по завещанию [13, с. 87]. Е.В. Гаврилов, М.А. Гаврилов и А.А. Патрушева полагают, что у умершего не может быть никаких благ, заинтересованные лица защищают добрую память об умерших и сохранение достойного к ним отношения [1, с. 80; 2, с. 75; 14, с. 12]. Р.Е. Гукасян обращал внимание на то, что предметом судебной защиты в порядке уголовного судопроизводства являются, прежде всего, общественные интересы, а также духовные интересы близких родственников умершего [15, с. 65].

Конституционный Суд РФ применительно к защите чести и достоинства умершего подозреваемого и обвиняемого указывает: «Поскольку конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обяза-

ваает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что, в свою очередь, предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защите в полном объеме, как это вытекает из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹. Таким образом, Конституционный Суд РФ провозгласил объектом государственной защиты достойное отношение к умершим. Государственной защите подлежат и частные интересы в виде интересов близких защитить как честь и достоинство умершего, так и свои собственные интересы, а также коллективные интересы семьи, членом которой был умерший.

В практике судов общей юрисдикции имеются примеры суждений об объекте защиты в случае смерти лица. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции в 2022 г. признал, что право на уважение памяти умершего подлежит защите².

К личным неимущественным правам личности относят: авторские и иные права на интеллектуальную собственность, честь, достоинство и деловую репутацию, а также тесно связанные с ним право на опровержение и право на ответ; личные неимущественные права, направленные на обеспечение личной неприкосновенности граждан, включающие право на телесную неприкосновенность и охрану жизни и здоровья, на неприкосновенность личного облика, а также личного изображения; личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан: на неприкосновенность жилища, личной документации, на тайну личной жизни, в том числе адвокатскую, медицинскую тайну, тайну совершения нотариальных и следственных действий, вкладов в банках и иных кредитных органи-

зациях, личного общения, сведений, полученных средствами массовой информации. Среди этих прав выделяют неимущественные права, связанные и не связанные с имущественными.

Способами защиты личных неимущественных прав в соответствии с действующим гражданским законодательством являются: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих условия для его нарушения; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; способы, предусмотренные законом, например, опровержение сведений, порочащих честь и достоинство гражданина.

Личные неимущественные права защищены и уголовно-правовыми способами – путем установления запретов совершения действий, которые нарушают основные конституционные права граждан. Этому посвящена гл. 19 УК РФ. Если мы обратимся к казусу, который послужил поводом для написания данной статьи, то право на неприкосновенность жилища защищено ст. 139 УК РФ. Следует отметить, что данное право отнесено Конституцией РФ к числу основных прав и свобод человека и гражданина, как и право на неприкосновенность частной жизни, переписки, телефонных и телеграфных сообщений.

Право на неприкосновенность жилища сопряжено с необходимостью сохранения сведений о частной жизни гражданина, с правом на личное пространство, и всякое незаконное проникновение в жилище, даже в случае отсутствия лица в момент проникновения, угрожает получением информации о личной жизни лица, в том числе умершего, которая может быть использована в негативных целях, например, в целях умаления чести, достоинства и деловой репутации лица. Проникновение в жилище также может поставить под угрозу право собственности, даже если само жилое помещение не принадлежит лицу на праве собственности, поскольку именно в жилище хранятся личные вещи, письма, иная личная информация. Уголовно-правовой запрет нарушать неприкосновенность жилища и закрепление данного права в Конституции РФ сви-

1 По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрова и Ю.Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П // Российская газета. 2011. № 165 (5541).

2 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 по делу № 88-2473/2022, 2-121/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

детельствует о публично-правовом способе защиты данного права. В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ ст. 139 УК РФ отнесена к делам частно-публичного обвинения, и здесь вполне применима аналогия с ч. 2 ст. 318 УПК РФ.

Если нарушено личное неимущественное право умершего лица – право на неприкосновенность жилища, то заявление о возбуждении уголовного дела вправе подать его близкие родственники, близкие лица, а в случае их отсутствия и родственники. Если и таковые отсутствуют, то данное благо, принадлежащее умершему потерпевшему, должно защищать государство в лице его правоохранительных органов. Объектом защиты в этом случае выступает не право на неприкосновенность жилища, а уважение к памяти умершего и нераспространение информации о его частной жизни, его доброе имя. Государство в лице дознавателя, следователя, в силу того, что умершее лицо само не может защитить свои интересы, обязано возбудить уголовное дело и привлечь к ответственности лиц, совершивших данное деяние, в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 20 УПК РФ. В равной степени сказанное распространяется и на преступления, предусмотренные ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни) и 138 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, совершенные в отношении умершего лица) УК РФ.

В приведенном примере государство защищает право собственности умершего путем привлечения к уголовной ответственности лиц, похитивших часть коллекции. В данном случае не имеет значения, есть у коллекционера наследники или его имущество будет отнесено к выморочному и в качестве будущего собственника выступит государство. Несмотря на смерть собственника, право собственности как ценность и благо, охраняемые государством, все равно признается нарушенным, а лицо, нарушившее правоотношения собственности, подлежит уголовной ответственности.

Дополнительным аргументом необходимости привлечения к уголовной ответственности лиц, нарушивших право на неприкосновенность жилища путем проникновения в квартиру умершего коллекционера, является уголовно-правовая природа прав пострадавшего на уголовное преследование; процес-

суальные права потерпевшего производны от уголовно-правовой природы потерпевшего.

Материально-правовая природа права потерпевшего на уголовное преследование не оспаривается, нормативной основой для этого являются ст. 76 УК РФ, ст. 20, 23, 318 УПК РФ. Данное право умершего лица, которому непосредственно причинен вред преступлением и права которого преступлением нарушены, вне зависимости от того, явилось ли преступление причиной его смерти или человек умер вне связи с совершенным преступлением, должно переходить к его преемникам.

Совершенно очевидно, что ч. 8 ст. 42 УПК РФ должна распространяться на все ситуации смерти потерпевшего, рассмотренные нами, в том числе на случаи, когда фактически преступление совершено в отношении уже умершего потерпевшего, но его может заменить правопреемник для восстановления его имущественного положения, а в случае отсутствия правопреемника – государство в лице органов и должностных лиц, выступающих на стороне обвинения. От того, что потерпевший умер, цели уголовного судопроизводства, в силу публично-правового характера, не становятся иными, и основным назначением является, в соответствии со ст. 6 УПК РФ, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания (или признание невиновными и освобождение от уголовной ответственности).

В случае смерти потерпевшего привлечение к уголовной ответственности виновных лиц будет способствовать институту правопреемства в уголовном процессе, который на протяжении длительного времени является предметом исследований в уголовно-процессуальном праве (и даже получил нормативное закрепление в международных документах), однако так и не был урегулирован в уголовно-процессуальном законодательстве России. Институт правопреемства в уголовном судопроизводстве давно является предметом научных исследований.

Основа данного института заимствована из гражданского права и процесса, который закреплен в ст. 44 ГПК РФ и ст. 48 АПК РФ и предполагает замену выбывшей стороны в спорном правоотношении. В гражданском праве и гражданском процессе невозможно спорное правоотношение и вообще спор при физическом отсутствии одной из сторон.

В уголовном судопроизводстве публично-правовые образования не могут признаваться потерпевшими, поскольку от их имени, от имени государства и осуществляется уголовное преследование. Расследование и разрешение уголовных дел против общества и государства обычно происходит и без потерпевшего.

Однако правопреемство как институт перехода части прав от умершего потерпевшего к лицам, которые заинтересованы в защите его прав и интересов – близким родственникам, близким лицам или родственникам, в уголовном судопроизводстве фактически существует. Об этом свидетельствует ч. 8 ст. 42 и ч. 2 ст. 318 УПК РФ. При этом вопросы перехода прав умершего потерпевшего нельзя считать полностью урегулированными и разрешенными.

В качестве примера урегулирования института правопреемства в уголовном судопроизводстве приводят Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – членов СНГ, принятый в 1996 г.³, в гл. 13 «Правопреемники и представители» которого закреплен институт правопреемства. Статья 114 «Правопреемник потерпевшего» определяет круг субъектов, которые могут быть правопреемниками потерпевшего: близкие родственники, выразившие желание осуществлять при производстве по уголовному делу права и обязанности потерпевшего, процедуру признания правопреемником потерпевшего и прекращения его правомочий, права, которые переходят к правопреемнику и которые не могут осуществляться правопреемником. Не переходит к правопреемнику право давать показания, примириться, отказаться от уголовного преследования в качестве частного обвинителя, отозвать поданную пострадавшим или потерпевшим жалобу; правопреемник потерпевшего может быть вызван в качестве свидетеля. Поскольку Кодекс носит рамочный характер и представляет только определенную модель регулирования уголовно-процессуальных отношений, всего несколько государств – членов Содружества заимствовали регулирование данного инсти-

тута: Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Республика Армения.

УПК Азербайджанской Республики⁴ (ст. 106.4, 106.5, 106.7, 106-1.9) и УПК Республики Армения⁵ (ч. 3–5 ст. 80) устанавливают, что правопреемник потерпевшего участвует в производстве по уголовному делу вместо потерпевшего и обладает правами и обязанностями последнего, кроме прав, неотделимых от личности правопреемника. По УПК Республики Армения право потерпевшего давать показания относится к личным неотчуждаемым правам. В УПК Азербайджанской Республики закреплено, что правопреемник потерпевшего (обвиняемого) пользуется правом потерпевшего (обвиняемого) на дачу показаний (ст. 106.7, 106-1.7). При этом оба кодекса предусматривают возможность вызова правопреемника и его допроса в качестве свидетеля. УПК Армении (ч. 3 ст. 80) и УПК Азербайджанской Республики (ст. 106.6.1) предусматривают, что правопреемник потерпевшего не вправе примириться с подозреваемым (обвиняемым). УПК Армении (ч. 3 ст. 80) также запрещает правопреемнику отзывать поданный потерпевшим протест. УПК Азербайджанской Республики (ст. 106.6.2–106.6.3, ч. 5 ст. 114) дополнительно регламентирует неотчуждаемость и других личных прав умершего потерпевшего, таких как право отказаться от уголовного преследования в качестве частного обвинителя и отказаться от жалобы, принесенной потерпевшим. В этой связи интересно определение Конституционного Суда РФ⁶, в котором он признал право на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных неотчуждаемым от личности обвиняемого.

Обстоятельства дела: Г.М. Багаутдинова возражала против прекращения по нереабилитирующему основанию уголовного дела в отношении ее умершего сына, в связи с чем предварительное расследование было про-

4 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 27.12.2024).

5 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=82645> (дата обращения: 27.12.2024).

6 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Багаутдиновой Г.М. на нарушение ее конституционных прав ч. 3 ст. 8 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 12.11.2019 № 2967-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-6 от 17.02.1996) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 27.12.2024).

должно, а по его окончании уголовное дело передано в суд. В ходе предварительного слушания приглашенным Г.М. Багаутдиновой защитником заявлено ходатайство о рассмотрении данного уголовного дела с участием присяжных заседателей, поскольку по одному из преступлений, предусмотренному ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», инкриминируемого умершему сыну заявительницы, предусмотрена возможность рассмотрения этого дела в том числе в таком составе суда. Постановлением Верховного Суда Республики Дагестан от 27 марта 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии Верховного Суда Республики Дагестан от 8 апреля 2019 г., в удовлетворении ходатайства защитника было отказано. При этом суд первой инстанции отметил, что реализация права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей неразрывно связана с его личностью, а потому право заявить такое ходатайство не может быть делегировано защитнику или представителю.

Конституционный Суд в своем определении указал: «Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу приведенных конституционных положений данное право, в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности, не входит в основное содержание конституционного права на судебную защиту, не подлежащего изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации (статья 64 Конституции Российской Федерации), а выступает в качестве особой процессуальной гарантии судебной защиты права каждого на жизнь...». Конституционный Суд пришел к такому выводу еще и потому, что обеспечение выбора суда присяжных обвиняемым является гарантией его защиты от назначения ему сурового наказания и не может распространяться на его близких родственников, поскольку им наказание не грозит.

Несмотря на то что это решение Конституционного Суда РФ касается правопреемства прав умершего обвиняемого, оно заставляет задуматься о круге прав умершего потерпевшего, которые переходят близким родственникам, близким лицам или, при отсутствии

последних, родственникам. Следует поддержать идею о том, что права у умершего потерпевшего прекращаются в связи с его смертью, однако они порождают право его правопреемников защищать их как гарантию права на доброе имя потерпевшего, на память о нем. В совокупность таких прав, которые обеспечивают право на доброе имя умершего потерпевшего, входят и личные неимущественные права, как связанные с имущественными правами, так и обеспечивающие его индивидуальность и автономность, в круг которых, бесспорно, входит и право на неприкосновенность жилища.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку потерпевший является участником уголовно-правовых отношений, хотя и не признается частью объекта преступного посягательства, его права (имущественные и неимущественные), нарушенные преступным посягательством, вправе защищать как его близкие родственники, лица или родственники, так и представители стороны обвинения в случае отсутствия у лица родственников или близких. Однако следует помнить, что только часть уголовно-процессуальных прав потерпевшего, которые производны от его уголовно-правового статуса, может перейти к его правопреемникам.

Круг этих процессуальных прав очерчивается пониманием того, что права, которые связаны с личностью потерпевшего, не могут переходить к его правопреемнику, поэтому можно говорить только о переходе части прав потерпевшего. Сама по себе смерть потерпевшего не отменяет уголовное судопроизводство, которое направлено на выяснение вопроса о виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления. Уголовное судопроизводство осуществляется в общественных и государственных интересах и призвано защищать в публичном порядке в том числе и интересы умершего потерпевшего вне зависимости от причины смерти.

В регулировании УПК РФ нуждается институт правопреемства и перехода части прав умершего потерпевшего к его правопреемнику: необходимо закрепить само понятие уголовно-процессуального правопреемства, круг лиц, которые могут быть правопреемниками умершего потерпевшего, права, обязанности и ответственность правопреемников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов М.А. Правопреемство в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Гаврилов. – Москва, 2022. – 252 с.
2. Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Патрушева. – Омск, 2020. – 257 с.
3. Прошляков А.Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу / А.Д. Прошляков // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 206–208.
4. Парфенова М.В. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / М.В. Парфенова, Е.И. Конах. – Москва : Экзамен, 2006. – 191 с.
5. Патрушева А.А. Уголовно-процессуальное преемство прав умершего участника уголовного судопроизводства / А.А. Патрушева // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – № 1. – С. 140–147.
6. Иоффе О.С. Основы советского гражданского законодательства / О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. – 267 с.
7. Советское гражданское право: учебник : в 2 т. Т. 1 / Т.И. Илларионова, М.Я. Кириллова, О.А. Красавчиков и др. ; под ред. О.А. Красавчикова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1985. – 391 с.
8. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав / М.Н. Малеина // Государство и право. – 2014. – № 7. – С. 40–47.
9. Зинченко С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования / С.А. Зинченко. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 152 с.
10. Белов В.А. Гражданское право. Общая и Особенная части : учебник / В.А. Белов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.
11. Богданов Е.В. Проблема сохранения («переживания») прав и обязанностей умершего гражданина / Е.В. Богданов // Адвокат. – 2015. – № 8. – С. 29–30.
12. Парыгина Н.Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ / Н.Н. Парыгина // Общество, политика, право. – 2016. – № 8. – С. 91–94.
13. Демичев А.А. Смерть с точки зрения права / А.А. Демичев, О.В. Исаенкова // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 86–89.
14. Гаврилов Е.В. Новации российского гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации / Е.В. Гаврилов // Судья. – 2014. – № 4. – С. 12–16.
15. Гукасян Р.Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты / Р.Е. Гукасян // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 61–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кудрявцева Анна Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права; судья.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kudryavtseva Anna Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law; Judge.

Статья поступила в редакцию 29.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 20.01.2025. The article was submitted 29.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

REFERENCES

1. Gavrilov M.A. Succession in Criminal Procedure in Russia. *Cand. Diss.* Moscow, 2022. 252 p.
2. Patrusheva A.A. Criminal Procedure Legal Relations Arising in Connection with the Death of Participants in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Omsk, 2020. 257 p.
3. Proshlyakov A.D. On the Inalienability of the Status of a Legal Entity – a Victim in a Criminal Case. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2009, no. 5, pp. 206–208. (In Russian).
4. Parfenova M.V., Konakh E.I. Procedural Rights of the Victim and Their Implementation in the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings. Moscow, Ekzamen Publ., 2006. 191 p.
5. Patrusheva A.A. Criminal Procedural Succession of the Rights of the Deceased Participant of Criminal Proceedings. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2020, no. 1, pp. 140–147. (In Russian).
6. Ioffe O.S., Tolstoy Yu.K. Fundamentals of Soviet Civil Legislation. Leningrad University Publ., 1962. 267 p.
7. Illarionova T.I., Kirillova M.Ya., Krasavchikov O.A. et al.; Krasavchikov O.A. (ed.). Soviet Civil Law: Textbook. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1985. Vol. 1. 391 p.
8. Maleina M.N. The Concept and Types of Intangible Assets as Objects of Personal Non-Property Rights. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2014, no. 7, pp. 40–47. (In Russian).
9. Zinchenko S.A. Legal Facts in the Mechanism of Legal Regulation. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. 152 p.
10. Belov V.A. Civil Law. General and Special Parts. Moscow, Centr YurInfoR Publ., 2003. 960 p.
11. Bogdanov E.V. The Problem of Preserving (“Experiencing”) the Rights and Obligations of a Deceased Citizen. *Advocate*, 2015, no. 8, pp. 29–30. (In Russian).
12. Parygina N.N. On the Problem of Succession in Relation to Business Reputation and Other Intangible Assets. *Obshchestvo, politika, pravo = Society, Politics, Law*, 2016, no. 8, pp. 91–94. (In Russian).
13. Demichev A.A., Isaenkova O.V. Death from the Point of View of Law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 8, pp. 86–89. (In Russian).
14. Gavrilov E.V. Innovations in Russian Civil Legislation in the Sphere of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation. *Sud'ya = Judge*, 2014, no. 4, pp. 12–16. (In Russian).
15. Gukasyan R.E. Legal Protection of the Memory of the Deceased and the Subject of Judicial Protection. *Pravovedenie*, 1973, no. 1, pp. 61–66. (In Russian).

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия,
e-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3166-8527>

LATYPOV Vadim Sagit'yanovich
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПРИСЯГИ: ПРАВОВОЙ РУДИМЕНТ ИЛИ НЕДООЦЕНЕННАЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА?

THE CRIMINAL PROCEDURAL PHENOMENON OF THE OATH: A LEGAL RUDIMENT OR
AN UNDERVALUED PUBLIC LAW PROCEDURE?

Аннотация. В центре научного внимания автора – вопрос о том, является ли присяга как процессуальный механизм правовым рудиментом, безвозвратно утратившим свою актуальность в современном уголовном правосудии, либо ее следует считать ценной, но недооцененной публично-правовой процедурой, позволяющей повысить эффективность уголовного судопроизводства за счет усиления нравственной ответственности участников за содержание (полноту и правдивость) показаний. Цель: проанализировать процессуальный институт присяги, определить его потенциал, направленный на усиление доверия населения, участников уголовного судопроизводства к уголовному правосудию и повышение ответственности за дачу показаний. В ходе исследования использованы: метод исторического анализа, позволивший определить роль и значение присяги в уголовном судопроизводстве в разные периоды; сравнительно-правовой, с использованием которого проведен анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран; правового моделирования, позволивший определить, какие преобразования нормативной основы процедуры приведения к присяге отдельных участников российского уголовного судопроизводства необходимы. Результаты: процедура приведения к присяге участников уголовного судопроизводства способствует формированию правильного отношения допрашиваемых к своей процессуальной обязанности, заключающейся в даче правдивых и полных показаний, повышает доверие общества к правосудию.

Abstract. The author's scientific focus is on the question of whether the oath, as a procedural mechanism, is an outdated legal rudiment that has irretrievably lost its relevance in the context of modern criminal justice, or whether the oath should be considered a valuable but underestimated public law procedure allowing to increase the efficiency of criminal proceedings by strengthening the moral responsibility of participants for the content (completeness and truthfulness) of testimony. Purpose: to analyse the procedural institution of the oath, to determine its potential for strengthening the trust of the population, participants in criminal proceedings towards the criminal justice system and increasing responsibility for giving evidence. In the course of the study, the method of historical analysis is used, which makes it possible to determine the role and significance of the oath in criminal proceedings in different periods; the comparative legal method based on the analysis of criminal procedure legislation of some foreign countries; as well as the method of legal modeling, which allows to determine what transformations are required in the existing regulatory basis of the swearing-in procedure for individual participants in Russian criminal proceedings. Results: the swearing-in procedure for participants in criminal proceedings contributes to the formation of a correct attitude of those questioned to their procedural obligation to give truthful and complete testimony, and increases public confidence in justice.

Ключевые слова: правосудие, присяга, клятва, торжественное обещание, уголовный процесс, показания, допрос

Для цитирования: Латыпов В.С. Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовой рудимент или недооцененная публично-правовая процедура? / В.С. Латыпов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.10 //Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 98–103.

Keywords: justice, oath, vow, solemn promise, criminal proceedings, testimony, interrogation

For citation: Latypov V.S. The Criminal Procedural Phenomenon of the Oath: A Legal Rudiment or an Undervalued Public Law Procedure? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 98–103. [In Russian]. DOI 10.33184/pravgos-2025.1.10.

ВВЕДЕНИЕ

Состояние современного российского уголовного правосудия не может быть охарактеризовано как стабильное, а проводимые в последние десятилетия преобразования в уголовно-процессуальной сфере далеки от завершения. На это указывает ряд факторов, к числу которых следует отнести перманентно вносимые законодателем изменения в нормативную основу уголовного судопроизводства, обусловленные стремлением совершенствовать процессуальные институты, детализировать или исключить отдельные нормы, необходимостью приведения национального законодательства в соответствие стремительно меняющейся политической обстановке [1].

Активное воздействие на формирование современного уголовного процесса оказывают и научно-технические достижения, позволяющие говорить о том, что наше правосудие готово совершить скачок в пространство цифрового будущего, когда решение большей части рутинных процедурных вопросов будет осуществляться с использованием информационных технологий, алгоритмов или искусственным интеллектом [2; 3]. Политика нашего государства, направленная на создание цифрового уголовного правосудия, постепенное увеличение количества стран, использующих «компьютерное правосудие» (Сингапур, Китай, США, Великобритания и др.), а также исследований, завершающихся мотивированными выводами и аргументированными рекомендациями ученых-процессуалистов, в короткие сроки освоивших преимущества GPT-процессов, дают основание прогнозировать грядущие глобальные изменения российской уголовно-процессуальной материи [4 и др.].

Внесенные изменения могут быть необратимы, сказаться на эффективности и справедливости правосудия, что требует принятия взвешенных решений, позволяющих сохранить «национальный дух уголовного процесса». Безусловно, «национальный дух» не является правовой категорией, нормативно не регламентирован, его невозможно вычислить или измерить, но именно этот «дух» отличает наш уголовный процесс от остальных, в том числе за счет реализации тех уголовно-процессуальных институтов и публично-правовых механизмов, которые позволяют укрепить веру участников уголовного судопроизводства в справедливость принимаемых процессуальных решений, неотвратимость, соразмерность назначаемого наказания содеянному и гуманность судопроизводства. Именно в этом видится высшая цель правоприменительной, надзорной и судебной деятельности, спаянной в сложный механизм, именуемый уголовным процессом.

В современных правовых условиях существующей необходимости повышения эффективности уголовного судопроизводства [5], потребности в усилении публичности не только судебных стадий уголовного судопроизводства, но и досудебных стадий расследования, в увеличении ответственности участников уголовного процесса нужно найти новые или модернизировать существующие публично-правовые механизмы обеспечения правосудия.

В настоящей статье предлагаем рассмотреть древнейший процессуальный институт присяги, определить его потенциал, направленный на усиление доверия к уголовному правосудию и повышение ответственности его участников. Полагаем, что это будет способствовать развитию теории уголовно-про-

цессуального права, расширит понимание роли нравственных компонентов в уголовном правосудии и позволит положить начало научной дискуссии о необходимости реабилитации исторических правовых механизмов и интеграции их в современную юридическую практику.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Толковые словари русского языка определяют присягу (как и клятву) как официальное или торжественное обещание соблюдать верность, поступать правильно, по закону¹.

Историко-правовое исследование писанных источников права позволяет сделать вывод, что присяга как обеспечительная процедура, подчеркивающая официальность проводимого разбирательства и обязывающая лицо, ее приносящее, дать исключительно правдивые показания, известна со времен действия первого писаного памятника отечественного права – Русской Правды. Объективности ради следует отметить, что в данном источнике присяга называется «судебной клятвой», «вольной ротой». Судебную клятву давали в случае необходимости «усилить» показания участников процесса, подчеркнуть их правдивость, при этом практиковалось принесение коллективной клятвы, например, жителями села. Термин «присяга» вводится в употребление в XIV–XV вв. Псковской судной грамотой, согласно которой указанная процедура обеспечивала правдивость показаний допрашиваемых лиц и могла быть противопоставлена судебному поединку (ст. 16–18 и др.). В этом просматривается прообраз состязательного производства, когда на месте совершения преступления к присяге мог быть приведен подозреваемый для обеспечения истинности сообщаемых им сведений.

С XV в. находит распространение процедура принесения «крестоцеловальной присяги», которая восходит к византийскому церковно-

му праву (Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г., Соборное Уложение 1649 г.).

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. был определен круг лиц, не допускаемых в мировом суде к даче показаний под присягой: отлученные от Церкви по приговору духовного суда, малолетние, не достигшие 14 лет, слабоумные, не понимающие святости присяги, а также иные категории лиц. В ходе предварительного следствия допускалось приведение к присяге в исключительных случаях: невозможность участия свидетеля в процессе из-за отъезда, болезни и др. Таким образом, процедура приведения к присяге, подобно депонированию [7], позволяла закрепить показания, полученные в ходе предварительного следствия, и не привлекать лицо, давшее эти показания, к участию в судебном процессе. Практическую значимость указанной процедуры сложно переоценить и в современных условиях.

Советская власть, провозгласившая отказ от религии, внесла кардинальные изменения в сформированный на протяжении столетий процессуальный порядок получения показаний. Так, согласно ст. 61 УПК РСФСР 1922 г. законодатель ввел запрет на использование присяги в качестве доказательства. В указанный исторический период произошла замена официальной публичной процедуры принесения присяги, обязывающей участника допроса давать правдивые показания под страхом наказания религиозного или государственного, тривиальным предупреждением об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний (ст. 167 УПК РСФСР 1922 г.).

Какое-либо упоминание о рассматриваемой процедуре в уголовно-процессуальном поле отсутствовало вплоть до 1993 г., когда присяга была введена в УПК РСФСР 1960 г., и применяется теперь для обеспечения деятельности суда присяжных. Именно данный институт сохранил древнюю процедуру принятия присяги участников уголовного судопроизводства, и в действующем УПК РФ, более того, утвержден также ее текст (ч. 1 ст. 332). Присяга присяжного заседателя в современном ее понимании лишена теологической основы и представляет собой торжественную клятву, произносимую перед участниками

¹ Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1997. С. 279, 600 ; Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=58349> (дата обращения: 23.12.2024).

процесса, обществом, судом и осуществляемым правосудием в целом, что, безусловно, накладывает определенные моральные обязательства на присягнувшего.

В контексте проводимого исследования представляет определенный научный интерес изучение вопроса о нормативном закреплении процедуры приведения к присяге или дачи клятвы участниками уголовного судопроизводства в современных зарубежных моделях уголовного процесса отдельных иностранных государств. Были проанализированы актуальные тексты уголовно-процессуальных законов стран постсоветского пространства как исторически близкие к современному российскому уголовному правосудию. Вместе с тем следует отметить, что процедура приведения участников уголовного судопроизводства к присяге (клятве), регламентированная в исследованных зарубежных законах, отличается от российской.

Условно страны, в уголовно-процессуальных законах которых регламентирована процедура получения показаний, можно разделить на несколько групп: 1) не предусматривающие в своем законодательстве процедуру приведения к присяге, принесения клятвы – Беларусь, Таджикистан, Армения, Азербайджан и Туркменистан; 2) предусматривающие в своих УПК процедуру приведения к присяге присяжных заседателей – Кыргызстан, Казахстан; 3) предусматривающие приведение к присяге иных участников уголовно-процессуальных отношений – эксперта и переводчика – Эстонская Республика; 4) регламентирующие получение показаний от участников процесса исключительно после проведения процедуры принятия присяги, произнесения клятвы – Узбекистан, Казахстан, Молдова и Грузия.

Сформулируем некоторые промежуточные выводы. Во-первых, институт приведения к присяге лица, дающего показания, ответственному уголовному судопроизводству знаком начиная с XI в., применялся и совершенствовался он до начала XX в. С 1922 по 1993 г. в уголовном судопроизводстве процедура приведения к присяге не проводилась и нормативно закреплена не была. С 1993 г. присяга как обеспечительная процедура применяется в российском уголовном судопроизводстве в усеченном формате для обеспечения дея-

тельности присяжных заседателей. Во-вторых, присяга в современном уголовном судопроизводстве не имеет религиозного подтекста и применяется не только в странах, население которых исповедует православие.

ПРИВЕДЕНИЕ К ПРИСЯГЕ КАК ОСОБЫЙ РИТУАЛ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА

Уголовно-процессуальный институт дачи клятвы (приведения к присяге) не забыт и активно применяется как особый правонаделительный ритуал, что лишь подчеркивает уникальность данной обеспечительной процедуры. Приведем несколько примеров обращения современного общества к устоявшейся процедуре приведения к присяге: при назначении на должность Президента РФ, судей Конституционного и Верховного Судов РФ, федеральных и мировых судов, Уполномоченного по правам человека, депутатов, сотрудников правоохранительных органов, органов принудительного исполнения Российской Федерации и др.

В качестве юридической процедуры обязательности приведения к присяге (за исключением упомянутого института присяжных заседателей, предусмотренного УПК РФ) сохранена перед дачей показаний экспертом и свидетелем, участвующих в судебном процессе Конституционного Суда РФ, что подчеркивает, помимо правонаделительных, регулятивных функций присяги, ее мотивационную, символическую и идеологическую составляющие. Текст присяги участников российского конституционного процесса нормативно закреплён в § 44–45 Регламента Конституционного Суда РФ² и представляет собой торжественное обещание (официальную клятву) дать правдивые и полные показания.

Сторонники сложившейся процедуры, заключающейся в молчаливом согласии допрашиваемого с тем, что он несет ответственность за дачу ложных показаний, ссылаются на данную предупредительную меру – ст. 307 УК РФ. При этом подчеркнем, что для привлечения к ответственности по ст. 307 УК РФ факта предварительного предупреждения об ответственности вовсе не требуется.

² Регламент Конституционного Суда РФ (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Результаты анализа статистических данных о количестве осужденных по ч. 1 ст. 307 УК РФ за последние 5 лет свидетельствуют об устойчивой тенденции к снижению данного показателя. Так, в 2018 г. количество осужденных за дачу ложных показаний, а также за заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства составило 597 человек (оправдано – 10), в 2019 г. – 477 (оправдано – 6), в 2020 г. – 394 (оправдано – 6), в 2021 г. – 344 (оправдано – 5), в 2022 г. – 301 (оправдано – 5), в 2023 г. – 322 (оправдано – 4)³. Столь низкий количественный показатель, стремящийся при этом к уверенному снижению, говорит либо о тотальном свидетельском законопослушании, либо о неэффективности данной запрещающей нормы.

Объективность проведенному исследованию должен придать перечень аргументов, отражающих положительные и отрицательные стороны реабилитации института приведения к присяге участников уголовного судопроизводства при даче ими показаний в ходе производства судебного следствия. Начнем с отрицательных аргументов.

Во-первых, существование действующего правового механизма привлечения к ответственности за дачу ложных показаний; во-вторых, необходимость приведения к присяге усложнит процедуру получения показаний на судебных стадиях уголовного судопроизводства, что может привести к увеличению их продолжительности; в-третьих, отсутствие убедительных доказательств эффективности данной меры.

В качестве положительных аргументов следует указать, во-первых, формирование правовой культуры населения, укрепление правосознания граждан, способствующее повышению уважения к закону и правосудию; во-вторых, приведение к торжественной публичной клятве (присяге) позволяет создать необходимые условия, способствующие осознанию моральной и юридической ответственности допрашиваемых, стимулированию к даче правдивых показаний; в-третьих,

позволяет укрепить доверие общества к судебной системе путем демонстрации серьезности, официальности отношения суда к правдивости показаний участников процесса; в-четвертых, как показало исследование, институт приведения к присяге не является новеллой для нашего уголовного судопроизводства, более того, практика его применения имеет практически тысячелетнюю историю; в-пятых, приведение к присяге должно подчеркивать наступление не только установленной законом юридической, но и моральной ответственности за дачу ложных показаний, побуждать к соблюдению этических принципов, развивать чувство справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение института присяги не следует рассматривать как излишне детализированный процедурный механизм, которыми, по справедливому замечанию С.Б. Россинского [7], и без того насыщен современный УПК РФ. За торжественным официальным произнесением присяги (официальным обещанием, клятвой) видится высокая воспитательная, стимулирующая, патриотическая ее функция, подчеркивающая нравственную сторону уголовного судопроизводства, в чем и проявляется организационный, правовой феномен незаслуженно забытой процедуры.

Современная процессуальная клятва о даче правдивых показаний не должна ассоциироваться с существовавшим в средневековом уголовном судопроизводстве крестоцелованием, данная процедура должна быть нейтральна к имеющимся вероисповеданиям.

В заключение предложим авторский вариант изменения действующего уголовно-процессуального законодательства России, направленного на возвращение института присяги в современное уголовно-процессуальное пространство. Предлагаем дополнить гл. 37 УПК РФ статьей 276.1 следующего содержания:

«Статья 276.1. Приведение к присяге

1. Потерпевший, свидетель, эксперт, специалист перед дачей показаний приносит в суде присягу.

2. Перед приведением к присяге суд должен объяснить значение присяги и уголовную

³ Судебная статистика. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.12.2024). На момент написания статьи статистические данные за 2024 г. представлены не были.

ответственность, предусмотренную ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. Лица, указанные в части 1 настоящей статьи, зачитывают текст присяги следующего содержания:

"Я, (фамилия, имя, отчество), клянусь, что в ходе настоящего судебного процесса буду давать только правдивые и полные показания об известных мне лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела".

4. Текст присяги после его прочтения и подписания присягнувшим лицом приобща-

ется к материалам дела, о чем делается отметка в протоколе судебного заседания».

Безусловно, допустимы и иные варианты введения института присяги в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Этот уголовно-процессуальный феномен позволит усилить впечатление о неотвратимости уголовной ответственности, сформировать правильное этическое отношение допрашиваемых к даче правдивых и полных показаний и, как следствие, повысить доверие общества к правосудию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вискребцев Б.С. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российской системе права: причины денонсации / Б.С. Вискребцев, С.И. Рябоконов, А.Б. Сергеев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3 (38). – С. 13–19.
2. Яковлева К.Ю. Использование электронной 3D-модели в уголовно-процессуальном доказывании / К.Ю. Яковлева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (105). – С. 142–150.
3. Никурадзе Н.О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: перспективное будущее или утопия? / Н.О. Никурадзе, Е.В. Мищенко, Е.А. Марина // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 1134–1143.
4. Долгачева О.И. О возможности применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / О.И. Долгачева, Е.С. Кудряшова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2 (99). – С. 168–175.
5. Даровских О.И. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности / О.И. Даровских. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 240 с.
6. Терехов А.Ю. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам / А.Ю. Терехов, В.С. Латыпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 115–121.
7. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 116–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latypov Vadim Sagit'yanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 15.01.2025. The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.

REFERENCES

1. Vyskrebtev B.S., Ryabokonev S.I., Sergeev A.B. The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the Russian Legal System: Reasons for Denunciation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, 2023, no. 3 (38), pp. 13–19. (In Russian).
2. Yakovleva K. The Use of an Electronic 3D Model in Criminal Procedural Evidence. *Vestnik Ufmskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (105), pp. 142–150. (In Russian).
3. Nikuradze N.O., Mishchenko E.V., Marina E.A. Artificial Intelligence in the Criminal Process: A Promising Future or a Utopia? *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2024, vol. 17, no. 6, pp. 1134–1143. (In Russian).
4. Dolgacheva O. I., Kudryashova E. S. On the Possibility of Application of Digital Technologies and Artificial Intelligence in Criminal Proceedings. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2024, no. 2 (99), pp. 168–175. (In Russian).
5. Darovskih O.I. Means and Ways of Ensuring the Effectiveness of Criminal Procedural Activities. Moscow, YurLitinform Publ., 2022. 240 p.
6. Terekhov A.Y., Latypov V.S. The Need to Deposit Witness and Victims Evidence in Complex Criminal Cases. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 115–121. (In Russian).
7. Rossinskiy S.B. The criminal Procedure Form Vs Rules of Criminal Judicial Procedure. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116–135. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.11

Original article

МАШОВЕЦ Асия Океановна
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: okeanovna@me.com,
<https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

MASHOVETS Asiya Okeanovna
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia.

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ИЛИ СТАНДАРТ ДОКАЗАННОСТИ?

INTERNAL CONVICTION OR THE STANDARD OF PROOF?

Аннотация. Статья, посвященная в целом доказыванию в уголовном процессе, сфокусирована на проблематике стандартов доказывания и их роли в обеспечении справедливости судебных решений. Исследуется соотношение понятий «стандарт доказывания» и «стандарт доказанности», поднимается вопрос о критериях оценки достаточности и достоверности доказательств. Особое внимание уделяется взаимодействию стандарта доказанности с субъективным элементом – внутренним убеждением судьи, которое играет ключевую роль в формировании итогового решения. В работе анализируются противоречия, возникающие при применении этих стандартов в контексте вынесения оправдательного приговора и решения суда по диффамационному иску, обсуждаются гарантии установления истинности приговора в условиях баланса между процессуальной формальностью и судебским усмотрением. Цель: исследование стандартов доказанности, их содержания, возможности применения в уголовном процессе России. Методы: общенаучные (системный и структурно-функциональный анализ, синтез, индукция и дедукция), а также частнонаучные (специальные): сравнительно-правовой, формально-юридический, толкования. Результаты: на основе проведенного исследования предложены рекомендации по совершенствованию правовых механизмов, направленных на минимизацию судебных ошибок и укрепление доверия к системе правосудия.

Ключевые слова: доказывание, стандарт доказывания, стандарт доказанности, критерий стандарта, внутреннее убеждение, оправдательный приговор, истинность приговора

Для цитирования: Машовец А.О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? / А.О. Машовец. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 104– 109.

Abstract. The article, devoted in general to evidence in criminal proceedings, focuses on the problem of standards of proof and their role in ensuring the fairness of court decisions. The article studies the correlation of the concepts of “standard of evidence” and “standard of proof”, raises the question of criteria for assessing the sufficiency and reliability of evidence. Particular attention is paid to the interaction of the standard of proof with the subjective element – the judge’s inner conviction, which plays a key role in shaping the final decision. The paper analyses the contradictions that arise in applying these standards in the context of acquittal and defamation judgements, and discusses the safeguards for establishing the truth of a judgement in balancing procedural formality and judicial discretion. Purpose: the study of standards of proof, their content, the possibility of application in Russian criminal proceedings. Methods: general scientific methods (system and structural-functional analysis, synthesis, induction and deduction), as well as specific scientific (special) methods: comparative-legal, formal-legal, interpretative. Results: based on the conducted research, the author offers recommendations for improving legal mechanisms aimed at minimising judicial errors and strengthening confidence in the justice system.

Keywords: evidence, standard of evidence, standard of proof, criterion of the standard, internal conviction, acquittal, truth of judgement

For citation: Mashovets A.O. Internal Conviction or the Standard of Proof? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 104– 109. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.11.

ВВЕДЕНИЕ

Научные исследования в области теории доказательств не подвергают сомнению положения, закрепленные в ст. 17 УПК РФ, об оценке доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, положениях закона и собственных моральных качествах судьи.

Если внутреннее убеждение – символ теории свободной оценки доказательств – в свое время освободило судью от оков формальной системы оценки, не свидетельствует ли обращение авторов ряда научных исследований и представителей судебной власти к стандартам доказанности о рецепции элементов теории формальных доказательств? И дело вовсе не в формальной системе оценки доказательств, «которая превращалась в "логическую операцию", поскольку сила каждого доказательства была заранее определена в законе и все они делились на "совершенные" и "несовершенные", "полные" и "неполные"» [1, с. 243], а в приписываемом критиками стандартов доказанности низложению внутреннего убеждения судьи при обращении к указанным стандартам. Влечет ли оперирование категорией «стандарты доказанности» объективизацию выводов правоприменителя или же «фактически суды и судьи через подобные решения начинают "творить право"... внедрять в правовую лексику ранее неизвестные термины с непонятным содержанием, что не соответствует принципу определенности права, законности и обоснованности выносимых судебных решений» [2, с. 171]?

Между тем, несмотря на отсутствие легитимного определения стандартов доказанности в праве, обращение судов к указанным стандартам отнюдь не свидетельствует о неопределенности их содержания и различном их понимании.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ» И «СТАНДАРТЫ ДОКАЗАННОСТИ»

Из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ следует: «Доводы кассационной жалобы о том, что занятие высшего положения в преступ-

ной иерархии может считаться доказанным лишь при наличии документов... в которых бы утверждалось, что субъект является преступным авторитетом, либо его так называют другие, либо он сам подписывается как криминальный авторитет, отражает отклоняющиеся от требований закона представления стороны защиты о стандартах доказывания¹, в то время как согласно ст. 17 УПК РФ ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы и доказательства оцениваются судом по внутреннему убеждению»².

Упрек стороне защите в неверном представлении о стандарте доказывания очевиден, как очевидно убеждение суда о наличии вытекающего из требований закона обозначенного стандарта. Суд посчитал достигнутым доказательственный стандарт применительно к одному из признаков состава преступления исходя из совокупности приведенных в приговоре доказательств и их оценки по внутреннему убеждению.

Приводит ли такая трактовка выводов суда к пониманию указанного стандарта как достаточности и убедительности доказательств для принятия по делу решения о наличии состава преступления и виновности подсудимого в его совершении?

По мнению П.С. Яни, «стандартизация доказательственной информации под критерий ее достаточности суть естественное стремление правоприменителя к формализации неопределенных категорий, она направлена на сужение сферы его усмотрения, что, конечно, существенно снижает риск признания принятого им решения незаконным и необоснованным» [4, с. 38]. Сомнение, которое он высказывает, заключается в возможности совместить формализацию и нормативный принцип свободы оценки доказательств.

И.Л. Петрухин стандарты доказанности соотносит с достаточностью доказательств:

¹ Следует положительно оценить обозначенную в научных источниках позицию о необходимости различать стандарты доказанности и стандарты доказывания. Первые характеризуют результат (те или иные степени доказанности), вторые – процесс (правовую методику) доказывания [3, с. 86]. Суды при рассмотрении уголовных дел оперируют выражением «стандарты доказывания», указывая на стандарт «вне разумного сомнения», что подразумевает оценку итогов, а не процесса доказывания.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.08.2024 № 8-УД24-16-А1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Стандарты доказанности обвинения – это вырабатываемые судебной практикой представления о совокупности доказательств, достаточных для вынесения обоснованного обвинительного приговора или другого процессуального акта. Если собранные по конкретному уголовному делу доказательства в их совокупности ниже выработанных практикой стандартов доказанности обвинения, то должен быть вынесен оправдательный приговор. Таким образом, речь идет о достаточности доказательств для постановления обвинительного приговора и его оценки вышестоящими судебными инстанциями» [5, с. 53].

Сведение стандартов доказанности к достаточной совокупности доказательств по уголовному делу не отражает их содержание и может привести к размыванию понятия, смешению с другими уголовно-процессуальными категориями. Стандарты доказанности как максимальный, предельный уровень сомнений в истинности факта, который сочетается с готовностью судьи признавать факт доказанным [6, с. 10], подразумевают элемент достоверности. Как отмечает А.В. Смирнов, «нельзя ставить знак равенства между доказанностью и достоверностью» [7, с. 152].

Р.В. Костенко достижение достоверных выводов связывает «с ситуацией, когда посредством достаточных доказательств представляется возможным охватить все свойства и отношения познаваемых обстоятельств» [8, с. 37]. При этом он, исходя из необходимости четких критериев, позволяющих считать в достаточной степени доказанными те или иные юридические факты, не отрицает объективной потребности в исследовании степеней (стандартов) доказанности фактов, необходимых для обоснования различных видов процессуальных решений, принимаемых в уголовном процессе, и юридических условий их достижения.

В идеале внутреннее убеждение судьи должно базироваться на совокупности исследованных судом достоверных доказательств, исключающих разумные сомнения в виновности подсудимого. Стандарт доказанности в большей степени связан с достоверностью доказательств, со степенью внутренней убежденности судьи в доказанности обстоятельств уголовного дела. При отсутствии в законодательстве нормативных критериев оценки до-

казательств остается апеллировать к внутреннему убеждению оценивающего субъекта.

Внутреннее убеждение выступает результатом мыслительной деятельности по оценке доказательств, итогом личной оценки судьей исследованных доказательств. Как мыслительная деятельность внутреннее убеждение не поддается внешнему регулированию, является субъективным элементом при вынесении решения по уголовному делу. Свобода оценки, кроме указания на исследованные судом доказательства, ограничивается доказательственными презумпциями, фикциями, исключением недопустимых доказательств, преюдициальной силой судебных актов и др. Указанные факторы не влекут формализацию мыслительного процесса, внутреннее убеждение судьи (влияние на которое, помимо всего прочего, оказывает правосознание судьи, эмоции, чувства, возможная предубежденность и иные субъективные моменты) остается творческим процессом.

Современная теория доказательств, восприняв, по сути, из формальной теории два важнейших аспекта – исчерпывающий перечень источников доказательств и исчерпывающий перечень средств доказывания [1, с. 228], критериев внутреннего убеждения судьи не определяет.

Диалектика развития научного знания не отрицает влияния, а иногда и рецепции прежних доказательственных теорий. Новацию критериев оценки доказательств в процессуальных отраслях права можно рассматривать, по выражению И.Л. Петрухина, «как своеобразное возрождение (теперь уже на строго научной основе) теории формальных доказательств» [5, с. 51]. Плюсы теории формальных доказательств – предвидение траектории судебного разбирательства, нивелирование субъективизма и уменьшение вероятности злоупотребления судьей своими властными полномочиями – могут быть восприняты при обращении к стандартам доказанности как критериям оценки доказательств, устанавливающих обстоятельства уголовного дела.

Обращение к стандартам доказанности не исключает внутреннего убеждения, но «нельзя полагаться только на интуицию, мудрость и разум судьи. Этого недостаточно для искоренения злейших недостатков правосудия: формализма, субъективизма и волюнтаризма...

В юридической плоскости мы привыкли к тому, что доказательства оцениваются судом, исходя из его внутреннего убеждения. Но с точки зрения конституционного права это выглядит противоречиво: оценивая доказательства, судья исходит только из своих убеждений, но не из каких-то объективных правил, т. е. стандартов доказывания...»³.

Потребность в научном обосновании доказательственных стандартов тем очевиднее, чем чаще указанные стандарты (как доказывания, так и доказанности) применяются в судебной практике.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТАНДАРТА ДОКАЗАННОСТИ С СУБЪЕКТИВНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ – ВНУТРЕННИМ УБЕЖДЕНИЕМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

В системе общего права стандарты доказанности объективированы в решениях судов, раскрыты в доктринальных источниках. Применительно к уголовному судопроизводству в Англии действует стандарт «вне разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), аналогичный стандарт, подразумевающий наивысшую степень убеждения, применяется в США, он вытекает из требования должной судебной процедуры, закрепленного в Конституции США.

Применяемый в гражданском процессе стандарт «баланс вероятностей» (*balance of probabilities*) нашел отражение в практике Президиума Суда по интеллектуальным правам. В постановлении об отмене решения суда первой инстанции указано: «...суд первой инстанции в настоящем деле неверно применил стандарт доказывания "вне разумных сомнений", характерный для уголовного права, при том что настоящее дело рассматривается в исковом производстве с учетом баланса вероятностей»⁴. Стандарт «баланс вероятностей» подразумевает более вероятной позицию одной стороны в противовес другой (оспариваемый факт скорее был, чем не был).

3 Гаджиев Н. Как цифровизация влияет на стандарты доказывания? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gcca.com.ru/press/garant18092020.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).

4 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2019 № С01-897/2019 по делу № СИП-250/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Разная степень убежденности, заложенная в стандартах доказанности, определяет разные пороги доказанности (представления доказательств) в уголовном и гражданском процессах, приводя порой к неожиданным результатам. Важно учитывать, что подходы к доказательству в уголовном и гражданском процессах различаются, и это различие может влиять на применение норм права. А.Р. Шарипова отмечает, что «разница в стандартах доказанности обуславливает своеобразие институтов доказательственного права каждой из процессуальных отраслей» [9, с. 136].

ПРИМЕНЕНИЕ СТАНДАРТОВ ДОКАЗАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЫНЕСЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА И РЕШЕНИЯ СУДА ПО ДИФФАМАЦИОННОМУ ИСКУ

Конституционный Суд РФ в постановлении от 19 ноября 2024 г. № 53-П⁵, рассматривая конституционность норм гражданского законодательства, затронул вопросы, связанные с защитой прав граждан в контексте стандартов доказанности. Орган конституционного контроля резюмирует: «Если же оправдательный приговор, постановление о прекращении производства по уголовному делу по реабилитирующим основаниям либо постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения вынесены судом единственно на основе недоказанности факта совершения лицом, привлекаемым к уголовной или административной ответственности, вменяемых ему действий (как это было в уголовных делах с участием заявительницы), это не должно препятствовать повторному доказыванию либо опровержению данного факта в гражданском процессе».

Таким образом, суд в общеисковом производстве, опираясь на стандарты гражданского судопроизводства, дает независимую оценку доказательств, представленных сторонами, и вправе по совокупности обстоятельств дела и по своему внутреннему убеждению призна-

5 По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Боголюбовской : постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2024 № 53 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 48, ст. 7405.

вать оспариваемые обстоятельства соответствующими или не соответствующими действительности, несмотря на оправдание истца в уголовном процессе.

Истина, не достигнутая в уголовном судопроизводстве, восторжествовала в процессе гражданского?

Вывод о том, что недоказанность факта совершения лицом вменяемых ему действий, установленная вступившим в законную силу оправдательным приговором суда, не является препятствием для признания этих фактов действительными в гражданском судопроизводстве, вполне укладывается в упоминаемый в решениях судов по гражданским делам стандарт доказанности «баланс вероятностей»⁶.

Уголовно-процессуальная процедура, обеспечивая права обвиняемого, утверждает более строгие правила установления его вины. Вытекающее из презумпции невиновности правило толкования разумных сомнений в пользу обвиняемого не позволяет вынести обвинительный приговор при наличии таковых. И.С. Дикарев, анализируя проблему истинности оправдательного приговора, отмечает, что «оправдательный приговор постановляется и в тех случаях, когда суд не располагает положительным знанием о картине происшедшего криминального события и роли в нем подсудимого. Для оправдания достаточно установить лишь то, что обвинительный тезис (утверждение о совершении конкретным лицом запрещенного уголовным законом деяния) стороной обвинения не доказан, не подтверждается имеющейся совокупностью доказательств» [10, с. 23]. При этом итоговое решение суда, как при недоказанной виновности, так и при доказанной невиновности, одно – оправдание по реабилитирующему основанию.

Один из постулатов презумпции невиновности – равнозначность недоказанной виновности и доказанной невиновности – судом поставлен под сомнение, новое доказывание и опровержение сторонами тех же обстоятельств в рамках другого дела не вступает

в противоречие с выводом об их недоказанности в ранее рассмотренном деле, который не содержит в основе ни утвердительно-го, ни отрицательного суждения о наличии этих обстоятельств.

Даже с учетом особенностей рассмотрения уголовных дел частного обвинения и специфики диффамационных исков выводы суда приводят к различиям стандартов доказанности при разрешении уголовных и гражданских споров. В ситуации недоказанной виновности обвиняемого торжествует презумпция невиновности, а истина (как соответствие обстоятельств уголовного дела действительности) остается неустановленной.

Из двух возможных вариантов доказанности (внутреннего убеждения судьи в достижении истины и убеждения судьи в недоказанности обвинения) разрешение второго варианта основано на правдоподобности утверждений обвиняемого, а не на доказанности обстоятельств уголовного дела «вне разумных сомнений».

Выводы

Конституционная норма о толковании неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого создает нормативную базу стандарта доказанности, применимого в уголовном судопроизводстве. Справедливость судебного разбирательства предполагает минимизацию возможных судебных ошибок, преодоление предвзятости и субъективизма в процессе доказывания.

Опора на стандарты доказанности как вариант формализации оценки доказательств по уголовному делу отвечает требованию транспарентности судебного разбирательства и способствует повышению уровня доверия к судебным решениям. В то же время механический перенос стандартов доказанности на российскую почву едва ли возможен в силу неоднозначности содержательного толкования и в определенной степени в силу неприемлемости частью научного сообщества теорий, лежащих в основе указанных стандартов. При этом дискуссионность понятий в науке никогда не была препятствием для правоприменения. Свидетельство тому – позитивные стандарты доказанности, сложившиеся в судебной практике.

⁶ Решения судов по делу Е. Боголюбской удивительно схожи с выводами судов в отношении О. Джея Симпсона – американского спортсмена и актера. После того как суд оправдал его в убийстве двух человек, в гражданском процессе был удовлетворен иск родственников убитых о взыскании с ответчика нескольких миллионов долларов в счет возмещения вреда, причиненного смертью потерпевшего, то есть оправданный по уголовному делу фактически признан виновным в гражданском процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др. ; под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.
2. Дегтярев С.Л. «Методика доказывания» и «стандарты доказывания» при возмещении убытков / С.Л. Дегтяренко // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : монография / Д.Б. Абушенко, М.А. Алискеров, Т.К. Андреева и др. ; отв. ред. В.В. Молчанов. – Москва : Статут, 2023. – С. 208–219.
3. Смирнов А.В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2021. – № 12. – С. 86–94.
4. Яни П.С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2018. – № 9. – С. 37–42.
5. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И.Л. Петрухин. – Москва : Проспект, 2009. – 192 с.
6. Карапетов А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. – 2019. – № 5. Специальный выпуск. – С. 3–96.
7. Смирнов А.В. Истина, презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном судопроизводстве / А.В. Смирнов // Доказывание в уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменения : материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 28 июня 2022 г.). – Нижний Новгород : Печатная мастерская Радонеж, 2023. – С. 150–163.
8. Костенко Р.В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве / Р.В. Костенко // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 35–41.
9. Шарипова А.Р. Стандарты доказанности как основания различий в регулировании сходных институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса / А.Р. Шарипова // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 130–136.
10. Дикарев И.С. Истинность оправдательного приговора / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2018. – № 11. – С. 23–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Машовец Асия Океановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mashovets Asiya Okeanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 17.02.2025. The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 17.02.2025.

REFERENCES

1. Arutyunyan A.A., Brusnitsyn L.V., Vasiliev O.L. et al.; Golovko L.V. (ed.). Course of Criminal Procedure. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
2. Degtyarev S.L. "Methodology of Proof" and "Standards of Proof" in Compensation for Damages. In Abushenko D.B., Aliyeskerov M.A., Andreeva T.K. et al.; Molchanov V.V. (ed.). Russian Proceduralists on Law, Law and Judicial Practice: For the 20th Anniversary of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Moscow, Statut Publ., 2023, pp. 208–219. (In Russian).
3. Smirnov A.V. Standards of Proof: Relationship with Presumptions and Burden of Proof Distribution. *Ugolovnyj process = Criminal Procedure*, 2021, no. 12, pp. 86–94. (In Russian).
4. Yani P.S. The Sufficiency of Evidence in Bribe Cases. *Zakonnost*, 2018, no. 9, pp. 37–42. (In Russian).
5. Petrukhin I.L. Acquittal and the Right to Rehabilitation. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 192 p.
6. Karapetov A., Kosarev A. Standards of Evidence: Analytical and Empirical Research. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. Prilozhenie k Ezhemesyachnomu zhurnalu = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Supplement to the Monthly Journal*, 2019, no. 5. Special iss., pp. 3–96. (In Russian).
7. Smirnov A.V. Truth, Presumptions and Distribution of the Burden of Proof in Criminal Proceedings. *Proof in Criminal Proceedings: Problems of Normative Regulation and Law Enforcement. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, June 28, 2022)*. Nizhny Novgorod, Pechatnaya masterskaya Radonezh Publ., 2023, pp. 150–163. (In Russian).
8. Kostenko R.V. The State of Proof as an Evaluative Category in Criminal Procedure Law. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 35–41. (In Russian).
9. Sharipova A.R. The Standards of Proof as the Basis for Differences in the Regulation of Similar Institutions of Criminal, Civil, Arbitration and Administrative Proceedings. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 130–136. (In Russian).
10. Dikarev I.S. The truth of the acquittal. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2018, no. 11, pp. 23–24. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.121
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.12

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

«ПОСТСЛЕДСТВЕННОЕ» ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

“POST-INVESTIGATIVE” FAMILIARISATION WITH CRIMINAL CASE MATERIALS IN THE CONTEXT
OF BALANCING PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена непригодностью для нужд правоприменительной практики существующих в настоящее время правил ознакомления обвиняемых и защитников с материалами уголовных дел по окончании предварительного следствия, в первую очередь predispositionностью указанных правил к преднамеренному затягиванию времени такого ознакомления. Цель: выявление причин, предопределивших возникновение шероховатостей в нормативной регламентации ознакомления с материалами уголовного дела и формулирование предложений по их устранению. Методы: общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, прогностический и др.). Результаты: высказано предположение о необходимости пересмотра концептуальных подходов к процедуре ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Констатируется, что в современных условиях развития механизмов досудебного производства по уголовному делу существует объективная потребность в формировании новой, а точнее, обновленной модели финальной части предварительного следствия, основанной на разумном соотношении публичных и частных интересов как на важнейшем условии реализации государственной политики в сфере уголовной юстиции. Отмечено, что при разработке такой модели в первую очередь надлежит отказаться от существующего на сегодняшний день заведомо высокого уровня комфортности реализации невластными участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных возможностей.

Abstract. The relevance of the article is due to the unsuitability for the needs of law enforcement practice of the currently existing rules to acquaint defendants and lawyers with criminal case materials at the end of the preliminary investigation, primarily because of the predisposition of these rules to intentionally delay such a study. Purpose: to identify the causes that predetermined the emergence of shortcomings in the normative regulation of familiarisation with criminal case materials and to formulate proposals for their elimination. Methods: general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, historical-legal, prognostic, etc.). Results: the article suggests that there is a need to review conceptual approaches to the procedure of familiarising the accused and his or her counsel with criminal case materials. The article states that in the modern context of the development of pre-trial mechanisms for criminal proceedings there is an objective need for the formation of a new, or rather, a highly updated model of the final part of the preliminary investigation, based on a reasonable balance of public and private interests as the most important condition for the implementation of state policy in the field of criminal justice. The article notes that when developing such a model, first of all, it is necessary to abandon the current extremely high level of comfort for non-powerful participants in criminal proceedings to realise their procedural opportunities.

Ключевые слова: баланс публичных и частных интересов, ограничение срока ознакомления с материалами уголовного дела, ознакомление с материалами уголовного дела, окончание предварительного следствия, права обвиняемого, право знакомиться с материалами уголовного дела, публичность уголовного процесса

Для цитирования: Россинский С.Б. «Постследственное» ознакомление с материалами уголовного дела в контексте баланса публичных и частных интересов / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 110–116

Keywords: balance of public and private interests, limitation of the period of familiarisation with criminal case materials, familiarisation with criminal case materials, termination of preliminary investigation, rights of the accused, right to review criminal case materials, publicity of criminal proceedings

For citation: Rossinsky S.B. "Post-Investigative" Familiarisation with Criminal Case Materials in the Context of Balancing Public and Private Interests. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 110–116. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.12.

ВВЕДЕНИЕ

Баланс публичности и «частности» в уголовном процессе, разумное соотношение государственных и частных интересов в ходе досудебного и судебного производства по уголовным делам – одна из самых обсуждаемых проблем уголовно-процессуальной доктрины, один из самых трендовых вопросов, попадающих в предмет современных научных изысканий антикриминального характера. И в этом нет ничего удивительного. Ведь, с одной стороны, большинством специалистов признается объективно существующая потребность в поиске нового вектора дальнейшего развития механизмов работы уголовной юстиции, предполагающего недопустимость реставрации некогда существовавшего перегиба – явно гиперболизированного приоритета государственных и общественных интересов над интересами отдельно взятых людей, в первую очередь подвергаемых уголовному преследованию лиц. С другой стороны, сегодня наблюдается постепенный, к слову, давно назревший отказ от научной моды на абсолютизацию западно-либеральных ценностей и детерминированных ими правозащитных идей о принципиально ином соотношении процессуальных сил, то есть о неоспоримом преимуществе «частности» над публичностью, о помещении прав и законных интересов личности на недосягаемый пьедестал.

При таких обстоятельствах поиск оптимального «коэффициента» сбалансированности государственных и частных интересов представляется чуть ли не главной задачей современных научных исследований

уголовно-процессуальной направленности, а ее должное разрешение – одним из непреложных условий дальновидности и разумности правотворческой политики в сфере уголовной юстиции. В этой связи Н.В. Азарёнок и А.А. Давлетов правильно указали на особую актуальность и концептуальность поднятой проблемы. Обратив внимание на постепенное угасание стремлений к внедрению состязательной (англосаксонской) модели уголовного правосудия, авторы справедливо констатировали безуспешность предпринятых в данном направлении правотворческих шагов, свидетельствующую об изначальной нежизнеспособности намерений отказаться от традиционного для России континентального (смешанного) типа уголовного судопроизводства. В качестве главного фактора оптимизации уголовно-процессуального законодательства ученые назвали именно баланс публичных и частных интересов [1, с. 36].

Схожие либо предполагающие некоторую вариативность идеи содержатся и в ряде других современных публикаций [2, с. 25; 3, с. 71]. Правда, многие из них ограничиваются лишь правильными тезисами о разумном соотношении публичности и «частности» в уголовном судопроизводстве, общими призывами к балансу государственных и частных интересов как одному из базовых условий дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства. Нередко их авторы не утруждают себя подробным вниканием в нюансы тех или иных правоотношений, не уделяют должного внимания локальным уголовно-процессуальным механизмам и процедурам, не оценивают их на предмет

разумной сбалансированности дискреционных полномочий органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и диспозитивных правомочий невластных субъектов досудебного либо судебного производства по уголовному делу, не рассматривают конкретные нормативные перекосы в приемлемом соотношении публичности и «частности».

Вместе с тем общеизвестно, что «дьявол кроется в деталях»! Другими словами, именно эти, вроде бы не заслуживающие столь пристального внимания конкретные нормативные перекосы в своей совокупности и свидетельствуют об общем уровне сбалансированности государственных и частных интересов в уголовном процессе, позволяют оценить его на предмет соответствия подлинным потребностям российского социума в сфере уголовной юстиции и традиционному для национального правопорядка континентальному (смешанному) типу уголовного судопроизводства. Причем один из подобных перекосов видится в правовом регулировании установленной ст. 217 УПК РФ процедуры так называемого «постследственного» ознакомления с уголовным делом – ознакомления обвиняемого и его защитника со всеми материалами окончанного производством предварительного следствия¹ в преддверии передачи уголовного дела в суд. Стремление к рассмотрению и оценке данной процедуры с точки зрения баланса публичных и частных интересов и предопределило подготовку настоящей статьи.

ПРАВИЛА ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР РАЗБАЛАНСИРОВКИ ПУБЛИЧНОСТИ И «ЧАСТНОСТИ» УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Вообще, ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами окончанного досудебным производством уголовного дела пе-

ред направлением в суд с обвинительным заключением – достаточно важный и значимый компонент всего механизма предварительного следствия в целом и его финального фазиса в частности [4, с. 216–217]. Вместе с тем его правовая основа еще весьма далека от совершенства. Ведь содержание ст. 217 УПК РФ сводится к набору «тяжеловесных», не предполагающих филологической эстетики и поэтому достаточно сложно воспринимаемых нормативных положений, в том числе страховочных норм, возникших ввиду явного недоверия «коллективного законодателя» (читай – разработчиков УПК РФ) к должностным лицам органов предварительного расследования, аксиоматичной убежденности в их непорядочности, склонности к злоупотреблениям полномочиями и фальсификациям. К тому же данные положения во многом представляют собой очередные правила уголовно-процессуального делопроизводства, очередные пошаговые инструкции и «памятки», о неприемлемости введения которых в предмет законодательного регулирования уже неоднократно говорилось в публикациях автора настоящей статьи [5, с. 46; 6, с. 131–132]. Наибольшее количество нареканий вызывает вытекающий из смысла этих положений закона дисбаланс публичности и «частности», предполагающий перекося в сторону частных интересов обвиняемого, их превалирование над публичными интересами общества и государства.

Конечно, забота о личности – прямая обязанность государства, предопределенная ст. 2 и рядом других положений Конституции РФ. И в этой связи законодателю, безусловно, надлежит создавать благоприятные условия для реализации вступающими в публичные правоотношения людьми своих прав и законных интересов, в том числе обеспечивать режим комфортности для использования привлекаемыми к уголовной ответственности лицами и их защитниками своих процессуальных возможностей. Однако ни одну благую идею, в частности ценность прав человека в уголовном судопроизводстве, нельзя доводить до абсурда, превращать в абсолютную догму, безразборно подчиняя ей все средства и способы решения какой-либо прикладной, в том числе уголовно-процессуальной, задачи.

Именно такой недостаток и присущ правилам ознакомления обвиняемого и защит-

¹ Как известно, правом на ознакомление с материалами окончанного производством предварительного следствия помимо обвиняемого и его защитника наделяются потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Схожие по предназначению процедуры присущи и ординарному дознанию, и сокращенному дознанию как альтернативным формам предварительного расследования. Вместе с тем все подобные механизмы предполагают высокую степень преемственности по отношению к базовому порядку, предусмотренному ст. 217 УПК РФ. В этой связи с учетом достаточно ограниченного объема настоящей статьи их подробное рассмотрение представляется излишним.

ника с материалами уголовного дела, именно эти положения закона можно признать образчиком разбалансировки публичности и «частности» уголовного судопроизводства, типичным нормативным перегибом, во многом обусловленным стремлением к демонстрации всему миру признания в России неких правозащитных ценностей. Например, чем еще можно объяснить подлежащий соблюдению «по умолчанию» запрет на ограничение времени ознакомления с предъявляемыми материалами? Как еще можно истолковать дозволенность повторно обращаться к уже изученным томам уголовного дела? С чем еще можно связать возможность раздельного ознакомления обвиняемого и защитника с предъявляемыми документами (предметами) лишь ввиду их собственного волеизъявления (ходатайства)?

О ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ УСТАНОВЛЕННЫХ ПРАВИЛ К ПРЕДНАМЕРЕННОМУ ЗАТЯГИВАНИЮ ВРЕМЕНИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Нетрудно заметить, что все эти юридические преференции, будучи направленными на усиление «частности» и одновременное ослабление публичности уголовного судопроизводства, на создание неоправданно привилегированных условий реализации обвиняемыми и защитниками своих процессуальных возможностей в преддверии завершения предварительного расследования, явно предрасположены к известной форме злоупотребления правом – искусственному затягиванию времени ознакомления с материалами уголовного дела, обусловленному самыми разнообразными причинами: от намерения получить какую-либо выгоду до банального процессуального нигилизма. Поэтому современные следователи нередко сталкиваются с вызванными подобным поведением обвиняемых и защитников практическими трудностями: увеличением сроков досудебного производства, неэффективным расходованием рабочего времени, ростом служебной нагрузки и т. д. Особую актуальность указанные проблемы приобретают на фоне бюрократизации досудебного производства, инкрементального разрастания объемов уголовных дел в целом и материалов отдельных процессуальных

действий либо решений в частности, то есть ввиду тех деструктивных тенденций, о которых постоянно говорят и пишут прагматично настроенные ученые-процессуалисты, в первую очередь профессор Б.Я. Гаврилов [7, с. 8].

Конечно, в действующей системе уголовно-процессуального регулирования существуют некоторые правовые рычаги, позволяющие бороться с такой формой злоупотреблений: в ч. 3 ст. 217 УПК РФ предусматривается возможность ограничения времени ознакомления обвиняемых и (или) защитников с материалами уголовных дел. Причем в случаях несоблюдения данных сроков без уважительных причин следователям дозволяется принудительно завершить проводимые ознакомления. К слову, данная возможность появилась только через год после введения УПК РФ в действие, в июле 2003 г., известным девяносто вторым законом², принятым для устранения целого ряда нормативных изъянов и «недоделок», обнаруженных в ходе первых месяцев применения нового порядка уголовного судопроизводства, тогда как изначальная редакция Кодекса никаких правовых рычагов, позволяющих бороться с подобными злоупотреблениями, вообще не предполагала – существовал абсолютный запрет на ограничение времени ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела.

Но говорить об эффективности и повсеместном использовании этих рычагов в правоприменительной практике, увы, не приходится. Ведь любые ограничения темпоральных лимитов изучения обвиняемыми и защитниками уголовных дел допускаются лишь на основании судебных решений. А стремления к получению таких решений, как известно, упираются в трудоемкие, весьма забюрократизированные процедуры, отнимающие у следователей много и без того дефицитного времени. Кроме того, подобные возможности обуславливаются неопределенной, предрасположенной к вариативности толкования гипотезой, сводящейся к некоей явности (!) затягивания ознакомления с предъявляемыми материалами. С одной стороны, использованное законодателем словосочетание «явность

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ // Доступ из спав.-правовой системы «КонсультантПлюс».

затягивания» подразумевает очевидность, бесспорность, несомненность злонамеренного поведения, обусловленного циничным умыслом обвиняемого или защитника, то есть стремлением к преднамеренному увеличению сроков завершающей части предварительного расследования, тогда как с другой – никаких четких критериев, позволяющих распознать подобный умысел, просто не существует, на что справедливо указывается в некоторых публикациях [8, с. 408]. Да и вообще ограничение времени ознакомления с материалами уголовного дела, по смыслу закона, надлежит расценивать не как рассчитанную на повсеместное использование, а как являющуюся исключением из общего правила неординарную меру, подлежащую применению лишь в достаточно редких, единичных ситуациях.

В этой связи некоторые специалисты ратуют за внесение в УПК РФ дополнений, направленных на большую определенность правовой гипотезы, обуславливающей возможность ограничения сроков ознакомления с предъявляемыми документами (предметами). В первую очередь формулируются предпологаемые к введению в сферу законодательного регулирования критерии распознавания явности, то есть очевидности, бесспорности преднамеренного затягивания реализации права на ознакомление с уголовным делом. В качестве таковых, например, предлагаются: а) несерьезность причин более чем двухкратного уклонения от ознакомления с предъявленными материалами; б) установление объема (например, только один том в день) изучения материалов; в) непродолжительное по времени (например, только час в день) ознакомление с материалами уголовного дела; г) многократное (более трех раз) возвращение к ранее изученным материалам [9, с. 211].

Однако согласиться с такими, равно как и с другими схожими идеями все же достаточно трудно, а если быть более откровенным – решительно невозможно. Ведь, с одной стороны, любые подобные новации представляют собой очередные попытки превращения федерального закона в инструкцию или «памятку» для правоприменителей (в данном случае – превращения УПК РФ в комментарий к самому себе), о неприемлемости которых говорилось ранее. Тогда как с другой стороны,

введение столь жестких критериев в предмет уголовно-процессуального регулирования станет еще одним шагом на пути ограничения дискреционной свободы следователей, уменьшения степени их процессуальной самостоятельности, усиления риска впасть в состояние правовой беспомощности при возникновении каких-либо «нештатных» обстоятельств. К тому же разумность предлагаемых критериев не подразумевает никаких серьезных научных обоснований – соответствующие взгляды преимущественно детерминированы не более чем опытом практической работы их авторов.

Но главная погрешность таких идей видится совершенно в другом – в их предопределенности намерением бороться с деталями, не устранив или даже не заметив главного, «купировать» последствия, не выявив причины. А между тем такая причина существует и состоит в некогда допущенной по вине «коллективного законодателя» разбалансировке, в нарушении разумного соотношения публичности и «частности» в уголовном процессе. Этот явный перекося в сторону частных интересов, их превалирования над публичными интересами общества и государства фактически остается незамеченным, в связи с чем никто из современных специалистов даже не пытается подвергать сомнению концепт существующего механизма изучения обвиняемыми и защитниками предъявляемых им для ознакомления документов (предметов), а все вносимые предложения обусловлены неоспоримостью общего нормативного подхода к предусмотренной ст. 217 УПК РФ процедуре, отношением к нему (подходу) как к само собой разумеющейся, аксиоматичной данности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного напрашивается вывод о необходимости пересмотра концептуальных подходов к процедуре ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Представляется, что в современных условиях развития механизмов досудебного производства по уголовному делу существует объективная потребность в формировании новой, а точнее, сильно обновленной модели финальной части

предварительного следствия, основанной на балансе публичности и «частности», на разумном соотношении публичных и частных интересов как на важнейшем условии реализации государственной политики в сфере уголовной юстиции. Причем при разработке такой модели в первую очередь надлежит отказаться от существующего на сегодняшний день за пределами высокого уровня комфортности реализации невластными участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных возможностей. В частности, из базовых условий ознакомления с уголовным делом разумно наконец исключить нелимитированную продолжительность времени для изучения предъявляемых документов (предметов), ничем не ограниченное право на повторные обращения к уже изученным томам уголовного дела, недопустимость раздельного ознакомления с материалами дела обвиняемого и защитника без их собственного волеизъявления (ходатайства).

Высказывая подобные, на первый взгляд крамольные, идеи, необходимо обратить особое внимание на одно немаловажное обстоятельство. Предлагаемые к исключению из сферы уголовно-процессуального регулирования условия ознакомления с материалами уголовных дел подразумевают достаточно слабую степень согласованности с современными средствами и способами реализации заинтересованными лицами своих процессуальных прав. Ведь любому имеющему, пусть даже самое отдаленное, отношение к реальной правоприменительной практике специалисту должно быть хорошо известно, а всякому «цивилизованному» человеку – понятно, что

сегодняшние обвиняемые, другие невластные участники уголовного судопроизводства, в особенности профессиональные адвокаты, изучая предъявляемые материалы, фиксируют их посредством цифровых фотокамер, чаще всего встроенных в смартфоны и прочие «карманные» гаджеты. Между тем предлагаемые к исключению из сферы процессуального регулирования условия ознакомления с уголовными делами, напротив, были и остаются рассчитанными на более примитивные, в чем-то даже архаичные способы изучения и фиксации обвиняемыми и защитниками интересующих их документов (предметов), в первую очередь на внимательное прочтение, порой штудирование предъявляемых материалов в служебных помещениях органов предварительного расследования либо местах содержания под стражей, а также на переписывание наиболее важных фрагментов от руки. Вполне очевидно, что пик востребованности всех подобных способов миновал; они были распространены в уже ушедшую «доцифровую» эпоху. Все возникающие сегодня организационно-технические сложности, связанные с изучением материалов уголовных дел, вполне легко преодолимы путем надлежащего технического оснащения органов предварительного расследования цифровыми средствами фотофиксации документов (предметов).

Именно таковым автору настоящей статьи видится основное направление дальнейшего развития нормативной базы «постследственного» ознакомления с материалами уголовного дела и оптимизации соответствующей правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давлетов А.А. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 31–37.
2. Гуськова А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства / А.П. Гуськова, Н.Г. Муратова. – Москва : Юрист, 2005. – 176 с.

REFERENCES

1. Davletov A.A., Azarenok N.V. The Balance of Public and Private Interests as a Fundamental Factor in the Formation of the Modern Russian Criminal Process. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 31–37. (In Russian).
2. Guskova A.P., Muratova N.G. Judicial Law: History and Modernity of the Judiciary in the Field of Criminal Proceedings. Moscow, Yurist Publ., 2005. 176 p.

3. Насонов А.А. Разумное соотношение публичных и частных интересов в уголовно-процессуальной сфере и роль категории «согласие» в его обеспечении / А.А. Насонов // Общество и право. – 2022. – № 2 (80). – С. 71–76.
4. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу : учебник / С.Б. Россинский. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2022. – 232 с.
5. Россинский С.Б. УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 42–47.
6. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права РАН. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 116–135.
7. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.
8. Голова С.И. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого на этапе окончания предварительного следствия путем составления обвинительного заключения / С.И. Голова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 10. – С. 406–409.
9. Игнатьев А.Н. Затягивание процесса ознакомления с материалами уголовного дела: отстаивание прав доверителя или процессуальное нарушение? / А.Н. Игнатьев // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 2. – С. 210–213.
3. Nasonov A.A. A Reasonable Balance of Public and Private Interests in the Criminal Procedure Sphere and the Role of the Category “Consent” in Its Provision. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2022, no. 2 (80), pp. 71–76. (In Russian).
4. Rossinsky S.B. Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2022. 232 p.
5. Rossinsky S.B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: The Embodiment of the “High” Purpose of the Criminal Procedural Form or a “Memo” for Illiterate Law Enforcers. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 42–47. (In Russian).
6. Rossinsky S.B. The Criminal Procedure Form Vs Rules of Criminal Judicial Procedure. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116–135. (In Russian).
7. Gavrilov B.Ya. XX Years of the Russian Criminal Procedure Law: Whether it Meets the Scientific Views and Requirements of the Law Enforcement Officer. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 7–14. (In Russian).
8. Golova S.I. Familiarization with the Materials of a Criminal Case as a Guarantee of Protecting the Rights of the Accused at the Stage of Completion of the Preliminary Investigation by Drawing Up an Indictment. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2013, no. 10, pp. 406–409. (In Russian).
9. Ignatiev A.N. Delaying the Process of Familiarization with the Materials of a Criminal Case: Defending the Rights of the Client or a Procedural Violation? *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal = Gaps in Russian Legislation. Legal Journal*, 2012, no. 2, pp. 210–213. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology.

Статья поступила в редакцию 11.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.
The article was submitted 11.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.13

Original article

СМИРНОВ Александр Витальевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: excelsiorsm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1756-8941>

SMIRNOV Alexander Vitalievich
Northwestern Branch of the Russian State
University of Justice,
Saint Petersburg, Russia.

БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СУДЕБНАЯ ПОЛИТИЯ

THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
JUDICIAL POLITY

Аннотация. Всякой человеческой деятельностью, в том числе судопроизводством, движет интерес. Есть интересы частные и общественные, государственные и публичные. Они часто не совпадают и противоречат друг другу. Задача состоит в том, чтобы найти их баланс. Публичный интерес есть разумный компромисс между общественным и государственным интересом. Его достижение зависит от характера и качества государства, способности последнего обеспечить условия для сосуществования сталкивающихся между собой частных и общественных интересов на основе взаимных адаптаций, оптимизирующих устойчивые взаимодействия различных общественных сил. Цель: найти оптимальное соотношение между формами государственного правления, с одной стороны, и публичным интересом, с тем чтобы соблюдался разумный баланс публичных и частных начал; определить место и роль публичных и частных интересов в современном уголовном судопроизводстве; сформулировать основные требования к механизму уголовного процесса, которые бы отвечали правильным пропорциям в нем публичного и частного. Методы: структурно-функционального анализа, сравнительно-исторический, институциональный, типологический, эволюционный, генетический, формально-юридический. Результаты: наилучшие условия для баланса публичных и частных интересов могут быть созданы при такой форме правления, как республика-полития (в аристотелевском смысле), где все субъекты политического действия выполняют согласованные функции, полезные для общего дела, а власть учитывает разумные интересы всех категорий граждан. В сфере уголовного процесса

Abstract. Every human activity, including judicial proceedings, is driven by interests. These interests can be private and social, state and public. They often do not align and may contradict one another. The challenge lies in finding their balance. The public interest represents a rational compromise between social and state interests. Achieving this balance depends on the nature and quality of the state and its ability to provide conditions for the coexistence of various conflicting private and social interests through mutual adaptations that optimise sustainable interactions among different social forces. Purpose: to identify the optimal relationship between the forms of state governance on one hand and the public interest on the other, so that a reasonable balance of public and private principles is observed; to determine the place and role of public and private interests in contemporary criminal proceedings; to formulate the basic requirements for the mechanism of criminal proceedings, which would meet the correct proportions of public and private elements in it. Methods: structural-functional analysis, comparative-historical, institutional, typological, evolutionary, genetic, and formal-legal methods. Results: the best conditions for balancing public and private interests can be created under a form of governance such as a republic-polity (in the Aristotelian sense), where all subjects of political action perform coordinated functions beneficial to the common good, and authorities take into account the rational interests of all categories of citizens. In the realm of criminal proceedings, this form of governance corresponds to the

такой форме правления соответствует принцип строгой законности (официальности) уголовного преследования. Современная «западная» леволиберальная демократия, действующая в постмодернистской парадигме, оказалась неспособной его обеспечить, судьба уголовного процесса становится все более зависимой от релятивистских представлений власти о том, что считать преступлением, а что – нет, от позиций прокуроров и следователей о целесообразности уголовного преследования, от договоренности между собой потерпевшего и обвиняемого ради восстановления «общественного мира». Это в значительной мере затрудняет достижение целей частной и общей превенции преступлений. Однако баланс интересов в уголовном процессе не то же, что примирение или «общественный мир». Это в первую очередь процесс и итог справедливой процессуальной борьбы наделенных достаточной правосубъектностью сторон – такое взаимосвязанное их положение, когда всякий, в том числе частный эгоистический интерес направляется и объективно работает на общее дело правосудия. Справедливый баланс интересов в уголовном процессе может быть обеспечен, если все доказательства будут собираться сторонами только в состязательных судебных процедурах, в том числе в рамках предварительного следствия, сами же органы предварительного следствия станут выполнять нейтральную функцию объективного расследования, а не обвинения; распределение бремени доказывания будет поставлено в гибкую зависимость от фактической дееспособности участников процесса в доказывании определенных обстоятельств дела (объективной «посильности доказывания»); прекращение уголовных дел «по согласию сторон» будет допускаться лишь по экскузивным (извинительным) преступлениям, общественная опасность которых зависит от восприятия потерпевших.

Ключевые слова: публичные, частные, общественные, государственные интересы, баланс интересов, формы правления, демократия, республика, полития, постмодернизм, принципы законности и целесообразности, примирение сторон, восстановительное правосудие, судебные доказательства, следственный судья, функция расследования, бремя доказывания, экскузивные преступления

Для цитирования: Смирнов А.В. Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе: судебная полития / А.В. Смирнов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 117–126.

principle of strict legality (officiality) in criminal prosecution. Contemporary “Western” left-liberal democracies operating within a postmodern paradigm have proven incapable of ensuring this principle. The fate of criminal proceedings increasingly depends on relativistic notions held by authorities regarding what constitutes a crime; the positions of prosecutors and investigators concerning the expediency of criminal prosecution; and agreements made between victims and defendants in the name of restoring “public peace”. This significantly complicates the achievement of both private and general crime prevention goals. However, the balance of interests in criminal proceedings is not the same as reconciliation or “public peace”. It primarily represents a process and outcome of a fair procedural struggle among parties endowed with sufficient legal subjectivity; this interconnected status ensures that every interest, including private egoistic interests, is directed toward and objectively contributes to the common cause of justice. A fair balance of interests in criminal proceedings can be ensured if all evidence is collected by the parties solely within adversarial judicial procedures, including during preliminary investigations; if preliminary investigation authorities assume a neutral function of objective investigation rather than accusation; if the burden of proof is flexibly dependent on the actual capability of participants in proving specific facts of the case (objective “feasibility of proof”); and if the termination of criminal cases “by mutual consent” is permitted only for excusable (exculpatory) offences, whose social danger depends on the perception of the victims.

Keywords: public, private, social, state interests, balance of interests; forms of governance, democracy, republic, polity, postmodernism, principles of legality and expediency, reconciliation of parties, restorative justice, judicial evidence, investigative judge, investigative function, burden of proof, excusable offences

For citation: Smirnov A.V. The Balance of Private and Public Interests in Criminal Proceedings: Judicial Polity. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 117–126. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.13.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес в праве может быть определен как объективно существующая потребность субъекта, без удовлетворения которой он не может обойтись [1]. Различают общественные, частные, публичные, государственные интересы. Общественный интерес, как представляется, есть интегративный интерес всего общества, обусловленный потребностью обеспечения его гомеостаза (социостаза)¹ и устойчивого развития; частный – интерес отдельных лиц, состоящий в достижении и сохранении их благополучия. Общественные интересы не сводятся к совокупности частных интересов, которые могут не совпадать с общественными и противоречить им. Частные интересы могут приноситься в жертву общим, а иногда (например, при тиранической форме правления) и наоборот. Однако в целом проблематика защиты интересов личности всегда находится в орбите общественного интереса. Государственные интересы также не всегда полностью совпадают с общественными, хотя бы в силу того, что государство – это не все общество, а особенная его часть, цели которой во многом совпадают с общественными, однако могут с ними частично расходиться. Государство в материальном выражении представляет собой не что иное, как группу людей, составляющих управленческий аппарат, призванный поддерживать в определенных границах целостность и устойчивость общества и обладающий для этого монополией на насилие. Именно последний признак гарантирует эффективность государственного механизма. Как утверждал знаменитый французский философ Поль Рикёр, «государство есть неразрешимое противоречие рациональности и силы» [2, с. 201, 208]. Несовпадение и диалектика государственных и общественных интересов, как нигде более, обнажаются в уголовном судопроизводстве, где государство применяет наиболее строгое правовое принуждение к провинившимся членам общества. Судебные формы, принципы процессуального равенства

и состязательности, гарантии прав личности объективно ограничивают здесь государственную монополию на насилие, заставляют государство идти на компромиссы с общественными запросами. И только в результате компромисса государственных и общественных интересов рождаются публичные интересы и публичное право.

АРИСТОТЕЛЬ: РЕСПУБЛИКА И ПОЛИТИЯ

В силу своего происхождения от союза общества и государства публичные интересы обеспечиваются и реализуются прежде всего государством. Потому от характера и качества государства зависит наличие и степень соблюдения баланса публичных и частных интересов и сил. Французский философ-просветитель Шарль де Монтескьё полагал, что идеал государства состоит в таком общественно-политическом устройстве, при котором общественные и частные интересы находятся в полной гармонии [3, с. 157]. Эту гармонию, как утверждал еще Аристотель, не может в полной мере обеспечить ни одна из существующих форм правления: ни тирания (власть одного, когда частный интерес отождествляет себя с публичным: «Государство – это я»), ни олигархия (власть лучших по достигнутому положению и богатству), ни демократия (сменяемая власть политиков, декларируемая «в интересах всего народа»), ни охлократия (власть толпы). Идеальной формой государства Аристотель считал полицию, при которой влиятельное, но ответственное меньшинство правит, имея в виду интерес всех граждан, и к которой в исторической практике до известной степени приблизилась лишь классическая римская республика (*res publica*, что означает буквально – общее дело всех граждан).

Извращением политики, по Аристотелю, является демократия (власть, имеющая в виду не общее благо, а привлечение на свою сторону прежде всего малоимущих масс) [4, с. 181]. Демократию возглавляют политики-демагоги, покупающие поддержку своей власти у малоимущего большинства обещанием социальной справедливости как уравнительного распределения материальных благ. Но рано или поздно политики начинают обращать значительную часть распределяемых

¹ Гомеостаз – саморегуляция, способность системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Если эта система есть человеческое общество, гомеостаз принимает вид социостаза.

ими ресурсов в свою пользу, и тогда демократия вырождается в олигархию.

С точки зрения современности сущность республики-политии в идеале состоит в обеспечении условий для сосуществования различных сталкивающихся между собой частных и общественных интересов в различных сферах жизни (политике, экономике и др.) на основе комплекса взаимных адаптаций, оптимизирующих устойчивые коммуникации различных общественных сил. В подобной республике у власти стоит конструктивная политическая элита, принимающая в расчет интересы всех граждан и их корпораций, однако при том неременном условии, что все они, так или иначе, способствуют или по меньшей мере не препятствуют поддержанию динамического равновесия общества как условия его дальнейшего развития. Лишь такие интересы считаются законными, а те, что угрожают общему благу, не защищаются, а, наоборот, элиминируются. Наиболее рельефно данное имманентное качество республики проявляется при противодействии преступлениям как наиболее опасным девиациям в поведении индивидов. Неслучайно именно в римском праве республиканского периода родился девиз: *Fiat justitia, et pereat mundus* (Да свершится правосудие, даже если погибнет мир). Он означает, что уголовный закон должен быть применен при любых обстоятельствах, невзирая на лица и соображения, касающиеся общественной целесообразности. Такой подход в результате рецепции римского права был усвоен в Новое и Новейшее время европейским континентальным типом права в виде принципа законности (*Prinzip der Legalität*)².

СПОСОБНА ЛИ ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЗАЩИТИТЬ ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

Показательно, что с момента установления парламентаризма и примерно до середи-

ны XX в. термин «демократия» в политическом обиходе использовался нечасто, а в странах Европы и Америки больше предпочитали говорить о республике. Понятие демократии стало широко востребованным лишь после Второй мировой войны, с образованием ООН, противостоянием западной и социалистической мир-систем и принятием на вооружение либерализмом доктрины прав человека. В философии, науке, искусстве, праве, а также в массовой культуре *alter ego* демократии в это же время стала идеология постмодернизма, в основе которой лежит релятивистское восприятие мира как хаоса, или игры, предполагающей текстуальную многовариантность событий и исключаяющей строгий детерминизм. В социальной реальности постмодернизм созвучен процессу постепенного вытеснения вертикальных управляющих связей горизонтальными сетевыми, в которых место объективной действительности занимают дискурс, символ и миф, активно эксплуатирующиеся СМИ, которые сделались главным средством непрямого управления массами со стороны политических элит. Демократия, в первую очередь в странах Западной Европы, отождествляется с так называемым социальным государством, в котором все большая часть общественного продукта перераспределяется множасьей государственной леволиберальной бюрократией (не без выгоды для себя) от активных работоспособных граждан в пользу пассивных малоимущих и иммигрантов, существующих в основном на социальные пособия. Для нейтрализации же справедливого организованного недовольства продуктивной части населения в обществе культивируются индивидуализм, идеология тотальной толерантности ко всякого рода социальным девиациям, мультикультурализм, комплекс вины белого человека за колониальное прошлое и загрязнение окружающей среды (движение «зеленых») и т. п., что лишь приводит к постепенному нарастанию в недрах общества скрытой социальной напряженности. На наш взгляд, в настоящее время реальная «западная» леволиберальная демократия оправдывает нелестное аристотелевское определение, хотя и пытается позиционировать себя как общество всеобщего благоденствия.

² Принцип законности (официальности) предполагает, что уголовное преследование осуществляется уполномоченными государственными органами не по просьбе частных лиц (потерпевших от преступления, их представителей и пр.), а в силу служебного долга (*ex officio*) – всякий раз при обнаружении признаков преступления.

СУДЕБНОЕ СОСТЯЗАНИЕ ЛИБО «ОБЩЕСТВЕННЫЙ МИР»?

Закономерен вопрос: должен ли в мире постмодерна претерпеть изменения уголовный процесс – эта «лакмусовая бумага» всякого политического режима, безошибочно вскрывающая его сущность? Может ли он продолжать твердо следовать классическому принципу законности (официальности) в уголовном преследовании и приоритету публичных интересов перед частными, либо граница между ними будет размываться под предлогом соблюдения толерантности и поддержания общественного согласия? Неудовлетворенность прежней парадигмой научного мышления, порождаемая ощущением глубинных социальных изменений, спорадический поиск новых научных подходов дали импульс ряду направлений научных исследований, которые следуют не внутреннему юридическому анализу тенденций судопроизводства, а непосредственно представлениям авторов о существующих социальных процессах и запросах. При этом традиционная классическая модель уголовного судопроизводства, основанная на строгой законности процедур и предоставлении, с учетом общественного интереса, процессуальных прав и гарантий обвиняемому для обеспечения возможности эффективно состязаться со стороной уголовного преследования (справедливая, или должная судебная процедура, или *fair trial, due-process*), объявляется устаревшей, причем ее критика слышна как с правой, так и с левой стороны. С правой стороны традиционной модели противопоставляются теоретические конструкции, основанные на идее контроля над преступностью (*crime-control model*). Процессуальные формы заменяются в них непроцессуальными; решающее значение придается неформальным способам установления фактов, не обременяемых никакими правилами об исключении доказательств; репрессивные меры рассматриваются как функция уголовного судопроизводства, а весь процессуальный механизм – как средство ускоренного решения дел. В моделях контроля над преступностью публичная идея доведена до крайности, по существу, редуцируясь до голого государственного интереса. Однако модели «контроля над преступно-

стью» не получили на практике сколько-нибудь значимого воплощения по той причине, что они фактически игнорируют проблему защиты прав человека. На деле духу современной леволиберальной демократии более всего отвечает постмодернистская школа, выступающая с позиций не критики девиантного поведения, а его релятивистского понимания. Центр тяжести переносится с объективного содержания преступности на ее внешнюю сторону, когда преступление рассматривается не как социальный феномен, а как продукт уголовно-правового конструирования. Принцип *nullum crimen sine lege* понимается здесь как общественный консенсус в вопросе о том, что считать, а что не считать преступным в интересах поддержания властных отношений [5, с. 193–140]. Соответственно, задача уголовного преследования также становится условностью, зависящей от усмотрения властных субъектов, которые вправе счесть преследование и наказание преступника общественно нецелесообразными. Кроме того, судьба уголовного процесса становится во многом зависимой от позиций потерпевшего и обвиняемого, которые вправе договориться и заключить некое мировое соглашение, как бы восстанавливая тем самым «общественный мир». При этом классический принцип римского права *jus publicum privatorum pactis mutari non potest* (государственное право не может быть изменено решением частных лиц) фактически сходит со сцены.

Соблазн быстрого и экономичного достижения результата за счет снятия вызванного преступлением социального конфликта побуждает рассматривать примирение сторон в уголовном процессе и согласование их позиций как один из основных инструментов достижения баланса публичных и частных интересов. К такому выводу приходят и некоторые российские ученые, пусть в остальном, вероятно, и весьма далекие от крайностей постмодернизма. Так, например, А.А. Насонов пишет: «Потребность в эффективном уголовном судопроизводстве, предполагающем различные варианты сбалансированности интересов в нем (сбалансированность публичных и частных интересов, сбалансированность внутри системы частных интересов, сбалансированность внутри системы публичных

интересов), обуславливает появление новых уголовно-процессуальных форм, содержащих элементы примирения различных интересов... Механизм согласования можно отнести к одной из важных уголовно-процессуальных гарантий сбалансированности интересов в уголовном процессе» [6, с. 73, 75].

Наиболее логически завершенной разновидностью подхода, исходящего из примирения как основного инструмента разрешения криминальных конфликтов, является теория и практика «восстановительного правосудия», особенно популярная в ряде стран Западной Европы, США, Новой Зеландии и др., а с начала нынешнего века получившая сторонников и в России. Последние исходят из идеи, что «восстановительное правосудие – это новый взгляд на то, как обществу необходимо отвечать на преступление, и построенная в соответствии с этим взглядом практика. В отличие от карательного правосудия, которое служит публичным интересам, восстановительное призвано служить частным интересам» [7]. За основу здесь принимается не наказание, а примирение правонарушителя с потерпевшим и возмещение ему ущерба [8; 9]. Несмотря на ряд положительных следствий модели восстановительного правосудия: усиление внимания к интересам потерпевшего, более глубокое изучение данных о личности несовершеннолетних правонарушителей в рамках так называемой ювенальной юстиции – сущность «восстановительного правосудия», так или иначе, сводится к замещению публичного интереса частным, что сопровождается переоценкой возможностей характерных для него примирительно-компенсационных процедур для достижения целей общей и частной профилактики преступлений.

Дело, однако, в том, что понятие «баланс интересов» в уголовном процессе – далеко не одно и то же, что «примирение», «согласование интересов» или «общественный мир», оно намного глубже и отнюдь не всегда комплиментарно к самим носителям этих интересов. Понятия, тяготеющие к «общественному миру», не дают ответа на вопрос, какой ценой он будет достигнут, и, следовательно, допускают его покупку ценой паллиатива, сужения сферы публичных целей в пользу узких частных и групповых интересов. Напротив, понятие

«баланс публичных и частных интересов» вовсе не означает, что публичными интересами можно пренебрегать или даже уравнивать их с частными. Они в балансе с последними всегда должны играть ведущую роль в силу ярко выраженной публичной природы уголовного судопроизводства. Баланс не обязательно представляет собой равновесие, но, прежде всего, «соотношение взаимно связанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса»³. Поэтому баланс интересов в уголовном судопроизводстве – это в первую очередь не примирение и согласие, а процесс и конечный итог честной борьбы заинтересованных сторон, где обычно есть «победитель» и «побежденный». Следует, однако, подчеркнуть, что о публичных и частных интересах, а тем более об их балансе нелепо говорить, когда в государственном управлении, в том числе в уголовном судопроизводстве, безраздельно царствует самодержавный принцип *raison d'etat*, разрешающий применение любых средств (пусть даже произвольно введенных в ранг закона) для достижения узкогосударственных интересов. В истинном публичном интересе судопроизводства государственный интерес присутствует лишь в состоянии разумного и соразмерного самоограничения.

Таким образом, баланс интересов в уголовном процессе может достигаться сразу двумя способами: 1) через выявление сильнейшего в справедливом споре сторон (состязательный принцип); 2) посредством их согласия и примирения (принцип «общественного мира»). При этом второй способ, несмотря на всю свою, как может показаться на первый взгляд, очевидную рациональность, играет в публичном процессе второстепенную и вспомогательную роль. Вместе с тем и через начало публичности, проявляющееся в первом способе, реализуется не только государственный (контроль над преступностью)⁴,

3 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 29.12.2024).

4 Преступления ставят под сомнение одновременно и устойчивость общества, и монополию государства на насилие. Поэтому государство и преступность находятся в состоянии антагонистического противоречия, в силу чего естественное назначение государства в сфере уголовного процесса, равно как и смысл последнего для государства, – это противостояние преступности.

но и более широкий общественный интерес, состоящий в обеспечении сосуществования (в том числе путем разумного компромисса) различных, сталкивающихся между собой интересов участников судопроизводства, облеченных в форму процессуальных функций и в совокупности объективно способствующих общему делу, в данном случае – осуществлению правосудия⁵. При этом следует иметь в виду, что названный «государственный интерес» есть понятие условное и абстрактное, ибо в движение его приводят отдельные люди, которые в той или иной степени также находятся под влиянием собственных частных и групповых интересов, что вносит дополнительные коррективы в решение задачи достижения правильного соотношения публичного и частного начал, а именно в виде установления гарантий личности и правосудия против произвола агентов государства.

Возможна ли «СУДЕБНАЯ ПОЛИТИЯ»?

Каковы средства, с помощью которых в уголовном процессе может поддерживаться устойчивый баланс публичных и частных интересов? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде посмотреть, что этому мешает. Камнем преткновения на этом пути является, на наш взгляд, глубокое юридическое и фактическое неравенство способов и средств доказывания, имеющихся в распоряжении агентов государства (органов предварительного расследования, суда) и остальных участников процесса (стороны защиты, потерпевшего, гражданских истца, ответчика и т. д.). Собирать доказательства как таковые могут лишь первые, остальные фактически могут только ходатайствовать перед ними об этом, несмотря на декларируемый конституционный принцип равноправия сторон. Можно предположить, что предоставлению иным участникам права непосредственно собирать доказательства препятствует принцип «доказывания через дозволения» («в порядке, установленном

законом»), характерный главным образом для российской уголовно-процессуальной системы, поскольку этот порядок включает в основном следственные действия, которые в силу властно-принудительной их составляющей уполномочены производить в строго определенной форме лишь государственные органы. Существует простой на первый взгляд способ преодолеть это противоречие – путем перехода к иной системе доказывания, которую можно охарактеризовать как «разрешено все, что не запрещено», практикуемой в настоящее время в ряде государств, когда допустимы любые способы и средства доказывания, если они прямо не запрещены отдельными нормами закона либо судебными прецедентами. Не это ли залог реального равноправия сторон? Однако на поверку данная система доказывания встречается с «монополией на насилие», которое может быть лишь у государства, но без чего расследование преступлений было бы совершенно неэффективно, как, впрочем, и так называемое «адвокатское расследование», весьма ограниченное в возможностях получения от государства принудительной поддержки. Кроме того, в любом случае собранные сторонами сведения, если и попадают в орбиту судебного разбирательства, все равно принимают там форму определенных процессуальных средств (показаний, заключений экспертов, вещественных доказательств, протоколов осмотров и т. д.), формирующихся в зависимости от дискреционного усмотрения суда, то есть в итоге опять же участвуют в доказывании «через дозволения». Более того, при такой системе свободой собирания доказательственных сведений фактически почти исключительно пользуются агенты государства, редко связанные при этом строгими правилами, которые гарантировали бы интересы иных участников за счет соблюдения процессуальных форм, и в силу этого баланс публичных и частных интересов подвергается опасной деформации.

Но можно ли совместить доказывание «в установленном законом порядке», то есть посредством властных следственных действий, и равенство в доказывании государственных агентов с иными участниками? Оказывается, можно, если представить себе предварительное судебное следствие, прово-

⁵ Сошлемся здесь на позицию известного русского ученого-юриста Н.М. Коркунова, который полагал, что общественное значение права заключается именно в обеспечении возможности совместного существования различных сталкивающихся между собой личных и общественных интересов, что обеспечивает в итоге должный порядок общественных отношений [10, с. 227].

димое под эгидой следственного судьи, где любая из сторон вправе по своему усмотрению легализовать полученные ею в ходе предварительной подготовки сведения в качестве судебных доказательств⁶. Причем следственный судья ни в коей мере не является судебным следователем, но, будучи «судьей-над-следствием», лишь предоставляет сторонам судебную «площадку» для равного состязательно-исследования и формирования судебных доказательств, если они сочтут необходимым закрепить их в этом статусе «досрочно», еще до начала судебного разбирательства дела по существу. Никакие сведения, не прошедшие предварительной или итоговой судебной проверки, собранные «келейно», в условиях следственной тайны, доказательствами признаваться не должны, ибо судебные доказательства – лишь те сведения, что получены или проверены гласно, в стенах суда. И при этом они собираются строго посредством установленных законом следственных действий, правда, исключительно судебных. При таком подходе публичный интерес реализуется в гласности и состязательности процесса, обеспечивающих «совместное сосуществование различных сталкивающихся между собой личных и общественных интересов», а равно в императивных требованиях допустимости доказательств как сведений, полученных только в порядке, установленном законом; частный же и групповой интерес – через возможность гарантированно быть услышанным и, если голос твой окажется более убедительным, одержать победу в судебном споре.

Однако, как представляется, даже в этом случае баланс публичных и частных интересов все еще не будет полностью обеспечен. Причина – в фактическом материальном превосходстве стороны государственного уголовного преследования над приватной стороной защиты. Оно сохраняется в критической степени до тех пор, пока органы предварительного следствия зачислены в разряд обвинителей. Даже если доказательства формируются в судебных процедурах, информационную ос-

нову для них неизмеримо легче собирать государственным органам, нежели частным лицам. Поэтому следователь ради баланса интересов должен осуществлять функцию не обвинения, а объективного расследования. Перед ним может стоять только одна задача: беспристрастно выяснить все обстоятельства дела, невзирая на то, в пользу они или во вред обвиняемому, и получить подтверждающие их судебные доказательства. Возбуждение же уголовного преследования, а после окончания предварительного следствия и с учетом его результатов – поддержание государственного обвинения в суде либо отказ от обвинения и прекращение уголовного преследования – естественная задача и главная процессуальная функция прокурора⁷, опирающегося в этом на помощь органов дознания.

Впрочем, баланс интересов в судебном доказывании нуждается в особых средствах, если доказывание в силу фактических особенностей дела окажется объективно затруднительным или просто непосильным для одной из сторон. По нашему мнению, таким средством служит распределение бремени доказывания в интересах соблюдения принципа равенства сторон. Та сторона, которая объективно, в силу особенностей дела, находится в слабейшем и потому неравном с другой стороной положении, должна быть защищена определенной презумпцией. Последняя либо вообще освобождает ее от необходимости доказывания важного для нее обстоятельства (например, презумпция невиновности), либо, по крайней мере, делает эту задачу более легкой, сводящейся к тому, чтобы зародить разумные сомнения в позиции противоположной стороны по данному вопросу, после чего бремя доказывания перемещается на сильнейшую сторону (в том числе при опровержении защитой фактической презумпции вменяемости обвиняемого и др.). В ряде случаев для обеспечения равенства бремя доказывания может быть возложено и на сторону защиты, например, когда обвинителю приходится доказывать отрицательный факт. К примеру, по делам о хранении или ношении огнестрельного ору-

⁶ Судебными доказательства можно назвать тогда, когда они, будучи получены не только в суде, но и в ходе предварительного расследования, могут использоваться на равных с доказательствами, полученными в судебном разбирательстве дела по существу.

⁷ Притом с прокурора вовсе не обязательно снимать и задачу надзора за соблюдением закона в действиях и решениях следственных органов (за исключением арбитра между сторонами – следственного судьи).

жия или наркотиков опровержение утверждения подозреваемого об отрицательном факте, а именно, что запрещенные предметы ему не принадлежат, и одновременно – другого отрицательного факта, состоящего в том, что он их на самом деле не находил, может опровергаться установлением положительных фактов незаконного приобретения этих предметов подозреваемым у другого лица, предшествующего длительного ими владения и т. д. Но если подобные положительные факты не могут быть установлены, виновность лица, ссылающегося на отрицательный факт, рискует остаться недоказанной. Однако характер этих позитивных обстоятельств таков, что о них гораздо лучше может быть информирован сам подозреваемый (о месте находки, очевидцах и т. д.), в то время как правоохранительному органу практически не по силам проверить все места, где был, и опросить всех лиц, с которыми мог контактировать подозреваемый, восстановив полную картину его предшествующего поведения.

Как уже упоминалось выше, в законодательстве многих государств используется институт прекращения уголовного преследования ввиду примирения сторон. В сущности, мы имеем дело с особой разновидностью мирового соглашения в уголовном процессе, причем нередко по делам о преступлениях, преследуемых в порядке публичного обвинения. В отношении каких преступлений допустимы подобные мировые соглашения? Первое, что приходит на ум, – критерий степени общественной опасности преступления. При этом ход рассуждений может быть примерно такой: «Мировое соглашение (примирение) возможно, если преступление не настолько опасно, чтобы публичный интерес считал себя ущемленным. Если же преступление тяжкое, то оно нарушает не только частный, но и публичный интерес, и поэтому прекращение дела за примирением невозможно». Однако государственное право не может быть изменено решением частных лиц, ибо всякое преступление посягает на публичные интересы по определению, ввиду присущей ему общественной опасности. Потерпевший вправе простить обвиняемого не потому, что престу-

пление опасно не для общества, а лишь для интересов потерпевшего, но потому и лишь тогда, когда деяние вообще не представляет общественной опасности. А это возможно только при одном условии: характер прощаемого деяния таков, что наличие или отсутствие у него общественной опасности зависит от отношения лица, подвергшегося посягательству. К такого рода деяниям могут быть отнесены, прежде всего, те преступления, объект которых лежит в сугубо личной, порой даже эмоциональной сфере, ибо они направлены на такие нематериальные блага, как физическая и половая неприкосновенность, честь и достоинство, права и свободы личности. Это клевета, оскорбление, некоторые половые преступления, нарушение неприкосновенности частной жизни, жилища, тайны переписки, отказ в предоставлении гражданину информации, нарушение моральных авторских прав, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и т. п. Оскорбление такими деяниями чувств потерпевшего само по себе есть факт общественно опасный. Напротив, непричинение реального морального вреда может превратить эти деяния в простые житейские события, делающие уголовное преследование нелепым или даже вредным. То есть не все деяния могут быть прощены потерпевшим, а лишь те, которые следует называть *экскузивными* (от лат. *excuso* – извинять, освобождать) преступлениями, допускающими извинение, то есть утрачивающими общественную опасность в результате прощения.

Выводы

Баланс интересов в такой специфической сфере, как уголовное судопроизводство, – это отнюдь не благостная картинка общего мира и согласия, а такое взаимосвязанное положение участвующих здесь сил, когда всякий, в том числе частный эгоистический интерес направляется и объективно работает на общее дело правосудия. Используя метафору, такой процессуальный строй можно уподобить аристотелевской политике, но применительно не ко всему государству, а к области уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Девицкий Э.И. Публичный и частный интерес в правотворчестве: критерии отграничения / Э.И. Девицкий [Электронный ресурс] // Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 1. – URL: <https://www.prolaw38.ru/publicnyj-i-chastnyj-interes-v-pravotvorchestve-kriterii-otgranichenija/> (дата обращения: 29.12.2024).
2. Ricoeur P. Political and Social Essays / P. Ricoeur ; eds. D. Stewart, J. Bien. – Athens : Ohio University Press, 1974. – 293 p.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 803 с.
4. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва : АСТ, 2022. – 502 с.
5. Клейменов И.М. Криминологические школы: от прошлого к будущему / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 4 (53). – С. 134–143.
6. Насонов А.А. Разумное соотношение публичных и частных интересов в уголовно-процессуальной сфере и роль категории «согласие» в его обеспечении / А.А. Насонов // Общество и право. – 2022. – № 2 (80). – С. 71–76.
7. Максудов Р. Восстановительное правосудие / Р. Максудов [Электронный ресурс] // Неволя. – 2005. – № 4. – URL: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.html (дата обращения: 29.12.2024).
8. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
9. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа / Л.М. Карнозова. – Москва : Р. Валент, 2010. – 480 с.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Витальевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Alexander Vitalievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 10.01.2025.
The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 10.01.2025.

REFERENCES

1. Devitskii E.I. Public and Private Interest in Law-Making: Criteria of Differentiation. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2020, no. 1. Available at: <https://www.prolaw38.ru/publicnyj-i-chastnyj-interes-v-pravotvorchestve-kriterii-otgranichenija/>.
2. Ricoeur P., Stewart D., Bien J. (eds.). *Political and Social Essays*. Athens, Ohio University Press Publ., 1974. 293 p.
3. Montesquieu Sh. *Selected works*. Moscow, Gospolitizdat publ., 1955. 803 p.
4. Aristotle. *Politics*. Moscow, AST Publ., 2022. 502 p.
5. Kleymenov I.M. *Criminological Schools: From the Past to the Future*. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2017, no. 4 (53), pp. 134–143. (In Russian).
6. Nasonov A.A. A Reasonable Balance of Public and Private Interests in the Criminal Procedure Sphere and the Role of the Category “Consent” in Its Provision. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2022, no. 2 (80), pp. 71–76. (In Russian).
7. Maksudov R. *Restorative Justice*. *Nevolya*, 2005, no. 4. Available at: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.html.
8. Zer H. *Restorative Justice: A New Look at Crime and Punishment*: trans. from English. Moscow, Center “Judicial and Legal Reform” Publ., 2002. 328 p.
9. Karnozova L.M. *Criminal Justice and Civil Society. Experience of Paradigmatic Analysis*. Moscow, R. Valent Publ., 2010. 480 p.
10. Korkunov N.M. *Lectures on the General Theory of Law*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2003. 430 p.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.14

Original article

Смирнова Ирина Георгиевна
Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия;
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск, Россия,
e-mail: smirnova-ig@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0264-8228>

SMIRNOVA Irina Georgievna
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia; National Research
Tomsk State University,
Tomsk, Russia.

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОМ И ДИСПОЗИТИВНОМ НАЧАЛАХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ПРОФЕССОРА Л.Н. МАСЛЕННИКОВОЙ)

THE ISSUE OF PUBLIC AND DISPOSITIVE PRINCIPLES OF RUSSIAN CRIMINAL
PROCEEDINGS (THROUGH THE PRISM OF SCIENTIFIC VIEWS OF PROFESSOR
L.N. MASLENNIKOVA)

Аннотация. Развитие цифровых технологий, их имплементация в уголовно-процессуальную сферу государственной деятельности, заформализованность процесса, с одной стороны, и недостаточность объема полномочий у участников уголовного судопроизводства для защиты своих прав и законных интересов при производстве по уголовным делам, с другой стороны, заставляют вновь обратиться к анализу природы публичности и диспозитивности уголовного процесса, оценить их соотношение, попытаться установить границы оптимального соотношения и (или) баланса. Особенно актуально это исследование через призму научных взглядов Л.Н. Масленниковой как дань глубокого уважения и признания в честь юбилея профессора. Цель: выделить основные скрипты научного подхода профессора Л.Н. Масленниковой к сущности, содержанию и соотношению публичных и диспозитивных начал современного уголовного процесса и оценить их актуальность через призму правовых позиций Конституционного Суда РФ. Методы: диалектики, триалектики, сравнительный, описания, интерпретации, аксиологический, аксиоматический; частнонаучные: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: сформулирован вывод об актуальности и действенности метода триалектики для анализа публично-правовой природы современного уголовного судопроизводства; определены основные тенденции его развития, позволяющие обеспечить оптимальное соотношение публичного и диспозитивного начал уголовно-процессуальной деятельности.

Abstract. The development of digital technologies, their implementation in the criminal procedure sphere of state activity, the formalisation of the process, on the one hand, and the insufficient scope of powers of participants in criminal proceedings to protect their rights and legitimate interests in criminal proceedings, on the other hand, make it necessary to re-examine the nature of publicity and dispositivity of criminal proceedings, to assess their correlation, to try to establish the boundaries of the optimal ratio and/or balance. This research is especially relevant through the prism of the scientific works and views of Larisa Nikolaevna Maslennikova as a tribute of deep respect and recognition in honour of the anniversary of the professor. Purpose: to identify the main scripts of Professor L.N. Maslennikova's scientific approach to the essence, content and correlation of public and dispositive principles of modern criminal procedure and to assess their relevance through the prism of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Methods: dialectics, trialectics, methods of comparative research, description, interpretation; axiological method, axiomatic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the article formulates a conclusion about the relevance and effectiveness of the trialectic method for analysing the public law nature of modern criminal proceedings; identifies the main trends of its development, allowing to ensure an optimal correlation of public and dispositive principles of criminal procedural activity.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичность, диспозитивность, основные начала уголовного процесса, принципы уголовного процесса

Для цитирования: Смирнова И.Г. К вопросу о публичном и диспозитивном началах российского уголовного судопроизводства (через призму научных взглядов профессора Л.Н. Масленниковой) // И.Г. Смирнова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 127– 133.

Keywords: criminal proceedings, publicity, dispositivity, basic foundations of criminal procedure, principles of criminal procedure

For citation: Smirnova I.G. The issue of Public and Dispositive Principles of Russian Criminal Proceedings (Through the Prism of Scientific Views of Professor L.N. Maslennikova). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 127– 133. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.14.

Правовая природа уголовного судопроизводства выражается через соотношение публичного и диспозитивного начал в уголовном процессе, которое отражает, с одной стороны, реальное состояние уровня защищенности общества и его членов от преступлений, с другой – уровень защищенности личности от произвола представителей государственной власти, уровень защищенности частной жизни людей от проникновения в нее государства.
Л.Н. Масленникова

ВВЕДЕНИЕ

В течение всего периода развития уголовного процесса и его нормативного регулирования вопросы целеполагания, иерархии защищаемых законом интересов стояли достаточно остро и являлись краеугольными в Бермудском треугольнике концептуальных вопросов построения модели уголовного судопроизводства. Труды многих известных ученых посвящены этим проблемам. Но сегодня как никогда актуально и своевременно обратиться к анализу взглядов и идей прекрасного ученого, многогранной личности – доктора юридических наук, профессора Ларисы Николаевны Масленниковой, 28 декабря 2024 г. отметившей свой юбилей. Каких бы проблем ни касались исследования ученого-процессуалиста, отправной точкой будет вопрос о соотношении публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве.

В литературе обоснованно отмечается, что все споры, возникающие в уголовно-процессуальной науке, разрешаются в том или ином контексте главной проблемы – соотношения публичного и диспозитивного начал в уголовном судопроизводстве [1, с. 117]. Именно поэтому докторская диссертация Л.Н. Масленниковой «Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве» посвящена фундаментальному вопросу

уголовно-процессуальной науки. Она внесла неоценимый вклад в формирование концепции публичных и диспозитивных начал в сфере производства по уголовным делам.

ПУБЛИЧНОСТЬ И ДИСПОЗИТИВНОСТЬ В ДОКТРИНЕ И ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Нельзя не отметить, что понимание правовой природы публичности в настоящее время не является единым и устоявшимся. Так, многие ученые придают публичности значение принципа уголовного судопроизводства, отмечая, что система принципов подвижна и изменчива, поскольку отражает перемены, происходящие в обществе [2, с. 83–84]. Взаимообусловленность системы основных начал, определяющих сущность уголовно-процессуальной деятельности и организации общества, предопределило расширение М.С. Строговичем системы принципов от пяти в 1939 г. до восьми – через пару десятилетий [3, с. 101–102].

Публичное значение уголовно-процессуальных норм, регулирующих процесс установления обстоятельств дела, предопределяется устоявшимся в современном праве пониманием преступления как посягательства, направленного против норм, охраняемых уголовной карой в публичных интересах

[4, с. 68]. Следовательно, по мнению ученых, публичность является принципом уголовного судопроизводства, вытекающим из самого духа уголовно-процессуального права. Так, М.Т. Аширбекова отмечает, что публичность входит в систему принципов уголовного процесса как основа, определяющая ключевые процессуальные способы защиты публичного интереса, взятого под охрану уголовного закона [5, с. 81], имеющая свое содержание, которое характеризует уголовный процесс как вид государственной деятельности [6, с. 23].

Давая оценку сущности и правовой природе публичности и диспозитивности уголовного судопроизводства, Л.Н. Масленникова предложила свой взгляд на методологический инструментарий такого исследования, который представляет самостоятельную ценность. Так, она подчеркивает, что в период общественных реформ (особенно в сфере уголовного судопроизводства) кардинально возрастает значение научной методологии познания сущности и соотношения публичного и диспозитивного начал как совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования через призму трех уровней познания: мировоззрения, общенаучных принципов и подходов и конкретно-исторической методологии [7, с. 1200–1201]. В свою очередь, именно триалектика образует суть мировоззренческой основы и ориентирует на целостное, осмысленное отражение уголовно-процессуальной действительности.

Как справедливо отмечает Ю.В. Францифоров, сущность противоречий в уголовном процессе определяется их всеобщим характером, многообразием и проявлением при взаимодействии противоположных интересов субъектов уголовного судопроизводства [8, с. 52]. Предложенный профессором Л.Н. Масленниковой подход позволяет рассматривать публичность и диспозитивность не как противопоставляемые, противоречащие друг другу полюсы уголовного процесса, а воспринимать диспозитивное начало как часть публичного. Публичное понимается как целое, а не узковедомственное государственное и определяет социальное назначение уголовного судопроизводства [9].

Именно эти идеи находят выражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, в своем постановлении от 19 июня 2023 г.

№ 33-П по вопросу проверки конституционности ст. 82 и 240 УПК РФ Конституционный Суд РФ подчеркнул, что государство обязано обеспечивать условия для непосредственного исследования хотя бы в двух инстанциях представленных сторонами доказательств. Поэтому доказательства не подлежат уничтожению (если они фактически могут быть сохранены) как минимум до завершения апелляционного производства по делу и до вступления решения суда в законную силу, что обусловлено публично-правовыми целями уголовного судопроизводства, включающими в себя защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а равно защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод¹.

Баланс публичных интересов, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства стал базисом принятия еще одного решения, изложенного в постановлении от 15 февраля 2022 г. № 6-П, в котором Конституционный Суд РФ признал ч. 1 ст. 242 и ч. 1, 3 ст. 255 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ в части возможности разрешения вопроса о продлении срока содержания под стражей (в случаях, не терпящих отлагательства, когда осуществление его судьей (составом суда), в чьем производстве находится уголовное дело, объективно невозможно) единолично другим судьей того же суда. В обоснование своей позиции Конституционный Суд РФ пояснил, что полномочия судов, разрешающих вопрос о содержании под стражей, определяются законодателем с учетом требований эффективной реализации публичных функций правосудия, оптимизации судебной нагрузки, процессуальной экономии, соблюдения баланса публичных интересов, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства².

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26, ст. 4846.

² По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Мамонтова : постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2022 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 9 (ч. II), ст. 1386.

Совершенно справедливо отмечает Л.Н. Масленникова, что системообразующим элементом публичного начала является не только публичный интерес, публичные средства его защиты, но также субъекты и их обязанности [7, с. 1213]. Этот подход тоже нашел воплощение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, выраженных в постановлении от 19 апреля 2022 г. № 16-П. В частности, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что забота о жизни и здоровье заключенных возможна путем возложения на государство в лице должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, включая суды и администрацию места содержания под стражей, публично-правовой обязанности произвести обследование и установить диагноз, провести лечение, изменить меру пресечения в случае выявления тяжелого заболевания, угрожающего жизни, если лечение заключенного в условиях мест содержания под стражей невозможно. Исполнение этой публично-правовой обязанности государственные органы и их должностные лица должны обеспечивать соответствующими процессуальными средствами, важнейшим из которых является судебная защита прав лиц, содержащихся под стражей³.

Метод триалектики позволил рассмотреть диспозитивное начало как определяющее содержание публичного или частного начала в зависимости от характера индивидуального интереса и от распоряжения субъективными правами. В любом случае, Л.Н. Масленникова обоснованно отметила, что вовлечение личности в сферу публичного уголовного процесса детерминирует необходимость формирования условий для ее активности, нормативной регламентации уголовно-процессуальных возможностей для максимально полного участия в сфере публичного уголовного судопроизводства. Так, Конституционный Суд РФ сформулировал вывод о том, что законодатель (исходя из характера и общественной опасности преступления, сочетания затрагива-

емых им общественных и индивидуальных интересов) вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания волеизъявлению потерпевшего определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений⁴.

Наконец, признание диспозитивного характера выбора со стороны потерпевшего отражено еще в одном решении Конституционного Суда РФ – от 13 мая 2021 г. № 18-П, в котором Суд отметил, что размер расходов в части сумм, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, зависит не только от диспозитивного выбора самого потерпевшего, который на условиях договора выбирает себе адвоката, но и от должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры или суда, осуществлявших процессуальные действия и принимавших процессуальные решения, признанные впоследствии неправомерными. Объем, интенсивность, сложность, продолжительность юридической помощи, а потому и размер выплат за ее оказание в немалой степени зависят от действий (бездействия) и решений должностных лиц⁵.

Не менее интересны мысли Л.Н. Масленниковой о прогнозном развитии уголовного процесса, высказанные более 10 лет назад. Так, профессор отметила, что при наличии нескольких моделей уголовного судопроизводства, отражающих соотношение публичных

4 По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой : постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 14, ст. 1958.

5 По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских : постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21, ст. 3673.

и диспозитивных начал, выбор следует отдавать той, которая в наибольшей степени отвечает критериям социальной ценности уголовного судопроизводства [10, с. 560] (что очень импонирует автору данной статьи). При этом оптимальное соотношение частного и публичного начал видится в следующем:

- осознание цели уголовного процесса, обладание волей и сознанием для ее достижения всеми участниками уголовно-процессуальных отношений;
- наличие единого, выраженного через уголовно-процессуальную цель интереса, объединяющего всех участников уголовного процесса;
- взаимодействие и сотрудничество участников процесса на основе этого общего интереса;
- урегулирование законом общеобязательных правил поведения;
- государственная власть в лице участников, наделенных властными функциями в процессе, должна решать двуединую задачу: восстановить нарушенные преступлением права и законные интересы потерпевшего и не допустить нарушение прав и законных интересов лиц в связи с производством по уголовному делу [11, с. 1011].

Выводы

В свете изложенного можно выделить следующие направления развития уголовного судопроизводства, отмеченные Л.Н. Масленниковой в своих трудах:

- 1) модернизация уголовного судопроизводства и обеспечение его инновационного развития для эффективного обеспечения доступа к правосудию;
- 2) нивелирование разбалансированности уголовного судопроизводства, так называемого волокитного производства, особенно на досудебных этапах;
- 3) конкретизация целеполагания первоначальных этапов уголовного судопроизводства, формирование единого понимания таких понятий, как доступ к правосудию, обеспечение доступа к правосудию, обязан-

ность обеспечить доступ к правосудию, доступность правосудия;

4) усиление судебной власти, особенно на первоначальных этапах производства по уголовному делу. Роль суда должна измениться принципиально: независимый судебный орган должен на первоначальном этапе рассматривать ходатайства и жалобы любого заинтересованного в правосудии лица [12];

5) развитие межведомственного электронного взаимодействия [13];

6) цифровая трансформация судопроизводства [14], прогнозирование и предупреждение рисков перехода на новый уровень использования информационно-телекоммуникационных технологий в организации уголовно-процессуальной деятельности, а также ликвидации цифрового неравенства;

7) предупреждение опасной тенденции к расширению круга лиц, в отношении которых установлены особенности уголовного преследования, поскольку фактическое неравенство не может выступать основой для процессуального неравенства и должно быть компенсировано государством и на законодательном, и на правоприменительном уровне [15, с. 242, 244];

8) более четкая регламентация юридических обязанностей лиц, в производстве которых находится уголовное дело, наделенных властными функциями в процессе, поскольку только таким образом может быть обеспечена их публично-правовая обязанность по обеспечению доступа к правосудию [16, с. 95]. Надлежащая регламентация прав и обязанностей является, по мнению Л.Н. Масленниковой, ключом к решению основных проблем в сфере уголовного судопроизводства [17, с. 39]. Именно поэтому важно не только вести речь об обязанностях в отношении индивидов, но и ставить вопрос об обязанностях граждан в отношении общества и государства;

9) для эффективного совершенствования уголовного судопроизводства в долгосрочной перспективе требуется серьезное научно-мировоззренческое переосмысление развития российского общества, как следствие, необходима коррекция стереотипов поведения правоприменителя [18, с. 44].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. XI. Уголовно-процессуальное право : монография / под ред. А.А. Тарасова, Р.Л. Хачатурова. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 456 с.
2. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – Москва : Инфотропик Медиа, 2016. – 912 с.
3. Уголовный процесс / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – Москва : Норма: Инфра-М, 2022. – 888 с.
4. Хрестоматия по уголовному процессу России : учебное пособие / авт.-сост. Э.Ф. Куцова. – Москва : Городец, 1999. – 272 с.
5. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации : монография / под ред. Н.С. Мановой. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 360 с.
6. Аширбекова М.Т. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации) : монография / М.Т. Аширбекова, Ф.М. Кудин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 240 с.
7. Масленникова Л.Н. Методологические подходы к развитию уголовно-процессуальной теории и законодательства / Л.Н. Масленникова // *Lex Russica*. – 2006. – № 6. – С. 1198–1214.
8. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного процесса / Ю.В. Францифоров. – Москва : Приор-издат, 2006. – 176 с.
9. Масленникова Л.Н. Мировоззренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал / Л.Н. Масленникова // *Труды Академии управления МВД России*. – 2018. – № 1 (45). – С. 40–42.
10. Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России / Л.Н. Масленникова // *Lex Russica*. – 2010. – № 3. – С. 551–567.
11. Масленникова Л.Н. Внешние факторы, определяющие тенденции развития уголовного судопроизводства / Л.Н. Масленникова // *Lex Russica*. – 2010. – № 5. – С. 1008–1028.
12. Масленникова Л.Н. К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Масленникова // *Ученые записки Крамского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. – 2020. – Т. 6 (72), № 1. – С. 309–312.
13. Масленникова Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / Л.Н. Масленникова // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2020. – № 10. – С. 52–65.
14. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 / Л.Н. Масленникова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 6 (101). – С. 137–146.
15. Масленникова Л.Н. Равенство – один из основных идеалов справедливого уголовного судопроизводства / Л.Н. Масленникова // *Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 марта 2016 г.* – Санкт-Петербург : СЗФ РГУП, МАСП, 2016. – С. 235–244.

REFERENCES

1. Tarasov A.A., Khachaturov R.L. (eds.). *Formation and Development of Branches of Law in the Historical and Modern Legal Reality of Russia*. Moscow, YurLitinform Publ., 2024. Vol. XI. 456 p.
2. Balakshin V.S., Kozubenko Yu.V., Proshlyakov A.D. (eds.). *Criminal Procedure*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2016. 912 p.
3. Proshlyakov A.D., Balakshin V.S., Kozubenko Yu.V. (eds.). *Criminal Procedure*. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2022. 888 p.
4. Kutsova E.F. *Reader on the Criminal Procedure of Russia*. Moscow, Gorodec Publ., 1999. 272 p.
5. Manova N.S. (ed.). *Principles of Russian Criminal Proceedings: Content and Problems of Implementation*. Moscow, YurLitinform Publ., 2019. 360 p.
6. Ashirbekova M.T., Kudin F.M. *The Principle of Publicity in Russian Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases (Content and Forms of Implementation)*. Volgograd State University Publ., 2007. 240 p.
7. Maslennikova L.N. *Methodological Approaches to the Development of Criminal Procedural Theory and Legislation*. *Lex Russica*, 2006, no. 6, pp. 1198–1214. (In Russian).
8. Franciforov Yu.V. *Contradictions of Criminal Procedure*. Moscow, Prior-izdat Publ., 2006. 176 p.
9. Maslennikova L.N. *The Ideological Basis of the Criminal Procedural Law: Ratio of the Public and Dispositive Beginnings*. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 1 (45), pp. 40–42. (In Russian).
10. Maslennikova L.N. *Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Prospects for the Development of Criminal Proceedings in Russia*. *Lex Russica*, 2010, no. 3, pp. 551–567. (In Russian).
11. Maslennikova L.N. *External Factors Determining Trends in the Development of Criminal Proceedings*. *Lex Russica*, 2010, no. 5, pp. 1008–1028. (In Russian).
12. Maslennikova L. N. *On the Issue of the Legal Regulation of the Use of Electronic Documents in Criminal Proceedings*. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2020, vol. 5 (73), no. 1, pp. 309–312. (In Russian).
13. Maslennikova L.N. *A Conceptual Approach to the Construction of Criminal Proceedings That Provide Access to Justice in the Context of Digital Technologies Development*. *Vestnik Universiteta Imeni O.E. Kutafina (Mgyua) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, No. 10, Pp. 52–65. (In Russian).
14. Maslennikova L.N. *Transformation of Pre-trial Proceedings in the Initial Stage of Criminal Proceedings, Ensuring Access to Justice in the Industry 4.0 Era*. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 6 (101), pp. 137–146. (In Russian).
15. Maslennikova L.N. *Equality is One of the Main Ideals of Fair Criminal Proceedings*. *Justice and Equality in Criminal Proceedings. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, March 20–21, 2016*. Saint Petersburg, 2016, pp. 235–244. (In Russian).

16. Масленникова Л.Н. Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий / Л.Н. Масленникова // Труды Академии МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 93–98.

17. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства / Л.Н. Масленникова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2. – С. 38–46.

18. Масленникова Л.Н. Юридическая истина как результат разрешения уголовно-правового конфликта о нарушении уголовно-правового запрета / Л.Н. Масленникова // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2018. – С. 35–45.

16. Maslennikova L.N. Support of Access to Justice for a Victim of a Crime in the Conditions of the Digital Technologies Development. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 1 (49), pp. 93–98. (In Russian).

17. Maslennikova L.N. Subjective Rights and Legal Duties – Internal Factors Determining Trends in the Development of Criminal Justice. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 2, pp. 38–46. (In Russian).

18. Maslennikova L.N. Legal Truth as a Result of Resolving a Criminal Law Conflict Regarding the Violation of a Criminal Law Prohibition. In Kalinovsky K.B., Zashlyapin L.A. (eds.). *Legal Truth in Criminal Law and Procedure. Collection of Articles based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, March 16–17, 2018*. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2018, pp. 35–45. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Irina Georgievna – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University; Professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activity, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.
The article was submitted 28.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.15

Original article

Смолькова Ираида Вячеславовна
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия,
e-mail: smolkovaiv@mail.ru

SMOLKOVA Iraida Vyacheslavovna
Baikal State University, Irkutsk, Russia.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PERSONAL DATA PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Проникновение информационных технологий и систем во все сферы жизнедеятельности общества и государства не может не затрагивать сферу уголовного судопроизводства. Вопросы ее восприимчивости к веяниям эпохи компьютеризации, информатизации и цифровизации связаны с множеством факторов: ростом числа преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, потребностью в изменении информационной среды правоохранительных и судебных органов, готовностью и способностью государства обеспечить необходимый уровень информационной безопасности участников уголовного судопроизводства. Наиболее уязвимыми с учетом перечисленных факторов являются частная жизнь и персональные данные участников уголовного судопроизводства. Хотя уголовно-процессуальный закон в последние годы установил ряд дополнительных процессуальных гарантий их защиты (неразглашение данных проверки сообщения о преступлении, возможность дачи показаний под псевдонимом), к сожалению, в настоящее время этого недостаточно. В статье анализируется развитие законодательства о персональных данных, понятие персональных данных, их соотношение с понятием частной жизни граждан, конкретные способы защиты персональных данных в уголовном судопроизводстве (недопустимость разглашения данных предварительного расследования, дача показаний под псевдонимом, закрытые судебные заседания).

Abstract. The penetration of information technologies and systems into all spheres of society and the state also affects the criminal justice system. The issues of its susceptibility to the trends of the era of computerisation, informatisation and digitalisation are related to many factors: the growing number of crimes committed with the use of information and communication technologies or in the sphere of computer information, the need to change the information environment of law enforcement and judicial bodies, the readiness and ability of the state to ensure the necessary level of information security of participants in criminal proceedings. The most vulnerable to these factors are the privacy and personal data of participants in criminal proceedings. Although the law of criminal procedure has in recent years established a number of additional procedural guarantees for their protection (non-disclosure of data on the verification of the crime report, the possibility of testifying under a pseudonym), unfortunately, this is insufficient at present. The article analyses the development of legislation on personal data, the concept of personal data, their correlation with the concept of citizens' privacy, specific ways of personal data protection in criminal proceedings (inadmissibility of disclosure of preliminary investigation data, testimony under a pseudonym, closed court sessions).

Ключевые слова: персональные данные, частная жизнь граждан, данные предварительного расследования, недопустимость разглашения данных предварительного расследования, дача показаний под псевдонимом, закрытые судебные заседания

Для цитирования: Смолькова И.В. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 134–142.

Keywords: personal data, citizens' privacy, preliminary investigation data, inadmissibility of disclosure of preliminary investigation data, testimony under a pseudonym, closed court hearings

For citation: Smolkova I.V. Personal Data Protection in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 134–142. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.15.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь современного человека можно охарактеризовать как «массированный натиск» на его частную жизнь. Проникнуть в частную жизнь граждан стало настолько просто, что закон уже не в состоянии реально защитить конкретного гражданина от такого проникновения. Чтобы сохранить в тайне определенные обстоятельства частной жизни, например, личные данные, в недавнем прошлом достаточно было принять совершенно элементарные меры предосторожности. Научно-технический прогресс принес с собой информационные технологии, предоставляющие фактически безграничные возможности для сбора, анализа, обработки и распространения информации о частной жизни граждан, их персональных данных.

Огромное число государственных учреждений и частных организаций при обращении к ним граждан по различным вопросам (при поступлении на работу, покупке квартиры, получении документов, удостоверяющих личность, и др.) требуют предоставления достаточно широкого круга персональных данных, при этом снимают копии с документов, в том числе со свидетельства о рождении и паспорта, совсем не заботясь об обеспечении их конфиденциальности и защиты. К сожалению, базы персональных данных стали предметом купли-продажи недобросовестными представителями государственных и частных структур¹. Широкое распространение в стране теле-

фонного мошенничества в том числе вызвано и тем, что персональные данные граждан распространены в интернет-пространстве, стали легкодоступными для мошенников². Создание компьютерных систем персональной информации открывает широкие возможности для манипулирования личностью.

Поскольку права человека – это наиболее приемлемый баланс между личной свободой и общественной необходимостью, исключительно важно найти и определить этот баланс в специальной и весьма важной сфере прав граждан – на информацию, защиту неприкосновенности частной жизни и персональных данных.

Компьютеризация – не просто новая – «технологическая» – форма накопления информации об отдельных лицах. Создание многоканальных дистанционных компьютерных систем позволяет любому более или менее подготовленному индивиду получать доступ к информации, собираемой различными ведомствами. Компьютеры, смартфоны, смарт-телевизоры, маршрутизаторы, телефонные компании, интернет-компании, спутники, уличные видеокамеры, навигаторы направлены не только на повышение комфортности жизни граждан, но и на собирание информации о них для использования в том числе и в криминальных целях. Во все сферы социальной жизни современного общества внедряется искусственный интеллект, который дает колоссальные возможности контроля за всеми аспектами жизни человека.

¹ По данным Банка России, в 2023 г. было совершено 1,17 млн мошеннических сделок с российскими гражданами. В 2024 г. Роскомнадзор зафиксировал утечку 500 млн записей личного характера о россиянах (Власти всерьез взялись за телефонное мошенничество // Московский комсомолец. 2024. 28 фев.).

² По данным руководства «Сбера», в 2023 г. мошенники украли более 250 млрд руб. у российских граждан. За 3 квартала 2024 г. – 258 млрд руб., предварительный прогноз за весь 2024 г. – 300 млрд руб. (Кузнецов С. Ситуация с телефонным мошенничеством стала критической [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2024/06/04> (дата обращения: 19.10.2024)).

Информация – важнейший исторический, правовой, культурный и социальный ресурс. Не зря говорил британский банкир Н.М. Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Однако неограниченный доступ к некоторым ее видам может поставить в опасное состояние конкретного человека или группу лиц. Поэтому, с одной стороны, государство создает условия для широкого получения информации, с другой стороны, отдельный гражданин предпринимает усилия для защиты от излишнего любопытства со стороны как государственных органов, так и частных лиц.

Справедливо по данному поводу замечает Н.А. Дмитрик, что количество утечек персональных данных растет, законодательство в этой сфере становится все строже, государство заявляет свои права на эти данные, притом что сами граждане не чувствуют себя защищенными [1, с. 43].

Особенно важно обеспечить защиту персональных данных в уголовном судопроизводстве, чтобы ими не могли воспользоваться прежде всего подозреваемые и обвиняемые в целях мести и шантажа потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Принятие первых национальных законов о защите персональных данных было обусловлено началом современной эры информатизации, цифровизации и компьютеризации. По мнению Н.А. Дмитрика, появлению законодательства о персональных данных способствовал страх перед компьютерными технологиями, которые государства стали широко использовать для слежения за своими гражданами в целях борьбы с терроризмом, причем оно было рассчитано прежде всего на государство с его административными регламентами и формальными процедурами [1, с. 82].

Защита персональных данных как правовой институт появилась в противовес вторжению государства в частную жизнь граждан. Первым законом о защите персональных данных на национальном уровне в Европе символически считается принятый в 1970 г. германской федеральной землей Гессен закон

о защите данных. Затем аналогичные законы были приняты в Швеции (1973) и Франции (1978) [2, с. 49].

На проблему необходимости защиты персональных данных на международном уровне первой обратила внимание Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), принявшая 23 сентября 1980 г. Директиву, содержащую основные положения о защите неприкосновенности частной жизни и международных обменов персональными данными³. Персональные данные в этом документе определены достаточно широко – как «любая информация, относящаяся к индивидууму («субъекту данных»), чья личность либо известна, либо может быть установлена» (п. «б» ст. 1).

Принципы, установленные Директивой ОЭСР, получили развитие в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятой 28 января 1981 г. (далее – Конвенция 1981 г.)⁴. В ней персональные данные определены так же широко: «любая информация об определенном или определяемом физическом лице ("субъекте персональных данных")» (ст. 2 (а)).

В Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных⁵

3 Основные положения о защите неприкосновенности частной жизни и международных обменов персональными данными : Директива Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) от 23.09.1980 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.yandex.ru/docs/view?> (дата обращения: 19.10.2024).

4 Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. Принята Советом Европы 28.01.1981 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2024). Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Федеральным законом от 19.12.2005 № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», оговорив за собой право устанавливать ограничения права субъекта персональных данных на доступ к персональным данным о себе в целях защиты безопасности государственных и общественных интересов (п. 3). Конвенция вступила в действие в Российской Федерации 01.09.2013 (Собрание законодательства РФ. 2005. № 52 (ч. I-III), ст. 5573).

5 О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных : Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза № 95/46/ЕС от 24.10.1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://pd.khn.gov.ru>docs/> (дата обращения: 19.10.2024).

формулировка персональных данных осталась прежней, но было добавлено понятие определяемого лица. Таковым признавалось лицо, которое может быть определено прямо или косвенно, в частности через его идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, ментальной, экономической, культурной или социальной идентичности (ст. 2 (а)).

В последующем Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободе обращения таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС⁶ в понятие «персональные данные» были внесены конкретизирующие уточнения, касающиеся идентификаторов личности, в качестве которых указаны: *имя*, идентификационный номер, *сведения о местоположении идентификатора в режиме онлайн или через один или несколько признаков*, характерных для физической, психологической, *генетической* (выделены дополнения – И.С.), ментальной, экономической, культурной или социальной идентичности указанного физического лица (п. 1 ст. 4).

Как видим, в международном законодательстве имеют место разные определения персональных данных – от достаточно кратких до развернутых. Из приведенных определений видно, что процесс их формирования еще не завершен, находится в изменяющемся режиме.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В нашей стране определение понятия «персональные данные» впервые было дано в Перечне сведений конфиденциального характера (далее – Перечень), утвержденном Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188⁷: «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной

жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность, за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральным законом случаях» (п. 1).

Формулировка персональных данных, указанная в Перечне, была буквально воспроизведена в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ⁸ (ст. 2, ч. 5 ст. 10, ч. 1 ст. 11).

Одновременно с этим Федеральным законом был принят Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ⁹, в котором буквально воспроизведено определение персональных данных, содержащееся в Конвенции 1981 г., но с дополнением в виде перечня конкретизирующих признаков: фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы и другая информация (п. 1 ст. 3). Данный закон был принят после ратификации Россией Конвенции 1981 г. Цель его обозначена как обеспечение защиты в качестве прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 2).

Федеральный закон от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ¹⁰ внес изменения в Федеральный закон «О персональных данных», исключив из него указания на уточняющие сведения персонального характера (фамилия, имя, отчество и др.), что было обусловлено необходимостью приведения его в соответствие с положениями Конвенции 1981 г.

Федеральный закон «О персональных данных» выделяет следующие виды персональных данных.

1. Персональные данные, разрешенные их субъектом для распространения – персональ-

6 О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободе обращения таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС : Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/71936226> (дата обращения: 19.10.2024).

7 Перечень сведений конфиденциального характера. Утв. Указом Президента РФ от 06.03.1997 № 188 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 10, ст. 1127.

8 Об информации, информационных технологиях и защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3 (ч. 1), ст. 3448.

9 О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3 (ч. 1), ст. 3451.

10 О внесении изменений в федеральный закон «О персональных данных» : Федеральный закон от 25.07.2011 № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31, ст. 4701.

ные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на их обработку и распространение в порядке, предусмотренном данным законом (п. 1.1 ст. 3 в редакции Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ¹¹).

2. Специальные категории персональных данных – персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни, обработка которых допускается только в случаях, предусмотренных в ч. 2 ст. 10 данного Федерального закона (ч. 1 ст. 10).

3. Биометрические персональные данные – сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных. Для этих данных также установлен специальный режим их обработки – они могут обрабатываться только при наличии согласия субъекта персональных данных в письменной форме, за исключением определенных случаев, установленных законодательством Российской Федерации (ч. 1 ст. 11).

Понятие персональных данных в Российской Федерации находится в стадии формирования, о чем свидетельствуют многочисленные изменения, вносимые в Федеральный закон «О персональных данных» (на сегодняшний день в него внесены поправки 30 федеральными законами, последний из них – Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ¹² – установил особый порядок обработки обезличенных персональных данных).

Во множестве юридических документов провозглашено право граждан на доступ к ин-

формации, с одновременным ограничением на доступ к определенным ее видам. Доступ к информации персонального характера не может быть без определенных ограничений, защищающих конфиденциальные сведения.

Учитывая опасность получения и использования сведений персонального характера в криминальных целях, хотя и запоздало, Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ¹³ в УК РФ введена ст. 272.1 «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения», состоящая из 6 частей, устанавливающая уголовную ответственность за перечисленные виды деяний без отягчающих обстоятельств и при наличии различных квалифицирующих обстоятельств. Данная новелла свидетельствует о том, что государство осознает опасность неконтролируемого использования персональных данных не только для конкретного человека, но и для всего общества в целом.

ПОНЯТИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вопрос о содержании понятия «персональные данные» в юридической литературе носит дискуссионный характер. Некоторые авторы вообще отрицают необходимость его полного определения, считая, что любая подобная попытка будет выглядеть ущербно, поскольку невозможно охватить весь объем информации, позволяющей идентифицировать человека [3, с. 39].

Ученых-юристов, предлагающих определения персональных данных, можно разделить на 2 группы.

Первая группа исходит из очень широкого понимания персональных данных как сведений, непосредственно связанных с личностью и (или) позволяющих ее идентифицировать

11 О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федеральный закон от 30.12.2021 № 519-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. 1), ст. 57.

12 О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении экспертиз по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разрешения и внедрения технологии искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. 1), ст. 18.

13 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 49 (ч. I-IV), ст. 7412. До принятия данного закона за нарушение законодательства в области персональных данных наступала административная ответственность (ст. 13.11 КоАП РФ).

[4, с. 200]. Так, В.И. Солдатова определяет персональные данные как «информацию о гражданах, которая создается самими гражданами в их повседневной деятельности и представляется как сведения о себе (например, история болезни, декларация о доходах, банковская запись и т. д.)» [5, с. 33].

Вторая группа ученых пытается конкретизировать персональные данные, приводя перечни сведений (иногда довольно объемные), входящих в данное понятие. Например, И.Л. Бачило предлагает включить в состав персональных данных личную подпись, электронную подпись и различные виды электронных адресов как идентификатора личности, а также псевдоним [6, с. 183].

Представляется совершенно нереальным дать всеобъемлющую формулу персональных данных, как и охватить данное понятие перечислением конкретных сведений персонального характера в силу его многоликости, характеризующейся огромным количеством признаков и в значительной степени зависящей от их оценки конкретным гражданином и обществом в целом.

СООТНОШЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН

Персональные данные гражданина имеют самую непосредственную связь с его частной жизнью, поскольку она существует не абстрактно, сама по себе, а только у конкретного человека. Обеспечение неприкосновенности частной жизни напрямую зависит в том числе и от правового режима информации персонального характера. Вопрос о соотношении персональных данных и информации о частной жизни граждан в литературе решается неоднозначно. Условно высказанные по данному вопросу суждения можно свести к трем позициям.

Сторонники первой исходят из того, что информация о частной жизни – понятие более широкое, чем персональные данные, последние входят в понятие частной жизни граждан [7, с. 116]. Так, с точки зрения М.Н. Малеиной, тайна частной жизни представляет общую родовую категорию, включающую профессиональные и непрофессиональные (иные) тайны; тайна персональных данных – самостоятельный вид тайны, один из видов тайн [8, с. 18].

Вторая позиция состоит в том, что понятие «персональные данные» шире, чем информация о частной жизни, она является частью персональных данных. В частности, Д.М. Ветров считает, что информация о частной жизни – разновидность персональных данных [9, с. 119].

Сторонники третьей позиции полагают, что понятия «персональные данные» и «информация о частной жизни» – самостоятельные категории, в некоторых случаях лишь частично пересекающиеся [10, с. 59]. Например, С.Г. Пилипенко и С.А. Федосин, аргументируя данную позицию, отмечают, что вся информация о частной жизни персонифицирует личность путем отображения процесса ее деятельности в сфере частной жизни и, соответственно, является сегментом персональных данных [11, с. 214].

Третья позиция, на мой взгляд, более соответствует реальному соотношению анализируемых понятий. В частности, анкетные данные (фамилия, имя, отчество, сведения об образовании, профессии, виде профессиональной деятельности и т. д.) относятся к персональным данным, но тайну частной жизни не составляют. И наоборот, некоторые сведения персонального характера являются информацией о частной жизни гражданина (место рождения, адрес местожительства).

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Термин «персональные данные» в УПК РФ отсутствует. Однако из ряда его статей можно сделать вывод, что уголовно-процессуальный закон устанавливает правила их защиты. В УПК РФ предусмотрено несколько видов мер, направленных на защиту конфиденциальной информации (в том числе и персональных данных):

1. При проведении проверки сообщения о преступлении ее участники могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ)¹⁴.

¹⁴ Данное положение включено в УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс» (Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875).

2. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования, подкрепленная взятием подписки об этом и предупреждением об уголовной ответственности за такое разглашение по ст. 310 УК РФ (ч. 1 ст. 161 УПК РФ).

Ни в УК РФ, ни в УПК РФ понятие данных предварительного расследования, которые недопустимо разглашать, не раскрывается. В литературе предлагаются различные варианты его определений – от краткого до довольно широкого. В качестве первого варианта имеет место суждение о том, что ими могут быть любые сведения, содержащиеся в уголовном деле [11, с. 1037].

Сторонники развернутого определения таких данных приводят довольно объемные их перечни (начиная с содержания, хода и результатов следственных действий до сведений о внешности участников уголовного судопроизводства (словесный портрет, фотография)) [12, с. 47]. Например, Н.А. Власова предлагает развернутый перечень, состоящий из 8 пунктов [13, с. 148]. Если перечислить все предлагаемые перечни конкретных данных, то они займут несколько страниц текста.

Конституционный Суд РФ в определении от 6 октября 2015 г. № 2444-О¹⁵ указал, что данные предварительного расследования «составляют охраняемую уголовно-процессуальным и уголовным законами информацию (сведения), содержащуюся в материалах уголовного дела, разглашение (распространение) которой создает реальную или потенциальную опасность причинения ущерба расследованию по уголовному делу, нарушения прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, не являющихся его участниками».

В этой связи возникает вопрос: являются ли персональные данные частью данных предварительного расследования, которые разглашать недопустимо? Безусловно, да.

¹⁵ По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201511130001> (дата обращения: 03.11.2024).

Однако отсутствие четкого определения персональных данных в законодательстве и теории уголовного процесса создает множество проблем в этой части. Конечно, в первую очередь в данной ситуации необходимо руководствоваться положениями Федерального закона «О персональных данных».

Следует заметить, что согласно п. 2 ч. 5 ст. 161 УПК РФ следователь (дознатель, прокурор) имеет право предать гласности данные предварительного расследования путем их распространения в средствах массовой информации, сети Интернет или иным публичным способом. Объем распространения таких сведений зависит от усмотрения следователя. С учетом важности защиты персональных данных необходимо ограничить усмотрение следователя в предании гласности сведений такого рода.

Представляется, что в данную норму необходимо ввести некоторые ограничения и дополнить ее следующим положением: после слов «публичным способом» включить слова: «за исключением сведений конфиденциального характера, информации о частной жизни граждан и персональных данных участников уголовного судопроизводства».

3. Недопустимость разглашения данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя (ч. 5 ст. 161 УПК РФ). В данную норму следует добавить к данным о частной жизни и персональные данные указанных лиц.

4. При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя или свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, установлена возможность не приводить данные об их личности и использовать псевдоним участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Псевдоним – это, по существу, способ скрыть персональные данные о перечисленных участниках следственного действия.

Согласно закону в целях сохранения в тайне данных о личностях указанных участников следственного действия и обеспечения их без-

опасности они могут воспользоваться псевдонимом. В современных условиях у многих граждан существует страх преследования со стороны преступного элемента. Такими участниками могут быть специалисты, понятые и др. С учетом современного подхода к важности персональных данных и необходимости ограничения неконтролируемого к ним доступа следует предоставить участникам уголовного судопроизводства право заявлять ходатайства о невключении в соответствующие протоколы следственных действий таких персональных данных, как адрес местожительства, номер телефона, электронный адрес.

5. Проведение закрытых судебных заседаний при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, не достигшими возраста 16 лет; о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях, могущих привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства; в целях обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников и близких лиц

(п. 2, 3, 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Закрытое судебное заседание позволяет сохранить в тайне в том числе и персональные данные участников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Законодательство о персональных данных находится в постоянном динамическом развитии, за довольно короткий период оно прошло огромный путь – принято значительное количество нормативных актов, регулирующих данную сферу.

Персональные данные имеют важнейшее значение как для конкретного гражданина, так и для государства и общества. Наибольшую остроту проблема защиты персональных данных от произвольного и неконтролируемого вмешательства посторонних лиц приобретает в сфере уголовного судопроизводства. Хотя в УПК РФ предусмотрены разные варианты защиты конфиденциальной информации, в том числе и информации о частной жизни граждан, в современных условиях этого недостаточно – необходимо принять меры защиты и в отношении персональных данных участников уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных / Н.А. Дмитрик // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 43–82.
2. Оганесян Т.Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data / Т.Д. Оганесян // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 2. – С. 48–63.
3. Чеботарева А.А. Информационная безопасность личности в глобальном информационном обществе: теоретико-правовые аспекты / А.А. Чеботарева // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 38–41.
4. Волчинская Е.К. Место персональных данных в системе информации ограниченного доступа / Е.К. Волчинская // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 193–207.
5. Солдатова В.И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий / В.И. Солдатова // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 2. – С. 33–43.
6. Бачило И.Л. Государство и право в XXI веке. Реальность и виртуальность / И.Л. Бачило. – Москва : ЮРКОМПАНИ, 2012. – 280 с.
7. Петрыкина Н.И. К вопросу о конфиденциальности персональных данных / Н.И. Петрыкина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 6. – С. 115–122.
8. Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных / М.Н. Малеина // Журнал российского права. – 2010. – № 11 (167). – С. 18–28.

REFERENCES

1. Dmitrik N.A. History, Essence and Prospects of Personal Data Protection. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2020, no. 3, pp. 43–82. (In Russian).
2. Oganessian T.D. The Right to Personal Data Protection: Historical Aspect and Modern Conceptualization in the Age of Big Data. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 2, pp. 48–63. (In Russian).
3. Chebotareva A.A. Information Security Identity in the Global Information Society: Theoretical and Legal Aspects. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2016, no. 8, pp. 38–41. (In Russian).
4. Volchinskaya E.K. The Place of Personal Data in the System of Limited Access Information. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 4, pp. 193–207. (In Russian).
5. Soldatova V.I. Personal Data Protection in Digital Environment. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 2, pp. 33–43. (In Russian).
6. Bachilo I.L. State and Law in the 21st Century. Reality and Virtuality. Moscow, YURKOMPANI Publ., 2012. 280 p.
7. Petrykina N.I. On the Issue of Confidentiality of Personal Data. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2007, no. 6, pp. 115–122. (In Russian).
8. Maleina M.N. A Right to Secrecy and Inviolability of Personal Data. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 11 (167), pp. 18–28. (In Russian).

9. Ветров Д.М. Защита персональных данных и защита информации на предприятии. Некоторые вопросы применения / Д.М. Ветров // Проблемы права. – 2010. – № 1 (21). – С. 114–121.
10. Важорова М.А. Соотношение понятий «информация о частной жизни» и «персональные данные» / М.А. Важорова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 4 (87). – С. 55–59.
11. Пилипенко С.Г. К вопросу о защите права на неприкосновенность частной жизни при обработке персональных данных / С.Г. Пилипенко, С.А. Федосин // Пробелы российского законодательства. – 2009. – № 3. – С. 213–215.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 1185 с.
13. Кудрявцев В.П. Разглашение данных предварительного расследования: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ / В.П. Кудрявцев // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6 (49). – С. 46–52.
14. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования / Н.А. Власова // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 147–150.
9. Vetrov D.M. Personal Data and Information Protection on the Enterprise. Some Arguable Questions of Application. *Problemy prava = Problems of Law*, 2010, no. 1 (21), pp. 114–121. (In Russian).
10. Vazhorova M.A. The Relationship between the Concepts of “Information about Private Life” and “Personal Data”. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2012, no. 4 (87), pp. 55–59. (In Russian).
11. Pilipenko S.G., Fedosin S.A. On the Issue of Protecting the Right to Privacy When Processing Personal Data. *Probely Rossijskogo zakonodatel'stva = Gaps in Russian Legislation*, 2009, no. 3, pp. 213–215. (In Russian).
12. Brilliantov A.V. (ed.). Criminal Law of Russia. General and Special Parts. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 1185 p.
13. Kudryavtsev V.L. Disclosure of Preliminary Investigation Data: Some Criminal Law and Criminal Procedure Problems in the Light of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2020, no. 6 (49), pp. 46–52. (In Russian).
14. Vlasova N.A. Ensuring the Secrecy of the Preliminary Investigation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 147–150. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolkova Iraida Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 31.01.2025. The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.16

Original article

СОЛОВЬЁВ Сергей Александрович
Государственный академический
университет гуманитарных наук (ГАУГН);
Адвокатское бюро города
Москвы «Сословие»,
Москва, Россия,
e-mail: solovievsa@gaugn.ru

SOLOVIEV Sergey Alexandrovich
State Academic University for the Humanities
(GAUGN), Moscow City Law Office «Soslovie»,
Moscow, Russia.

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE ADVERSARIAL PRINCIPLE AND THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE IN CRIMINAL
PROCEEDINGS

Аннотация. Надлежащее понимание принципов состязательности и равноправия сторон перед судом при отправлении уголовного судопроизводства за период действия УПК РФ было серьезно трансформировано. Во многом это произошло под влиянием неолиберальной западной повестки, активно насаждаемой в Российской Федерации до 2022 г. Вопреки исторически сформированной публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства в России продвигалось расширительное толкование принципа состязательности и равноправия сторон перед судом, что повлияло на формирование – в первую очередь в среде адвокатов-защитников – необоснованных предложений о выравнивании процессуальных возможностей адвоката и следователя. Цель исследования заключается в доказывании необходимости трансформации современного отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения для обеспечения взаимосвязи с сегодняшним этапом развития нашего государства, его исторически сложившимися конституционно-правовыми и институциональными формами. В работе приводятся примеры организации уголовного процесса в других государствах, свидетельствующие о весьма избирательном наполнении не только принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, но и принципа презумпции невиновности. Основные методы исследования: системно-структурный, сравнительный, анализа, синтеза, индукции, а также специально-юридические и логические. По итогам исследования сформулирован вывод о необходимости рационального отношения к процессуальным возможностям реализации принципа состязательности и равноправия сторон как

Abstract. The proper understanding of the principles of adversarial proceedings and equality of the parties before the court in the administration of criminal proceedings was seriously transformed during the period of operation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This was largely influenced by the neoliberal Western agenda, actively imposed in the Russian Federation until 2022. Contrary to the historically formed public-law form of organisation of criminal proceedings in Russia, an expansive interpretation of the principle of adversarial proceedings and equality of the parties before the court was promoted, which influenced the formation, primarily among defence lawyers, of unfounded proposals to equalise the procedural opportunities of the lawyer and the investigator. The purpose of the study is to prove the necessity of transforming modern national criminal procedure legislation and the practice of its application to ensure the relationship with the current stage of development of our state, its historically established constitutional law and institutional forms. The paper provides examples of the organisation of criminal proceedings in other states, showing a very selective approach not only to the principle of adversarial proceedings and equality of parties in criminal proceedings, but also to the principle of presumption of innocence. The main research methods are the system-structural method, the comparative method, analysis, synthesis, and induction. Special legal and logical research methods are used. The study concludes that there is a need for a rational approach to the procedural possibilities of implementing the

допустимого баланса публичного и частного при публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства в государстве, что в первую очередь влияет на обеспечение сохранности государственного суверенитета в уголовном судопроизводстве. Одновременно с этим указывается на отсутствие противоречий между методом состязательности и методом всесторонности, полноты и объективности в уголовном судопроизводстве и необходимость его нормативного закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в качестве нормы-принципа.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, стороны, адвокат, защитительная деятельность, принципы состязательности и равноправия перед судом, следователь, метод всесторонности, полноты и объективности, неолиберальная идеология

Для цитирования: Соловьёв С.А. Принцип состязательности и баланс публичного и частного в уголовном судопроизводстве / С.А. Соловьёв. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 143–151.

principle of adversarial proceedings and equality of parties as a permissible balance of public and private in the public-law form of organising criminal proceedings in the state, which primarily affects the preservation of state sovereignty in criminal proceedings. At the same time, it is pointed out that there are no contradictions between the adversarial method and the method of comprehensiveness, completeness and objectivity in criminal proceedings and that it should be normatively enshrined in the current criminal procedure legislation as a norm-principle.

Keywords: criminal procedure, court, parties, lawyer, defence activity, principles of adversarial proceedings and equality before the court, investigator, method of comprehensiveness, completeness and objectivity, neoliberal ideology

For citation: Soloviev S.A. The Adversarial Principle and the Balance of Public and Private in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 143–151. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.16.

Состязательное начало, как справедливо учит теория...
составляет одно из общепризнанных и наилучших
из всех до сих пор выработанных в цивилизованном мире
«ручательств судебной истины».
Г.А. Джаншиев

ВВЕДЕНИЕ

Л.В. Головкин в монографии «Государство и его уголовное судопроизводство» отмечает, что принцип состязательности и равноправия сторон (идеологическая уголовно-процессуальная догма) находится в глубоком противоречии с организацией и построением (технологический императив) уголовного судопроизводства в Российской Федерации, когда государство, этот «фундаментальный и единственно легитимный источник уголовно-процессуальной власти, стоящий на страже интересов всего общества и обладающий монополией на привлечение к уголовной ответственности, применение мер уголовно-процессуального принуждения и т. п., обязан вдруг "сдуться" едва ли не до объемов частного лица, чтобы состязаться с другим частным лицом – обвиняемым, продолжая в то же время осуществлять, причем от своего имени, правосудие, т. е. рассматривать споры между собой (как стороной) и обвиняемым, вопреки правилу о том, что "в собственном деле судьи нет" (*nemo iudex in causa sua*)» [1, с. 306–307]. По словам А.Ф. Кони, римляне такую ситуацию называли «островом, возникшем в реке» [2, с. 344].

О появлении состязательности в современном отечественном уголовном судопроизводстве и отдельных видах ее понимания

О ПОЯВЛЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ЕЕ ПОНИМАНИЯ

Начать работу с двух цитат – Г.А. Джаншиева и Л.В. Головкин – мы посчитали целесообразным хотя бы по той причине, что за последние 22 года весьма агрессивного, на наш взгляд, насаждения в Российской Федерации неолиберальной уголовно-процессуальной повестки понятия состязательности и равноправия сторон были истрепаны научно-практическим дискурсом, в результате чего эти

дефиниции приобрели столь гипертрофированный объем, что стали использоваться в качестве лозунгов, юридических обличений и идеологического базиса построения уголовного судопроизводства. И если еще в 2006 г. С.А. Шейфер и А.А. Тарасов в попытке угадать, каким законодателю видится российский уголовный процесс – смешанным или состязательным, говорили о злонамеренных утверждениях, что «Концепция судебной реформы, на которой основан новый УПК, – это не больше не меньше как выполненный узкой группой ученых социальный заказ Запада, направленный на разрушение российского правосудия» [3, с. 409], то сейчас, в особенности начиная с февраля 2022 г., в доктрине активно обсуждается влияние западной неолиберальной идеологии на национальное уголовно-процессуальное законодательство, которое было направлено «на слом границ между публичным и частно-правовым» [1, с. 310], на радикализацию принципа состязательности в уголовном судопроизводстве в попытке превратить уголовный процесс в «рыночный, договорной», где государство не «фундаментальный и единственно легитимный источник уголовно-процессуальной власти», а сторона процесса, на которую возлагается обязанность «вести состязательный поединок с обвиняемым» [2, с. 309–311]¹.

Так, в очередном, четвертом уже издании «Курса уголовного процесса» [4], прямо ука-

зывается, что резкое изменение курса в подготовке УПК РФ было обусловлено вычлениением из большой малой рабочей группы, «куда вошли только сторонники перехода к полностью состязательному процессу», а также «резким ростом интереса к проекту со стороны американских дипломатических и экспертных кругов, работавших в непосредственном контакте с малой группой Е.Б. Мизулиной и оказывавших ей поддержку по двум направлениям: 1) логистическая помощь в сопровождении прохождения законопроекта по линии отдела укрепления права посольства США и 2) экспертная помощь² в подготовке законопроекта по линии финансировавшегося Правительством США проекта "Центрально- и Восточно-европейская правовая инициатива Американской ассоциации юристов"» [4, с. 132–133].

Эту же проблему, но в более масштабном выражении, поднимает и Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, указывая, что «процессы глобализации уже ставят в повестку дня необходимость формирования глобального правопорядка, глобального права, а значит – и глобального правопонимания», которое «не может быть выстроено лишь на базе либерально-индивидуалистического подхода, т. е. без учета солидаризма как подхода, ориентированного на согласование интересов и ценностей всех участников глобального взаимодействия» [5, с. 15].

Однако «семена» рыночно ориентированного отечественного уголовного процесса дали поразительную «всхожесть», и вот уже коллега автора, адвокат В. Багатурия, в статье «Как вернуть состязательность в уголовный процесс»³, сетуя на недостаточность доказательственных возможностей, предлагает наделить защитников правом самостоятельного допроса свидетелей и потерпевших по уголовному делу, при этом, как он указывает, с запретом следователю передпрашивать свидетеля

1 Весьма ярким и показательным в этой части является интервью заместителя председателя Комитета по законодательству Государственной Думы, главы рабочей группы по разработке УПК РФ Е.Б. Мизулиной, данное в конце 2003 г. portalу «Гарант.Ру»: «Вопрос: Все ли правоприменители довольны новым УПК? Ответ: Однозначно нет. Представьте себе, что многие люди, занятые в этой сфере в течение многих лет, знали наизусть многие положения старого УПК, оказались в один момент на уровне первокурсника юридического вуза. И даже ниже, т. к. у студентов не забита голова устаревшими положениями. Это только технический вопрос. Безусловно, недовольных много, и сегодня многие увольняются, уходят на пенсию или переходят на другую работу. Вопрос: Как вы относитесь к проверке Конституционным Судом ряда положений УПК? Ответ: Резко отрицательно. Во-первых, меня удивляет, что инициаторами стали не следственные органы, не прокуратура, а суды. Причем методы убеждения были выбраны, мягко говоря, не честные, т. к. в качестве "живого аргумента" привели родственников потерпевших со словами: "кто им объяснит, почему преступники, от чьих рук пострадали их родственники, не понесут наказания?". При этом забывают о том, что цель нового УПК – избежать произвола и судебных ошибок» (Судебная реформа в России и Уголовно-процессуальный кодекс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/interview/10290/> (дата обращения: 27.01.2025)).

2 В «Курсе уголовного процесса» со ссылкой на работу Spence M.J. «The Complexity of Success: U. S. Role in Russian Rule of Law Reform» прямо указывается, что два финансируемых бюджетом США американских специалиста по сравнительному уголовному процессу «стали ex officio членами рабочей группы Е.Б. Мизулиной, непосредственно приняв участие в написании нескольких разделов проекта УПК РФ. Отмечается, что гл. 40 УПК РФ не вошла бы в Кодекс без их активной деятельности» [4, с. 133].

3 Багатурия В. Как вернуть состязательность в уголовный процесс // Новая адвокатская газета. 2015. № 13 (198).

и потерпевшего, если защитник первый допросил данное лицо⁴.

На проведенном 24 октября 2024 г. на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) круглом столе на тему использования специальных знаний адвокатом в уголовном процессе звучали не менее, на наш взгляд, одиозные предложения, состоящие в наделении защитников правом самостоятельного назначения по уголовному делу судебной экспертизы, предупреждения специалистов и экспертов об уголовной ответственности за дачу заведомо необоснованного заключения, заявления ходатайств о проведении судебной экспертизы, подлежащих обязательному удовлетворению, хотя, надо признаться, что по сути это уже не ходатайство, а указание органу предварительного расследования, подлежащее обязательному исполнению.

При этом известная максима «Просите властных полномочий – получите обязанность доказывать невиновность», к огромному сожалению, не останавливает некоторых коллег в гипертрофировании возможностей принципа состязательности и равноправия сторон для обеспечения защитительной деятельности.

Нами в этой связи уже отмечалось, что в желании добиться иллюзорного познавательного равноправия заложена главная ошибка в понимании защитительной деятельности [6]. Наделение защитника правом собирания доказательств одномоментно перерастет из права в обязанность, хотя бы из той логики, что аналогичная деятельность публичных органов власти является его профессиональной обязанностью, а не правом. Все это, безусловно, приведет к установлению ответственности адвоката в случае ненадлежащего исполнения этой обязанности, избежать которой можно будет, только доказав невиновность своего подзащитного⁵.

4 Сложно представить возможность дальнейшего полета мысли при таком понимании независимым профессиональным советником по правовым вопросам, коим в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является адвокат, понятия состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе. Следующим шагом, вероятно, должно быть право защитника на самостоятельное применение особых защитительных мер пресечения в отношении своих подзащитных с помещением их в альтернативные адвокатские изоляторы.

5 Предложения о введении таких санкций имеются в научных работах [7; 8].

Обозначенная выше позиция, весьма популярная среди адвокатов, требующих уравнивания их в праве сбора и получения доказательств по уголовному делу со следователем, демонстрирует очевидное непонимание особой сути познавательной и, в отличие от следователя или дознавателя, односторонней деятельности защитника, вектор которой направлен исключительно на «оспаривание причастности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого к совершению преступления, опровержению обвинения в полном объеме или в какой-либо его части» [9, с. 34–35], тогда как публичным интересом в уголовном судопроизводстве всегда была, есть и будет неотвратимость наказания за совершенное преступление.

Н.Н. Полянский, говоря о целях уголовного процесса, писал, что таковой является «установление для конкретного случая существования (то есть существует ли) права государства на наказание и эвентуально (то есть если оно существует) тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению» [10, с. 155–156].

Ретроспективное познание защитником событий преступления осуществляется исключительно для обеспечения защиты частного интереса лица, привлеченного к уголовной ответственности. Вместе с тем данным положением не отрицается постулат, что в сфере уголовного судопроизводства все частное происходит из общественного, но будучи взятым под охрану и защиту, приобретает характер публичного [11, с. 39]. Как метафорично выразился Л.В. Головкин, «публично-правовой "шатер", которым накрыта функция защиты, отнюдь не означает, что обвиняемый перестает быть частным лицом, его интересы перестают быть частными... поскольку правомерный частный интерес обвиняемого всегда совпадает с интересом публичным... и *a priori* не может ему противоречить» [1, с. 329]. Аналогичной позиции придерживался в этом вопросе и М.С. Строгович, отмечавший, что «законный интерес обвиняемого... ни в малейшей мере не противоречит интересам правосудия, а наоборот, его соблюдение и охрана в полной мере им соответствуют» [12, с. 74].

В этой связи можно констатировать, что цели и задачи защитника в реализации общего назначения уголовного судопроизводства,

предусмотренного ст. 6 УПК РФ, существенно сужены, что в определенном смысле обосновано именно существенной разностью в процессуальных возможностях по сравнению со следователем как представителем государства, уполномоченным на ведение соответствующей публичной деятельности.

Более того, как нами уже отмечалось в предыдущих работах, квалифицированный защитник никогда не будет искусственно стремиться к активизации своей роли в собирании доказательств, что совершенно обоснованно, так как далеко не по каждому уголовному делу существуют такие обстоятельства, которые позволяют именно доказать невиновность конкретного лица. Куда чаще бывает, что полученных органом расследования доказательств объективно не хватает для утверждения о наличии их достаточной совокупности, свидетельствующей об обоснованности предъявленного обвинения. И вот тут очень важно «показать» суду это обстоятельство, продемонстрировать эту, перефразируя медицинскую терминологию, доказательственную недостаточность. Вот на что в первую очередь должна быть направлена активность познающего субъекта, что и является сутью гносеологии защитительной деятельности, а не наделение защитника официальным статусом собирателя доказательств [6, с. 45].

Соглашаясь с позицией Л.В. Головки в том, что уголовное судопроизводство изначально решает иные – публично-правовые – задачи, чем гражданское, нам стоит признать, что в уголовном процессе, организованном по публично-правовой форме, существуют иные процессуальные конструкции: предварительное расследование, принцип *ex officio*, предписывающий суду действовать по обязанности, по долгу службы, независимо от просьбы сторон, активный суд, фактическое отсутствие сторон [1, с. 310]. В этой связи, возвращаясь к влиянию неоллиберальной идеологии на уголовное судопроизводство, полагаем, что ее задачами было перевести уголовный процесс на «рыночные», «договорные рельсы» (отсюда, к слову сказать, в наш уголовный процесс пришел институт особого порядка рассмотрения уголовных дел, включая досудебное соглашение о сотрудничестве), создать из государ-

ства «сторону» в уголовном судопроизводстве, обеспечить внедрение так называемого принципа «равенства оружия», который через специфические методы Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) был возведен в европейском правоприменении чуть ли не в абсолют. Здесь, вероятно, одной строкой стоит отметить, что формирование в континентальной системе права процессуальных конструкций, присущих именно англосаксонской системе, не должно никого вводить в заблуждение, так как право управления уголовным процессом в различных государствах дает существенно больше влияния, чем это кажется на первый взгляд⁶.

ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИНЫХ ГОСУДАРСТВ

Еще совсем недавно было принято сравнивать отечественное уголовно-процессуальное законодательство с его европейскими аналогами из континентальной семьи, причем, как правило, не в пользу отечественного образца. Вместе с тем практически никогда в таких сравнениях не отмечалось, что современный УПК Франции, как говорил уже многократно упоминаемый нами Л.В. Головка, «весьма далек от состязательной догмы» [1, с. 308]. Так, данный нормативный акт Франции, содержащий до 15 июля 2000 г. общие принципы отправления правосудия только в своей преамбуле, позиционировал лишь принцип «баланса прав», который был направлен на достижение такого положения сторон, при котором они не находятся в нестабильной ситуации и имеют реальную возможность представить суду свое дело в тех же условиях, что и их процессуальный оппонент [13, с. 72–73].

Применительно к немецкому процессуальному законодательству состязательный принцип находится в абсолютном антагонизме, а принцип равноправия сторон, синонимически и по смыслу соединенный с принципом со-

⁶ В качестве примера можно привести ситуацию с инвестиционными арбитражами: суд, имеющий негосударственную природу и специализирующийся на разрешении дел особого рода, фактически присвоил себе функцию по оценке каких-либо действий на предмет ответственности национальному уголовно-процессуальному законодательству. См. подробнее: [1, с. 411–424].

стязательности, вообще не находит закрепления в УПК Германии. Очевидно, что без equality of arms состязательность превращается в пустой звук. Вместе с тем, как пишут немецкие процессуалисты Ф.К. Шредер и Т. Феррел, принцип состязательности «не вписывается в уголовно-процессуальное право Германии» вследствие «внушительного информационного гандикапа у органов прокуратуры». Это обстоятельство сформировало такое правоприменительное поведение участников уголовного процесса, в котором лишь обеспечивается «запрет неравного подхода к сторонам, не связанный с их различными процессуальными ролями» [14, с. 31–32], что, согласитесь, совершенно не подходит к активному толкованию состязательности и равноправия сторон в отечественном уголовном судопроизводстве.

Не содержит положений о равноправии сторон и состязательности ни УПК Чешской Республики, ни УПК Австрийской Республики, ни УПК Эстонской Республики, ни даже УПК Японии, тоже построенный по континентальной модели [15, с. 139–159].

Здесь стоит отметить, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., через призму которой ЕСПЧ в последующем генерировал свои процессуальные конструкции, обязательные к реализации в уголовно-процессуальном законодательстве европейских государств, включая Россию, не содержит ни слова ни о состязательности, ни о «равенстве оружия», а закрепляет лишь конвенциональный принцип справедливости судебного разбирательства. Обращаем, вслед за Л.В. Головки, внимание на крайне взвешенную позицию Комиссии по правам человека, высказанную в 1959 г., в соответствии с которой справедливое судебное разбирательство является таковым, когда «любая сторона имеет разумную возможность изложить свою позицию суду в условиях, которые не ставят ее в существенно менее выгодное положение по сравнению с противоположной стороной» [1, с. 313]. Согласитесь, нет ни слова ни о каком мифическом «равенстве оружия».

Более того, даже для англосаксонской правовой семьи принцип «равенства оружия» в его фактической реализации имеет весьма скромное наполнение. Вот строки Уильяма

Бернама из его работы «Правовая система США»: «В судебных системах, следующих англосаксонской правовой традиции, этот принцип («равенства "судебного инструментария" сторон». – С. С.) применяется как по гражданским, так и по уголовным делам. Таким образом, и в отношении стороны обвинения, и в отношении стороны защиты применяются одни и те же ограничения при представлении доказательств и изложении своих позиций по делу. Сторона обвинения сидит за таким же по форме столом и на том же уровне, что и сторона защиты, прокурор носит такую же обычную одежду, что и адвокат-защитник. Какими бы прерогативами ни был бы наделен прокурор вне стен зала судебного заседания, они исчезают, как только он является в суд для участия в судебном разбирательстве по уголовному делу» [16, с. 171].

Отдельно отметим, что эти условия соблюдаются при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, тогда как порядка 90–97 %⁷ уголовных дел в США рассматриваются вообще вне какой-либо состязательной процедуры, а через «сделку с правосудием». Аналогичная ситуация в Англии и Уэльсе. А.В. Махов и М.А. Пешков, со ссылкой на американского юриста Реймонда Моли, отмечают, что в 1839 г. в штате Нью-Йорк 22 % приговоров по уголовным делам были результатом «сделки о признании вины»; в 1896 г. 70 % всех уголовных дел были разрешены подобным способом; в 1920 г. 88 % всех уголовных дел были разрешены посредством заявлений о признании вины [18, с. 168].

Приведем еще несколько примеров. Так, в законодательстве целого ряда европейских (и не только) стран имеет место даже ограничение действия принципа презумпции невиновности путем возложения бремени доказывания определенных обстоятельств на подсудимого. Так, например, в уголовной процедуре Франции доказывание оправдывающих обстоятельств по

⁷ У К.Ф. Гуценко читаем: «...в 60-х годах более 90 % уголовных дел в США не проходят через процедуру судебного разбирательства» [17, с. 135]. У Л.В. Головки читаем: «Судебное разбирательство в США сегодня имеет место примерно по 3 % уголовных дел (в Англии чаще). В остальных случаях обвинение и защита заключают "сделку": обвиняемый признает свою вину, а прокурор "снимает", например, часть обвинения или переквалифицирует его на менее тяжкое» [1, с. 144].

делам о сутенерстве (ст. 226-5 УК Франции), за участие в наркобизнесе (ст. 222-39-1 УК Франции), а также по делам, вытекающим из нарушений безопасности дорожного движения или организованной преступности, возлагается на подсудимого, так как в этих случаях, по мнению французских законодателей, именно подсудимому проще опровергнуть выдвигаемые обвинения, нежели стороне обвинения доказать вне разумных сомнений отрицательный факт [13, с. 94; 15, с. 147].

Допустимо возложение бремени доказывания на сторону защиты и в Австрии – в случаях, когда с ее стороны приводятся обстоятельства, исключющие наказуемость деяния (самооборона, невменяемость и т. д.) или препятствующие продолжению уголовного преследования (давность, отбытие наказания за это деяние на территории другого государства и т. д.) [15, с. 147].

Множественные исключения из правила о распределении бремени доказывания обнаруживаются и в уголовно-процессуальном законодательстве Англии, Уэльса, Северной Ирландии. Так, в частности, в середине 90-х годов XX в. в Англии по 219 из 540 видов преступлений, преследуемых по обвинительному акту, предусматривался обязательный переход на сторону защиты бремени опровержения ряда обстоятельств преступного деяния, отказ от которого рассматривался не в пользу интересов привлекаемого к ответственности лица [19, с. 23]. При отправлении уголовного судопроизводства в Израиле действует правило, в соответствии с которым «отказ обвиняемого свидетельствовать в суде может быть расценен как косвенное доказательство в пользу стороны обвинения» [20, с. 42], а ст. 148 УПК Японии определяет существенное изъятие из понятия свидетельского иммунитета, ограничивая его действие по групповым делам исключительно в отношении конкретного лица и обязывая свидетеля давать показания в отношении иных лиц, привлеченных по этому же уголовному делу в качестве обвиняемых [21, с. 104].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо определить, что отечественному уголовному процессу более ценно: утопические стенания по невозможности (при

публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства) обеспечения некой идеальной состязательности и реального равноправия сторон или выстраивание, как пишет Л.В. Головкин, «реалистических концепций состязательности, которые бы не вступали в противоречие с природой государства и формами его участия в уголовном судопроизводстве» [1, с. 318]. За таким внешне сугубо процессуальным вопросом на самом деле стоит проблема обеспечения уголовно-процессуального суверенитета нашей страны, что вряд ли можно считать малозначительным.

Если мы, действуя рационально, будем придерживаться позиции «реалистических концепций состязательности», то в этой связи мы должны признать, что уголовное судопроизводство не является спором сторон, защищающих свои процессуальные интересы. Уголовное судопроизводство (за исключением малой толики дел частного обвинения) – это всегда столкновение защищаемого государством публичного интереса и интереса частного, что есть квинтэссенция существа уголовного дела.

Необходимо признать, что государство не выступает в уголовном процессе как участник уголовного судопроизводства, не ведет с обвиняемым никакого спора и не является стороной в уголовном процессе [1, с. 319]. Признание обратного автоматически нуллифицирует любую состязательность, так как никогда физическое лицо не сможет «состязаться» с всемогущим государством. Более того, именно в органах государственной власти ищет человек, попавший в жернова уголовного судопроизводства, гарантии своих прав и обеспечения законных интересов, а «от функции защиты прав граждан вообще не может быть освобожден ни один государственный орган, особенно в уголовном судопроизводстве» [1, с. 324].

М.С. Строгович писал, что «принцип состязательности в советском уголовном процессе ни в коем случае нельзя выводить из противоречий интересов государства и личности и рассматривать состязательную форму процесса как форму разрешения спора между государством и личностью» [22, с. 109].

Очевидно, что при заявленной концепции пространство для состязательности и равноправия сторон перед судом не очень велико и его можно сформулировать через триединую

конструкцию, в которой лишенный функциональной пристрастности и стоящий над сторонами арбитр, то есть суд, при помощи, как писал А.Ф. Кони, необходимых ему «помощников в исследовании истины в лице обвинителя и защитника... своими совокупными усилиями освещают разные, противоположные стороны дела и облегчают оценку его подробностей»⁸ [2, с. 59–60].

В контексте обеспечения равноправия сторон перед судом важно отметить обязательную нуллификацию процессуально-властных полномочий прокурора, вступившего в уголовный процесс в качестве государственного обвинителя. Завершение процессуально-властного влияния прокурора и органов предварительного расследования над уголовным делом происходит в момент утверждения им обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Одновременно с этим хотелось бы вспомнить нормативные положения, содержащи-

⁸ Надо отметить, что А.Ф. Кони только в этой конструкции и видел состязательное начало в уголовном процессе.

ся в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., которые по причине неолиберального увлечения состязательностью и равноправием сторон в УПК РФ не попали. В УПК РСФСР указывалось, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. В уголовно-процессуальной доктрине между методом состязательности и методом всесторонности, полноты и объективности серьезных противоречий не наблюдается. Вместе с тем с учетом публично-правовой формы организации уголовного судопроизводства в Российской Федерации включение данной нормы-принципа в действующее уголовно-процессуальное законодательство, на наш взгляд, поможет защитительной деятельности куда больше, чем современное, в ряде случаев совершенно невежественное правопонимание принципа состязательности и равноправия сторон перед судом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
2. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 542 с.
3. Шейфер С.А. Смешанный или состязательный: каким законодатель хочет видеть российский уголовный процесс / С.А. Шейфер, А.А. Тарасов // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. А.А. Напреенко. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 408–425.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2025. – 1041 с.
5. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве / В.Д. Зорькин. – Санкт-Петербург, 2024. – 353 с.
6. Соловьев С.А. Право защитника на собирание доказательств через призму гносеологии защитительной деятельности: борьба здравого смысла с невежеством / С.А. Соловьев // Адвокатская практика. – 2015. – № 5. – С. 43–48.
7. Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления : монография / В.Л. Григорян ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов, 2012. – 144 с.
8. Халатов С.А. О юридической ответственности судебного представителя / С.А. Халатов, Н.А. Чудиновская // Закон. – 2020. – № 10. – С. 95–108.

REFERENCES

1. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodec Publ., 2022. 464 p.
2. Koni A.F. History of the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. In Koni A.F. Collected Works. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. Vol. 4. 542 p.
3. Sheifer S.A., Tarasov A.A. Mixed or Adversarial: What the Legislator Wants to See in Russian Criminal Procedure. Napreenko A.A. (ed.). *State and Law: Issues of Methodology, Theory and Practice of Functioning. Collection of Scientific Articles*. Samara University Publ., 2006, iss. 2, pp. 408–425. (In Russian).
4. Golovko L.V. (ed.). *Criminal Procedure Course*. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2025. 1041 p.
5. Zorkin V.D. Lectures on Law and State. Saint Petersburg, 2024. 353 p.
6. Soloviev S.A. The Right of a Defender to Collect Evidence Through the Prism of the Epistemology of Defense Activity: The Struggle of Common Sense with Ignorance. *Advokatskaya praktika = Advocate Practice*, 2015, no. 5, pp. 43–48. (In Russian).
7. Grigoryan V.L.; Kornukov V.M. (ed.). Defense as a System-Forming Factor in Criminal Proceedings and the Principles of Its Implementation. Saratov, 2012. 144 p.
8. Khalatov S.A., Chudinovskaya N.A. Legal Responsibility of a Judicial Representative. *Zakon*, 2020, no. 10, pp. 95–108. (In Russian).
9. Sibirtsev G.I. Development of Ideas about Defense Activities in Criminal Proceedings. *Advokatskaya praktika = Advocate Practice*, 2015, no. 3, pp. 33–38. (In Russian).

9. Сибирцев Г.И. Развитие представлений о защитительной деятельности в уголовном процессе / Г.И. Сибирцев // Адвокатская практика. – 2015. – № 3. – С. 33–38.
10. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса / Н.Н. Полянский // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–19 г. – Ярославль : Тип. Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1920. – С. 135–170.
11. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 555 с.
12. Строгович М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1976. – № 10. – С. 73–81.
13. Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции / П.К. Барабанов. – Москва : Спутник+, 2016. – 512 с.
14. Шредер Ф.-К. Уголовно-процессуальное право Германии / Ф.-К. Шредер, Т. Феррел ; под ред. М.А. Кудратова. – 5-е изд. – Москва : Инфотропик Медиа, 2016. – 304 с.
15. Соловьёв С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьёв ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. – 296 с.
16. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / У. Бернам. – Москва : Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
17. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия, США). Вып. 1 / К.Ф. Гуценко. – Москва, 1969. – 207 с.
18. Махов В.Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии) : учебное пособие / В.Н. Махов, М.А. Пешков. – Москва : Бизнес-школа «Интел-синтез», 1998. – 208 с.
19. Барабанов П.К. Уголовный процесс Великобритании / П.К. Барабанов. – Москва : Спутник+, 2015. – 702 с.
20. Ерпылёв И.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран / И.В. Ерпылёв. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 152 с.
21. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование : монография / Н.Ю. Волосова, М.В. Волосова ; под общ. ред. Н.Ю. Волосовой. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 240 с.
22. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М.С. Строгович. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 152 с.
23. Polyansky N.N. The Purpose of Criminal Proceedings. Collection of the Yaroslavl State University. Yaroslavl, Yaroslavl S.-H. and the Credit Union of Cooperatives Publ., 1920, iss. 1, pp. 135–170. (In Russian).
24. Maslennikova L.N. Public and Optional Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss.* Moscow, 2000. 555 p.
25. Strogovich M.S. On the Rights of the Individual in Soviet Criminal Proceedings. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1976, no. 10, pp. 73–81. (In Russian).
26. Barabanov P.K. Criminal Proceedings in France. Moscow, Sputnik+ Publ., 2016. 512 p.
27. Schroeder F.-K., Ferrell T.; Kudratov M.A. (ed.). Criminal Procedure Law of Germany. 5th ed. Moscow, Infotropic Media Publ., 2016. 304 p.
28. Soloviev S.A.; Maslennikova L.N. (ed.). Favouring the Defence (Favor defensionis). Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
29. Burnham W. The US Legal System. 3rd ed. Moscow, Novaya yusticiya Publ., 2006. 1216 p.
30. Gutsenko K.F. Criminal Procedure of the Main Capitalist States (England, USA). Moscow, 1969. Iss. 1. 207 p.
31. Makhov V.N., Peshkov M.A. Criminal Procedure of the USA (Pre-Trial Stages). Moscow, Biznes-shkola "Intel-sintez" Publ., 1998. 208 p.
32. Barabanov P.K. Criminal Procedure of Great Britain. Moscow, Sputnik+ Publ., 2015. 702 p.
33. Erpylev I.V. Admissibility of Evidence in Criminal Procedure of Russia and Foreign Countries. Moscow, YurLitinform Publ., 2017. 152 p.
34. Volosova N.Yu., Volosova M.V.; Volosova N.Yu. (ed.). Criminal Procedure Legislation of Japan: A Comparative Study. Moscow, YurLitinform Publ., 2016. 240 p.
35. Strogovich M.S. The Nature of Soviet Criminal Procedure and the Principle of Adversarial Procedure. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR Publ., 1939. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Сергей Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник кафедры публичного права юридического факультета; адвокат, управляющий партнер.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soloviev Sergey Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Researcher at the Department of Public Law of the Faculty of Law; lawyer, managing partner.

Статья поступила в редакцию 11.01.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 06.02.2025. The article was submitted 11.01.2025; approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 06.02.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.17

Original article

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: aatar@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

TARASOV Aleksandr Alekseyevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ГРАНИЦ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ON THE RELATIVITY OF THE LIMITS OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS

Аннотация. Разграничение частного и публичного интересов и поиск баланса между ними в системе уголовно-процессуального регулирования, так или иначе, связаны со всеми иными теоретическими и практическими проблемами уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной политики. Вопросы соотношения публичных и частных интересов всегда находились в эпицентре научных дискуссий и острого идеологического противостояния. Цель: показать, что в уголовном процессе, преимущественная публичность которого никогда не ставилась под сомнение, защита законных частных интересов участников производства по уголовным делам и иных лиц, зависящих от этого производства, всегда составляла и публичный интерес тоже. Методы: исторический метод позволил проследить в динамике формирование научных представлений о соотношении публичных и частных интересов в уголовном процессе; конкретно-юридический – сопоставить эти представления с требованиями закона, действовавшими в разные исторические периоды; метод структурно-системного анализа и синтеза использовался для обоснования авторской позиции относительно субъектов, представляющих каждый из анализируемых интересов в конкретных правоотношениях, о содержании этих интересов и их соотношении в каждом случае. Результаты: сформулирован вывод об условности деления интересов, защищаемых в уголовном судопроизводстве, на публичные и частные, поскольку публичное начало всего уголовного процесса предполагает равную защиту каждого законного интереса, кто бы ни выступал его носителем в конкретной ситуации. Такой подход позволяет обеспечить защиту общества и каждого человека и от преступлений, и от злоупотреблений властью, представляющих равную угрозу для публичных интересов.

Abstract. The distinction between private and public interests and the search for a balance between them in the system of criminal procedure regulation are in one way or another connected with all other theoretical and practical problems of criminal proceedings and criminal procedure policy. The issues of the relationship between public and private interests have always been at the epicentre of scientific discussions and acute ideological confrontation. Purpose: to show that in criminal proceedings, the overriding publicity of which has never been questioned, the protection of the legitimate private interests of participants in criminal proceedings and other persons dependent on those proceedings has always constituted a public interest as well. Methods: the historical method allows us to trace the dynamics of the formation of scientific ideas about the relationship between public and private interests in criminal proceedings; the concrete legal method consists in comparing these ideas with the requirements of the law in force in different historical periods; the method of structural-system analysis and synthesis is used to substantiate the author's position on the subjects representing each of the analysed interests in specific legal relations, on the content of these interests and their correlation in each case. Results: the article formulates a conclusion about the conditionality of dividing the interests protected in criminal proceedings into public and private ones, since the public beginning of the entire criminal procedure presupposes equal protection of each legitimate interest, no matter who is its bearer in a particular situation. This approach allows ensuring the protection of society and each person from both crimes and abuses of power that pose an equal threat to public interests.

Ключевые слова: публичность уголовного судопроизводства, баланс публичного и частного интересов, уголовно-процессуальные правоотношения, правоохранительные органы, обвиняемый, потерпевший

Для цитирования: Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 152–163.

Keywords: publicity of criminal proceedings, balance of public and private interests, criminal procedure legal relations, law enforcement agencies, accused, victim

For citation: Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.17.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное судопроизводство – это сфера взаимодействия множества разнонаправленных интересов, которые лишь в самом обобщенном виде можно назвать либо публичными, либо частными. Проблема соотношения публичных и частных интересов всегда была в эпицентре идеологических дискуссий, касающихся назначения уголовного судопроизводства и направлений оптимизации правового регулирования разных его этапов и элементов, поскольку все это в конечном счете сводится к определению оптимального соотношения публичного и диспозитивного (то есть частного) начал в уголовном процессе. Большинство авторов, как правило, искренне убеждены, во-первых, в том, что их позиция по вопросу о соотношении частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве – единственно возможная, а во-вторых, в том, что именно в их время особенно важно правильно определить это соотношение. Категоричность суждений часто видна из названий научных трудов известных специалистов в области уголовно-процессуального права, которые неизменно отмечают относительность границ между частным и публичным интересами в правосудии любой отраслевой принадлежности, но при этом по-разному оценивают такое их соотношение, которое они готовы считать оптимальным [1].

По поводу определения ведущими учеными-процессуалистами решающего, переломного или даже революционного момента для оптимизации публичного и частного начал в уголовном судопроизводстве позволим себе без собственных комментариев привести две цитаты из научных трудов разных лет издания.

В.В. Дорошков, 2023 г.: «Соотношение объема публичного и частного зависит от многих факторов, в том числе от традиций национальных правовых систем, от конкретной социальной и криминальной среды, в которой существует современный человек, от степени культурного развития общества... Особое значение данная тема приобретает в связи с нынешней деформацией и сменой либеральной государственно-правовой системы в России на совершенно новую систему, которая, возможно, не только сохранит нашу страну от внешних и внутренних угроз, но и уберет россиян от антисоциальных поступков в условиях острой борьбы различных цивилизаций и идеологий» [2, с. 31–32].

Л.Д. Кокорев, 1984 г.: «В современных условиях значение проблемы соотношения общественных и личных интересов в уголовном процессе обуславливается той острой идеологической борьбой, которую ведут силы социализма, демократии и силы реакции, антикоммунизма. Клевета на советский строй является основным содержанием антикоммунизма – главного идейно-политического оружия империализма» [3, с. 5].

Не вдаваясь в детали, подчеркнем, что, судя по всему, не было в исследовании проблем сочетания публичных (общественных) и частных (личных) интересов в уголовном судопроизводстве периодов хотя бы относительного затишья. Проблема эта настолько глобальна, что дискуссионный фон и острый эмоциональный накал будут сопровождать ее обсуждение всегда.

Отчасти такое положение вещей объясняется, как полагаем, неопределенностью границ между ключевыми понятиями обозначенной темы, притом что мало кто из авторов готов публично признаться в непонимании

различий между теми явлениями, которые он анализирует в столь категоричном тоне. Ключевыми в этом контексте считаем следующие понятия: частный (личный) интерес; публичный, или государственный, или общественный интерес; коллективный (групповой) или ведомственный интерес. Далее попытаемся показать, что в самых категоричных суждениях о балансе между этими интересами, о конкретных носителях каждого из названных интересов в конкретных условиях, о допустимом и допускаемом в реальности приоритете одного из названных интересов перед другим (или другими) авторы иногда смешивают эти понятия, а потому и приходят к логически небезупречным выводам о балансе между разными интересами.

Частный и публичный интересы в уголовно-процессуальных правоотношениях

Вся система уголовно-процессуального регулирования – это определение нормативно-правовых условий и форм взаимодействия публичного и частного интересов и защиты каждого из них. В.В. Дорошков характеризует это взаимодействие через определение каждого из названных интересов, не существующих друг без друга: «Если в публичных началах выражается ограничение прав и свобод личности, то в частных – самоограничение государственной власти. Публичность говорит о защите интересов общества в целом, включающего как потерпевшего, так и обвиняемого. Организация же уголовного судопроизводства исключительно на публичных началах в современных условиях уже не сможет в максимальной степени обеспечить интересы защиты каждого отдельного человека, попавшего в сферу уголовно-процессуальной деятельности» [2, с. 36–37]. Лучше не скажешь.

Так, например, действуя в защиту частного интереса, человек, считаящий себя пострадавшим от преступления, обращается к органам публичной власти за защитой именно этого, то есть собственного частного интереса. Государственные органы, руководствующиеся публичным интересом защиты общества от преступлений (этот же интерес в литературе называют борьбой с преступностью или

противодействием ей, что в данном случае непринципиально), несут юридическую обязанность обеспечить должное реагирование на это заявление – провести по нему проверку, решить вопрос о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом. В первом случае государство обязано обеспечить проведение предварительного расследования события, в котором обнаружены признаки преступления, и при наличии несомненно доказанных оснований для привлечения лица, совершившего это преступление, к уголовной ответственности предъявить ему обвинение, обоснованное доказательствами, а далее – рассмотреть и разрешить уголовное дело в суде и исполнить приговор. Таким образом, частный интерес конкретного человека, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, уже перестает быть собственно частным интересом. Будучи движущей силой для действий самого частного лица (пострадавшего от преступления), частный интерес способствует запуску публично-правового механизма своей защиты. Позволим себе утверждать, что такая или приблизительно такая схема взаимодействия частного и публичного интересов характерна для системы права вообще, а отнюдь не только для сферы деятельности правоохранительных органов и суда.

Профессор Г.Ф. Шершеневич в начале XX в. так писал о субъективном праве и частном интересе применительно к гражданско-правовому регулированию: «Из юридического отношения обнаруживается прежде всего право, которое называется субъективным, или правомочием. Под именем *права в смысле субъективном* понимается обособленная объективным правом возможность осуществления интереса... Субъективное право не теряет своей силы в том случае, когда осуществление обеспечиваемого им интереса сопряжено с нарушением интересов других лиц» [4, с. 58].

Слово «интерес» латинского происхождения (*inter est, inter esse, intersum*, букв. – быть (находиться) между), и означает оно некое промежуточное, то есть неустойчивое положение между двумя сущностями¹. В нашем случае – между тем, что есть, и тем, что желается. Интерес – это движущая сила осознанно-

¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1976. С. 543, 548.

го поведения его носителя, удовлетворяющего какую-то свою потребность, что в равной степени актуально и для каждого отдельного человека, и для общества, с той принципиальной разницей, что интересы общества – это интересы большинства людей. Однако очевидно и то, что никто персонально и даже никакая обособленная социальная группа не вправе присваивать себе монопольное право на общественный, то есть публичный, интерес.

Академик РАН В.С. Нерсисянц, автор знаменитой и по-разному воспринимаемой юридической общественностью «либертарной концепции права», в начале века XXI определял «индивидуальное благо» и «общее благо» как юридически квалифицированный, соответственно, индивидуальный (частный) и общий (публичный) интерес [5, с. 70]. Связь между обоими благами и интересами обозначена у В.С. Нерсисянца так: «Общий интерес и общая воля носителей различных частных интересов и воля – если они хотят быть свободными – состоят в формировании, утверждении и действии всеобщей правовой нормы общеобязательного для всех права» [5, с. 71]. В литературе по теории права эта позиция ученого толкуется однозначно: «любая норма права объединяет в себе оба начала, и публично-правовое, и частно-правовое» [6, с. 14].

Сказанное неспецифично ни для какой отдельной отрасли права, а свойственно объективному праву вообще, если понимать под правом не навязанную обществу некую внешнюю силу, а созданную самим обществом систему правил поведения, объективно полезную для всего этого общества и именно поэтому официально утвержденную государственной властью, принявшей на себя ответственность за соблюдение этих правил всеми. И дело, как полагаем, вовсе не в том, кто именно и когда эти идеи сформулировал, а в том, что право – это продукт взаимодействия людей как носителей множества частных интересов, и устремлено это взаимодействие (а значит, и право) к всеобщему благу, то есть к приемлемой для большинства людей цели их сосуществования. Уголовно-процессуальное право и регулируемый его нормами уголовный процесс тоже устремлены к обеспечению блага всего общества. Едва ли кто-то осмелится утверждать, что уголовный процесс нацелен на причинение зла создавшему его обществу.

В связи с этим профессиональный юридический анализ публичного и частного интересов в уголовном процессе и соотношения между ними требует уяснения нескольких правовых характеристик того и другого интересов. Этот анализ осуществляется в контексте таких юридических понятий, как субъективное право (мера возможного поведения его конкретного носителя) и право объективное (система общеобязательных правил поведения, позволяющих упорядочить реализацию субъективных прав всеми их обладателями). Специально подчеркнем, что объективное право не существует само по себе, то есть вне всей совокупности субъективных прав всех людей, точно так же как общество не существует вне людей.

В оторванном от людей с их субъективными правами и частными интересами виде объективное право просто не имеет смысла: в любом человеческом взаимодействии между собой контактируют только конкретные люди, а не какие-то абстрактные сущности, способные функционировать вне человеческого бытия и сознания. Так, ни государство, ни общество не действуют в уголовном процессе сами по себе, они представлены в уголовно-процессуальных отношениях конкретными государственными служащими, должностными лицами, выступающими в разных процессуальных качествах – следователя, прокурора, судьи и т. д. Прав Л.В. Головкин: «участником уголовно-процессуальных отношений государство *напрямую* не является ни в одном правопорядке, хотя трудно найти отрасль права, больше пронизанную публично-правовым началом, нежели уголовно-процессуальное право» [7, с. 167]. В нашем контексте важно подчеркнуть, что никто из должностных лиц, представляющих в уголовном процессе государство, не перестал на время исполнения своих служебных обязанностей быть носителем и своих частных интересов тоже.

Профессор Л.Д. Кокорев в советские годы обращал внимание на то, что объективный и субъективный интересы разграничиваются как идеальное и материальное, причем характерно это и для общественного (сейчас он чаще называется публичным), и для личного (называемого сегодня частным) интересов. Так, например, общественный интерес объ-

ективно состоит в борьбе с преступностью, в противодействии ей, то есть в быстром и полном раскрытии преступлений и далее по тексту ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. [3, с. 7], в которой определялись задачи советского уголовного судопроизводства. Это обстоятельство не вызывает сомнений и сегодня. Не вызывает сомнений и то, что реализация назначения уголовного судопроизводства, определенно в ст. 6 УПК РФ через универсальную категорию «защиты прав и законных интересов» как всех физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений, так и тех, кто подвергается уголовному преследованию, – это тоже объективный общественный интерес. Общество и все его представители без исключения нуждаются в защите от преступлений и от злоупотреблений властью. Едва ли кто-то рискнет это оспорить при любом отношении к формулировкам статей закона, определяющих либо определявших ранее цели, задачи либо назначение уголовного процесса. Едва ли это может быть оспорено по существу даже теми авторами, которые утверждают, что никаких целей и задач в действующем УПК РФ не обозначено вовсе [8, с. 162].

Однако продолжим анализ рассуждений Л.Д. Кокорева. «Личные интересы отражают потребности отдельных участников процесса в охране процессуальных прав в связи с вовлечением в уголовное судопроизводство» [3, с. 8]. Сказанное выглядит самоочевидным и даже банальным, однако далее один из ведущих советских процессуалистов формулирует совсем не банальный и актуальный до сих пор вывод: законный интерес личности – это выделение объективного из личного интереса для закрепления его в законе [3, с. 9], что, как полагаем, означает только одно: законный интерес личности – это тоже общественный интерес, поскольку в законном интересе нашел выражение некий обобщенный, усредненный интерес бесконечного множества людей, оказавшихся в схожей жизненной ситуации либо потенциально могущих в ней оказаться, а значит – всего общества.

НОСИТЕЛИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Главный вопрос, на котором предстоит сосредоточить далее внимание, – о принци-

пиальной допустимости противопоставления частного (в советской терминологии – личного) и публичного (в советской терминологии – общественного) интересов в уголовном судопроизводстве. В современной литературе такое противопоставление в пользу публичного интереса принято связывать с какими-то переломными моментами в истории, а в пользу частного – периоды относительной стабильности. В.В. Дорошков пишет об этом так: «в тяжелые для страны времена наши предки в ущерб частным интересам заботились о приоритете публичных интересов, веря в справедливость действий представителей органов государственной власти» [2, с. 35]. В этом высказывании субъекты – носители и частных, и публичных интересов обозначены предельно конкретно.

В советские годы сформировался классический подход к проблеме взаимосвязи общественных и личных интересов, имеющей «особое значение для уголовно-процессуальной теории и практики» [3, с. 10]: «Экономический и политический строй социализма объективно обуславливает единство коренных интересов общества и личности во всех сферах общественной жизни», однако их «гармоническое сочетание» не исключает «возможности их частичного несовпадения и наличия противоречий» [3, с. 15]. И далее после этих довольно привычных общетеоретических размышлений Л.Д. Кокорев приходит к еще одному весьма примечательному и не утратившему значения в современных условиях выводу: «Оптимальные пути их разрешения следует искать... учитывая социальную ценность конкретных общественных и личных интересов» [3, с. 16]. Обратим внимание на отсутствие роковой предопределенности в оценке социальной ценности каждого из двух интересов – личного и общественного, а в современной терминологии – частного и публичного. В каждом конкретном правоотношении оба названных интереса оцениваются столь же конкретно на предмет «социальной ценности», и ни из чего не следует, что общественным интересам всегда отдается приоритет. И это притом что, казалось бы, само определение «развитого социализма», на время которого приходится опубликование цитируемой коллективной монографии под редак-

цией профессора Л.Д. Кокорева, предполагает стабильную расстановку таких приоритетов в принципе. Во всяком случае, господствующие тогда идеологические концепции «единой общенародной собственности», «единой исторической общности советский народ», категорический отказ от слова «частная» в отношении «личной трудовой собственности» в Конституции СССР 1977 г. и многое другое однозначно свидетельствует об официальном юридическом предпочтении общественных интересов интересам личным. Такой же принципиальный подход стоял за уголовно-правовым запретом и на частную предпринимательскую деятельность или коммерческое посредничество с использованием государственных или общественных форм (ст. 153 УК РСФСР 1960 г.), и на спекуляцию (ст. 154 УК РСФСР 1960 г.) – «скупку и перепродажу с целью наживы» (что, как известно, образует существо любой оптовой и розничной торговли) и т. д. Человек должен был ощущать себя частью общества и обязан подчинять свои интересы общественным. Однако в каждом конкретном уголовно-процессуальном правоотношении социальная ценность конкретного личного и общественного интересов, по мнению Л.Д. Кокорева, должна оцениваться индивидуально применительно к данному правоотношению.

Развивая эту мысль далее, Л.Д. Кокорев справедливо утверждал, что желание обвиняемого отказаться от дачи показаний или дача им ложных показаний, хотя и могут свидетельствовать о его стремлении воспрепятствовать установлению истины, уклониться от ответственности (то есть вступать в противоречие с объективными общественными интересами), соответствует интересам обвиняемого, охраняемым законом.

Объективно необоснованный оправдательный приговор и ограничения на его отмену, связанные с субъектами обжалования или опротестования и предельными сроками принесения протестов и жалоб на него, – это явная законодательная уступка личным интересам. Ограничения на производство следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела (напомним, что согласно ст. 109 УПК РСФСР 1960 г. при проверке сообщения о преступлении допускались только осмотр места происшествия, получение объ-

яснений и истребование необходимых материалов) Л.Д. Кокорев тоже рассматривал как законодательно закрепленное преимущество личных интересов, в сферу которых недопустимо вторгаться без достаточных оснований для возбуждения уголовного дела и полноценного предварительного расследования [3, с. 18–19].

В этих и многих других законодательных решениях советской эпохи, которыми закреплён приоритет интересов личности над объективными интересами общества в конкретной жизненной ситуации, нельзя не видеть и общественных интересов, состоящих в защите личности вообще от необоснованного или чрезмерного вторжения в сферу ее частных интересов. Не менее значимым представляется утверждение Л.Д. Кокорева о том, что выразителями общественных интересов могут быть все участники уголовного процесса, и прежде всего должностные лица [3, с. 19]. Важно подчеркнуть, что должностные лица государства – это хотя и самые первые, и главные, и обязательные, но все же не единственные выразители общественного интереса в уголовном процессе.

М.В. Немытина не без оснований утверждает: «Представляется неверным отождествлять публичный интерес с государственным» и считает очевидным, что «публичный – это общественный интерес (лат. publicus), а не интерес государства» [9, с. 49]. В государственно организованном обществе главным выразителем публичного интереса действительно является государство, и оспаривать это бессмысленно. Для уголовного процесса это характерно как минимум потому, что обязательные участники всех уголовно-процессуальных отношений – это властвующие субъекты, то есть должностные лица государства. Однако, во-первых, институты гражданского общества в лице, например, Уполномоченного по правам человека или Уполномоченного по правам ребенка и др., так или иначе, тоже вовлекаются в современный российский уголовный процесс, что является предметом серьезного обсуждения в специальной литературе на протяжении уже не одного десятилетия [11, с. 137–147] с предложениями расширять формы этого участия, в том числе и на законодательном уровне [12, с. 100]. Во-вторых, суд с участием присяжных заседателей, то

есть привлечение к отправлению правосудия людей, не являющихся представителями государства в уголовном процессе по определению, самим фактом своего существования подчеркивает допустимость несовпадения публичного (в смысле общественного) и государственного интересов.

Подчеркивая допустимость несовпадения понятий «публичный интерес» и «государственный интерес» и их общее несовпадение с понятием «частный интерес», далее считаем необходимым выяснить, как понимается в современной научной литературе баланс частного и публичного интересов.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПОИСКАХ БАЛАНСА ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе справедливо считается ключевой проблемой уголовно-процессуальной теории и практики. Такой баланс (от фр. *balance* – весы, равновесие), по логике, предполагает равную защиту всех социально значимых интересов с пониманием условности их деления на публичные и частные, поскольку объективно обоснованное и временное ограничение одного интереса непременно должно быть сопряжено с повышенной защитой какого-то другого, в данный момент времени социально более значимого интереса. В таком условном делении недопустимо руководствоваться только субъектом – носителем этого конкретного социально значимого интереса. В поисках баланса любая гипертрофия чревата большими и малыми просчетами и ошибками в правотворчестве и правоприменении.

Так, например, в отношении человека, обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено лишение свободы на срок более трех лет, практически здорового, достаточно авторитетного для окружающих, а потому способного влиять на них, достаточно обеспеченного, чтобы скрыться, следственные органы и суд, руководствуясь публичным интересом обеспечения неотвратимости уголовной ответственности, имеют законные основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. С этих позиций заключение под стражу будет отвечать

требованиям законности и обоснованности в привычном их понимании, общим условиям применения мер пресечения, которые традиционно связываются с допустимостью ограничения прав самого обвиняемого или подозреваемого при наличии к тому законных оснований [12, с. 23]. Однако предположим, что обвиняемый прочно привязан к своей семье наличием у него нескольких иждивенцев, для которых он является единственным кормильцем, что он работает и имеет стабильный доход и исполняет свои семейные обязанности в течение многих лет исключительно добросовестно. Второй из обозначенных здесь интересов – частный интерес человека, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и частные интересы членов его семьи или других его иждивенцев. Однако заметим, что это еще и интересы семьи вообще, семейных привязанностей и ценностей, а также интересы обеспечения нормальной жизни социально незащищенных людей – то есть одновременно и публичные интересы, и предмет заботы всего общества и государства. Едва ли найдутся аргументы в пользу деления семей и семейных ценностей на заслуживающие защиты со стороны общества и не заслуживающие.

В научной литературе справедливо утверждается, что «ограничение свободы и личной неприкосновенности частных лиц должно быть соразмерным публичному интересу и минимально необходимым» [13, с. 14, 27]. В обеспечении самой этой соразмерности тоже состоит публичный интерес. И здесь, как представляется, нет противопоставления публичного интереса частному, не отдается приоритет одному над другим. Эти интересы взаимодействуют, а установление баланса между ними само по себе соответствует публичному интересу. В описанном выше случае заключения под стражу единственного добросовестного кормильца двух несовершеннолетних дочерей-школьниц (пример из собственной адвокатской практики автора) этот баланс едва ли был соблюден.

Имущественные интересы личности тоже традиционно понимаются как частные интересы конкретных его собственников или владельцев. К сфере частных интересов относится и предпринимательская деятельность

как самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск конкретным субъектом гражданско-правовых отношений в целях систематического получения прибыли от пользования имуществом, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ). Однако активная предпринимательская деятельность разных ее субъектов, ориентированных на получение личного имущественного дохода, с возможным территориальным перемещением в этих целях, с готовностью менять сферу приложения профессиональных усилий и даже саму профессию – залог успешного развития экономики страны, что составляет уже совсем не частный, а публичный интерес. Активные и эффективные предприниматели – это основные поставщики платежей в бюджеты всех уровней, фондов социального страхования и пенсионных фондов, которыми пользуется потом все общество, в том числе, к слову, и правоохранительная, и судебная системы страны. Крупные предприниматели – это те, кто создает новые рабочие места, способствует развитию территорий, на которых они функционируют. Все перечисленное – это уже явно не только частные интересы конкретных людей, но и публичный интерес всего общества и государства.

В уголовно-процессуальных научных исследованиях иногда допускаются высказывания, основанные на двух распространенных и в реальной действительности связанных между собой стереотипах профессионального мышления: 1) отождествление обвиняемых (подозреваемых) с преступниками еще до того, как их вина доказана и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда; 2) отождествление публичного и государственного интереса с интересами конкретных правоохранительных органов и должностных лиц с априорным признанием их правоты. Насколько подобный поход, с завидным постоянством воспроизводимый в литературе в разные годы, отвечает публичным интересам защиты населения от преступлений – это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд.

В.В. Дорошков писал в 2023 г.: «Современная либеральная доктрина отечественного уголовного судопроизводства, радеющая за бесконтрольное расширение частных начал в судопроизводстве, к сожалению, в основ-

ном сориентирована на обеспечение интересов обвиняемого» [2, с. 39]. Здесь намеренно указан год опубликования этого заявления, когда от первоначального текста УПК РФ уже мало что осталось, а в специальной литературе не так-то просто найти что-то, напоминающее «бесконтрольное расширение частных начал в судопроизводстве». Зато далее, прямо цитируя статью А.В. Агутина², В.В. Дорошков утверждает: «Благодаря этому произошло "повышение уровня защиты незаконного интереса подозреваемого (обвиняемого) за счет ущемления (стеснения) законных интересов потерпевшего от преступления, а также должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу"». В целях устранения такой диспропорции при защите частных начал в уголовном судопроизводстве нужны соответствующие изменения в УПК РФ» [2, с. 39].

Далее цитирование этой мысли будет продолжено, но здесь необходимо отметить довольно заметные контекстные преувеличения. Во-первых, интересы обвиняемого объявляются заведомо незаконными; во-вторых, делается упрек законодателю (на этот раз уже не каким-то доктринерам-либералам, а именно законодателю) в защите этого заведомо незаконного интереса; в-третьих, потерпевший и должностные лица указаны в едином перечне как носители «ущемленного (стесненного)» заведомо законного интереса.

Предположение, что интересы должностных лиц всегда законны, к сожалению, опровергается реальной практикой производства по уголовным делам в отношении сотрудников правоохранительных органов [14]. Изучение и обобщение практики расследования должностных преступлений не так редко убеждает исследователей в том, что под внешней видимостью неких социально значимых мотивов («интересы службы», «добиться справедливости», «обойти бюрократические формальности»), как правило, скрываются личные (карьеристские или корыстные) мотивы, ведущее место среди которых занимают коррупционные [15, с. 85]. Понятно, что от защиты объективного публичного интереса

² Агутин А.В. К вопросу о субъективном факторе российского уголовного судопроизводства // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 26–27.

в деятельности таких должностных лиц мало что остается. Однако даже вне криминального контекста абсолютное отождествление публичного интереса с интересами конкретных должностных лиц и даже конкретных правоохранительных органов в целом, участвующих в производстве по конкретному уголовному делу, тоже выглядит преувеличением. Преувеличение это основано на недооценке отмеченной выше разницы между объективным и субъективным в правовом интересе, между идеальным и реальным в нем. К.Е. Везденев, имеющий опыт и прокурорской, и судейской работы в судах первой и апелляционной инстанций, со знанием дела пишет о широко известных на практике так называемых «страховочных представлениях» прокуроров, которые приносятся исключительно для демонстрации процессуальной активности по уголовному делу, без цели добиться пересмотра решения суда первой инстанции и без какой-либо надежды на это [17, с. 118]. В результате апелляционная судебная инстанция, а до этого еще и суд первой инстанции, принимающий представления и жалобы на собственный приговор, загружены заведомо «холостой» работой, не приносящей социально значимых результатов, но отвлекающей от действительно важных дел. Формальные прокурорские «страховочные» представления такого типа по мере накопления опыта работы с ними постепенно приучают судей апелляционной инстанции столь же формально относиться и к пересмотру дел в апелляционном порядке, и к подготовке столь же формальных «определений-ответов» на «страховочные» представления. Объективному публичному интересу этот «обмен бумагами» явно не соответствует.

Не так много общего с реальной действительностью имеет и распространенная в литературе мысль об априорном совпадении публичного интереса законно и добросовестно действующих правоохранительных органов с частными интересами всех потерпевших от преступлений. Потерпевший по уголовному делу не так уж редко склонен к злоупотреблению правом, как, впрочем, и любой другой человек [17]. Потерпевший, безусловно, должен получать поддержку и помощь государственных органов в защите его прав и законных интересов, однако реализацию публичных инте-

ресов в уголовном судопроизводстве нельзя ставить в зависимость от мнения потерпевшего, руководствующегося в эмоционально тяжелой для него жизненной ситуации мотивами, которые часто не совпадают ни с законом, ни с публичным интересом, выраженным в этом законе [18].

Несовпадение интересов потерпевшего с интересами правоохранительных органов может допускаться – и на практике не так уж редко допускается – и в прямо противоположном варианте – в случае бездействия правоохранительных органов в ответ на обращение с заявлением о совершенном в отношении него преступлении [19; 20]. Это происходит всякий раз, когда уголовное дело не возбуждается «ввиду отсутствия судебной перспективы» или под какими-то другими предлогами или заявление попросту скрывается от регистрации. К сожалению, все названное и многое подобное – реальность современной правоприменительной практики, и какие интересы в этих отношениях публичные, а какие частные – не так-то просто понять.

Нельзя не заметить смысловой передержки и в следующем внешне идеологически выверенном и даже в чем-то привлекательном высказывании В.В. Дорошкова в продолжение цитируемого выше упрека законодателю в необоснованно повышенной защите интересов обвиняемого: «...любое предпочтение лишь одному субъекту права влечет обязательное ограничение для другого. Так, провозглашение высшей ценностью отдельного человека, его прав и интересов неминуемо влечет ущемление прав и интересов других людей и всего общества. Вследствие необеспеченности интересов общества страдают интересы каждого его члена, зависящего от общества» [2, с. 39]. Казалось бы, здесь говорится о недопустимости необоснованного предпочтения интересов одного человека интересам других людей и их общности в целом, с чем трудно не согласиться по существу.

В.В. Дорошков последователен в своих идеологических пристрастиях, что само по себе, конечно же, заслуживает уважения: «В антропоцентристском мировоззрении, распространенном на Западе, основное внимание акцентируется на индивидуализме каждой личности, его правах и свободах, человек со

своими правами ставится в центр вселенной. Однако в странах Востока, ориентированных в первую очередь на интересы общества, всегда преобладало социоцентристское мировоззрение, которое строилось на приоритете общественных интересов перед интересами отдельной личности. Восточному типу цивилизации свойственны коллективизм, солидарность, а западному – индивидуализм, автономия, рациональность. Соответственно, восточному типу цивилизации всегда были присущи – любовь, дружба, братство, доброта. В то же время западной цивилизации – эгоизм, выгода, стяжательство, жадность» [22, с. 133]. Оставим эту авторскую позицию без комментариев и озадачимся другим вопросом.

Зачем в контексте этих рассуждений подвергать критике почти точно процитированное положение ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»? Разве не с уважения всех и каждого к Основному закону страны начинается правовое государство, коим Российская Федерация провозглашена в ст. 1 нашей Конституции, против чего В.В. Дорошков не возражает? Разве «другие люди», о недопустимости ущемления интересов которых справедливо говорит В.В. Дорошков, сами не попадают под категории «человек» и «гражданин», права и свободы которых являются такой же высшей ценностью, признаваемой, соблюдаемой и защищаемой государством в силу возложенной на него конституционной обязанности? Разве признание, соблюдение и защита прав и свобод человека не соответствует публичному интересу в самом высоком понимании этих слов? Вопросы эти, на наш взгляд, риторические.

Масштабы одной статьи не позволяют осветить не то что все, но даже наиболее значимые проблемы глобальной темы соотношения публичного и частного интересов в уголовном процессе. Отдельного внимания заслуживает тенденциозность и явная идеологическая перегруженность анализа в научной литературе отечественной исторической традиции и за-

рубежного опыта в определении оптимального соотношения между частным и публичным началами в уголовно-процессуальном регулировании. Не меньший интерес представляет оценка роли суда как органа государственной власти и носителя публичного интереса в разрешении уголовно-правового спора между государством в лице службы государственного обвинения и частными лицами со стороны защиты. В этом же ряду – вопрос о том, защищает ли адвокат в уголовном процессе частные интересы конкретного обвиняемого, опровергая небылицы с точки зрения доказанности государственное обвинение, или он защищает публичные интересы правосудия в стране и право каждого на судебную защиту. Каждому из этих вопросов можно посвятить отдельный научный труд, и не один.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, осмелимся утверждать, что в уголовном судопроизводстве, где до вступления приговора суда в законную силу нет преступников, а есть обвиняемые, подозреваемые и подсудимые, нет «жертвы преступлений», а есть носитель процессуального статуса под названием «потерпевший», единственной гарантией соблюдения публичного интереса, состоящего в защите общества от преступлений (в том числе и должностных) и злоупотреблений властью, является обеспечение равных возможностей для реализации всех законных интересов всех участников процесса и иных лиц, частные интересы которых затрагиваются производством по уголовному делу. Повторимся: равных возможностей для всех людей, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, без деления этих людей на «плохих» и «хороших», на «заслуживающих поддержки государства» и «не заслуживающих» ее. Повторимся и в другом: частный интерес, попавший в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, перестает быть собственно частным интересом – он защищается и ограничивается, прежде всего, в интересах правосудия, которое всегда было, есть и будет объектом публичного интереса.

Список источников

1. Победкин А.В. Народу нужно только публичное право (чем обусловлено стремление цивилистов разграничить частное и публичное право? / А.В. Победкин // Честно-правовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Николаевича Григорьева (Ульяновск, 12 сентября 2020 г.) / отв. ред.: С.Ю. Морозов и О.А.Зайцев. – Ульяновск : УлГУ, 2021. – С. 327–334.
2. Дорошков В.В. Разумное сочетание публично-го и частного в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 31–41.
3. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. ред. Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 160 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич ; вступит. ст. Е.А. Суханова. – Москва : Спарк, 1995. – 556 с.
5. Нерсессянц В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсессянц. – Москва : Норма-ИНФРА-М, 2001. – 652 с.
6. Болгова В.В. Основы публичного права : монография / В.В. Болгова. – Самара : Самар. отделение Литфонда, 2009. – 351 с.
7. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
8. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2023. – 504 с.
9. Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство / М.В. Немытина. – 2-е изд., перераб. – Саратов : Научная книга, 2008. – 260 с.
10. Тарасов А.А. Современный диалог судебной системы с институтами гражданского общества (по материалам Уполномоченного по правам человека в Самарской области) / А.А. Тарасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – Т. 9, вып. 2. – С. 137–147.
11. Багаутдинов Ш.Ф. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и против несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Ш.Ф. Багаутдинов. – Казань, 2024. – 253 с.
12. Замуруева Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения : монография / Е.Ю. Замуруева, К.В. Муравьев. – Москва : Проспект, 2024. – 168 с.
13. Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Лукьянова. – Томск, 2024. – 42 с.
14. Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования : монография / А.Н. Халиков. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 544 с.
15. Халиков А.Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект) : монография / А.Н. Халиков ; под ред. В.И. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 312 с.
16. Везденев К.Е. Апелляционное обжалование приговоров: проблемы подготовки и оценки жалоб и представлений : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / К.Е. Везденев. – Тюмень, 2022. – 230 с.

REFERENCES

1. Pobedkin A.V. The People Need Only Public Law (What Is the Reason for the Desire of Civilists to Distinguish Between Private and Public Law? In Morozov S.Yu., Zaitsev O.A. (eds.). *Honest-Legal and Public-Legal Problems of Modern Jurisprudence. Collection of Materials from the II International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 65th Anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Nikolaevich Grigoriev (Ulyanovsk, September 12, 2020)*. Ulyanovsk State University Publ., 2021. pp. 327–334. (In Russian).
2. Doroshkov V.V. Reasonable Combination of Public and Private Elements in Criminal Proceedings. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 31–41. (In Russian).
3. Kokorev L.D. (ed.). *Public and Personal Interests in Criminal Proceedings*. Voronezh State University Publ., 1984. 160 p.
4. Shershenevich G.F. *Textbook of Russian Civil Law*. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.
5. Nersesrayants V.S. *Philosophy of Law*. Moscow, Norma-INFRA-M Publ., 2001. - 652 p.
6. Bolgova V.V. *Fundamentals of Public Law*. Samara, 2009. 351 p.
7. Golovko L. V. *The State and Its Criminal Proceedings*. Moscow, Gorodec Publ., 2022. 464 p.
8. Davletov A.A., Azarenok N.V. *Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development*. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
9. Nemytina M.V. *Russian Law as an Integration Space*. 2nd ed. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 260 p.
10. Tarasov A.A. *Contemporary Dialogue of the Judiciary with Civil Society (According to the Material of the Commissioner for Human Rights in the Samara Region)*. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law*, 2013, vol. 9, iss. 2, pp. 137–147. (In Russian).
11. Bagautdinov Sh.F. *Criminal Proceedings on Crimes Committed by Minors and Against Minors*. *Cand. Diss.* Kazan, 2024. 253 p.
12. Zamurueva E.Yu., Muravyov K.V. *General Conditions for the Application of Preventive Measures*. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 168 p.
13. Lukyanova A.A. *Implementation of the Right to Liberty and Personal Security in Criminal Procedure in Russia*. *Cand. Diss. Thesis*. Tomsk, 2024. 42 p.
14. Khalikov A.N. *Official Violent Crimes Committed in the Law Enforcement Sphere: Characteristics, Psychology, Investigation Methods*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2011. 544 p.
15. Khalikov A.N., Komissarov V.I. (ed.). *Official Crimes: Characteristics, Investigation, Prevention (Forensic Aspect)*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 312 p.
16. Vezdenev K.E. *Appeal Against Sentences: Problems of Preparation and Evaluation of Complaints and Representations*. *Cand. Diss.* Tyumen, 2022. 230 p.
17. Sharipova A.R. *Non-procedural behavior of the victim of iatrogenic crimes*. *Ugolovnyj process = Criminal procedure*, 2024, no. 6, pp. 44–48. (In Russian).
18. Tarasov A.A. *The Victim as a Subject of Abuse of Rights*. *Protection of the Rights and Legitimate Interests of the Victim in Criminal Proceedings. Collection of Materials of the All-Russian Round Table with International Participation*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2024, pp. 156–169. (In Russian).

17. Шарипова А.Р. Непроцессуальное поведение потерпевшего от ятрогенных преступлений / А.Р. Шарипова // Уголовный процесс. – 2024. – № 6. – С. 44–48.
18. Тарасов А.А. Потерпевший как субъект злоупотребления правом / А.А. Тарасов // Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием. – Санкт-Петербург : Астерион, 2024. – С. 156–169.
19. Скобликов П.А. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел / П.А. Скобликов // Уголовный процесс. – 2013. – № 4. – С. 68–74.
20. Скобликов П.А. Противодействие правоохранителей возбуждению уголовных дел: система привычных приемов и уловок / П.А. Скобликов // Закон. – 2016. – № 7. – С. 92–105.
21. Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма : монография / В.В. Дорошков. – Москва : Прометей, 2023. – 326 с.
19. Skoblikov P.A. Reasons for Unreasonable and Illegal Refusals to Initiate Criminal Cases. *Ugolovnyj process = Criminal Procedure*, 2013, no. 4, pp. 68–74. (In Russian).
20. Skoblikov P.A. Counteraction of Law Enforcement Officers to the Initiation of Criminal Cases: A System of Habitual Techniques and Tricks. *Zakon*, 2016, no. 7, pp. 92–105. (In Russian).
21. Doroshkov V.V. Criminal Justice in the Context of Metamodernism and Moderate Conservatism. Moscow, Prometej Publ., 2023. 326 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 27.12.2024. The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 27.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 347.2
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.18

Original article

ШАРИПОВА Алия Рашитовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

SHARIPOVA Aliya Rashitovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЧАСТНОПРАВОВОЕ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ

SECURITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PRIVATE LAW ASPECTS IN PUBLIC LAW
RELATIONS

Аннотация. Гражданско-правовой институт ценных бумаг «пересекается» с российским уголовным процессом в трех основных точках: ценные бумаги выступают доказательством, в том числе вещественным; ценные бумаги выступают в качестве арестовываемого имущества при применении меры процессуального принуждения; ценные бумаги могут быть предметом залога как меры пресечения. Цель: определить соотношение публично-правовых и частноправовых начал в вопросе использования ценных бумаг в отечественном уголовном судопроизводстве. Основным методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). Результаты: использование частноправового института ценных бумаг в публичном уголовном процессе демонстрирует некоторые перекосы в виде излишнего принуждения и недостатки при применении диспозитивного метода регулирования.

Ключевые слова: уголовный процесс, ценные бумаги, акции, вещественное доказательство, арест, залог

Для цитирования: Шарипова А.Р. Ценные бумаги в уголовном процессе: частноправовое в публично-правовом / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.18// Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 164–169.

Abstract. The civil law institute of securities “intersects” with Russian criminal proceedings in three main points: securities act as evidence, including material; securities act as seized property under a coercive procedural measure; securities may be pledged as a preventive measure. Purpose: to determine the ratio of public law and private law principles in the use of securities in national criminal proceedings. The main method of research is the method of comparative jurisprudence. In addition, general and special methods (analysis and synthesis, logical, special-legal) are applied. Results: the use of the private law institute of securities in public criminal proceedings demonstrates some distortions in the form of excessive coercion and disadvantages in the application of the dispositive method of regulation.

Keywords: criminal proceedings, securities, shares, evidence, arrest, pledge

For citation: Sharipova A.R. Securities in Criminal Proceedings: Private Law Aspects in Public Law Relations. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 164–169. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.18.

ВВЕДЕНИЕ

На большинство, если не на каждую из проблем уголовно-процессуального права можно посмотреть через призму соотношения публичных и частных интересов, то есть ради поиска того баланса частного и публичного, который оправдывает массу принуждения, свойственного уголовному судопроизводству, но не превратит эту массу в критическую.

Соприкосновение частноправовых институтов с уголовным судопроизводством, сопоставление разной степени диспозитивности универсальных и аналогичных процессуальных институтов в разных видах судопроизводств – те плоскости, которые могут наиболее рельефно показать, достигнут ли (и достигим ли) искомый баланс.

В статье предпринята попытка рассмотрения проблемы соотношения публичного и частного на примере использования в уголовном судопроизводстве института ценных бумаг. Этой теме посвящена недавно защищенная диссертация Р.М. Хуснутдинова [1], в которой исследованы роль и место ценных бумаг в доказательственном значении, а также в системе мер уголовно-процессуального принуждения.

В последние годы распространенность обладания таким видом имущества, как ценные бумаги, многократно возросла. Доступность приобретения акций и облигаций, обращающихся на организованном рынке ценных бумаг, стала беспрецедентной, не требующей ничего в техническом смысле, кроме современного смартфона и банковского счета, которые есть почти у всего взрослого населения России. В информационном плане инвестиции стали популяризоваться на разных уровнях и не считаются теперь сложными для восприятия (хотя, возможно, и ошибочно). Как результат двух этих факторов – четверть проживающих в России людей являются инвесторами. Такая распространенность ценных бумаг влечет необходимость оценки их роли в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на некоторые «цифровизационные» изменения, внесенные в УПК РФ, многие его процессуальные институты требуют приспособления к использованию в отношении современных явлений. Неслучайно при всей распространенности ценных бумаг вообще

и при всем множестве их разновидностей уголовный процесс взаимодействует с ними в целом редко, а из всей массы известных гражданскому праву ценных бумаг в уголовных делах фигурируют практически только акции и облигации.

ОГРАНИЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Отчасти ограничения в отношении ценных бумаг могут быть связаны с отсутствием специальных инструментов воздействия на бездокументарные ценные бумаги, на которые приходится основной рост числа собственников среди наших граждан. Хотя бездокументарные ценные бумаги как имущество упомянуты в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, специальных инструментов обращения с ними нет, а значит, правоприменителю остается только путь приспособления имеющихся процессуальных институтов (которые в некотором смысле архаичны) к особенностям современного имущества, все больше утрачивающего свойства физических вещей. Именно с этим связана тенденция к признанию вещественными доказательствами «не вещей», в том числе бездокументарных ценных бумаг: в таком случае существует возможность реституции по уголовному делу в обход надлежащих частноправовых механизмов [1, с. 143].

Разумеется, проблема «уголовно-процессуальной реституции» касается не только и, может быть, даже не столько ценных бумаг, сколько более распространенных в обиходе видов имущества. В настоящее время существует два параллельных варианта разрешения ситуации, с определением судьбы неправомерно выбывшего из владения собственника имущества: реституция по уголовному делу, которая полностью игнорирует существование добросовестного приобретателя, однозначно предпочитая ему потерпевшего, и гражданско-правовой вариант, в котором действует правило защиты добросовестного приобретателя. Даже прямое указание, содержащееся в ст. 147.1 ГК РФ и устанавливающее запрет истребовать у добросовестного приобретателя предъявительские ценные бумаги, не препятствует возвращению их потерпевшим в рамках уголовных дел.

Такое игнорирование норм гражданского права уголовным процессом кажется совершенно недопустимым в нормальной правовой системе, это явный перекося от «частного» к «публичному». Неоправданным выглядит изъятие у добросовестного приобретателя бездокументарных ценных бумаг, приобретенных им на бирже и сменивших между ним и собственником-потерпевшим сотни промежуточных владельцев, однако и такое бывает в уголовных делах. Но если представить себе обратную ситуацию – отказа от приоритета защиты имущественных прав потерпевшего (в сравнении с фигурой гипотетического добросовестного приобретателя, который в большинстве случаев не становится участником уголовного судопроизводства, не имеет процессуального статуса), то это абсолютно немыслимо для уголовного процесса. Для чего же тогда существует сложное и дорогое уголовное судопроизводство, если оно отказывается защищать права потерпевшего, чем еще оно может оправдать свое существование?

Едва ли можно предложить какой-то способ решения этой проблемы, который бы устроил всех. Под решение маскируется предложение добросовестному приобретателю (как иной вариант – потерпевшему) в гражданско-правовом порядке взыскивать с причинителя вреда (обвиняемого в совершении преступления) стоимость утраченного имущества. В действительности деталь, на которую делает акцент тот или иной исследователь [2] – гражданский процессуальный порядок или уголовно-процессуальный, не так важна. Уголовно-процессуальный порядок дает преимущество потерпевшему только потому, что он физически располагает спорным имуществом, так как оно не утрачено. Если речь идет не о решении передать потерпевшему сохранившееся имущество, а о взыскании в его пользу денежного эквивалента с осужденного, то этот потерпевший, а также все остальные взыскатели, в том числе добросовестные приобретатели, становятся практически равными «неудачниками». В большинстве случаев взыскивать с осужденного нечего либо его имущества недостаточно.

С позиций поиска баланса частных и публичных интересов считаем, что вопрос о судьбе спорного имущества должен решать-

ся при участии всех заинтересованных лиц. Для этого есть две основные возможности. Первая состоит в том, чтобы допустить к участию в уголовном деле тех самых «заинтересованных», или «третьих», лиц (добросовестных приобретателей в том числе), наделив их соответствующим правовым статусом. Недостаток этого варианта в том, что большее количество участников, которые заинтересованы в разрешении не основного вопроса уголовного дела, а второстепенного, но при этом все-таки именно заинтересованы, а не безразличны, осложняет судопроизводство и процессуально, и организационно.

Вторая из упомянутых возможностей противоположна – вывести вопрос о судьбе имущества за пределы уголовного процесса. Нельзя назвать этот вариант фантастическим. Публичное начало, преобладающее в уголовном процессе, подчас требует быстрых и непопулярных решений – изъять имущество (у собственника, законного владельца, незаконного владельца, добросовестного приобретателя, хранителя и т. п.) и признать его вещественным доказательством или арестовать. Но когда доказательственные и обеспечительно-принудительные задачи уголовного судопроизводства решены, уголовный процесс с его принципами перестает быть необходимым, и совсем не обязательно именно ему решать споры между несколькими претендентами на одно имущество. Подобно тому как многие гражданские иски, заявленные по уголовным делам, оставляются судами без рассмотрения¹ с указанием на необходимость разбирательства в порядке гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, споры о судьбе имущества, на которое наложены ограничения, могут передаваться для разрешения в гражданском процессе.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ПРЕДМЕТ ЗАЛОГА

Еще одна интересная проблема – это залог как мера пресечения. Р.М. Хуснутдинов считает, что предмет уголовно-процессуального залога должен быть расширен за счет ценных

¹ По данным Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 г., оставлено без рассмотрения 8 % гражданских исков.

бумаг определенных видов [1, с. 161–187]. Нет никаких оснований спорить с тем, что ценные бумаги – имущество, которое могло бы быть использовано при применении этой меры пресечения. И совершенно очевидно, что любое имущество, кроме денег, более «хлопотно» в использовании, чем деньги. Соответственно, вопрос заключается в том, почему законодатель и правоприменитель не стремятся к дополнительным «хлопотам» ради применения залога. Ответ, думается, связан с общим невысоким правоприменительным потенциалом залога. Нет убедительных данных о том, что залог может быть полноценной альтернативой заключению под стражу, подобная статистика не приводится даже в тех зарубежных странах, где данная мера пресечения применяется максимально широко. «Целевая аудитория» залога – состоятельные обвиняемые (что уже исключает абсолютное большинство их); при этом величина залога должна быть очень значимой для этих состоятельных людей, чтобы риск его потери был для них важнее уголовно-процессуальных рисков. Однако оценить эту величину – очень сложная задача, особенно если предположить, что обвиняемый не аккумулировал все свое имущество на одном банковском или инвестиционном счете, а использовал для его сокрытия сложные финансовые и «альтернативные» схемы, в том числе анонимные виды активов.

Вероятность того, что допуск большего числа ценных бумаг в качестве предмета залога как-то повлияет на его применяемость, мы оцениваем как очень низкую, хотя с теоретической точки зрения нет причин возражать против этого.

Если рассуждать о соотношении частного и публичного применительно к возможности использования ценных бумаг в качестве предмета залога, то мы должны признать, что такая возможность была бы небольшим шагом в сторону частного интереса. Если представить себе ситуацию, когда залог не избирается в качестве меры пресечения по той причине, что пригодного имущества у залогодателя нет, а ценные бумаги есть, но их суд не принимает и вместо залога избирает заключение под стражу, то это представляется перегибом в сторону публичного интереса. Однако,

с другой стороны, посмотрим на уголовно-процессуальный залог через призму его частноправового аналога: залогодержатель должен быть свободен в том, какое имущество принимать в залог. Уголовно-процессуальным «залогодержателем» является государство, и если оно не желает принимать в залог какие-то виды ценных бумаг, то это его «частное» право, а не проявление власти.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В отношении доказательственного значения ценных бумаг (с подразделением их на документарные и бездокументарные) напрашивается аналогия с денежными средствами (наличными и безналичными). В отношении бездокументарных бумаг автор даже делает это сравнение [1, с. 142]. Но по большому счету оно позволяет поставить вопрос о том, есть ли вообще у ценных бумаг какая-то значимая доказательственная специфика в сравнении с более изученными денежными средствами.

Доказательственное значение ценных бумаг требует ответа на вопрос о том, как к ним относиться: исходя из существительного «бумаги» – как к иным документам или исходя из прилагательного «ценные» – как к вещественным доказательствам.

Р.М. Хуснутдинов делает достаточно безапелляционный вывод о том, что документарные ценные бумаги, признанные вещественными доказательствами, нужно хранить при уголовном деле, не передавая владельцу ни на ответственное хранение, ни возвращая их ему в рамках «досрочной реституции» [1, с. 122]. В любой аргументации по поводу отнесения документарных ценных бумаг именно к вещественным, а не к документальным доказательствам (то есть к «иным документам», как они названы в ч. 2 ст. 74 УПК РФ) следует понимать, что основная подоплека этого выбора вовсе не в классификации доказательств. Современное значение данной классификации уходит далеко от теоретической чистоты. Главное процедурное отличие вещественных доказательств от иных документов – процессуальный режим их хранения. Это еще один пример того, что поднятая в отношении ценных бумаг проблема является

частью общей уголовно-процессуальной проблемы. Суть ее в том, что признание ценного имущества вещественным доказательством – это больше инструмент принуждения, а не доказывания. Для владельца ценной бумаги принципиально важно, что предпочтет следователь: снять копию, которая отражает всю необходимую информацию о ценной бумаге и никак не препятствует правам собственника (как было бы в отношении любого «иного документа»), или признать ценную бумагу вещественным доказательством и хранить при деле весь период уголовного судопроизводства с принципиальной недоступностью для законного собственника.

В связи с этим разного рода технические детали относительно признания ценных бумаг вещественными доказательствами не должны превалировать над открытым указанием на то, ради чего в действительности то или иное имущество признается именно вещественным, а не иным доказательством.

Р.М. Хуснутдинов пишет о необходимости указания «правового основания отнесения документа к конкретному виду документарных ценных бумаг» в постановлении о признании его вещественным доказательством [3, с. 12]. Однако, во-первых, не ясна целесообразность такой информационной нагрузки на данный процессуальный документ – нужно не только установить вид ценной бумаги (что само по себе не до конца бесспорно), но еще и привести в пользу этого правовые аргументы, видимо, заранее отвечая на какие-то потенциальные вопросы. Во-вторых, представляется, что автор не до конца спрогнозировал последствия неверного определения вида ценных бумаг, признаваемых вещественными доказательствами. Либо это неверное определение даст дополнительный повод для обжалования процессуального акта, либо оно не имеет никакого правового значения. В последнем случае непонятно, для чего же оно требуется.

Поскольку ценные бумаги имеют сложную и несколько противоречивую правовую природу, признание их вещественным доказательством с режимом хранения, ограничивающим права собственника, или арест влекут больше последствий, чем те же процессуальные действия в отношении других ресурсов (в том числе ценных и даже знаковых, например, наличных денежных средств).

Р.М. Хуснутдинов справедливо отмечает, что ограничения в отношении ценной бумаги не должны автоматически распространяться на права получать доходы по ней и голосовать ею [3, с. 15]. Однако последствия совершения процессуальных действий в отношении ценных бумаг влекут более разнообразные последствия для имущественных и неимущественных прав, связанных с этими ценными бумагами. В отдельных ситуациях ценные бумаги, признанные вещественными доказательствами, могут рассматриваться по аналогии со скоропортящимися товарами. Так, например, если оригинал векселя хранится в уголовном деле, то векселеполучатель не может предъявить его к исполнению, а трехлетний срок давности течет и не приостанавливается.

В арбитражной практике нередко дела о различных правовых попытках векселедержателей предъявить к оплате вексель, которого у них физически нет из-за его нахождения в уголовном деле². Нужно отметить, что все эти попытки неудачны, поскольку нет никаких способов получить платеж по векселю, не предъявив его.

Каким образом соотносятся в этом случае частные и публичные интересы? Нам не удалось найти ни одного случая, когда государство компенсировало векселедержателю ущерб, причиненный хранением векселя в уголовном деле, сделавшим невозможным его своевременное предъявление к оплате. В связи с этим полагаем, что идея о безальтернативном признании документарных ценных бумаг вещественными доказательствами с режимом хранения, ограничивающим права собственника, излишне категорична.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что уголовный процесс является территорией абсолютного преобладания публичного начала над частным, всякий его инструмент, всякое правоотношение могут быть оценены с точки зрения соблюдения баланса частного и публичного. Этот баланс специфичен для уголовного судопроизводства.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.05.2023 № Ф07-5261/2023 по делу № А56-58230/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производства, несравним с таковым в гражданском праве и даже от публичных отраслей гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права отличен. Частноправовые институты, в том числе «по касательной» затрагивающие уголовное судопроизводство, дают дополнительную возможность оценить каждое правоограничение на предмет его необходимости и незаменимости.

вые институты, в том числе «по касательной» затрагивающие уголовное судопроизводство, дают дополнительную возможность оценить каждое правоограничение на предмет его необходимости и незаменимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хуснутдинов Р.М. Ценные бумаги в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Р.М. Хуснутдинов. – Ульяновск, 2024. – 315 с.
2. Мурылева-Казак В.В. Содержание понятия «законный владелец» для цели решения судьбы вещественных доказательств в виде имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества / В.В. Мурылева-Казак // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 9. – С. 154–163.
3. Хуснутдинов Р.М. Ценные бумаги в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Р.М. Хуснутдинов. – Ульяновск, 2024. – 26 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.12.2024. The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

REFERENCES

1. Khusnutdinov R.M. Securities in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2024. 315 p.
2. Muryleva-Kazak V.V. The Content of the Concept of “Legal Owner” in Deciding the Fate of Material Evidence in the Form of Property Obtained as a Result of a Crime, and Income from this Property. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 9, pp. 154–163. (In Russian).
3. Khusnutdinov R.M. Securities in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Cand. Diss. Thesis.* Ulyanovsk, 2024. 26 p.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340(151+153+154)
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.19

Original article

ТИМОНИН Анатолий Николаевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-8700-0219>

TIMONIN Anatoly Nikolaevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

СООТНОШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ДОКТРИНЕ П.А. КРОПОТКИНА

THE CORRELATION OF THE MEDIEVAL EUROPEAN STATE AND LAW IN THE
DOCTRINE OF P.A. KROPOTKIN

Аннотация. Актуальной задачей отечественного государственоведения и правоведения остается противостояние идейно-теоретическим конструкциям русского классического анархизма. Цель: установить значимые особенности и недостатки трактовки П.А. Кропоткиным соотношения государства и права на материале средневековой Европы. При написании статьи автор руководствовался междисциплинарным и классовым подходами. Использовались общенаучные и частнонаучные методы: исторический, проблемно-теоретический, формально-логический, текстологический. Материалы: памятники права, другие исторические источники, зарубежная и отечественная историография. Анализ показал, что работы П.А. Кропоткина отличаются не только ярко выраженным антиэксплуататорским пафосом, но и столь же выраженной тенденциозностью. Результаты: априоризм, антиэтатизм и антилегизм, радикальный локализм, европоцентризм, диффузионизм, циклизм и катастрофизм, облученные в форму постулатов, предопределили односторонние трактовки П.А. Кропоткиным взаимодействия средневекового европейского государства с позитивным и обычным правом. В первом случае оно приняло сугубо каузативный вид, а во втором – преимущественно конфликтный. Таковы ключевые изъяны корреляционной концепции П.А. Кропоткина.

Ключевые слова: государство, право, закон, обычное право, классический анархизм

Для цитирования: Тимонин А.Н. Соотношение средневекового европейского государства и права в доктрине П.А. Кропоткина / А.Н. Тимонин. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 170–186.

Abstract. The actual task of Russian state studies and jurisprudence remains the opposition to the ideological and theoretical constructions of Russian classical anarchism. Purpose: to establish the most significant features and disadvantages of P.A. Kropotkin's interpretation of the correlation of state and law on the example of Medieval Europe. When writing the article, the author applies interdisciplinary and class approaches. General scientific and specific scientific methods are used: historical, problem-theoretical, formal-logical, textual. Materials: monuments of law, other historical sources, foreign and national historiography. The analysis shows that P.A. Kropotkin's works are characterised not only by a pronounced anti-exploitation pathos, but also by an equally pronounced tendentiousness. Results: apriorism, anti-statism and antilegism, radical localism, Eurocentrism, diffusionism, cyclism and catastrophism, clothed in the form of postulates, predetermined P.A. Kropotkin's one-sided interpretations of the interaction of the medieval European state with positive and customary law. In the first case, it took a purely causative form, and in the second, it was predominantly conflictual. These are the key flaws of P.A. Kropotkin's correlation concept.

Keywords: state, law, statute, customary law, classical anarchism

For citation: Timonin A.N. The Correlation of the Medieval European State and Law in the Doctrine of P.A. Kropotkin. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 170–186. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.19.

ВВЕДЕНИЕ

Предваряя анализ творчества П.А. Кропоткина, стоит сразу разочаровать тех, кто ожидает от нас детального разбора всех или хотя бы одного из направлений русского классического анархизма. Наш замысел состоял в ином: выявить не только отличительные черты, но и изъяны трактовки П.А. Кропоткиным исторического соотношения государства и права на материале средневековой Европы. При этом отдельные выходы за пределы истории Средневековья возможны тогда, они всецело подчинены цели настоящего исследования.

Обращаясь к работам классика русского анархизма, считаем своим долгом предупредить читателя, что никаких симпатий ни к писаному праву, ни к этатизму от него ожидать не стоит. Как и подобает правоверному анархисту, бежавшему от царизма в Западную Европу и потому писавшему чаще на западно-европейских языках и для европейского читателя, П.А. Кропоткин отвергал любые модели государства. Он отождествлял государство с величайшим злом на планете и крайне негативно отзывался и о римской имперской государственности, Рим же республиканский рассматривался им в качестве догосударственного образования. Словно предвосхищая современных критиков Римской империи, наш анархист порицал все, что так или иначе было связано с этой политией: право, государственно-правовые доктрины, остаточные элементы античной государственности. Не погружаясь глубоко в историю какого-либо другого региона, П.А. Кропоткин уделял приоритетное внимание Западной Европе, как средневековой, так и эпохи Нового времени. Касаясь Древнего мира, он ограничился упоминанием самых крупных государственных образований – государств-империй, которым противопоставлял порядки и структуры, присущие догосударственной жизни.

П.А. Кропоткин о корреляции государства и права в истории средневековой Европы

Оказавшись за пределами России, князь-анархист подверг жесточайшей критике все области общественной жизни тогдашней Европы. Изложенная в соответствующих статьях, эта критика в обобщенном виде на-

шла отражение в книге, опубликованной в 1885 г. под названием «Paroles d'un révolté». По словам самого Кропоткина, первоначально она была озаглавлена «Слова мятежника» («Слова бунтовщика»). В ней все было подчинено идейной подготовке грядущей революции, в том числе мысли о преимуществах обычного права по отношению к праву позитивному вообще и систематизированному римскому праву в особенности. Раскрывая основные параметры общественно-политической и правовой жизни средневековых народностей, положивших начало современным государствам Европы, П.А. Кропоткин, в частности, отмечал, что практически вся правовая жизнь в те времена строилась на основе обычного права. Данная правовая традиция сохранилась и в XIX в. Тогда сельское население современных Кропоткину европейских стран, включая Россию, предпочитало применять меж собой не официальное законодательство, а именно это неписаное право [1, р. 221].

Налицо необычайная стойкость и живучесть обычно-правовой традиции. Но власть предрержащие начиная как минимум с X в. пытались если не искоренить эту традицию, то заметно потеснить ее путем принятия писаных законов. Правда, первые законы были не чем иным, как сборниками обычаев, унаследованных от поздней первобытности. Среди них было немало сугубо элитарных нововведений, внедренных в правовую ткань тогдашних обществ по настоянию и в интересах жречества и воинства. Неудивительно, что первые законодатели средневековой Европы виделись П.А. Кропоткину «горсткой разбойников, организовавшихся для грабежа народа». Не лучшим образом представлены и священники, которых он изобразил служителями византийской церкви, транслирующей «восточный деспотизм» в сообщества галлов и германцев. В результате в обычном праве и тех и других появились ранее якобы неизвестные этим народностям смертная казнь и пытки. Венцом деспотического транзита стал «римский кодекс», с помощью которого удалось окончательно вытеснить первобытный коммунизм из обычно-правовой сферы и заменить его понятием «неограниченной собственности на землю» [1, р. 230, 231–232].

Закономерным откликом простонародья на все эти негативные процессы стали восстания городского люда, которые к XII в. сли-

лись в один поток, своего рода «первую революцию». Породив вольные города, она не смогла покончить со всеми антинародными законами. К несчастью для городов, их свободы спустя некоторое время были растоптаны набравшей силу королевской властью, и такая цивилизованная нация, как французская, оказалась ее «прислугой» [1, р. 232].

В более поздней работе – «Государство и его роль в истории», опубликованной в 1896 г., подчеркивая ведущую роль правовых предпочтений простонародья, П.А. Кропоткин писал, что «римское право было простым дополнением к обычному праву». Данная работа, точнее очерк, первоначально представляла собой лекцию, как о ней отзывался сам автор, включенную им в состав более обширного произведения – «Современная наука и анархия», став третьей его частью. Конечно же, и Церковь, и возникающая королевская власть, будучи представителями «вновь всплывшего византийского или римского закона», не могли оставить в покое своих вольных соотечественников, объединенных в крестьянские общины, гильдии и прочие союзы, и обрушили на них «свои отлучения, а также свои предписания и законы». Но все эти правовые акты, как и церковные проклятия, «остаются мертвой буквой» [2, с. 11, 13]. В этом плане взгляды П.А. Кропоткина смыкаются с воззрениями испанского мыслителя Хоакина Косты, точно так же противопоставлявшего обычное право – достояние испанских провинций и народов – официальному закону, который являл собой «гнусный консорциум добра и зла», «гнусный инструмент» в руках элиты, искажающий подлинное право [3, р. 9, 108]. Столь же негативно и в том же инструментальном ключе князь-анархист характеризовал законодательство всех прошлых эпох, а не только современных ему США и Европы.

Государство, по мысли П.А. Кропоткина, продукт злонамеренной деятельности правящих групп, возвысившихся над народными массами в результате использования широкого спектра самых бесчестных средств. Стремление упорядочить терминологию приводит его в абстрактную сферу, представленную такими парными понятиями, как «государство и общество», «государство и правительство». Уточняя соотношение первой категориальной пары, Кропоткин напомина-

ет широкой общественности о том, что общество гораздо старше государства, регулярно упоминает родоплеменной строй и «общинный быт» тех людей, которые на протяжении многих веков, а то и целых тысячелетий обходились без государства. Поэтому всякое стремление к отождествлению указанных понятий в высшей степени ошибочно. Столь же ошибочно, по его мнению, смешение понятий, составляющих вторую категориальную пару. Государство уже только тем отличается от правительства, что представляет собой такую территориальную организацию, которая немислима без концентрации большинства или даже всех функций жизни общества в руках немногих. Итак, государство, вне зависимости от его формы и типа, под пером классика анархизма неизменно предстает инструментом правящих и господствующих групп, жестоко эксплуатирующих подвластное население и подавляющих личность.

Сложнее дело обстоит с феноменом права, который, по П.А. Кропоткину, состоял из гетерогенных, противостоящих друг другу правовых комплексов. Один из них – всецело народного происхождения, он включал в себя правовые обычаи простонародья и народные договоры. Другой был представлен законодательством, как современным, так и прошлых эпох. Но всякий раз, вне зависимости от места и времени, в любой европейской стране им наблюдалось характерное противостояние писаного права праву обычному. Законодательству П.А. Кропоткин отводил роль элитарного инструмента, причем вторичного и производного – прямого продукта деятельности главнейшего из инструментов, главного врага всех анархистов – государства. Легко догадаться, что иной связи, кроме причинно-следственной, между двумя элитарными инструментами им не усматривалось.

Иначе, по мнению П.А. Кропоткина, развивалось взаимодействие между государством и обычным правом, возникшим естественно-историческим путем первоначально в условиях родоплеменного быта у всех народов Земли и сохранившим свое значение главного регулятора народной жизни у средневековых и в определенной мере постсредневековых европейцев. Будучи образованием сугубо элитарным, государство, как думалось Кропоткину, повсеместно воцарилось в Европе сравнительно поздно – не ранее XVI в. Возникшее

в обстановке бесконечных войн, повсюду иницированных европейскими элитами, государство выглядит в глазах отечественного анархиста феноменом, немыслимым без войны. В русском издании своих «Речей бунтовщика» Петр Алексеевич так и напишет: «"Государство" и "война" – два неразлучных понятия» [4, с. 15]. Буквальный перевод той же фразы в зарубежном издании звучит несколько иначе: «Кто говорит "государство", тот подразумевает "войну"» [1, р. 13]. Как видно, обычное право и государство разнятся у П.А. Кропоткина и хронологически, и генетически, а также, что более важно, сущностно. Одно из них служит воплощением мира, другое – бесконечной войны, губительной для самого существования европейских государств, созданных по образу и подобию «римского или, скорее, византийского типа». Первое воплощает народную (федеративную) традицию, второе – римскую (централизованную), противостояние между ними неизбежно, как неизбежны и острейшие конфликты, которые П.А. Кропоткин с готовностью прослеживает «на протяжении всей истории нашей цивилизации» [2, р. 10, 41].

Поскольку в течение всего Средневековья в жизнедеятельности всех европейских народов на первый план, по мнению Кропоткина, вышли процессы самоорганизации, самоуправления, саморегуляции, развивавшиеся как на обычно-правовой, так и на народно-договорной основе, то доминирующая роль тогда принадлежала народной (федеративной) традиции. В средневековую эпоху европейцы, неуклонно продвигаясь от вольности к вольности и от общины к общине, периодически менявшей свое обличье, достигли высшей стадии саморазвития общинного быта – стадии вольных городов. Самим фактом своего появления коммуны, повсеместно свободные уже в XII в., не только спасли Европу от угрозы установления «теократических и деспотических монархий», но и от утверждения на ее территории «римских централизирующих воззрений». Их значение в истории средневековой Европы, согласно П.А. Кропоткину, было настолько велико, что он посчитал возможным отождествить процесс возникновения коммун с революцией [2, р. 15].

Все «независимые города», будь то коммуны Италии, Фландрии, Галлии, Германии или же скандинавского и славянского миров, с его точки зрения, возникли как естествен-

но сложившиеся для той эпохи образования. При таком подходе, когда средневековая самобытность процесса образования городов и их дальнейшего развития – все, а его римская подоснова – ничто, римским влиянием на этот процесс можно было совершенно пренебречь. Поэтому князь-анархист никогда не скрывал своего негативного отношения к римскому влиянию, раз за разом сводя его к нулю и одновременно обвиняя историков в преклонении перед всем римским (образом мышления, «институтами Рима»). Заодно П.А. Кропоткин уличал историков в полном непонимании сути «коммунального движения XI–XII веков», которое, как он полагал, только с XV в. стало порождать свою противоположность – города-государства. Именно тогда в городах, по его мнению, стала развиваться «классовая борьба, а вместе с ней» в коммунах появилось и «государство» [1, р. 203, 205; 2, р. 20]. Но начиная с XVI в. все они падают жертвой более могущественного соперника – государств централизованных, государств бюрократических. В ходе разрушительных конфликтов были уничтожены городские свободы и «свободные договоры», достигнуто подчинение ранее свободной личности. В результате все без исключения люди, как подчеркивал отечественный анархист, оказались в состоянии всеобщего рабства «у короля, судьи и священника», коротко говоря – «у государства» [2, р. 20].

С тех пор централизация и бюрократизация, словно гигантская паутина, опутали все государства Европы, пронизали их сверху донизу. Не изменили их классово-эксплуататорской сути даже буржуазные революции, которые на поверку оказались «поверхностными». Единственно верным путем, способным покончить с губительным для всякой цивилизации засильем бюрократического государственничества и привести к победе «вольного коммунизма», при котором отпадет надобность и в государстве, и в законодательстве, является радикальная революция. Неисправимый локалист, неустанно воспевавший достижения общинных структур (сегодня их называли бы демократией малых пространств), П.А. Кропоткин был глубоко убежден в том, что грядущая общеевропейская революция неизбежно примет сугубо «местный» характер. По его мнению, начало социальной революции будет положено не в национальном парламенте или конвенте, а в отдельных городах. При этом

развитие событий «будет различным в разных городах» и зависеть от «местных условий и потребностей» [5, с. VIII, IX].

КРИТИКА КОРЕЛЯЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А. КРОПОТКИНА

В книге, первоначально озаглавленной «Распадение современного строя» [4, с. VIII], П.А. Кропоткин нещадно критиковал любую сферу общественной жизни стран Западной Европы за повсеместную дисфункцию государства, крайнюю неэффективность бюрократии и законодательства. Иначе говоря, везде он наблюдал всеобщее разложение и безысходный тупик. Гниющей современности наш анархист противопоставлял средневековые общинные порядки, которые были освещены им в самом общем виде. Подчеркнем: вовсе не средневековая или же какая-либо иная история занимала все внимание Кропоткина, когда он публиковал свои статьи в швейцарской анархистской газете. Об иной цели, вполне современной мятежному автору, он давал понять и в уже упомянутом предисловии к своей книге, составленной из данных статей. «Цель этих статей была – изложение основных начал Анархии и критика современного общества: особенно его понятий о государстве, о политических правах, о представительном правлении, о централизации и о власти вообще» [4, с. VII].

Дабы ярче оттенить авторскую картину всеобщего кризиса, неминуемого краха и столь же неизбежной трансформации всей современной ему жизни, упоминается им и римская империя. Именно для этого П.А. Кропоткину понадобилась прямая параллель между двумя эпохами, каждая из которых оказалась эпохой «зловонного болотного застоя» – декаданса [1, р. 22, 18]. Можно подумать, что современники Сидония Аполлинария – бургунды и прочие варвары, захватившие старые римские поселения, или их преемники – средневековые европейские города, источали утонченные ароматы! Так, Симона Ру, освещающая достоинства и недостатки средневековой парижской повседневности, спешит предупредить своего читателя: «Париж не всегда был загаженным, зловонным» [6, р. 22, 18]. А чтобы сказал сам Рюрикович, если бы к нему на кухню, как некогда к Сидонию Аполлинарию, вломилась бы толпа бургундов, отыгивающих ему в лицо запахи лука и чеснока?

[7, р. 213] Вопрос, как говорится, риторический. Между тем и те и другие, как мы знаем из работ П.А. Кропоткина, удостоились самой высокой его оценки. Впрочем, такому бескомпромиссному локалисту, как Петр Алексеевич, не было дела до каких-то нюансов образа жизни средневековых европейцев, пусть даже самых неприглядных. В особенности тогда, когда они могли скомпрометировать любезные его сердцу средневековые структуры, неспособные в силу одного только их размера конкурировать с Римской империей.

Революция, всемерная подготовка ее победы для такого непоколебимого борца, как Кропоткин, затмевали если не все, то очень многое, не оставляя места более внимательному отношению к тем или иным средневековым реалиям. Зато идейное обеспечение скорейшего революционного ниспровержения той самой государственности, с враждебным отношением которой к себе и трудящимся он неоднократно сталкивался и на Родине, и за ее пределами, неизменно оказывалось высшим приоритетом. Констатируя ослабленное состояние главного врага всех трудящихся перманентными войнами и прочими кризисными явлениями, которыми была так богата общественная жизнь Европы в эпоху позднего модерна, классик анархизма уверял своих читателей в близкой гибели всех государств этого континента. Однако прогноз этот сбывлся лишь отчасти: в результате Первой мировой войны были сокрушены только три европейские империи, но на их месте, вопреки его ожиданиям, появились вовсе не «новые организации, основанные на новых принципах», а новые государства. Сам же Петр Алексеевич выражал надежду на то, что государство как особый способ социальной интеграции повсеместно изжило себя еще в конце XIX в. и неизбежно будет замещено фрагментированными структурами, угодными анархистам [1, р. 25–26].

Перед уходом из жизни Кропоткину пришлось убедиться в том, что латинские страны революционными процессами, о которых он так много писал, обращаясь прежде всего к франкоязычной общественности, охвачены не были. Не произошла новая революция и во Франции, на которую Кропоткин возлагал особые надежды. Но быть может, в этой стране возобладали автономизация, регионализация, растущая фрагментация политико-правовой жизни? Нет, конечно же, ибо Франция,

вопреки надеждам русского анархиста, так и осталась государством унитарным. Может показаться, что нашему анархисту больше повезло с Испанией и Италией. Хотя регионалистский характер этих стран сегодня не подлежит сомнению, но заместить в них государства какими-либо иными организациями, выстроенными на анархистских идеях и всецело руководствующихся ими, не удалось ныне ни испанским, ни итальянским анархистам. Такая же судьба постигла и «взаимные обязательства» европейских рабочих (в русском варианте – «свободные договоры»): до сих пор никому из пролетариев Европы, объединенных в профсоюзы и партии, не удалось заменить законы своими договорами, совершенно вытеснив их из системы источников права хотя бы одной национальной правовой системы.

Совершенно очевидно, что в своих работах классик русского анархизма гораздо больше внимания уделял кризисному состоянию европейской государственности и законодательства, их историческому предназначению и общей судьбе, нежели собственно историческому соотношению государства и права. Тем не менее существенным элементом его корреляционной трактовки является положение о том, что право способно существовать и успешно функционировать как до возникновения государства, так и после его (государства) гибели в результате победы радикальной революции, способной глубоко преобразовать все сферы общественной жизни. Такая же гибельная участь была уготована Кропоткиным и законодательству.

Но вернемся к эпохе раннего Средневековья. В каком же соотношении с некогда могущественной Римской империей находились ранние германские королевства? На этот вопрос в науке даются разные ответы. Один из них сводится к тому, что на смену отжившей свой век Западной Римской империи пришли политики с «текучей» государственно-правовой жизнью, с неустойчивыми государственными границами, с нечетко определенной территорией, с подвижным образом жизни королей, их дворов, исключавшим поначалу появление постоянной столицы государства. Весь этот перечень был бы неполон без признания разной степени воздействия на такого рода политики римской правовой и политической культуры, унаследованной в первую очередь Византией, откуда новоявленные

германские государи стремились получить грамоты, титулы и прочие символы государственной власти. Характерным примером может считаться сообщение Григория Турского: «И вот Хлодвиг получил от императора Анастасия грамоту о присвоении ему титула консула... И с этого дня он именовался консулом и Августом» [8, с. 57].

Конечно же, можно было бы усомниться в полной достоверности всех деталей данного сообщения, но с этого момента августианской легенде была суждена долгая жизнь. Действительно, 25 января 800 г. Карл Великий «принял имя Императора и Августа» [9, с. 113]. Она живо напоминала о себе и много позже. Так, литераторы XVII в. преподносили и Людовика XIV как нового Августа [10, р. 195]. Однако и эта легенда, и прочие элементы государственной идеологии европейских стран были объявлены П.А. Кропоткиным династическими баснями и оставлены без должного внимания [11, с. 67], ибо они не вписывались в анархистскую версию истории средневековой Европы, исключавшую средневековые подобию Римской империи. В том же ряду оказалось и шутивное прозвище «новый Солон Бургундский», которым Сидоний Аполлинарий наградил своего друга Сиagriя. Высокородный поэт не без иронии писал о том, что многие бургунды, включая «старцев согбенных», невольно усваивали «латинский дух», когда чуть ли не с открытым ртом внимали его другу, растолковывавшему им смысл бургундских законов [12, р. 154].

Общеизвестное определение средневековой Германии – *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae* (Священная Римская империя германской нации), титулатуры Оттона I и Оттона II даже не были упомянуты князем-анархистом. Первый, как известно, принял титул «императора римлян и франков», второй – «*Romanorum imperator augustus* императора-августа римлян». Их преемник Оттон III возродил формулу *renovatio Romanorum imperii*, использованную еще Карлом Великим, и даже пытался перенести столицу империи в Рим [13, р. 83–89]. Обычно данные факты расцениваются как свидетельства в пользу трансляции империи – перехода суверенитета во времени: от римлян – к германцам. Классик анархизма прошел мимо всех попыток возрождения Римской империи на Западе, заместив их идеей деспотического транзита из Византии в Евро-

пу X–XI вв., не получившего тут сколько-нибудь заметного воплощения по причине господства «общинного быта». Поэтому вместо крупных государственных образований, созданных Каролингами и Оттонами, он увидел здесь лишь «зачатки мелких деспотических королевств и теократий» [14, с. 161].

Проигнорировано П.А. Кропоткиным и эпистолярное творчество Оттона Фрейзингенского, который в письме, адресованном своему венценосному племяннику, под 1154 годом сообщал о том, что целая провинция Северной Италии получила свое название от Рима. Подметил он и то, что итальянцы «в вопросах сохранения природы политической организации все еще подражают опыту древних римлян». Поясняя эту мысль, дядя германского императора не без возмущения писал: «Они так сильно стремятся к свободе, что, избегая единоличной власти, управляются консулами, а не одним правителем» [15, р. 116]. О консулах как о главах цехов средневековых итальянских городов сообщается в статуте Флоренции, вступившем в силу 18 января 1293 г., в «Хронике» Бонаккорсо Питти и других источниках¹ [16, с. 54]. Неслучайно наш современник Филип Джонс отмечал: «В Италии, как нигде больше, города и коммуны воспринимались и ощущались как воплощение древних цивилизаций, как возрождение римского республиканизма» [17, р. 52].

Казалось бы, сама идея какого-либо влияния давно погибшего Рима на политическую жизнь средневековых европейских городов для князя-анархиста, неотступно продвигавшего концепт их естественного происхождения, представляет собой недопустимое излишество. Так, еще в 1885 г. П.А. Кропоткин со всей категоричностью утверждал, что «римское влияние» во всех городах Европы XI–XII вв. «было нулевым». Но этому столь категоричному суждению предшествовала его полемика с учеными-романистами, в ходе которой классик анархизма отрицал только «чисто римское происхождение» городских коммун [1, р. 203]. Когда на одной и той же странице соседствуют два разных мнения, последовательной такую позицию не назовешь. В более позднем произведении Кро-

поткина мы сталкиваемся с той же ситуацией. В одном месте он настаивает на том, что и сельские общины, и «свободные клятвенные братства», которые он наблюдал и в городах, «во все время своего существования» развивались вне всякого влияния со стороны Рима [14, с. 157, 158], а страницей ниже признает: «Рим погиб, но его предания оживают» [14, с. 159]. Как видно, чувство исторического реализма не всегда покидало князя-анархиста, но от этого его концепция не становится менее противоречивой.

С очередным проявлением такой особенности творчества П.А. Кропоткина встречаемся тогда, когда он, такой стойкий локалист, с восхищением постулирует «почти буквальное сходство этих хартий и республик». Причем городские сообщества средневековой Европы смогли достичь «однобразия учреждений» путем заключения «общественных договоров», не создавая однотипных законов [14, с. 163]. О каком буквальном сходстве городских хартий может идти речь, если в одной только средневековой Германии специалистами выделяется «шесть семей» городского права. Среди них фигурируют: «фризская, саксонская, франконская, тюрингская, швабская и баварская» [18, с. 18; 19, с. 27]. Мало того, в ст. 37 хартии германского города Гослара «императорским предписанием» запрещалось создание в этом городе любых клятвенных союзов или объединений, «кроме сообщества монетчиков». Самим фактом существования такая статья свидетельствует против тезиса о фактическом единообразии городских хартий. Но, похоже, Петр Алексеевич не заметил данного обстоятельства, как не увидел он в средневековых городах и мелочной регламентации жизни ремесленников.

Достаточно открыть «Книгу ремесел Парижа» Этьена Буало и найти там статут XI, чтобы убедиться в том, что даже такие высокочтимые ремесленники, как ювелиры, были вынуждены считаться с массой ограничений своей деятельности. Так, ст. 6 статута содержит запрет на ночные работы, а ст. 5 гласит: «Никто из парижских ювелиров не может иметь родного или постороннего ученика меньше, чем на 10 лет, если только ученик не обучен так, что он может зарабатывать в год 100 су и на свое питье и еду». Были предусмотрены и иные ограничения [20, р. 32–33], адресованные не

1 «Установления Правосудия» // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. С. 563.

только ювелирам, но и другим ремесленникам. По всей видимости, городская свобода в средневековых городах была ограничена достаточно жесткими пределами, среди которых немалая роль принадлежала внутрисословным нормам-запретам. Не принимая их во внимание, П.А. Кропоткин сконцентрировался на противостоянии горожан другим сословиям, на межсословных барьерах.

Столь же далека от реальности и картина межгородских отношений, написанная Кропоткиным без опоры на какие-либо источники. Как полагал князь-анархист, где бы ни возникали города, по всей Европе вне зависимости от их величины, людских и прочих ресурсов, во взаимоотношениях между ними царили гармония и равноправие. В качестве примеров городов, прославленных в веках былыми вольностями, он приводит Новгород и Псков. Был ли Псков когда-либо пригородом Новгорода, починался ли когда-то первый второму – такие вопросы совсем не занимали воображения отечественного анархиста. Между тем в Лаврентьевской летописи под 1176 г. сообщается: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, [и Полочане], и вся власти якоже на: на думу на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть»². Отсутствие в этом перечне жителей Пскова объясняется довольно просто. Дело в том, что этот город довольно долго являлся пригородом своего «старшего брата». Выходит, отношения между данными городами далеко не всегда были равноправными. Без правового эгалитаризма порой коммуницировали между собой и такие североитальянские города, как Ивреа и Верчелли. Причем «жителям Ивреи каждые десять лет приходилось подтверждать свою клятву верности Верчелли в отношении двух крепостей, которые были вассалами этого государства» [21, р. 215]. Подвластные города некогда были и у Флоренции [22, р. 479].

Еще один проблемный вопрос, не нашедший адекватного разрешения в работах П.А. Кропоткина, – об исторической протяженности процесса образования городов-коммун. На примере того же Новгорода одни

отечественные исследователи не раз подчеркивали историческую длительность этого процесса, другие же, подобно П.А. Кропоткину, отождествляли его с революцией [23, с. 21]. Детальный анализ приобретения Новгородом «вольности в князьях» был осуществлен в свое время крупнейшим специалистом в области новгородской истории В.Л. Яниным. С его точки зрения, «начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходит долгое время спустя после восстания 1136 г.» [24, с. 106]. К сходным выводам приходят медиевисты на примере итальянских коммун. Так, Хаген Келлер датирует появление коммун в большинстве городов Верхней и Центральной Италии примерно 1100 годом. При этом он подчеркивает длительность и постепенность процесса формирования здесь коммунального устройства [25, с. 169]. Джино Луцатти, опубликовавший свою книгу в нашей стране еще в советское время, относил начало этого процесса к IX в., а его завершение привязывал к XII–XIII вв. [26, с. 236–237]. Иную датировку окончательного перехода «от *civitas* к коммуне» приводил Филип Джонс. По его наблюдениям, заключительная фаза этой трансформации пришлась на время «императорско-папской схизмы», то есть «с 1075 по 1122 годы» [17, р. 134].

Мысль о том, что каждая коммуна – продукт постепенного, долговременного процесса, разделяет и Эдвард Коулман. Но состояние источников таково, что попытки установить точную дату ее возникновения в том или ином городе ему «кажутся довольно бесполезным занятием». Сказанное не помешало доценту Дублинского университета увязать этот процесс с появлением в городах Северной Италии Palazzo Comunale – «постоянных мест пребывания гражданского правительства», а их возникновение датировать периодом, который наступает только после 1183 г. Ведь именно тогда «император фактически гарантировал коммунаам конституционное признание в соответствии с условиями Констанцкого мира». Принимать или же отвергать такую датировку образования итальянских коммун – дело каждого отдельного исследователя. Вот только мало кто из современных медиевистов стал бы настаивать на том, что у коммун, возник-

² Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. С. 160.

ших в XII в., не было никаких предшественников, что они появились практически из ниоткуда, будучи «творением эпохи Возрождения XII века». Напротив, по наблюдениям того же Эдварда Коулмана, наиболее авторитетные исследователи солидарны в том, что своими истоками коммуны восходят к «*civitas* XI века» [27, р. 380, 381, 395, 396].

Такая позиция резко противоречит взглядам П.А. Кропоткина, который настаивал на том, что практически все европейские коммуны, быть может, за исключением итальянских, возникших, по его мнению, еще в X в., появились как всенепременный, обязательный атрибут одной из исторических эпох, пришедшей как раз на XII столетие. Похоже, что эта мысль казалась явным упрощением и самому русскому анархисту. Поэтому в поисках другого, более приемлемого решения рассматриваемой проблемы ему пришлось прибегнуть к услугам теории общественного договора. Признав заслуги этой теории в борьбе с королевской властью, Петр Алексеевич заключает: «В настоящее время она должна быть признана ошибочной и отвергнута». Но когда ему потребовалось назвать причину возникновения городских республик, он не нашел другого концепта, кроме уже упомянутых «общественных договоров» [14, с. 150, 163].

Примерно так же Кропоткин решал проблему происхождения такого источника права, как закон. Закон, по его мнению, «в своих истоках происходил из народного договора». В поисках исторического подтверждения своего решения этой проблемы он обращается к феномену Майских или Мартовских полей, во время проведения которых «собирался весь народ и постановлял основы народного договора» [1, р. 229]. Роль народных масс на указанных воинских сходах, как и специфика процесса народного правотворчества, открывают широкий простор для более или менее убедительных гипотез. Здесь много темного, неясного. Ясно другое: уже при Хлодвиге эта роль вряд ли была настолько высока, чтобы диктовать королю франков и его окружению свои условия. Напротив, вооруженные франки, по словам Григория Турского, заявили Хлодвигу: «Славный король! Все, что мы здесь видим, – твое, и сами мы в твоей власти. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!». Лишь один из них воспротивил-

ся королевской воле, настаивая на соблюдении древних обычаев. За что как раз на Мартовском поле ревнитель стародавних обычаев и поплатился собственной жизнью [8, с. 48].

Много неясностей остается и при решении проблемы возникновения средневековых городских республик. Но что хорошо известно, так это иллюзорный характер теории общественного договора. На примере образования Венецианской республики нам уже приходилось писать о том, что данная теория «не находит своего фактического подтверждения на венецианском материале» [28, с. 74]. Приложима ли данная теория по отношению к другим городским республикам Европы – вопрос, заслуживающий дополнительных исследований. Решая его, нельзя не считаться с уже наличествующими в науке оценками все той же теории, имеющими междисциплинарное значение. Вот что писал о ней американский археолог и антрополог Роберт Карнейро: «Теперь мы знаем, что ни одно человеческое сообщество никогда не подписывало подобного договора, и теория общественного договора сегодня является не более чем историческим курьезом» [29, р. 733]. Еще более весомо мнение Элмана Роджерса Сервиса, высказанное им в ходе рассмотрения творчества Г.С. Мэна. Профессор Калифорнийского университета, высоко оценив успешную реализацию Мэном индуктивного (сравнительно-исторического) метода – напомним, что индуктивный метод особо почитался и П.А. Кропоткиным – полагал, что именно этот метод «побудил его (Г.С. Мэна – А. Т.) с презрением отнестись к пустому теоретизированию философов школы общественного договора» [30, р. 187].

Без ложного пиетета творчество представителей данной школы воспринимал и князь-анархист. Он отрицал договорное происхождение первобытных сообществ, их якобы первозданную индивидуализацию. Если у Джона Локка в качестве наиболее явного примера договорного происхождения государства фигурировала изначальная Венеция, то у П.А. Кропоткина все без исключения городские коммуны на раннем этапе их развития выглядели антиподами только что возникающих средневековых государств. Известно, что Локк загодя готов был обвинить каждого своего идейного противни-

ка в том, что «тот должен обладать странной склонностью к отрицанию очевидных фактов» [31, с. 320]. Свой контраргумент был припасен на этот случай и отечественным анархистом. По поводу и без повода он уличал в очередном искажении истории не только явных и скрытых врагов анархизма, но и целые науки [2, р. 35]. Проблема состоит в том, что Локк, его единомышленники и оппонировавший им П.А. Кропоткин в данном вопросе полагались вовсе не на факты. Все они больше уповали на аксиоматико-дедуктивный метод, намечая общие контуры отдельных нефактических моделей. По этому же пути пошел Петр Алексеевич, когда, говоря о поздних коммунах, приписывал им желание стать государствами и когда схематично излагал свои мысли о трехстадийной эволюции любой страновой цивилизации, начиная с Древнего Египта, и о деспотическом транзите в Западную Европу.

Любое государство в этой эскизно выполненной модели выглядит чуждой, разрушительной по отношению к обществу силой, несущей в себе гибель всякой цивилизации, будь то Египет, Ассирия, Вавилон, Древняя Греция или же средневековая Европа. Конечной, гибельной стадии князь-анархист предпосылает фазу вольных городов и фазу племени. Особенно не повезло государствам Востока: их деспотизм – такой же обязательный атрибут заключительной стадии восточного цикла, как и городская свобода фазы второй. Каким же образом вольные города перерастают в государства деспотические, а те, погибая вместе с разрушающимся обществом, становятся добычей империй? На этот вопрос классик анархизма ответа не давал. Для него без каких-либо оснований было гораздо важнее объявить Восток обителью векового деспотизма и столь же бездоказательно обвинить деспотизм восточного образца в разрушении всех городских цивилизаций древности, включая Грецию и Рим. Затем деспотизм обнаруживает себя в империи ромеев и поражает ее, словно пробудившийся архаичный вирус. И уже Византия, по Кропоткину, становится своеобразным ретранслятором и деспотизма, и законодательства, пропитанных во все времена насилием, транслируя их в «средневековые, только что возникавшие средне-европейские государства» [32, с. 59].

Якобы только благодаря стойкости общинных порядков средневековая Европа была спасена от гибельной участи. Увлечшись феноменом византийского деспотизма, классик анархизма упустил из виду позитивные аспекты государственной жизни Второго Рима. Так, из трудов современных византинистов мы теперь знаем о необычайно активной социальной политике, периодически обнаруживающей себя в этом государстве [33, р. 149–288], и об основах столь же необычной для государств-империй долговечности [34, р. 61–80]. Эти и многие другие достижения материнского для нашей страны государства-цивилизации были оставлены им без внимания.

Надуманый, иллюзорный характер умозрительных построений, созданных князем-анархистом, очевиден. Он руководствовался собственной логикой, когда пытался реализовать набор разнородных идей: априоризм, европоцентризм, диффузионизм, циклизм и даже катастрофизм, – облекая их в форму только что рассмотренных постулатов. Такой подход позволял П.А. Кропоткину оставлять за пределами сколько-нибудь подробного рассмотрения многие вопросы, в том числе и типологию общин, как сельских, так и городских.

Вновь возвращаясь к средневековой Европе, подчеркнем, что, живописуя преимущества образа жизни средневековых горожан, П.А. Кропоткин упустил из виду многие негативные процессы и явления, свойственные тогдашней городской жизни. Так, словно дамоклов меч, над головами всех европейцев нависала угроза массового голода и столь же массовых эпидемий, результатом которых стала крайне низкая продолжительность жизни, зачастую не превышавшая и 30 лет [35, р. 239]. Особенно уязвимым в этом плане оказалось население средневековых городов, довольно скученно проживавшее на их территории. Кроме того, любой горожанин легко мог стать жертвой внутригородских конфликтов, собиравших на городской территории столь же богатую жатву, как и в ходе вооруженной борьбы с врагами-сеньорами за ее пределы. Насилие широкими потоками изливалось на улицы и площади, бесконечные драки сопровождалась конфликтами патрицианских кланов, борьбой ремесленных цехов с патрициатом, мастеров с подмастерьями и т. п. Так, жители Парижа еще в 1395 г. опа-

сались покидать свои дома в темное время суток из-за угрозы нападения на них «лиц низкого происхождения» [36, р. 112]. Страдали от насилия и представители низших слоев городского населения, зачастую лишённые клановой и корпоративной защиты. Незавидной была участь не только многочисленных городских поденщиков и нищих, но и членов цехов, скованных по рукам и ногам мелочной регламентацией их жизни.

Процессы социально-экономической дифференциации, социальной стратификации в городской среде, формы эксплуатации городских низов и даже крестьянских общин городскими верхами важны сами по себе. Не менее важен и другой аспект проблемы: все они протекали в рамках особого общественного строя. И таковым для европейского Средневековья выступал, как известно, феодализм. Хотя именно в городах появились зачатки нового государственного строя, пришедшего на смену средневековой государственности, но в тех же городах верхушка охотно выкупала дворянские гербы и должности государственных чиновников, пополняя ряды дворянского сословия. Феодализацию и рефеодализацию средневековых европейских городов постигла та же участь, что и живейшее их участие в централизации европейских государств. Все это было оставлено П.А. Кропоткиным без внимания. Не заметил он и общности интересов между королевской властью и горожанами – во Франции, княжеской властью и горожанами – в Германии. В противном случае ему, подобно современным отечественным медиевистам, пришлось бы говорить о том, что все указанные акторы были заинтересованы в преодолении феодальной анархии и политическом объединении вокруг страновых (региональных) центров и в других европейских державах. Так, помимо Франции, значительные успехи, достигнутые в этом деле, отмечались Н.А. Хачатурян, одним из лидеров отечественной медиевистики, в Англии, Испании и Швеции. При этом королевской власти, заключившей своего рода «союз» с городами, приходилось мириться, по ее словам, «с разной долей городской автономии» [37, с. 336].

Впрочем, задолго до Н.А. Хачатурян на разную «степень политической самостоятельности, достигнутую городами в Европе», указывал еще А.К. Дживелегов, использовавший ее

в качестве критерия для своей классификации. В ней нашлось место не только для городов-государств Италии, поделивших между собой северную и отчасти центральную части территории этой страны, но и для сеньориальных городов Франции и Германии. Немецкие города эпохи их возникновения были разделены им на «королевские, или имперские, княжеские и епископские». Во Франции, наряду с городами-коммунами, он выделял «города буржуазии» и «новые города». Повсюду избранный им критерий, как подчеркивалось самим ученым, состоял «в обратной зависимости от того, насколько страна успела выработать сильную государственную власть» [38, с. 38, 39, 48, 49–51, 52].

Для прояснения общей позиции П.А. Кропоткина по заявленной теме нашей статьи, а также трактовки им степени воздействия римского права на процесс политико-правовой эволюции средневековой Европы необходимо соотнести ее с данными современных исследований.

Вопрос о степени такого воздействия многократно обсуждался в отечественной и зарубежной историографии. Масштабная попытка разрешить эту проблему в свое время была предпринята Гейнсом Постом. На первый взгляд, в воззрениях Кропоткина и Поста на данный процесс много общего: и тот и другой уделяли определенное внимание римскому праву, и тот и другой одинаково восторженно характеризовали эпоху зрелого Средневековья. Наконец, оба продвигали идею о позднем появлении собственно государственных образований в Западной Европе, пришедших на смену более ранним политическим структурам – германским королевствам. Но при более внимательном прочтении трудов Поста обнаруживаются глубочайшие различия в позициях, занимаемых упомянутыми авторами по самым принципиальным вопросам. Они настолько велики, что можно говорить о своего рода «переполюсовке», обнаруживающей себя в творчестве Гейнса Поста. Уже во введении к сборнику собственных эссе он дает понять, что не испытывает восторгов по поводу анархии, царившей в феодальном обществе, а едва возникшее государство вкупе с римским правом, при помощи которого удалось покончить с феодальным хаосом, избавлено от столь негативных оценок, которые привычно дают-

ся им анархистами. Более того, государство, то самое государство, которое и П.А. Кропоткин рассматривалось как вселенское зло, возникшее в Европе в результате военных действий только в XVI в., под пером Гейнса Поста предстает в качестве «произведения искусства». Он был убежден, что «задолго до итальянского Возрождения концепция и определенная практика "Государства как произведения искусства" проявили себя во время великого средневекового возрождения двенадцатого и тринадцатого веков». По его собственным словам, «возрождение римского права было лишь частью условий, благоприятствовавших развитию суверенных государств» [39, р. 4, 570, 563].

К XII столетию относит появление крупнейших европейских инноваций, надолго определивших цивилизационный облик всего Запада, и видный отечественный медиевист П.Ю. Уваров. Наряду с городами, университетами, парламентами, светским бюрократическим аппаратом в этот перечень он включает и римское право. Можно спорить по поводу смещения акцентов при характеристике римского права с «возрождения», как у Поста, на «изобретение». Такое переакцентирование дает повод думать, что это право, как и все вышеперечисленные институты, появилось одновременно с ними [40, с. 57]. Но вряд ли стоит оспаривать датировку П.Ю. Уваровым начала «кристаллизации» цивилизационных параметров латинского Запада.

Без ложного пафоса и возвышенных определений рассматривал политико-правовые реалии европейского Средневековья Джозеф Стрейер – профессор Принстонского университета, в котором завершил свою академическую карьеру и Гейнс Пост. Д. Стрейер не обошел вниманием и правовой аспект проблемы, осветив его в контексте соотношения римского права с правом обычным. В условиях повсеместного господства обычного права, особенно характерного для стран, расположенных к северу от Альп, римское право никоим образом не могло претендовать на первостепенную роль. По Д. Стрейеру, его значение в политико-правовой жизни тогдашней Европы было довольно ограниченным, потому что, оставаясь объектом теоретических дискуссий, римское право редко покидало пределы университетских аудиторий. Но даже в этом сугубо

академическом качестве оно содержало в себе ряд лексических единиц, при помощи которых европейцам удалось сформировать целый ряд новых правовых институтов, составивших правовую основу государственного строительства. Признав определенное значение римских параллелей, к которым прибегали администраторы и судьи, пытаясь прояснить свои смутные представления о государстве, Д. Стрейер не склонен был преувеличивать ни роль этих параллелей, ни римского права в целом в процессе образования европейских государств. С подчеркнутым вниманием он настаивал на том, что, «хотя возрождение римского права облегчило и, возможно, ускорило процесс государственного строительства, оно, конечно, не было основной причиной и, вероятно, даже не было необходимым условием» [41, р. 26].

Обратившись к хронологии данного процесса, Д. Стрейер отводит под него довольно длительный исторический период – с 1100 по 1600 г. Заметив, что на поиск истоков современного государства отводится столь широкая хронологическая полоса, в которой, наряду со средневековыми государствами, оказались и государства раннего модерна, он решил уточнить хронологические рамки процесса образования собственно средневековых государств, ограничив его рубежами XI–XIII столетий. Именно этот отрезок времени определяется им как «первый этап государственного строительства». По всей вероятности, Д. Стрейер отдавал себе отчет в том, что на этом этапе европейцы не знали ни гипертрофированного индивидуализма, ни светской культуры, ни масштабного преклонения перед всей Античностью, не замыкаясь на одном лишь римском праве. В стадийной концепции Д. Стрейера не нашлось места для «великого возрождения» Г. Поста, зато в ней обнаруживает себя тот самый эталон, на основе которого и возникла новая европейская модель – модель современного государства, ставшая, в свою очередь, образцом для подражания для многих неевропейских стран, как оказавшихся в колониальной зависимости, так и стремившихся избежать ее [41, р. 77, 12].

Важнейшим аспектом этой модели, доступным сегодня самой широкой общественности благодаря шумной пропаганде идей прав человека и правового государства, разделения

властей, стал правовой аспект. Возведенные на высоту конституционного строя, эти идеи остаются предметом особой гордости европейцев, и в этом качестве они немало поспособствовали широкой популярности европейской модели государства не только среди колониальных, но и постсоветских стран. Неудивительно, что Г. Пост, Д. Стрейер, П.А. Кропоткин уделили так много внимания именно правовому аспекту этой модели, концентрируясь на исследовании ее исторических корней.

Если Д. Стрейер позволял себе только отдельные выходы в новейшую историю, крайне лапидарно и комплиментарно останавливаясь на правовых предпочтениях современных европейцев, то добрую половину главы «Закон и власть», вошедшую в «Речи бунтовщика», П.А. Кропоткин посвятил критическому рассмотрению современного ему государственно-правового строя. Иного, кроме как лишенного какой-либо комплиментарности, отношения к правовым институтам и отраслям права той эпохи, будь то право гражданское, уголовное или же конституционное, от революционного мыслителя ожидать не приходится. В этой публикации П.А. Кропоткин настойчиво продвигал мысль о том, что самой достойной альтернативой всему буржуазному, в том числе праву и основанному на нем правопорядку, выступают обычное право и базирующийся на нем правопорядок первобытного и постпервобытного обществ. Именно этой мыслью им открывается уже упомянутая глава рассматриваемого произведения: «Строго говоря, законодательство – это продукт современности. Веками человечество жило без какого-либо писаного закона, даже того, который был выгравирован символами на камнях над входом в храм. В тот период человеческие отношения просто регулировались обычаями, привычками и обыкновениями, которые были освящены постоянным повторением и усвоены каждым человеком в детстве, точно так же, как он учился добывать пищу охотой, скотоводством или сельским хозяйством» [1, р. 221].

Сколько бы ни восторгался князь-анархист первобытным и постпервобытным образом жизни, дальнейшая эволюция человечества, за некоторыми отступлениями от общей ее направленности, происходила в рамках жизни государственной. Так, если в эпоху

неолита, как полагал Роберт Карнейро, существовали сотни тысяч автономных политических сообществ, то к 80-м годам прошлого столетия их численность сократилась до 150 [42, р. 205]. Иные цифровые показатели приводит в своем учебнике старейший государствовед нашей страны. По его подсчетам, ныне существует не 150, а более 200 государств [43, с. 17]. Как бы то ни было, другой альтернативы людским коллективам, оказавшимся в границах того или иного европейского государства, кроме как адаптации к новым историческим условиям, не существовало. Конечно же, из этого общего правила могли быть исключения, но только не на территории средневековой Западной Европы. Здесь те или иные тенденции к архаизации политико-правовой жизни, возвратные к первобытности процессы были довольно быстро преодолены, и начиная с эпохи зрелого Средневековья в этом регионе сформировалась особая политическая и правовая культура, содержащая прообразы конституционализма и, соответственно, конституционного государства.

Европейская культура смогла выработать идею связанности королевской власти законами той или иной страны. Об этом писал, например, Ч.Г. Макилвэйн. Поясняя эту мысль, он в частности, отмечал: «В Англии, например, эта "связанность" в конечном счете была вызвана требованием о том, что все "статуты" должны приниматься королем в сотрудничестве с лордами и палатой общин. Во Франции у нас есть... отказ парламента Франции и других парламентов королевства регистрировать ордонансы короля» [44, р. 355, 366]. Задолго до гарвардского профессора та же идея – идея связанности королевской власти в Англии законами – была высказана Джоном Фортеस्कью – юристом XV в. Он был убежден, что природа власти короля в его стране обладает особым характером и потому правитель «не может вносить какие-либо изменения в законы королевства без согласия подданных, ни обременять их, против их воли, странными предписаниями» [45, р. 26]. По поводу пределов деятельности коронованных европейских властителей можно долго спорить, бесспорно другое – сам факт существования такой идеи в общественном сознании стран этого континента свидетельствует против упрощенной трактовки взаимодействия между государ-

ством и законодательством. Не стоит вслед за П.А. Кропоткиным сводить его к одному лишь каузативному аспекту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество П.А. Кропоткина отличает ярко выраженное стремление освободить научное мышление не только от религиозных догм, но и от фундаментальных положений, сформированных усилиями нескольких поколений зарубежных и отечественных историков. Но главная цель классика анархизма состояла не в том, чтобы дискредитировать антиковедение, медиэвистику или другие общественные науки, а продемонстрировать осуществимость анархистских идеалов на примере средневековых политико-правовых структур. Уделив особое внимание сельским и городским общинам, обычному и договорному праву – продуктам народных масс, их самоорганизации и саморегуляции, князь-анархист противопоставлял народные творения государству и официальному законодательству, в том числе современному, пытался доказать превосходство первых над вторыми.

Сильной стороной творчества П.А. Кропоткина стало настойчивое желание взглянуть на политико-правовой мир средневековой Европы как бы «снизу», глазами простолюдинов, подчеркивая их тягу к самоорганизации и самоорганизации, акцентируя фрагментированность тогдашнего общества. Споры нет, констатация раздробленного состояния любой европейской страны эпохи раннего Средневековья и господства обычного права в эту эпоху давно уже стала общим местом в медиэвистике. Другое дело, когда данные реалии оказываются в роли таких могущественных величин, которые способны совершенно исключить из политико-правовой жизни средневековой Европы и государство в любой его форме, и законодательство. Хотя подобные представления не получили всеобщего научного признания по причине отсутствия у них должной эмпирической базы, они не представляют собой совокупности давно разоблаченных тезисов, требующих уничижительного изложения. Скорее они представляют собой серию идей, которые, сохраняя дискуссионную форму, до сих пор вынуждают

рассматривать и пересматривать многие вопросы, связанные с государственно-правовой эволюцией средневековой Европы.

Важнейшая особенность доктрины П.А. Кропоткина заключается в том, что она представляет собой целую серию далеко не всегда последовательных теоретических построений. Им были сконструированы тематические комплексы на основе дедуктивных обобщений проблемных областей, которые он формирует, используя вместо индуктивного аксиоматико-дедуктивный метод. Разумеется, его стремление поднять авторитет анархизма как симбиотической доктрины имеет и слабые стороны. Демонстративный отказ от изучения если не всех, то очень многих исторических источников способствовал формированию такой картины государственно-правового развития средневековой Европы, которая перегружена противоречиями, пробелами и предвзятыми схемами. Поэтому подмеченные князем-анархистом такие тенденции политико-правовой эволюции, как альтернативность и дискретность, не получили должного обоснования в его трудах и выглядят концептуальными положениями сугубо умозрительного свойства.

Выявлены и другие изъяны русского классического анархизма, изученного на основе отдельных работ П.А. Кропоткина: априоризм, антиэтатизм и антилегизм, идеализация «общинного быта» и обычного права, избыточный критицизм по отношению к средневековым и постсредневековым государственно-правовым структурам. Сюда мы должны отнести и словесный радикализм, увлечение революционными лозунгами, присущими скорее публицистике, нежели научной классике. От призывов «восстать против всех законов» [1, р. 220], как легко можно догадаться, избавлены труды отечественных и зарубежных медиэвистов. Благодаря им бывшее презрение ко всем государственно-правовым структурам, некогда существовавшим в истории средневековой Европы, постепенно уходит в прошлое. Внимательное их прочтение позволяет по достоинству оценить исторические корни европейской модели государства, избавиться от упрощенных трактовок средневекового государства, его законодательства и одномерных версий взаимоотношений между ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kropotkin P. Paroles d'un révolté / P. Kropotkin. – Paris : C. Marpon et E. Flammarion, 1885. – 342 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/parolesdunrvol00krop> (дата обращения: 03.10.2024).
2. Kropotkin P. The State: Its Historic Role / P. Kropotkin. – London : The Anarchist Library, 1896 [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/al_Petr_Kropotkin_The_State_Its_Historic_Role_a4 (дата обращения: 29.10.2024).
3. Costa J. La Vida del Derecho / J. Costa. – Madrid : Aribau y Ca., 1876. – 240 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ia801208.us.archive.org/33/items/BRes091601/BRes091601.pdf> (дата обращения: 14.09.2024).
4. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика / П.А. Кропоткин. – Петербург ; Москва : Голос труда, 1921. – 349 с.
5. Кропоткин П.А. Хлеб и воля / П.А. Кропоткин. – Лондон : Издание Группы русских коммунистов-анархистов, 1902. – 295 с.
6. Ру Симона. Повседневная жизнь Парижа в Средние века / Симона Ру. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 251 с.
7. Sidonius Apollinaris. Ad V. C. Catullinum / Sidonius Apollinaris // Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. – Berolini, 1887. – P. 230–231 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/gaisoliapollin00ltgoog> (дата обращения: 08.10.2024).
8. Григорий Турский. История франков / Григорий Турский. – Москва : Наука, 1987. – 461 с.
9. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Эйнхард. – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 300 с.
10. Burke P. The fabrication of Louis XIV / P. Burke. – New Haven ; London : Yale University Press, 1994. – 242 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/the-fabrication-of-louis-xiv-peter-burke/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории / П.А. Кропоткин. – Женева : Издание группы Хлеб и Воля, 1904. – 75 с.
12. Sidonius Syagrius suo salutem // Giulia Marolla. Sidonius. Letters Book 5, pt. 1. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://dokumen.pub/qdownload/sidonius-letters-book-5-part-1-text-translation-and-commentary-9781399510790.html> (дата обращения: 08.10.2024).
13. Otto III. Gerd Althoff / Otto III. – Pennsylvania State University, 2003. – 215 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.z-library.sk/book/879520/46b59b/otto-iii.html> (дата обращения: 04.11.2024).
14. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. – Петербург ; Москва : Голос труда, 1920. – 316 с.
15. Rerum Germanicarum. – Hannoverae et Lipsiae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1912. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ottoniseträhewin46otto> (дата обращения: 03.11.2024).
16. Бонаккорсо П. Хроника / П. Бонаккорсо. – Ленинград : Наука, 1972. – 248 с.
17. Jones P. The Italian City-State: From Commune to Signoria / P. Jones. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 712 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.eruditor.one/file/3556950/> (дата обращения: 23.11.2024).
18. Рогачевский А.Л. Меч Роланда: Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. / А.Л. Рогачевский. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 153 с.
19. Келлер О.Б. Из истории городского права, правовых семей, сборников средневековой Германии / О.Б. Келлер // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2015. – № 1 (18). – С. 24–30.

REFERENCES

1. Kropotkin P. Paroles d'un Révolté. Paris, C. Marpon et E. Flammarion Publ., 1885. 342 p. Available at: URL: <https://archive.org/details/parolesdunrvol00krop>.
2. Kropotkin P. The State: Its Historic Role. London, The Anarchist Library, 1896. Available at: https://archive.org/details/al_Petr_Kropotkin_The_State_Its_Historic_Role_a4.
3. Joaquin Costa. La Vida del Derecho. Madrid, Aribau y Ca. Publ., 1876. 240 p. Available at: <https://ia801208.us.archive.org/33/items/BRes091601/BRes091601.pdf>.
4. Kropotkin P.A. Speeches of a Rebel. Petersburg, Moscow, Golos truda Publ., 1921. 349 p.
5. Kropotkin P.A. Bread and Freedom. London, Gruppа russkikh kommunistov-anarhistov Publ., 1902. 295 p.
6. Roux S. Everyday Life in Paris in the Middle Ages. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 251 p.
7. Sidonius Apollinaris. Ad V. C. Catullinum. *Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina*. Berolini, 1887, pp. 230–231. Available at: <https://archive.org/details/gaisoliapollin00ltgoog>.
8. Gregory of Tours. History of the Franks. Moscow, Nauka Publ., 1987. 461 p.
9. Einhard. Life of Charlemagne. Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2005. 300 p.
10. Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven, London, Yale University Press Publ., 1994. 242 p. Available at: <https://archive.org/details/the-fabrication-of-louis-xiv-peter-burke/page/n1/mode/2up>.
11. Kropotkin P.A. The State and its Role in History. Geneva, Hleb i Volya Publ., 1904. 75 p.
12. Sidonius Syagrius suo salutem. *Giulia Marolla. Sidonius*. Edinburgh University Press Publ., 2023. Vol. 5, pt. 1. Available at: <https://dokumen.pub/qdownload/sidonius-letters-book-5-part-1-text-translation-and-commentary-9781399510790.html>.
13. Otto III. Gerd Althoff. Pennsylvania State University Publ., 2003. 215 p. Available at: <https://ru.z-library.sk/book/879520/46b59b/otto-iii.html>.
14. Kropotkin P.A. Modern Science and Anarchy. Petersburg, Moscow, Golos truda Publ., 1920. 316 p.
15. Rerum Germanicarum. Hannoverae et Lipsiae, Impensis Bibliopolii Hahniani Publ., 1912. Available at: <https://archive.org/details/ottoniseträhewin46otto>.
16. Bonaccorso P. Chronicle. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 248 p.
17. Jones P. The Italian City-State: From Commune to Signoria. Oxford, Clarendon Press Publ., 1997. 712 p. Available at: <https://m.eruditor.one/file/3556950/>.
18. Rogachevsky A.L. The Sword of Roland: Legal Views of German Townspeople in the 13th–17th Centuries. Saint Petersburg University Publ., 1996. 153 p.
19. Keller O.B. From the History of Urban Law, Legal Families, and Collections of Medieval Germany. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny = Bulletin of the F. Skoryna Gomel State University*, 2015, no. 1 (18), pp. 24–30. (In Russian).
20. Les Métiers et Corporations de la Ville de Paris. XIIIe siècle. Le Livre des Métiers d'Étienne Boileau. Paris, Imprimerie nationale Publ., 1879. 420 p. Available at: https://vk.com/doc21324181_463479754?hash=Zz1Qjbl39qE3zY0uKuIHVzvhwZyVMJpzURzirKmJxKg.

20. Les métiers et corporations de la ville de Paris. XIIIe siècle. Le livre des métiers d' Étienne Boileau / by Boileau Etienne. – Paris : Imprimerie nationale, 1879. – 420 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/doc21324181_463479754?hash=Zz1Qjbl39qE3zY0uKuIHVzvhwZyVMJpzURzirKmJxKg (дата обращения: 15.10.2024).

21. Tabacco G. The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule / G. Tabacco. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2019. – 353 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/28561903/a64ccc/the-struggle-for-power-in-medieval-italy-structures-of-political-rule.html> (дата обращения: 24.11.2024).

22. Green L. Florence and the republican tradition / L. Green // The New Cambridge Medieval History / ed. by M. Jones. Vol. VI. – Cambridge University Press, 2008. – P. 469–487 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol-6> (дата обращения: 24.11.2024).

23. Греков Б.Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке / Б.Д. Греков // Ученые записки Института истории РАН ИОН. – 1929. – Т. 4. – С. 13–21.

24. Янин В.Л. Новгородские посадники / В.Л. Янин. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Яск, 2003. – 511 с.

25. Hagen K. Die Entstehung der italienischen Stadtkommunen als Problem der Sozialgeschichte / K. Hagen // *Frumittelalterliche Studien*. – 1976. – Vol. 10, iss. 1. – S. 169–211. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.articles.sk/book/80450965/a0461f/die-entstehung-der-italienischen-stadtkommunen-als-problem-der-sozialgeschichte.html> (дата обращения: 21.11.2024).

26. Луццато Д. Экономическая история Италии: Античность и средние века / Д. Луццато ; под ред. С.Д. Сказкина. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1954. – 456 с.

27. Coleman E. The Italian communes. Recent work and current trends / E. Coleman // *Journal of Medieval History*. – 1999. – Vol. 25, № 4. – P. 373–397 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/88393910/The_Italian_communes_Recent_work_and_current_trends (дата обращения: 25.11.2024).

28. Тимонин А.Н. К дискуссии о «договорном» происхождении венецианского государства / А.Н. Тимонин // *Правовое государство: теория и практика*. – 2015. – № 2 (40). – С. 72–76.

29. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State / R.L. Carneiro // *Science*. – 1970. – Vol. 169, № 3947. – P. 733–738 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1126/science.169.3947.733> (дата обращения: 15.11.2024).

30. Elman R Service. A Century of Controversy. Ethnological Issues from 1860 to 1960 / Elman R Service, E.A. Hammel. – Orlando etc. : Academic Press, 1985. – 351 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/2368047/ee2a42/a-century-of-controversy-ethnological-issues-from-1860-to-1960.html> (дата обращения: 15.11.2024).

31. Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. – Москва : Мысль, 1988. – С. 135–407.

32. Кропоткин П.А. Современная наука и анархизм / П.А. Кропоткин. – Москва : И.Д. Иванов, 1906. – 91 с.

33. Constantelos D.J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare / D.J. Constantelos. – New Brunswick, N. J. : Rutgers university press, 1968. – 356 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/3416904/7f526e/byzantine-philanthropy-and-social-welfare.html> (дата обращения: 06.12.2024).

34. Runciman S. Byzantine Civilization / S. Runciman. – London : Methuen, 1966. – 320 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/3254677/8c1ab0/byzantine-civilization.html> (дата обращения: 06.12.2024).

35. Le Goff J. Medieval Civilization 400–1500 / J. Le Goff. – Cambridge, Mass. : Blackwell, 1991. – 448 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/medieval-civilization-400-1500/mode/2up> (дата обращения: 03.12.2024).

21. Tabacco G. The Struggle for Power in Medieval Italy. Structures of Political Rule. Cambridge University Press Publ., 2019. 353 p. Available at: <https://z-library.sk/book/28561903/a64ccc/the-struggle-for-power-in-medieval-italy-structures-of-political-rule.html>.

22. Green L. Florence and the Republican Tradition. In Jones M. (ed.). The New Cambridge Medieval History. Cambridge University Press Publ., 2008. Vol. VI, pp. 469–487. Available at: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol-6>.

23. Grekov B.D. Revolution in Novgorod the Great in the 12th Century. *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION = Scientific Notes of the Institute of History RANION*, 1929, vol. 4, pp. 13–21. (In Russian).

24. Yanin V.L. Novgorod Mayors. 2nd ed. Moscow, Yask Publ., 2003. 511 p.

25. Hagen K. Die Entstehung der italienischen Stadtkommunen als Problem der Sozialgeschichte. *Frumittelalterliche Studien*, 1976, vol. 10, iss. 1, pp. 169–211. Available at: <https://ru.articles.sk/book/80450965/a0461f/die-entstehung-der-italienischen-stadtkommunen-als-problem-der-sozialgeschichte.html>.

26. Luzzatto D.; Skazkin S.D. (ed.). Economic History of Italy: Antiquity and the Middle Ages. Moscow, 1954. 456 p.

27. Coleman E. The Italian Communes. Recent Work and Current Trends. *Journal of Medieval History*, 1999, vol. 25, no. 4, pp. 373–397. Available at: https://www.academia.edu/88393910/The_Italian_communes_Recent_work_and_current_trends.

28. Timonin A.N. To the Discussion of the “Contract” Origin of the Venetian State. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 2 (40), pp. 72–76. (In Russian).

29. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State. *Science*, 1970, vol. 169, no. 3947, pp. 733–738. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1126/science.169.3947.733>.

30. Elman R Service, Hammel E.A. A Century of Controversy. Ethnological Issues from 1860 to 1960. Orlando, Academic Press Publ., 1985. 351 p. Available at: <https://z-library.sk/book/2368047/ee2a42/a-century-of-controversy-ethnological-issues-from-1860-to-1960.html>.

31. Locke J. Two Treatises of Government. In Locke J. Works. Moscow, Mysl' Publ., 1988. Vol. 3, pp. 135–407. (In Russian).

32. Kropotkin P.A. Modern Science and Anarchism. Moscow, I.D. Ivanov Publ., 1906. 91 p.

33. Constantelos D.J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, N. J., Rutgers University Press Publ., 1968. 356 p. Available at: <https://z-library.sk/book/3416904/7f526e/byzantine-philanthropy-and-social-welfare.html>.

34. Runciman S. Byzantine Civilization. London, Methuen Publ., 1966. 320 p. Available at: <https://z-library.sk/book/3254677/8c1ab0/byzantine-civilization.html>.

35. Le Goff J. Medieval Civilization 400–1500. Cambridge, 1991. 448 p. Available at: <https://archive.org/details/medieval-civilization-400-1500/mode/2up>.

36. Legay J.-P. Urban life. In Jones M. (ed.). The New Cambridge Medieval History. Cambridge University Press Publ., 2008. Vol. VI, pp. 102–123. Available at: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol-6>.

36. Legay J.-P. Urban life / J.-P. Legay // The New Cambridge Medieval History / ed. by M. Jones. Vol. VI. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 102–123. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol-6> (дата обращения: 24.11.2024).
37. Хачатурян Н.А. Средневековый город и государство / Н.А. Хачатурян // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А.А. Сванидзе. – Москва : Наука, 1999. – С. 335–340.
38. Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе / А.К. Дживелегов. – Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1902. – 248 с.
39. Post G. Studies in Medieval Legal Thought. Public Law and the State 1100–1322 / G. Post. – Princeton University Press, 1964. – 633 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.singlelogin.re/book/5261203/f8e7f9/studies-in-medieval-legal-thought-public-law-and-the-state-11001322.html> (дата обращения: 11.09.2024).
40. Уваров П.Ю. XII столетие и секрет средневекового Запада: обретение форм / П.Ю. Уваров // Средние века. – 2013. – Вып. 74. – С. 42–59.
41. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State / J.R. Strayer. – Princeton University Press, 1970. – 114 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://people.bu.edu/chamley/HSFref/Strayer70.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).
42. Robert L. Carneiro. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution / ed. by R.C. and Elman R. Service. – Philadelphia : Institute for the Study of Human Issues, 1978. – P. 205–223 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ronald-cohen-elman-r-service-origins-of-the-state-the-anthropology-of-political-evolution-1978> (дата обращения: 16.09.2024).
43. Чиркин В.Е. Сравнительное государственное устройство : учебное пособие / В.Е. Чиркин. – Москва : Норма-Инфра, 2011. – 448 с.
44. McIlwain Ch.H. The Growth of Political Thought in the West. From The Greeks to the End of the Middle Ages / Ch.H. McIlwain. – New York : The Macmillan Company, 1932. – 428 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/details/dli.ernet.13556> (дата обращения: 08.12.2024).
45. Fortescue J. De Laudibus Legum Angliae: A Treatise in Commendation of the Laws of England / J. Fortescue. – Cincinnati : R. Clarke & Co., 1874. – 381 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/delaudibuslegum00clergoog> (дата обращения: 08.12.2024).
37. Khachaturyan N.A. Medieval City and State. In Svanidze A.A. (ed.). City in the Medieval Civilization of Western Europe. Moscow, Nauka Publ., 1999. Vol. 1, pp. 335–340. (In Russian).
38. Dzhivelegov A.K. Medieval Cities in Western Europe. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1902. 248 p.
39. Post G. Studies in Medieval Legal Thought. Public Law and the State 1100–1322. Princeton University Press Publ., 1964. 633 p. Available at: <https://ru.singlelogin.re/book/5261203/f8e7f9/studies-in-medieval-legal-thought-public-law-and-the-state-11001322.html>.
40. Uvarov P. Yu. The 12th Century and the Secret of the Medieval West: Acquisition of Forms. *Srednie veka = Middle Ages*, 2013, iss. 74, pp. 42–59. (In Russian).
41. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton University Press Publ., 1970. 114 p. Available at: <https://people.bu.edu/chamley/HSFref/Strayer70.pdf>.
42. Robert L. Carneiro. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In R.C. and Elman R. Service (ed.). Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Institute for the Study of Human Issues Publ., 1978, pp. 205–223. Available at: <https://archive.org/details/ronald-cohen-elman-r-service-origins-of-the-state-the-anthropology-of-political-evolution-1978>.
43. Chirkin V.E. Comparative Political Science. Moscow, Norma-Infra Publ., 2011. 448 p.
44. McIlwain Ch.H. The Growth of Political Thought in the West. From The Greeks to the End of the Middle Ages. New York, The Macmillan Company Publ., 1932. 428 p. Available at: <https://archive.org/details/dli.ernet.13556>.
45. Fortescue J. De Laudibus Legum Angliae: A Treatise in Commendation of the Laws of England. Cincinnati, R. Clarke & Co. Publ., 1874. 381 p. Available at: <https://archive.org/details/delaudibuslegum00clergoog>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимонин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timonin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 31.01.2025. The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.2
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.20

Original article

НОВИКОВ Валерий Анатольевич
Российский университет транспорта,
Москва, Россия,
e-mail: nva-2007@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0001-5277-2246>

NOVIKOV Valery Anatolyevich
Russian University of Transport,
Moscow, Russia.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

PUBLIC DANGER AND CURRENT ISSUES OF QUALIFICATION OF VIOLATION OF
INVIOABILITY OF HOUSING

Аннотация. Неприкосновенность жилища – важнейшее конституционное право. За нарушение неприкосновенности жилища предусмотрена уголовная ответственность. Преступление относится к числу деяний небольшой тяжести, однако при определенных обстоятельствах может иметь очень высокую степень общественной опасности. В связи с этим актуален вопрос о влиянии различных факторов на степень общественной опасности нарушения неприкосновенности жилища. Цель: на основе анализа уголовного законодательства и современной судебной практики выяснить влияние различных обстоятельств на степень общественной опасности нарушения неприкосновенности жилища; дать толкование основных понятий, используемых в ст. 139 УК РФ; разработать рекомендации по квалификации преступления; сформулировать предложения по изменению действующего законодательства. Методы: диалектический, сравнительно-правовой, логико-юридический, системного толкования, анализа. Результаты: установлено, что цель незаконного проникновения в жилище и некоторые способы его совершения существенно повышают степень общественной опасности деяния; составом преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, охватываются не все возможные виды нарушения неприкосновенности жилища. Пробел предлагается восполнить путем внесения изменений и дополнений в законодательство об административных правонарушениях.

Abstract. The inviolability of housing is the most important constitutional right. Violation of the inviolability of housing entails criminal liability. The crime is classified as a minor offence. However, under certain circumstances, this crime may have a very high degree of public danger. In this regard, the issue of the influence of various factors on the degree of public danger of violating the inviolability of housing is relevant. Purpose: to determine, based on the analysis of criminal legislation and modern judicial practice, the influence of various circumstances on the degree of public danger of violating the inviolability of housing; to interpret the basic concepts used in Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation; to develop recommendations for qualifying the crime; to make proposals for amending the current legislation. Methods: dialectical, comparative legal, logical and legal, systemic interpretation, analysis. Results: the conducted study establishes that the purpose of illegal entry into a home and some of the methods of its commission significantly increase the degree of public danger of the act, and also that the elements of the crime provided for in Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation do not cover all possible types of violation of the inviolability of housing. It is proposed to fill the gap by introducing amendments and additions to the legislation on administrative offences.

Ключевые слова: жилище, проживающее лицо, незаконное проникновение, отказ покинуть жилище, применение насилия, угроза применения насилия

Для цитирования: Новиков В.А. Общественная опасность и актуальные вопросы квалификации нарушения неприкосновенности жилища / В.А. Новиков. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.20 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 187–194.

Keywords: housing, resident, illegal entry, refusal to leave housing, use of violence, threat of use of violence

For citation: Novikov V.A. Public Danger and Current Issues of Qualification of Violation of Inviolability of Housing. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2025, no. 1, pp. 187–194. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.20.

ВВЕДЕНИЕ

Неприкосновенность жилища относится к числу важнейших личных прав каждого человека. Оно закреплено в ст. 25 Конституции РФ, в соответствии с которой жилище неприкосновенно. По общему правилу, входение в жилище осуществляется только с согласия проживающих в нем лиц. Однако на основании судебного решения либо в случаях, предусмотренных федеральными законами, проникновение в жилище допускается и без учета воли проживающих. Предусмотренная в законе возможность беспрепятственного проникновения в жилище обусловлена целями обеспечения государственной и общественной безопасности, борьбы с преступностью и базируется на другой конституционной норме. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, если это необходимо для защиты конституционного строя, здоровья и нравственности, прав и законных интересов других граждан, обеспечения обороны и безопасности государства. В установленном законом порядке проникновение в жилище допускается, например, для производства осмотра, обыска и выемки, исполнения судебного решения, задержания подозреваемого в совершении преступления, ликвидации пожара, последствий коммунально-бытовых аварий и техногенных катастроф, а также в некоторых других случаях.

Влияние цели незаконного проникновения в жилище на общественную опасность деяния

Незаконное проникновение в жилище влечет для виновного лица ответственность

в соответствии со ст. 139 УК РФ. Преступление относится к числу деяний небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ). Даже при наличии особо квалифицирующего признака (ч. 3 ст. 139 УК РФ) наиболее строгое наказание в виде лишения свободы не превышает трех лет. Применение насилия или угрозы его применения для проникновения в жилище, хотя существенно повышает общественную опасность деяния, может повлечь наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет (ч. 2 ст. 139 УК РФ).

Тем не менее не следует недооценивать общественную опасность нарушения неприкосновенности жилища. Нередко оно осуществляется с целью совершения тяжких или особо тяжких насильственных преступлений (убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, похищения человека и др.), является одним из способов совершения тяжких и особо тяжких имущественных преступлений (краж, грабежей и разбоев), что существенно повышает их общественную опасность.

Следует отметить, что в соответствии с законодательством некоторых государств незаконное проникновение в жилище относится к числу весьма опасных преступлений. При этом общественная опасность деяния и, соответственно, наказание за его совершение зависят от цели проникновения. Так, в соответствии со ст. 30.02 УК штата Техас незаконное проникновение в жилище с целью совершения преступления (берглэри) считается фелонией первой степени и наказывается пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок от 5 до 99 лет. В качестве дополнительного наказания может быть назначен штраф в размере до 10 000 долларов. При этом незаконное проникновение в жилище без цели совершения какого-либо другого

преступления квалифицируется как уголовное вторжение (преступное нарушение владения) по ст. 30.05 УК штата Техас и по степени общественной опасности относится к мисдиминуру класса «А», то есть деянию менее опасному, чем фелония, которое наказывается штрафом в размере до 4000 долларов или тюремным заключением на срок до одного года¹.

Из анализа материалов судебной практики по уголовным делам данной категории видно, что степень общественной опасности нарушений неприкосновенности жилища может варьироваться от малозначительного до уровня, характерного для тяжкого преступления. Повышенную общественную опасность деяния обуславливают ряд обстоятельств, в частности цель и некоторые способы незаконного проникновения в жилище, что можно проиллюстрировать следующими примерами из судебной практики.

З. и В., находясь в подъезде жилого дома, стали наносить удары по лицу и телу П., от которых он упал, но затем встал, забежал в свою квартиру и закрыл входную дверь на замок. Злоумышленники выломали входную дверь, совершили незаконное проникновение в жилище, где продолжили избивать потерпевшего. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы П. был причинен тяжкий вред здоровью².

По другому уголовному делу во время судебного разбирательства было установлено, что Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, выбил ногой входную дверь жилого дома и с применением физической силы (грубо оттолкнул хозяйку дома) совершил незаконное проникновение в жилище, где на почве личных неприязненных отношений нанес пять ножевых ранений потерпевшему, от которых потерпевший скончался. Действия обвиняемого квалифицированы судом по ч. 2 ст. 139 и ч. 1 ст. 105 УК РФ³.

В приведенных примерах неприкосновенность жилища нарушалась виновными лицами исключительно с целью совершения более тяжких преступлений против лично-

сти (умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и убийства). Представляется правильным в подобных случаях общественную опасность незаконного проникновения в жилище оценивать во взаимосвязи с общественной опасностью тех преступлений, для совершения которых это проникновение осуществлялось. Как правило, такие действия совершаются открыто, с применением физической силы или угроз, отличаются особой дерзостью, нередко сопровождаются повреждением входных дверей и запорных устройств. Для более эффективной борьбы с нарушениями неприкосновенности жилища, сопряженными с другими преступлениями, целесообразно дополнить ст. 139 УК РФ особо квалифицирующим признаком – «незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица с целью совершения преступления». При этом наказание за данное деяние по своей строгости должно соответствовать категории тяжкого преступления (ч. 4 ст. 15 УК РФ).

Включение данного признака в состав преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, приведет к конкуренции с уголовно-правовыми нормами об ответственности за кражу, грабеж и разбой с проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 162 УК РФ), которая преодолевается, следуя доктринальному правилу о конкуренции части и целого. Как справедливо отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, при данном виде конкуренции приоритетной является норма, которая охватывает все содеянное. Соответственно, правило квалификации таково: при конкуренции части и целого применяется целое [1, с. 110]. В нашем случае правовые нормы об ответственности за кражу, грабеж и разбой более полно охватывают содеянное лицом, а незаконное проникновение в жилище является лишь способом совершения указанных деяний, характеризующим только часть объективной стороны преступления.

Если умысел на совершение хищения чужого имущества возник у лица после незаконного проникновения в жилище, то такие действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 139 УК РФ и статьями Особенной части УК РФ об ответственности за кражу, грабеж или разбой, в зависимости от способа завладения чужим имуществом.

1 Уголовный кодекс штата Техас / пер. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006. С. 71.

2 Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-535/2023.

3 Архив Шолоховского районного суда Ростовской области. Уголовное дело № 1-172/2023.

Так, по приговору суда А. был признан виновным в совершении незаконного проникновения в чужой дом с целью отдыха. Во время нахождения в жилище у него возник умысел на совершение кражи личных вещей. С похищенным имуществом он скрылся и распорядился им по своему усмотрению, причинив потерпевшему значительный материальный ущерб. Действия А. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 139 и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ⁴.

В некоторых случаях незаконное проникновение в жилище с целью, не имеющей низменного содержания, может характеризоваться незначительной степенью общественной опасности, что дает основание для прекращения уголовного преследования вследствие малозначительности деяния. В качестве примера можно привести фабулу уголовного дела, рассмотренного мировым судьей без учета общественной опасности совершенного деяния, что повлекло отмену принятого решения.

Как следует из приговора мирового судьи, П. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ. С целью получения денежного долга она пришла по адресу проживания должника и постучала в дверь квартиры, которую открыла его мать. Не получив разрешения, П. вошла в прихожую, чтобы поговорить с ее сыном о сроке возврата долга, чем нарушила конституционное право на неприкосновенность жилища проживающих в нем лиц. За совершение данного преступления ей было назначено наказание в виде штрафа. Суд второй инстанции оставил приговор без изменения. Кассационный суд, рассмотревший дело по жалобе осужденной, отменил ранее принятые решения и прекратил производство в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, ввиду малозначительности деяния на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ⁵.

Таким образом, вполне определенно можно утверждать, что цель нарушения неприкосновенности жилища хотя и не является обязательным признаком субъективной стороны состава данного преступления, однако существенно влияет на степень общественной опасности деяния.

⁴ Архив Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области. Уголовное дело № 1-231/2017.

⁵ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2023 № 77-1213/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ НЕЗАКОННОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ЖИЛИЩЕ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Другим признаком, существенно повышающим общественную опасность рассматриваемого преступления, является способ его совершения. Частью 2 ст. 139 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное проникновение в жилище с применением насилия или с угрозой его применения. Как правило, насильственные действия совершаются в отношении проживающих лиц, но это могут быть и иные лица, на законных основаниях находящиеся в жилище, а также совершенно посторонние граждане, случайно оказавшиеся рядом с ним (например, соседи или прохожие), которые препятствовали незаконному проникновению.

Составом преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, охватывается физическое и психическое насилие, применяемое для проникновения в жилище. Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»⁶, действия лица могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 139 УК РФ только в тех случаях, когда физическое насилие или угроза применялись в момент вторжения в помещение либо непосредственно после него с целью реализации умысла на незаконное проникновение в жилище. Насильственные действия, не являвшиеся способом незаконного проникновения в жилище, образуют самостоятельный состав преступления против личности.

Так, по одному из уголовных дел в ходе судебного разбирательства было установлено, что А. на почве ревности пришла выяснить отношения с Б. В ходе ссоры она стала оскорблять Б. и толкать ее. Потерпевшая попыталась скрыться в своей квартире, но не успела закрыть дверь. Обвиняемая проследовала за ней и незаконно проникла в жилище, где продолжила наносить побои. Принимая во внимание, что А. уже имела судимость за преступление, совершенное с применением насилия,

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

ее действия квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139 и ч. 2 ст. 116.1 УК РФ⁷.

Наказание, предусмотренное ч. 2 ст. 139 УК РФ, не позволяет учесть все возможные разновидности физического насилия, применяемого правонарушителями для незаконного проникновения в жилище. Данным квалифицирующим признаком охватываются действия, причинившие физическую боль, состоящие в удержании или связывании потерпевшего, выкручивании рук, сдавливании частей тела, нанесении побоев, причинении легкого вреда здоровью. В тех случаях, когда насилие повлекло причинение вреда здоровью средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, требуется дополнительная квалификация по ст. 112 или 111 УК РФ.

За угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью ч. 1 ст. 119 УК РФ в качестве наиболее строгого наказания предусмотрено лишение свободы на срок до двух лет. Поэтому в случаях незаконного проникновения в жилище с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью нет необходимости в дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ, так как санкция ч. 2 ст. 139 УК РФ позволяет при назначении наказания учесть и общественную опасность высказанной угрозы убийством.

Незаконное проникновение в жилище может совершаться групповым способом, например, группой лиц либо группой лиц по предварительному сговору. Такие случаи известны и не раз становились предметом судебного разбирательства. Указанный способ совершения преступления во многих статьях Особенной части УК РФ предусмотрен в качестве квалифицирующего признака, повышающего степень общественной опасности деяния. В ст. 139 УК РФ такого признака нет, но это не значит, что групповой способ проникновения в жилище не должен учитываться. В соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления в составе группы лиц является обстоятельством,отягчающим наказание. Поэтому суд обязан учесть его при назначении наказания, на что неоднократно обращалось внимание в решениях кассаци-

онных судов общей юрисдикции⁸. Нарушения неприкосновенности жилища, совершенные группой лиц, являются довольно распространенными, и данный способ совершения преступления следовало бы предусмотреть в качестве альтернативного квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 139 УК РФ.

В уголовном законодательстве некоторых государств групповой способ незаконного проникновения в жилище предусмотрен в качестве квалифицирующего признака преступления. Так, в соответствии с § 124 Уголовного уложения ФРГ⁹ считается тяжким нарушением неприкосновенности жилища незаконное проникновение, совершенное совместно несколькими соучастниками преступления с целью применения насилия к лицам, находящимся в нем. Это весьма интересное законодательное решение, когда в одном квалифицирующем признаке объединены цель и способ совершения преступления.

Толкование понятий, используемых в статье 139 УК РФ

В ч. 1 ст. 139 УК РФ для характеристики объективной стороны состава преступления законодатель использовал ряд понятий: «жилище», «проникновение в жилище», «незаконное проникновение», «против воли проживающего лица», от точного толкования которых зависит правильное применение данной уголовно-правовой нормы.

В соответствии с примечанием к ст. 139 УК РФ понятием «жилище» охватывается три вида недвижимости: индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями; жилое помещение, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания; иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

⁸ См., например: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.02.2023 № 367/2023 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 № 392/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 135.

⁷ Архив Ашинского городского суда Челябинской области. Уголовное дело № 1-39/2024.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46 отмечает, что не являются жилищем помещения и строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баня, гараж и т. п.), если они не были специально приспособлены или оборудованы для проживания. Из данного разъяснения напрашивается вывод о том, что если сарай, баню, гараж приспособить или оборудовать для проживания, например, спальным местом, то такой объект следует считать жилищем. С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться. В примечании к ст. 139 УК РФ «приспособленность» и «оборудованность» помещения для проживания не указаны в качестве признаков жилища. Речь идет о «предназначенности» строения для временного проживания. По этому критерию, то есть по функциональному назначению, баню, гараж или сарай нельзя отнести к жилищу.

Спорным также является вопрос о том, что следует понимать под проникновением в жилище. Пленум Верховного Суда РФ в п. 12 указанного постановления дает разъяснение, что незаконное проникновение в жилище возможно и без вхождения в него, но с использованием технических средств, позволяющих осуществлять прослушивание или видеонаблюдение за жилищем.

По нашему мнению, контролирование происходящего в жилище с помощью специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, или иных технических средств без физического проникновения человека в жилые помещения не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ. При определенных условиях такие действия можно квалифицировать по ст. 137 УК РФ как нарушение неприкосновенности частной жизни в форме незаконного собирания сведений, составляющих личную или семейную тайну гражданина.

Здесь же уместно отметить, что аналогичные правовые нормы в законодательстве других государств предусматривают уголовную ответственность исключительно за физическое проникновение виновного лица в жилище. Например, в соответствии со ст. 405 Закона об уголовном праве Израиля ответственность дифференцируется в зависимо-

сти от способа проникновения. Различают два способа: вхождение и вторжение. «Тот, кто вводит в здание часть своего тела либо часть приспособления, которое он использует, считается вошедшим». Вторжением считается более опасный способ проникновения – путем взлома, выбивания двери или окна и т. п.¹⁰

Как уже отмечалось, незаконным является проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, за исключением случаев, предусмотренных ст. 25 Конституции РФ. В соответствии с действующим жилищным законодательством к проживающим лицам относятся: собственники жилых помещений, арендаторы, наниматели, поднаниматели, временные жильцы и др. В связи с этим следует отметить, что собственник, передавший жилище в аренду или внаем, утрачивает на весь период действия договора право пользования жилым помещением. Проникновение в жилище, не согласованное с арендатором или нанимателем, будет считаться незаконным и влечь ответственность в соответствии со ст. 139 УК РФ¹¹. Поэтому в договоре аренды или найма собственнику следует предусмотреть право на посещение жилого помещения, например, с целью контроля его состояния, проверки сохранности имущества, для устранения неисправностей в инженерных коммуникациях и т. п.

Для характеристики незаконности проникновения в жилище в ч. 1 ст. 139 УК РФ используется не очень удачное словосочетание «против воли проживающего в нем лица». По своему значению оно в большей мере подходит для случаев открытого вторжения в жилище, когда в нем находятся проживающие лица. Если проникновение совершено в отсутствие жильцов, то его лучше определять как тайное и, соответственно, в ч. 1 ст. 139 УК РФ диспозицию правовой нормы изложить в следующей редакции: «незаконное проникновение в жилище, совершенное тайно или против воли проживающего в нем лица».

10 Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита М. Дорфмана; науч. ред. Н.И. Мацнев. СПб., 2005. С. 375.

11 В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовное преследование правонарушителя за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, осуществляется в частно-публичном порядке, то есть не иначе как по заявлению потерпевшего.

Как правило, в доме или квартире проживают не один, а несколько человек. Чаще всего это члены одной семьи. В связи с этим возникает вопрос: для проникновения в жилище требуется получить разрешение у всех проживающих или достаточно ограничиться согласием одного из них? Действующее законодательство не дает однозначного ответа на него. В ч. 1 ст. 139 УК РФ сказано о незаконном проникновении в жилище против воли проживающего в нем лица. Напротив, в ст. 25 Конституции РФ закреплена правовая норма, в соответствии с которой никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц.

Представляется правильным конституционную норму о неприкосновенности жилища толковать ограничительно. Это означает, что гражданин, получив разрешение одного из проживающих лиц, правомерно входит в жилище, даже в тех случаях, когда другие жильцы возражают или отсутствуют в данный момент.

В некоторых научных публикациях можно встретить иную точку зрения. Так, О.В. Ермакова полагает, что если хотя бы одно проживающее в жилище лицо возражает против проникновения, а виновный игнорирует данное обстоятельство, то такое деяние можно квалифицировать по ст. 139 УК РФ [2, с. 73].

Если следовать логике рассуждений О.В. Ермаковой, то, получив от одного из проживающих приглашение зайти в жилище, визитер должен заручиться согласием всех зарегистрированных в нем лиц, даже тех, которые в это время по каким-либо причинам отсутствуют, например, находятся на работе, в отпуске или командировке. В противном случае вход в жилище будет незаконным. С предлагаемой трактовкой понятия «незаконное проникновение в жилище» нельзя согласиться, а уж тем более использовать ее в качестве квалификационного правила.

ПРОБЕЛ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЕГО УСТРАНЕНИЕ

Статья 139 УК РФ называется «Нарушение неприкосновенности жилища», что не совсем точно отражает содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного в ней. Уголовную ответственность влечет толь-

ко незаконное проникновение в жилище. Иные нарушения неприкосновенности жилища не образуют состава данного преступления. К примеру, случаи, когда лицо на законных основаниях оказывается в жилище, однако отказывается его покинуть по требованию проживающего лица.

В уголовном законодательстве ФРГ, Швейцарской Конфедерации, Республики Болгария и некоторых других государств предусмотрена ответственность за подобные действия. Так, в соответствии с § 123 Уголовного уложения ФРГ ответственность наступает не только за незаконное проникновение в жилое помещение, но и за то, что лицо не выполняет настоятельную просьбу законного владельца покинуть данное помещение.

Преступление совершается путем бездействия, и очевидно, что оно характеризуется меньшей степенью общественной опасности, чем незаконное проникновение в жилище. В Российской Федерации указанные действия не влекут ответственности. Это очевидный пробел в законодательстве, который должен быть восполнен как минимум путем установления административной ответственности за отказ покинуть жилище по требованию проживающего лица.

В научной литературе соответствующие предложения были сформулированы некоторыми авторами. Так, А.С. Курманов предлагает дополнить КоАП РФ статьей 5.58 «Нарушение неприкосновенности жилища» в следующей редакции: «Незаконный отказ покинуть жилище по требованию проживающего лица» [3, с. 278]. Под незаконным бездействием понимается любой отказ или игнорирование требования освободить или немедленно покинуть жилище. Исключение должны составлять случаи, когда лицо находится в жилище на основании закона или по решению суда, например, следователь, производящий в жилище обыск, выемку, осмотр либо иные процессуальные действия, судебный пристав, осуществляющий исполнительные действия, и т. п.

В связи с этим соответствующую статью КоАП РФ лучше назвать «Незаконное пребывание в жилище». Это название точнее отражает смысл запрета, а диспозицию правовой нормы изложить в следующей редакции: «Отказ покинуть жилище по требова-

нию проживающего в нем лица, за исключением случаев, когда проникновение и нахождение в жилище предусмотрено федеральным законом или совершено на основании судебного решения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На степень общественной опасности нарушения неприкосновенности жилища влияют субъективные и объективные признаки, в первую очередь цель незаконного проникновения, а также групповой и насильственный способы его совершения. Незаконное проникновение в жилище с целью совершения другого преступления обуславливает самую высо-

кую общественную опасность деяния. В связи с этим предлагается дополнить ст. 139 УК РФ новыми квалифицирующим и особо квалифицирующим признаками.

Исследование также показало, что ст. 139 УК РФ в действующей редакции предусматривает ответственность только за один из видов нарушения неприкосновенности жилища – незаконное проникновение. В то же время за другие, менее общественно опасные виды нарушения неприкосновенности жилища никакой ответственности нет. Это очевидный пробел в законе, который должен быть устранен путем внесения изменений и дополнений в законодательство об административных правонарушениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права : монография / Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва : Щит-М, 1999. – 288 с.
2. Ермакова О.В. Конструкция состава нарушения неприкосновенности жилища: недостатки законодательной модели / О.В. Ермакова // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 3 (31). – С. 72–75.
3. Курманов А.С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.С. Курманов. – Екатеринбург, 2011. – 457 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новиков Валерий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Novikov Valery Anatolyevich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement Activity, Law Institute.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 24.02.2025. The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 24.02.2025.

REFERENCES

1. Inogamova-Khegay L.V. Competition of Criminal Law Norms. Moscow, Shchit-M Publ., 1999. 288 p.
2. Ermakova O.V. Legislative Structure of the Violation of Inviolability of Housing: Disadvantages of the Legislative Model. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*, 2020, no. 3 (31), pp. 72–75. (In Russian).
3. Kurmanov A.S. The State and Prospects for the Development of Criminal Legislation in Russia on the Protection of Constitutional Human Rights and Freedoms: A Comparative Theoretical and Legal Study. *Doct. Diss.* Yekaterinburg, 2011. 457 p.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.21

Original article

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич
Пятый кассационный суд общей юрисдикции,
Пятигорск, Россия,
e-mail: spirid0n0v.ms@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-2715-8912>

SPIRIDONOV Mikhail Sergeevich
Fifth General Court of Cassation,
Pyatigorsk, Russia.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

PROCEDURAL LIABILITY IN CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: INTEGRATION PROSPECTS

Аннотация. Институт процессуальной ответственности как одно из средств правовой охраны норм процессуального права в той или иной степени оформился практически в каждой процессуальной отрасли права. При этом отраслевые виды процессуальной ответственности обладают как индивидуальными чертами, характерными для конкретной отрасли права, так и общими, присущими данному правовому явлению в целом. Основное внимание исследователей процессуальной ответственности направлено именно на проблемные вопросы внутри отдельных процессуальных отраслей. В то же время процессуальная ответственность представляет особый интерес и с точки зрения межотраслевого исследования, поскольку такой подход на основе выявленных отраслевых закономерностей существования данного правового института позволяет выработать его общие базовые принципы и стандарты, унифицировать понятийный аппарат, разработать меры по совершенствованию законодательства и судебной практики. Этим обусловлена актуальность темы настоящего исследования. Цель: сравнительный межотраслевой анализ института процессуальной ответственности с позиций доктринального и правоприменительного подходов. Методологическую основу исследования составляет единство всеобщего, общенаучных и специально-юридических методов, в том числе абстрактно-логического, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального. Результаты: выявлены общие подходы к определению понятия и содержания процессуальной ответственности в таких отраслях права, как уголовный и административный процесс. На основе анализа законодательства, правовых позиций Пленума Верховного

Abstract. The institution of procedural liability as a means of protecting procedural law has been formed to some extent in almost every procedural branch of law. At the same time, branch types of procedural liability have both individual features characteristic of a particular branch of law and general features inherent in this legal phenomenon as a whole. The main attention of researchers of procedural liability is directed precisely at problematic issues within individual procedural branches. At the same time, procedural liability is of special interest from the point of view of interbranch research, because such an approach on the basis of the revealed branch regularities of existence of this legal institution allows to develop its general basic principles and standards, to unify the conceptual apparatus, to develop measures to improve the legislation and judicial practice. This determines the relevance of this study. Purpose: to carry out a comparative interbranch analysis of the institution of procedural liability from the positions of doctrinal and law enforcement approaches. Methods: the methodological basis of the study is the unity of universal, general scientific and special-legal methods of legal science, including abstract-logical, comparative-legal, formal-legal, structural-functional. Results: the article reveals general approaches to the definition of the concept and content of procedural liability in such branches of law as criminal procedure and administrative procedure. Based on the analysis of legislation, legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and examples of judicial practice, the article

Суда РФ и примеров судебной практики обосновано положение о том, что сложились достаточные предпосылки для сближения и унификации института процессуальной ответственности в уголовном и административном судопроизводстве. На основании того, что в уголовном и административном процессах вопрос о конкуренции между процессуальной и материальными видами ответственности решается схожим образом, сделан вывод о необходимости разработки проблем такого значения именно на межотраслевом уровне.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, меры процессуального принуждения, отрасли процессуального права, процессуальное правонарушение, основания ответственности, меры ответственности, процессуальные санкции, конкуренция ответственности, уголовное судопроизводство, административное судопроизводство

Для цитирования: Спиридонов М.С. Процессуальная ответственность в уголовном и административном судопроизводстве: перспективы интеграции / М.С. Спиридонов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 195–204.

substantiates the position that there are sufficient prerequisites for convergence and unification of the institution of procedural liability in criminal and administrative proceedings. On the basis of the fact that in criminal and administrative proceedings the issue of competition between procedural and substantive types of liability is solved in a similar way, the article concludes that it is necessary to develop problems of such significance precisely at the interbranch level.

Keywords: procedural liability, measures of procedural coercion, branches of procedural law, procedural offence, grounds of liability, measures of liability, procedural sanctions, competition of liability, criminal proceedings, administrative proceedings

For citation: Spiridonov M.S. Procedural Liability in Criminal and Administrative Proceedings: Integration Prospects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 195–204. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.21.

ВВЕДЕНИЕ

Разработку теории юридической ответственности можно отнести к одной из самых сложных проблем правовой науки. Ее современное состояние, по меткому выражению Г.А. Бученкова, можно охарактеризовать как «непродуктивный плюрализм мнений» [1, с. 106]. Эта характеристика вполне применима и к научному исследованию такой разновидности юридической ответственности, как процессуальная ответственность.

Одним из факторов крайней разобщенности научных подходов к изучению процессуальной ответственности является отсутствие единого процессуального или судебного права, в силу чего направления исследований в основной своей массе сосредоточены на разработке проблем ответственности внутри отдельных процессуальных отраслей, без выхода в смежные процессуальные отрасли. В качестве положительного примера межотраслевого подхода можно указать работу Г.Н. Ветровой [2]. Между тем актуальных исследований процессуальной ответственности аналогич-

ного масштаба и значения нет. В то же время, как убедительно показала А.Р. Шарипова [3, с. 19–20], межотраслевая компаративистика как метод исследования имеет важные преимущества в решении научных задач.

В целях восполнения указанного пробела представляется возможным на примере уголовного и административного процессов проследить доктринальные, законодательные и правоприменительные подходы к понятию и содержанию процессуальной ответственности, сопоставить их и найти точки соприкосновения, которые могли бы стать исходными пунктами для межотраслевой интеграции. Указанные виды процесса, в силу публично-правового характера отношений, в связи с которыми они реализуются, можно назвать, в терминологии С.С. Алексеева, «зонами интенсивного юридического регулирования» [4, с. 215]. Это дает основания для предположения, что указанная особенность данных процессуальных отраслей отражается и на характеристике процессуальной ответственности. Проверка этой гипотезы обусловила выбор названных отраслей процесса для целей настоящего исследования.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Исходным для всех исследователей уголовно-процессуальной ответственности, если опустить вопрос о ее позитивном аспекте (или, иначе, добровольной форме реализации ответственности), является утверждение, что она по своему содержанию не поглощается мерами уголовно-процессуального принуждения, поскольку как минимум цели их применения различны: принуждение – для пресечения нарушений закона и обеспечения условий реализации задач процесса; ответственность – для реализации санкции за нарушение закона. Также находит общее одобрение мысль о том, что ответственность за нарушения участниками процесса требований уголовно-процессуального закона регулируется в первую очередь внутриотраслевыми нормами, поскольку изначально эти нарушения несут опасность именно для процессуальных правоотношений, именно им причиняют вред, и лишь потом она регулируется нормами других отраслей права, если опасность такого состоявшегося нарушения выходит за пределы уголовного процесса и вред причиняется и другим общественным отношениям [3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Наиболее распространенным при этом является подход к пониманию уголовно-процессуальной ответственности как негативной реакции государства на нарушение требований уголовно-процессуального закона (процессуальное правонарушение), которое влечет неблагоприятные последствия для правонарушителя (реализация санкции), или как обязанности правонарушителя в сфере уголовного судопроизводства претерпеть неблагоприятные последствия в виде осуждения и правоограничений личного или имущественного характера.

Важно отметить, что концепция уголовно-процессуальной ответственности с момента ее возникновения и до настоящего времени существует в условиях отсутствия в УПК РФ соответствующего понятия и содержания этого правового института. При этом невозможно говорить, что это сугубо абстрактная теория. Напротив, она является результатом глубокого осмысления реально существующих правовых явлений.

Стоит отметить, что большое влияние на доктринальный подход к вопросу о выделении административно-процессуальной ответственности в самостоятельный вид оказало принятие в 2015 г. КАС РФ. В предшествующий период превалярующим был подход об отсутствии для этого оснований [16; 17; 18]. Эта точка зрения, как в силу научного авторитета ее авторов, так и в силу убедительности приводимых ими аргументов, основанных на толковании положений КоАП РФ, находила сторонников даже после принятия КАС РФ [19]. Следует чуть подробнее остановиться на этих аргументах.

Так, критика П.П. Серковым процессуальной ответственности обращена к такому ее фактическому основанию, как нарушение порядка в судебном заседании. Автор справедливо отмечает тождество характера противоправных действий, нарушающих порядок судебного заседания, применительно к каждому виду судопроизводства (уголовного, гражданского, административного), поскольку в любой процессуальной отрасли есть нормы, регулирующие отношения, связанные с обеспечением правопорядка в судебном заседании. При этом указанное тождество он связывает не с единством юрисдикционного процесса, в основе которого некоторые авторы видят общность предмета правового регулирования – деятельности по отправлению правосудия [20, с. 24–31], и необходимостью одинаково регулировать схожие правоотношения в разных процессуальных отраслях, а с административной противоправностью любого нарушения порядка в судебном заседании, поскольку объектом такого посягательства являются интересы правосудия. Схожую аргументацию приводит и М.К. Треушников, считая, что состав правонарушения, выражающегося в нарушении порядка в судебном заседании, предусмотрен ст. 17.3 КоАП РФ и охватывает все формы судопроизводства.

Приведенная позиция не является безупречной, что, по-видимому, признают и сами ее авторы, так как объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.3 КоАП РФ, является установленный порядок деятельности судов, а не порядок в судебном заседании по конкретному делу любой формы судопроизводства. Кроме того, рассмотрение процессуальной ответственности только

на примере одного состава правонарушения вряд ли позволяет говорить об объективности полученных выводов. При этом за весь период действия гл. 17 КоАП РФ так и не стала юридическим основанием ответственности за правонарушения, посягающие на нормы процессуальных отраслей права, что отчетливо прослеживается в судебной практике, в частности по применению денежного взыскания, о чем подробно говорится в недавней публикации Н.С. Каштановой [21].

В стремлении преодолеть обозначенную проблему ряд авторов, основываясь на анализе положений гл. 11 КАС РФ, убедительно обосновали, что одной из форм реализации административно-процессуального принуждения является административно-процессуальная ответственность, в качестве мер которой применяются: ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова, предупреждение и удаление из зала судебного заседания, судебный штраф [22; 23; 24]. Если обратиться к определению административно-процессуальной ответственности, которое разделяют указанные авторы, то оно совпадает с ранее приведенным определением уголовно-процессуальной ответственности. Общим является также вывод о том, что цель применения данной меры государственного принуждения – восстановление нормального хода судебного процесса и устранение каких-либо помех, возможностей влияния на суд и участников процесса. В административном процессе выделяются такие признаки процессуальной ответственности, как наличие субъекта, вовлеченного в административное судопроизводство, который за свои противоправные действия обязан претерпеть неблагоприятные последствия, то есть подвергнуться осуждению и предусмотренным нормами КАС РФ правоограничениям личного или имущественного характера.

Как видно, подход к пониманию процессуальной ответственности в административно-процессуальном праве не имеет каких-либо отраслевых особенностей в сравнении с уголовным процессом. В его основе лежит утверждение, что процессуальные нормы сами нуждаются в правовой охране. При этом отсутствие в КАС РФ, впрочем, как и в дру-

гих процессуальных кодексах, определения процессуальной ответственности не стало препятствием для развития теории административно-процессуальной ответственности. Напротив, можно уверенно говорить, что само принятие данного Кодекса стало сильным аргументом для сторонников этой концепции, и тем самым позиции двух отраслей процессуального права сблизились.

Анализ научных публикаций показывает, что в уголовном и административном процессе выделяют следующие признаки процессуальной ответственности:

- ее фактическим основанием выступает нарушение норм процессуального закона, но лишь такое, которое препятствует нормальному ходу процесса и отправлению правосудия;
- юридическим основанием процессуальной ответственности выступают только нормы процессуального права;
- применение мер процессуальной ответственности относится к компетенции суда;
- среди процессуальных санкций более чем денежное взыскание распространены восстановительные и ограничительные санкции.

Безусловно, есть и расхождения по некоторым вопросам. Например, о возможности применения денежного взыскания к лицу, в отношении которого ведется производство по делу (к обвиняемому), включении в число субъектов процессуальной ответственности должностных лиц, осуществляющих производство по делу. Несмотря на это, есть все основания говорить о предпосылках формирования единой теоретической концепции процессуальной ответственности в уголовном и административном процессе.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Уверенность в правильности утверждения о складывающейся единой межотраслевой концепции процессуальной ответственности подкрепляется анализом правоприменительного понимания этого правового явления, которое содержится, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел»¹. Согласно это-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

му постановлению действия (бездействие), выразившиеся в неисполнении связанного с рассмотрением и разрешением конкретного административного дела законного распоряжения судьи о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, влекут ответственность по специальным нормам гл. 11 КАС РФ. Оговорки здесь нет, и речь идет именно о процессуальной ответственности, поскольку далее, в п. 7, приводятся примеры конкретных составов процессуальных правонарушений:

- выступление участника судебного разбирательства по вопросам, не имеющим отношения к судебному разбирательству, то есть не связанным с административным делом в целом либо с отдельным рассматриваемым судом заявлением (ходатайством) по данному делу, влечет ограничение выступления такого участника;

- нарушение последовательности выступлений, двукратное неисполнение требований председательствующего, допущение грубых выражений или оскорбительных высказываний либо призывы к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом, влекут лишение слова;

- неисполнение участником судебного разбирательства требований председательствующего, использование им в ходе судебного заседания грубых выражений или оскорбительных высказываний либо призывы к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом, совершенные в период, когда ему не было предоставлено слово для выступления, влекут объявление предупреждения, удаление из зала судебного заседания.

Помимо приведенных выше довольно очевидных составов процессуальных правонарушений, посягающих на установленный порядок в судебном заседании, в судебной практике по административным делам можно встретить, например, неисполнение обязанности представить истребуемое судом доказательство, что влечет наложение судебного штрафа².

В уголовном процессе нарушение порядка в судебном заседании также влечет именно процессуальную ответственность. На это

Пленум Верховного Суда РФ указывает в п. 3 постановления от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»: «председательствующий... разъясняет ответственность за нарушение порядка в судебном заседании, предусмотренную статьей 258 УПК РФ»³. Как видно, и здесь использован именно термин «ответственность». То есть подход высшей судебной инстанции един: нарушение порядка в судебном заседании и в уголовном, и в административном процессе влечет ответственность, которая предусмотрена непосредственно процессуальным законом, а потому носит внутриотраслевой характер. Разница лишь в том, что КАС РФ, в сравнении с УПК РФ, более подробно закрепляет составы таких нарушений, что, соответственно, и позволило Пленуму Верховного Суда РФ развернуто разъяснить применение этих правовых норм.

Как и в административном процессе, нарушение порядка в судебном заседании не является единственным основанием применения процессуальной ответственности. Так, анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»⁴ позволяет увидеть следующие составы уголовно-процессуальных правонарушений (в широком значении):

- нарушение обвиняемым порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава, в зависимости от характера нарушений, влечет предупреждение о недопустимости такого поведения либо удаление из зала заседания на определенный период (абз. 2 п. 8);

- нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту влечет признание полученных доказательств недопустимыми, либо возврат уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, либо изменение или отмену судебного решения, либо вынесение частного определения (постановления) в адрес органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда (абз. 1 п. 18);

² Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.05.2024 № 66а-1186/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

– явно недобросовестное использование обвиняемым и защитником своих правомочий в ущерб интересам других участников процесса влечет отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника (абз. 2 п. 18).

Последний из указанных составов – это злоупотребление правом. Наличие уголовно-процессуальной ответственности за злоупотребление правом следует также из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в ряде определений⁵.

Некоторые из вышеуказанных составов и мер процессуальной ответственности во многом специфичны для каждого из рассматриваемых видов судопроизводства. Однако можно встретить примеры, когда в уголовном и административном процессе суды одинаково видят меры процессуальной ответственности. Так, взыскание с осужденного процессуальных издержек судебная практика относит именно к мерам процессуальной ответственности⁶, а применительно к административному процессу – взыскание с административного ответчика судебных расходов⁷. Обоснованность столь широкого подхода к пониманию содержания процессуальной ответственности вы-

зывает сомнения, поскольку в данном случае неясно, что выступает фактическим основанием привлечения к процессуальной ответственности. Если в административном процессе положения ч. 1 ст. 111 КАС РФ еще как-то позволяют говорить о том, что состоявшееся в пользу одной из сторон решение суда (иными словами, проигрыш дела) выступает фактическим основанием для возложения на эту сторону судебных расходов, понесенных другой стороной (что, как видно из приведенного выше примера, воспринимается судами как мера процессуальной ответственности), то в уголовном процессе аналогичных правовых норм нет. В такой ситуации невозможно говорить о том, что обвиняемый, в отношении которого постановлен обвинительный приговор, в силу чего он стал осужденным, совершил какое-то процессуальное правонарушение (в данном случае – проиграл дело).

Именно этот пример наглядно демонстрирует отрицательные последствия, вызванные отсутствием в законодательстве и в правоприменении, в первую очередь на уровне Пленума Верховного Суда РФ, единого определения процессуальной ответственности, а также ее содержания и порядка реализации, включая четко обозначенные меры ответственности.

Как можно заметить, в административном процессе регулирование процессуальной ответственности носит более конкретный и системный характер по сравнению с уголовным судопроизводством, поскольку составы процессуальных нарушений и предусмотренные за них процессуальные санкции непосредственно в тексте закона сформулированы четко. Важно и то, что сам принцип ответственности закреплен в ч. 7 ст. 45 КАС РФ: «недобросовестное заявление неосновательного административного иска, противодействие, в том числе систематическое, лиц, участвующих в деле, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела, а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах влечет за собой наступление для этих лиц последствий, предусмотренных настоящим Кодексом». Между тем понятие «злоупотребление процессуальными правами» не только отсутствует в тексте УПК РФ, но и в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 оно «замаскировано»

5 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Никитенко Алексея Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 258 и пунктом 3 части пятой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 106-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 256 и 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 № 795-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Таирова Эльдара Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 16 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой и частью третьей статьи 389.12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2281-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2019 № 66-АПУ19-20 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 16.12.2022 № 66а-2190/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

под термин «явно недобросовестное использование правомочий».

Таким образом, сферы законодательного регулирования и судебного правоприменения дают плодотворную почву для взаимного сближения и унификации института процессуальной ответственности в уголовном и административном судопроизводстве.

КОНКУРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Тождественные правоотношения должны регулироваться единообразно. Никто из процессуалистов не спорит, что институт отводов в любом виде судопроизводства построен на единых началах. Институт тайны совещания судей тоже един для всех видов процесса. В этом смысле процессуальная ответственность как межотраслевой правовой институт должна базироваться на единых принципах, едином механизме реализации. Наглядно это суждение можно проследить на примере того, как в уголовном и административном судопроизводстве решается вопрос о конкуренции процессуальной ответственности за нарушение порядка в судебном заседании с другими видами ответственности, в частности уголовной и дисциплинарной.

Так, если противоправность действий лица, которыми нарушен порядок в судебном заседании, выходит за чисто процессуальные рамки, например, в случае оскорбления участников процесса или судьи, то, помимо привлечения к процессуальной ответственности посредством применения санкции в виде удаления из зала судебного заседания, правонарушитель может быть привлечен и к уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ. Примеры из судебной практики показывают, что в этом случае уголовная и уголовно-процессуальная ответственность действуют параллельно, не исключая друг друга:

– подсудимые И.Е. и И.Н. в связи с высказыванием в адрес председательствующего судьи угроз и оскорблений были удалены из зала судебного заседания до судебных прений, а впоследствии за эти же действия привлечены к уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ⁸;

– подсудимый Д. за оскорбление судьи был удален из зала судебного заседания до окончания прений сторон, а после провозглашения приговора в отношении Д. возбудили уголовное дело по ч. 2 ст. 297 УК РФ⁹.

Аналогично в судебной практике решается и вопрос о конкуренции между уголовно-процессуальной и дисциплинарной ответственностью. Так, гражданин Г., находясь под стражей в следственном изоляторе, принимал участие в судебном заседании по уголовному делу посредством видео-конференц-связи. В ходе заседания он начал выражаться нецензурно в адрес судьи. На замечания сотрудников следственного изолятора не реагировал. В результате его участие в заседании было прекращено. Помимо этого, администрация следственного изолятора применила к Г. меру дисциплинарного взыскания в виде водворения в карцер, а органы предварительного расследования возбудили уголовное дело по ст. 297 УК РФ. Г. обжаловал применение к нему дисциплинарного взыскания в административном порядке. Суды первой и апелляционной инстанции в иске отказали. Суд кассационной инстанции жалобу Г. удовлетворил и отменил решения нижестоящих инстанций. Как указал суд кассационной инстанции, действия, за которые Г. был водворен в карцер, имели объектом посягательства не порядок и условия содержания под стражей, а установленный порядок в судебном заседании, соответственно, вопрос о применении в отношении него мер воздействия подлежал разрешению судьей в рамках ст. 258 УПК РФ. Однако с этим решением не согласилась Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, которая отменила определение кассационной инстанции и указала, что привлечение к дисциплинарной ответственности лиц, подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, преследует отличную от иных видов ответственности цель: обеспечение установленного законом режима в местах содержания под стражей, следовательно, конституционный принцип «нет двойного наказания за одно и

⁸ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 № 77-2738/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2024 № 77-1949/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

то же правонарушение» не может безусловно распространяться на законодательство о привлечении названных лиц к дисциплинарной ответственности¹⁰. В приведенном примере суд основал свои выводы на том, что привлечение лица к дисциплинарной ответственности имеет отличные от других видов ответственности (в том числе процессуальной) объекты охраны и цели, поскольку направлено на ухудшение условий его содержания в соответствии с режимом исправительного учреждения.

В другом административном деле по аналогичному иску суд кассационной инстанции, соглашаясь с решениями нижестоящих судов, отказавших в иске, указал, что действия, за которые административный истец был водворен в карцер, имели объектом посягательства не только установленный в судебном заседании порядок, но также порядок и условия содержания под стражей, а потому он правомерно привлечен к дисциплинарной ответственности¹¹.

В том случае, когда административный истец, участвуя в административном судопроизводстве посредством видео-конференц-связи из следственного изолятора или исправительного учреждения, допускает грубое нарушение порядка в судебном заседании, к нему в первую очередь применяются меры процессуальной ответственности. Например, административный истец К., участвовавший в судебном заседании суда кассационной инстанции по административному делу путем использования системы видео-конференц-связи, заявляя отвод составу судебной коллегии, грубо нарушал порядок в судебном заседании, допускал оскорбительные реплики в отношении судебной коллегии, в том числе после объявления замечания, в связи с чем был удален из зала заседания

на все время судебного заседания¹². В другом деле в связи с грубым нарушением административным истцом порядка в судебном заседании суда апелляционной инстанции он был отключен от видео-конференц-связи на все время судебного заседания¹³.

То есть факт привлечения лица к процессуальной ответственности не препятствует дальнейшему привлечению его к дисциплинарной ответственности, если будут установлены признаки дисциплинарного правонарушения, либо к уголовной ответственности – при наличии признаков состава преступления.

Вопрос об ответственности лиц, участвующих в судебном заседании посредством видео-конференц-связи из исправительного учреждения или следственного изолятора, не является единственным, по которому уголовная и административная судебная практика придерживаются схожих позиций. Поскольку он носит межотраслевой характер, то, как и многие другие вопросы процессуальной ответственности, его невозможно решить в рамках только административного или только уголовного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что вынесенная в заглавие статьи проблема перспектив интеграции процессуальной ответственности в уголовном и административном процессе может и должна решаться положительно. Для этого есть как предпосылки в сфере сущего – законодательное закрепление в КАС РФ принципа процессуальной ответственности сторон и наличие достаточно проработанной системы процессуальных составов и санкций, так и предпосылки в сфере должного – теоретические наработки в области процессуальной ответственности в общей теории права и науке уголовного процесса.

10 Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 02.03.2022 № 51-КАД21-12-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 № 88А-18864/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2023 № 88А-18137/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 Апелляционное определение Иркутского областного суда от 26.05.2022 № 33а-4148/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бученков Г.А. Юридическая ответственность государства (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г.А. Бученков. – Москва, 2021. – 184 с.
2. Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве / Г.Н. Ветрова. – Москва, 1991. – 160 с.
3. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А.Р. Шарипова. – Нижний Новгород, 2022. – 62 с.
4. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Москва, 1995. – 320 с.
5. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Чуклова. – Краснодар, 2009. – 28 с.
6. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград, 1976. – 143 с.
7. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 137 с.
8. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики) / З.З. Зинатуллин. – Казань, 1981. – 136 с.
9. Кудин Ф.М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф.М. Кудин. – Свердловск, 1987. – 442 с.
10. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига. – Воронеж, 1984. – 191 с.
11. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г.Н. Ветрова. – Москва, 1987. – 111 с.
12. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1994. – 395 с.
13. Тарасов А.А. Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Тарасов. – Самара, 2001. – 417 с.
14. Тарасов А.В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Тарасов. – Волгоград, 2004. – 204 с.
15. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.С. Вепрев. – Челябинск, 2006. – 265 с.
16. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография / П.П. Серков. – Москва, 2012. – 480 с.
17. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Д.Г. Нохрин. – Москва, 2006. – 30 с.
18. Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2007. – 784 с.
19. Макарейко Н.В. Мониторинг административно-процессуальной ответственности / Н.В. Макарейко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. – 2019. – № 1. – С. 138–142.

REFERENCES

1. Buchenkov G.A. Legal Liability of the State (Theoretical and Legal Aspect). *Cand. Diss.* Moscow, 2021. 184 p.
2. Vetrova G.N. Sanctions in Judicial Law. Moscow, 1991. 160 p.
3. Sharipova A.R. Conceptual Foundations of Interbranch Convergence in Judicial Proceedings in Criminal Cases. *Doct. Diss. Thesis.* Nizhny Novgorod, 2022. 62 p.
4. Alekseev S.S. Theory of Law. Moscow, 1995. 320 p.
5. Chuklova E.V. Concept, Grounds and Types of Procedural Liability. *Cand. Diss. Thesis.* Krasnodar, 2009. 28 p.
6. Elkind P.S. Goals and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedural Law. Leningrad, 1976. 143 p.
7. Kornukov V.M. Measures of Procedural Coercion in Criminal Proceedings. Saratov, 1978. 137 p.
8. Zinatullin Z.Z. Criminal Procedural Coercion and Its Effectiveness (Theoretical and Practical Issues). Kazan, 1981. 136 p.
9. Kudin FM Theoretical Foundations of Coercion in Soviet Criminal Procedure. *Doct. Diss.* Sverdlovsk, 1987. 442 p.
10. Kovriga ZF Criminal Procedural Liability. Voronezh, 1984. 191 p.
11. Vetrova GN Criminal Procedural Liability. Moscow, 1987. 111 p.
12. Olkov SG Criminal Procedural Offences in Russian Legal Proceedings. *Doct. Diss.* Tyumen, 1994. 395 p.
13. Tarasov A.A. Legal and Socio-Psychological Problems of Combining Individual and Collegial Principles in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Doct. Diss.* Samara, 2001. 417 p.
14. Tarasov A.V. Coercion and Liability in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Volgograd, 2004. 204 p.
15. Veprev V.S. Grounds for Criminal Procedural Liability. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2006. 265 p.
16. Serkov P.P. Administrative Responsibility in Russian Law: Modern Understanding and New Approaches. Moscow, 2012. 480 p.
17. Nokhrin D.G. State Coercion in Civil Proceedings. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2006. 30 p.
18. Treushnikov M.K. (ed.). Civil Procedure. 2nd ed. Moscow, 2007. 784 p.
19. Makareyko N.V. Monitoring of Administrative/Procedural Responsibility. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Pravo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Law*, 2019, no. 1, pp. 138–142. (In Russian).
20. Guskova A.P., Muratova N.P. Judicial Law: History and Modernity of the Judiciary in the Field of Criminal Proceedings. Moscow, 2005. 176 p.
21. Kashtanova N.S. On Some Aspects of the Application of a Monetary Penalty as Another Measure of Criminal Procedural Coercion: Theory, Practice, Foreign Experience. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2024, no. 4, pp. 30–34. (In Russian).

20. Гуськова А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография / А.П. Гуськова, Н.П. Муратова. – Москва, 2005. – 176 с.

21. Каштанова Н.С. О некоторых аспектах применения денежного взыскания как иной меры уголовно-процессуального принуждения: теория, практика, зарубежный опыт / Н.С. Каштанова // Российский судья. – 2024. – № 4. – С. 30–34.

22. Зеленцов А.Б. Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права / А.Б. Зеленцов. – Москва, 2015. – 399 с.

23. Зеленцов А.Б. Судебное административное право : учебник / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов. – Москва, 2017. – 766 с.

24. Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как средство защиты административного процесса / Е.В. Чуклова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 57–61.

22. Zelentsov A.B. Administrative Justice. General Part. Theory of Judicial Administrative Law. Moscow, 2015. 399 p.

23. Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. Judicial Administrative Law. Moscow, 2017. 766 p.

24. Chuklova E.V. Procedural Responsibility as a Means of Protection of the Administrative Process. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2016, no. 3 (37), pp. 57–61. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спиридонов Михаил Сергеевич – кандидат юридических наук, судья.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Spiridonov Mikhail Sergeevich – Candidate of Sciences (Law), Judge.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 23.12.2024.
The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 23.12.2024.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.22

Original article

ХАЛИУЛЛИНА Айгуль Фаатовна
Уфимский Университет науки технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: aigul229@mail.ru

KHALIULLINA Aigul Faatovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

SOME ASPECTS OF THE CRIMINALISTIC ASSESSMENT OF THE RELIABILITY OF
EVIDENCE OBTAINED USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF
CRIMES COMMITTED INVOLVING MINORS

Аннотация. В статье выявлены проблемы оценки достоверности доказательств, полученных в ходе проведения вербальных и невербальных следственных действий, а также особенности формирования показаний несовершеннолетних. Автор считает, что для подтверждения достоверности источников информации, полученной при расследовании преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, необходимо использовать специальные знания. Представлен перечень признаков, свидетельствующих о недостоверности заключения эксперта и специалиста. Цель: разработать общие рекомендации по криминалистическому обеспечению участия несовершеннолетних в вербальных следственных действиях, позволяющих обеспечить высокий уровень достоверности их показаний, а также тактические рекомендации по использованию специальных знаний в ходе получения достоверных доказательств несовершеннолетних. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: выявлены проблемы в правовой регламентации участия несовершеннолетних в вербальных следственных действиях, сформулированы криминалистические рекомендации по обеспечению получения достоверных показаний несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, специальные знания, достоверность доказательств, допустимость доказательств, потерпевший, обвиняемый, сведущее лицо

Abstract. The article reveals the problems of assessing the reliability of evidence obtained during verbal and non-verbal investigative actions, as well as the features of the formation of minors' testimony. The author believes that in order to confirm the reliability of sources of information obtained in crime investigations involving minors, it is necessary to use special knowledge. A list of criteria indicating the unreliability of expert and specialist conclusions is provided. Purpose: to develop general recommendations on criminalistic support for the participation of minors in verbal investigative actions, allowing to ensure a high level of reliability of their testimony, as well as tactical recommendations on the use of special knowledge in the course of obtaining reliable evidence of minors. Methods: empirical methods of comparison, description, theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: the article reveals gaps in the legal regulation of participation of minors in verbal investigative actions and formulates criminalistic recommendations to ensure reliable testimony of minors.

Keywords: minors, special knowledge, reliability of evidence, admissibility of evidence, victim, accused, competent person

Для цитирования: Халиуллина А.Ф. Некоторые аспекты криминалистической оценки достоверности доказательств, полученных с использованием специальных знаний, при расследовании преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних / А.Ф. Халиуллина. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 205–212.

For citation: Khaliullina A.F. Some Aspects of the Criminalistic Assessment of the Reliability of Evidence Obtained Using Special Knowledge in the Investigation of Crimes Committed Involving Minors. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 205–212. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.22.

ВВЕДЕНИЕ

Самый сложный для подтверждения критерий оценки источников информации – ее достоверность. Установить, соответствуют ли получаемые сведения действительности, – задача, решаемая путем использования не только и не столько процессуальных, сколько научных, прежде всего криминалистических, средств познания. По делам о преступлениях с участием несовершеннолетних самыми трудными для оценки считаются источники вербальной информации, преобладающие среди доказательств по таким делам.

Особенности формирования показаний несовершеннолетних обвиняемых и свидетелей создают значительные проблемы для оценки достоверности сообщаемых ими сведений об обстоятельствах расследуемого события. Впрочем, проблемы могут возникнуть с оценкой не только вербальной информации, но и других источников доказательств по делам о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних. В этой связи Р.И. Зайнуллин справедливо отмечает, что, говоря об особенностях несовершеннолетних как источнике показаний, мы исходим из признания их когнитивной и психосоциальной незрелости, а это требует в работе с такими лицами должного криминалистического обеспечения [1, с. 70]. Пути решения этой проблемы предлагают и законодатель, и криминалистическая наука.

Так, среди регламентированных законом общих способов проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ), в том числе их достоверности, можно назвать следующие:

1) сопоставление проверяемых доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. Очевидно, что проверка таким способом возможна лишь при условии, что следствие располагает доказа-

тельствами, достоверность которых не вызывает сомнений и которые подтверждают или опровергают те же обстоятельства, что и проверяемое доказательство;

2) установление источников проверяемых доказательств и их законности. В частности, источником вещественных доказательств являются следственные действия, при производстве которых предметы, документы, следы и т. д. были обнаружены и закреплены (осмотры, обыски, выемки и др.), а также комплекс иных обязательных процедур, по результатам проведения которых обнаруженные предметы и документы признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу соответствующим постановлением следователя (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Установление источников предполагает проверку законности таких процессуальных действий и их качества. Источники получаемых в ходе производства по делу сведений необходимо устанавливать и при проверке показаний обвиняемых, подозреваемых, свидетелей или потерпевших. Для свидетельских показаний, например, такими законными источниками могут быть либо лично воспринимавшиеся свидетелями факты, либо те, которые свидетель сообщает, указывая источник своей осведомленности. Выяснение этих вопросов и составляет суть проверки источников показаний свидетелей;

3) получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Так, утверждение подростка о том, что он не был знаком с потерпевшим, может быть опровергнуто путем предъявления ему фотоснимков, на которых запечатлены и подозреваемый, и потерпевший.

Однако все эти проверочные меры и средства имеют смысл лишь при условии, если сами отличаются достоверностью. Например, не должно быть сомнений в достоверности

доказательств, с которыми сопоставляются проверяемые. Это, разумеется, относится и к специальным знаниям, используемым для подтверждения достоверности источников информации, полученных при производстве по делу. Результаты их применения для указанных целей также должны быть достоверными. На этот счет справедливо высказывается И.А. Гизатуллин: «сведения, содержащиеся в экспертном заключении, могут лечь в основу судебного решения лишь в случае их полной оценки на основе внутреннего убеждения с позиции относимости, допустимости и достоверности» [2, с. 116].

Остановимся теперь на проблеме достоверности источников информации, полученных при производстве по делам несовершеннолетних, которая может быть проверена с помощью специальных знаний.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Из всех доказательств, фигурирующих в делах о преступлениях несовершеннолетних, труднее всего оценить достоверность источников вербальной информации – показаний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, легко меняющих свои показания под влиянием внутренних и внешних факторов. Еще Г. Гросс отмечал, «что дитя в высшей степени легко подпадает под постороннее влияние, причем умышленное оно или нет, безразлично» [3, с. 119].

Повышенная внушаемость, искаженное восприятие, склонность к преувеличению, фантазии, чувство страха и многое другое, характерное для поведения детей, – это причины, оказывающие существенное влияние на правильность сообщения несовершеннолетними сведений, которые им стали известны о расследуемом событии и его обстоятельствах. Их показания могут быть и ошибочными, и заведомо ложными, результатом и фантазий ребенка, и его добросовестного заблуждения, обусловленного незрелостью и иными качествами личности. Однако на достоверность показаний несовершеннолетних влияют не только издержки детского восприятия событий или явлений, но и недостатки вос-

произведения, характерные для несовершеннолетних. Поэтому при производстве по делам о преступлениях, совершаемых с участием детей и подростков, следователю и суду приходится использовать информацию, которая в силу разных причин изначально не отличается достоверностью. Причем проблемы возникают не только с оценкой показаний несовершеннолетних обвиняемых, но и несовершеннолетних свидетелей или потерпевших. В частности, особого внимания требуют показания:

- соучастников несовершеннолетних преступников, не достигших возраста уголовной ответственности;

- товарищей, одноклассников и друзей подростков, привлекаемых к уголовной ответственности, от которых следователь может ожидать получения сведений о личности обвиняемых (подозреваемых), входящих в предмет доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних;

- несовершеннолетних подписчиков социальных сетей, с которыми преступники могли общаться в поисках соучастников замышляемых преступлений или делиться своими криминальными «подвигами»;

- лиц, осведомленных об образе жизни несовершеннолетнего обвиняемого, его близком окружении, располагающих информацией о том, кто мог оказывать влияние или являлся для подростка авторитетом, какими были взаимоотношения несовершеннолетнего обвиняемого с родителями, одноклассниками и др.;

- несовершеннолетних потерпевших, в том числе авторов заведомо ложных доносов, и т. д.

В большинстве своем не соответствующая действительности информация содержится в устных или письменных показаниях несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, получаемых при производстве доследственных проверок, на предварительном следствии в ходе процессуальных допросов, очных ставок, опознаний, проверок показаний на месте (гл. 26 УПК РФ) либо в суде.

Основными причинами сообщения несовершеннолетними недостоверных сведений являются не только осознанная ложь, но и издержки восприятия или недостатки восприятия воспринятых событий и явлений, характерные для несовершеннолетних. Иными словами, субъективный характер получаемых от них сведений, отличающихся за-

метной вариативностью, даже когда они исходят от одного подростка. Такое часто можно наблюдать при проведении повторных допросов. Тем естественнее несовпадения показаний об одном и том же обстоятельстве расследуемого события, обнаруживаемые у разных участников уголовного процесса, в том числе у тех, кто искренен в своем желании сообщать правдивые сведения, а на самом деле заблуждается в своих свидетельствах, причем по самым разным причинам.

Заблуждение допрашиваемого лица может быть добросовестным, основанным на вере, исторически сформировавшейся у значительных по численности групп населения, объединенных, к примеру, одной религией, а может стать и следствием использования лицами, дающими показания, ложных сведений, недостоверность которых ими не осознается.

Противоречия в показаниях добросовестных свидетелей являются обычно следствием разнообразия внешних условий, в которых ими воспринималось то или иное событие либо его отдельные обстоятельства, подлежащие установлению. А могут зависеть и от личных качеств тех, кто дает показания, которыми во многом определяются и адекватность восприятия, и точность воспроизведения воспринятого в ходе производства по уголовному делу. Поэтому следователю или суду, ведущим допрос, необходимо иметь в виду, что безошибочного восприятия практически не бывает. Точность воспроизведения, а значит, субъективная убежденность допрашиваемого лица в правильности сообщаемых им на допросе сведений во многом зависят от формы их получения.

Показания могут, как известно, облекаться в разную форму: 1) свободного рассказа; 2) сообщения или объяснения; 3) ответов на вопросы; 4) разъяснения какого-либо обстоятельства расследуемого события; 5) подтверждения или опровержения устанавливаемых фактов и т. д. Так, ученые выяснили, что поставленные допрашиваемому лицу вопросы могут оказать существенное влияние на формулируемые ответы, особенно когда на них отвечают несовершеннолетние. Как установил известный зарубежный ученый-психолог А. Бине, проводя ряд экспериментов, влияние задаваемых вопросов на детские показания обусловлено тем, «что вопрос образует с отве-

том одно нераздельное целое и сомнительную ценность представляет собой ответ, отделенный от вызвавшего его вопроса, точность ответа находится в зависимости от наводящего влияния вопроса» [4, с. 72].

Между тем проблемы достоверности показаний возникают не только из-за неудачного выбора формы общения с допрашиваемыми лицами. Не меньшую роль в этом играет и их возраст. Склонность сообщать ошибочные и даже заведомо неправильные сведения более характерна для несовершеннолетних, нежели для взрослых. Например, эксперименты, проведенные А. Бине, наглядно продемонстрировали, что верность показаний, сообщаемых детьми в возрасте 7 лет, в два раза ниже количества достоверных свидетельств лиц, достигших 18-летнего возраста.

Отсюда важность решения проблемы оценки показаний несовершеннолетних, которая всегда занимала и ученых, и практических работников, вызвала значительные трудности, обусловленные не только спецификой детского возраста, особенностями восприятия и воспроизведения воспринятых событий, но и неспособностью многих взрослых «видеть мир глазами ребенка». Г. Гросс писал по этому поводу: «...мы никогда не можем смотреть на дело с той точки зрения, с какой смотрит дитя, и когда ребенок употребляет те же слова, какие и мы, то он дает им иной смысл. Даже в области восприятия впечатления о предметах у детей складываются иные, чем у взрослых: такие понятия, как большой и малый, быстрый и медленный, красивый и безобразный, далекий и близкий, – у детей совершенно иные, чем у нас. Тем более представления о событиях: событие, для нас совершенно безразличное, кажется им превосходным или страшным, и наоборот, они равнодушны к тому, что для нас прекрасно или печально» [3, с. 119].

При таких особенностях формирования детских показаний и трудностях их адекватного восприятия взрослыми проверить и убедиться в достоверности сведений, сообщаемых несовершеннолетними, действительно непросто. Неудивительно, что эта проблема решалась по-разному, однако все эти решения ориентировались на поиск путей объективизации показаний несовершеннолетних, прежде всего путем привлечения специальных знаний для проверки их достоверности.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Чтобы иметь основания оценивать достоверность вещественных доказательств, по поводу которых могут возникнуть сомнения, исключающие их использование в доказывании по уголовному делу, необходимо, во-первых, определиться с тем, какие предметы, вещи, орудия и т. д., обнаруживаемые в процессе производства по делам несовершеннолетних, могут оказаться недостоверными. Речь, разумеется, идет главным образом о тех материальных объектах, которые несут информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по таким делам, особенно об обстоятельствах, связанных с личностью преступника.

К таким вещественным доказательствам обычно относят: а) следы, указывающие на возраст оставившего их лица, – рук, ног, зубов, запаховые и др.; б) следы, указывающие на способы действия преступников, характерные именно для несовершеннолетних, или на использованные ими орудия преступления; в) предметы одежды, которые предпочитает носить молодежь, личные вещи, которыми чаще пользуется молодежь и подростки; г) специфические для несовершеннолетних объекты преступного посягательства и др. [5, с. 146].

Во-вторых, оценивая достоверность вещественных доказательств, необходимо иметь представление о признаках, которые дают основания сомневаться в них как адекватных источниках информации. Мы полагаем, что по делам о преступлениях несовершеннолетних недостоверными должны признаваться вещественные доказательства, обладающие следующими признаками.

1. Материальные объекты, чьи признаки или свойства специально им приданы, чтобы ввести следствие или суд в заблуждение. В основном к таким вещественным источникам информации относятся фальсифицированные следы, документы с признаками подлога их реквизитов, предметы и вещи, подброшенные преступниками специально, чтобы создать ложное представление об истинных событиях, и др. Так, для проникновения в чужую квартиру с целью совершения кражи несовершеннолетние иногда надевают обувь большого размера, чтобы имитировать совершение преступления взрослым человеком.

Недостоверность таких предметов и вещей чаще всего устанавливается путем проведения криминалистических экспертиз. Например, составленный взрослым от имени ребенка заведомо ложный донос распознается криминалистической экспертизой – почерковедческой или автороведческой, на разрешение которой поставлен вопрос о возрасте исполнителя (автора) исследуемого текста. Недостоверность такого документа превращает его в вещественное доказательство, причем уже не подтверждающее, а опровергающее те обстоятельства, о которых идет в нем речь.

2. Материальные объекты, признаки или свойства которых были ошибочно диагностированы как указывающие на связь данного вещественного доказательства с расследуемым событием преступления. Такие ошибки допускают не только эксперты, но и следователи, суд и другие участники производства по делу. При этом ошибочно выявленные признаки вещественного доказательства, которыми оно в реальности не обладает, дают субъектам доказывания и его участникам основание настаивать на существовании связи таких вещей с действиями преступников.

В практике нередко также случаи, когда свидетели или потерпевшие, восприняв событие или его отдельные обстоятельства с искажениями и руководствуясь ошибочным восприятием отдельных предметов, уверенно опознавали предъявленный им, например, нож как орудие преступления, который они якобы видели в руках преступника. Иногда такого рода недостоверная информация о связи вещественного доказательства с событием преступления, полученная благодаря издержкам восприятия или из-за недостаточной профессиональной подготовки наблюдателя, впоследствии закреплялась в его показаниях как свидетельства.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЙ СВЕДУЩИХ ЛИЦ

Заключения эксперта и специалиста по уголовным делам представляют собой письменно оформленные результаты использования сведущими лицами своих специальных знаний для ответа на вопросы, поставленные перед ними субъектами процессуального доказывания или сторонами. При этом

достоверным может быть признано только заключение, подготовленное с соблюдением сведущим лицом принципов полноты, всесторонности и объективности проведенного им исследования, а также научной обоснованности и достоверности сформулированных на его основе выводов (ст. 4, 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Из этого следует, что не могут быть признаны достоверными ни сами заключения сведущих лиц, ни сформулированные в них ответы на поставленные вопросы, если экспертом или специалистом были использованы методы и средства, научность которых не подтверждена.

Проблема правосудия, ставящего целью познание истины, в том, способны ли субъекты процессуального доказывания – дознаватель, следователь, прокурор или суд – компетентно проверить и объективно оценить научность познавательных средств, в основе которых, как известно, лежат положения специальных, в большинстве своем неизвестных юристам отраслей знания? Иначе зачем нужно было создавать и развивать институт судебной экспертизы и специальных знаний в уголовном судопроизводстве, если эта сфера вполне доступна и следствию, и судьям. Как было замечено еще более ста лет назад профессором Р.А. Рейссом, «чтобы критически относиться к экспертизе, следователю необходимо самому располагать достаточными познаниями в области применения научных методов к исследованию преступлений» [6, с. 3].

И сегодня, когда наука и техника своими достижениями существенно превосходят достижения конца XIX – начала XX в., слова Р.А. Рейсса звучат как никогда актуально. Ясно, что и научная оценка проведенного сведущим лицом исследования, и научная обоснованность сформулированных на его основе выводов, а значит, и оценка достоверности заключения в целом, требуют от субъектов процессуального доказывания если не большего, то, по крайней мере, не меньшего уровня владения специальными знаниями. И прежде всего в тех областях науки, техники, искусства или ремесла, данные которых были положены в основу создания экспертных методов и методик, использованных сведущим лицом для дачи заключения и ответа на поставленные вопросы. Ответ на поставленный вопрос

очевиден: вряд ли можно рассчитывать на квалифицированную оценку научной обоснованности экспертных заключений со стороны представителей правоохранительных органов и суда. Настаивая на обоснованности такого вывода, мы тем не менее убеждены, что обращение к специальным знаниям для проверки и оценки достоверности заключений сведущих лиц оправданно и целесообразно только тогда, когда перед следователем или судом стоит задача аргументированно подтвердить научную обоснованность заключения сведущего лица и его выводов по результатам проведенного им исследования. Прежде чем обращаться за соответствующей консультацией к специалистам, субъект процессуального познания обязан сам проанализировать проверяемое заключение, используя собственные возможности и знания, тем более что такими возможностями и сторона обвинения, и сторона защиты располагают в полной мере. И если без обращения к специальным знаниям подтвердить научную обоснованность, а значит, и достоверность заключений сведущих лиц, как правило, невозможно, то обнаружить признаки недостоверности проведенного сведущим лицом исследования вполне в состоянии и следователи, и прокуроры, и судьи, хотя и не во всех случаях. Чтобы без обращения к специальным знаниям установить недостоверность заключений сведущих лиц, необходимо знать, какие признаки могут на это указывать.

Мы полагаем, что перечень таких признаков, хотя и не может быть исчерпывающим, должен охватывать заключения как экспертов, так и специалистов. В нашем представлении, на их недостоверность могут указывать следующие признаки:

1) фальсификация или сомнительное происхождение исходных данных, представленных сведущему лицу для дачи заключения. К таким исходным данным относятся:

а) документы, на основании которых сведущим лицом должно проводиться исследование и даваться заключение (постановление следователя или определение суда о назначении экспертизы, иное решение уполномоченного органа о привлечении специалиста для ответа на поставленные вопросы), с приложенными к ним материалами, имеющими существенные противоречия или признаки фальсификации;

б) непосредственные объекты исследования (вещественные доказательства, документы, сами обвиняемые, потерпевшие и т. д.), попавшие в орбиту уголовного судопроизводства с нарушением процедуры, предписанной законом, либо полученные за рамками процессуальных действий;

в) сведения об обстоятельствах обнаружения, фиксации и изъятия объектов, подлежащих исследованию, которые невозможно проверить;

г) сравнительные образцы, полученные с нарушением существующих правил или вопреки предъявляемым к ним требованиям сопоставимости, несомненности происхождения и количественной достаточности;

2) субъективизма или односторонности исследования, содержащиеся в материалах, на которых основываются выводы сведущего лица. Например, если в распоряжении эксперта окажутся ходатайства стороны защиты, содержащие обоснованные предположения о существовании обстоятельств, связанных с предметом назначенной экспертизы, которые эксперт, судя по содержанию проведенных им исследований, отказался проверять. Признаки субъективизма эксперта особенно опасны, когда подтверждение версий защиты могло опровергнуть сделанные в заключении эксперта выводы. Не меньшую опасность могут представлять ситуации, когда признаки односторонности исследования очевидны, например, если сведущее лицо сознательно, не имея на то оснований, отказывается от применения методов исследования, которые могут опровергнуть его выводы;

3) очевидной необоснованности или сомнительной научной обоснованности использованных сведущим лицом методов

и методик. Такое случается, когда эксперт применяет устаревшие методики исследования, притом что существуют новые, утвержденные ведомственными нормативными актами. Эта группа признаков недостоверности заключений сведущих лиц отличается от вышеперечисленных тем, что их выявление требует иногда определенных специальных знаний, достаточных, правда, на уровне простого знакомства со специальной литературой или специальными, в основном техническими, нормами;

4) ошибочной оценки результатов проведенных исследований, обусловленных некомпетентностью сведущего лица либо сознательным их искажением. Такое нередко случается при оценке результатов идентификационных исследований, например, когда эксперт, установив групповую принадлежность, подменяет ею индивидуальное тождество.

На недостоверность заключений сведущих лиц могут указывать и другие признаки, выявление которых, как правило, не требует обращения к сведущим лицам, а если и требует, то минимальных знаний, которые легко могут быть получены посредством обращения к доступным для понимания субъектами процессуального познания источникам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В большинстве своем любые сомнения в достоверности и самого специального исследования, и сформулированных на его основе выводов могут быть подтверждены только лицами, которые вполне осведомлены в той области специальных знаний, которые требовались для ответа на поставленные сведущему лицу вопросы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайнуллин Р.И. Некоторые аспекты криминалистической оценки достоверности показаний несовершеннолетних потерпевших / Р.И. Зайнуллин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 69–71.

2. Гизатуллин И.А. Проблемы реализации независимости судей при оценке заключения эксперта по уголовному делу / И.А. Гизатуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4. – С. 115–129.

REFERENCES

1. Zainullin R.I. Some Aspects of the Forensic Assessment of the Reliability of the Testimony of Minor Victims. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (54), pp. 69–71. (In Russian).

2. Gizatullin I.A. Problems in the Exercise of the Independence of Judges in Assessing an Expert Opinion in a Criminal Case. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 4-2, pp. 115–129. (In Russian).

3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Москва : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

4. Гаврилова Н.И. Экспериментальные исследования психологии свидетельских показаний (вопросы методики) / Н.И. Гаврилова, А.Р. Ратинов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 27. – Москва : Юридическая литература, 1977. – С. 71–90.

5. Карепанов Н.В. Особенности образования и использования следов несовершеннолетних, совершающих преступления / Н.В. Карепанов // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. – С. 146–150.

6. Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений / Р.А. Рейсс. – Санкт-Петербург, 1912. – 178 с.

3. Gross G. Manual for Forensic Investigators as a System of Forensic Science. Moscow, LeksEst Publ., 2002. 1088 p.

4. Gavrilova N.I., Ratinov A.R. Experimental Studies of the Psychology of Witness Testimony (Methodological Issues). *Issues of Combating Crime*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1977. Iss. 27, pp. 71–90. (In Russian).

5. Karepanov N.V. Features of the Formation and Use of Traces of Minors Committing Crimes. *Forensic Problems of the Effectiveness of the Fight Against Crime and Other Offenses Among Young People. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of Professor L.L. Kanevsky*. Bashkir State University, 2019, pp. 146–150. (In Russian).

6. Reiss R.A. Scientific Technique of Crime Investigation. Saint Petersburg, 1912. 178 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиуллина Айгуль Фаатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khaliullina Aigul Faatovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 05.03.2025.
The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 05.03.2025.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Original article
УДК 342.56
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.23

Научная статья

НУРМУХАМЕТОВ Руслан Наилевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: ruslan.haker.93@gmail.com,
https://orcid.org/0009-0002-3639-8340

NURMUKHAMETOV Ruslan Nailevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

МИРОВЫЕ СУДЬИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

JUSTICES OF THE PEACE BEYOND NATIONAL BORDERS: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Аннотация. С каждым годом нагрузка на российскую судебную систему, особенно на мировых судей, возрастает, что обуславливает необходимость поиска эффективных моделей организации судебных органов. Несмотря на богатую историю, в настоящее время имеются недостатки в правовом регулировании мировой юстиции – она остро нуждается в модернизации в связи с недостаточным материально-техническим обеспечением, хроническим дефицитом финансирования и возрастающей нагрузкой. Решение этих проблем является приоритетным направлением законодательной деятельности, однако необходим более решительный и многоаспектный подход, включающий, в частности, реформирование процессуальных норм в отношении отдельных категорий дел. Цель: изучение зарубежного опыта организации и правового регулирования судов, аналогичных российским мировым судам, а также исторический анализ эволюции института мировых судей в этих государствах для обогащения национальной правовой доктрины за счет интеграции теоретически обоснованных зарубежных практик. Методы: сравнительно-правовой, логико-юридический, системного анализа, исторический. Результаты: выявлены существенные различия в организации и правовом регулировании аналогов российского института мировых судей в зарубежных странах; сделан вывод о том, что российская модель мирового суда представляет собой уникальную систему, не имеющую прямых зарубежных аналогов,

Abstract. Every year the workload of the Russian judicial system increases, especially at the level of justices of the peace, which necessitates the search for effective models of organizing such judicial bodies. Despite its rich history, there are currently shortcomings in the legal regulation of justice of the peace. It is in dire need of modernisation, due to insufficient material and technical support, chronic funding shortages and increasing workload. The solution to these problems is a priority area of legislative activity, but a more decisive and multifaceted approach is needed, including, in particular, reforming procedural rules for certain categories of cases. Purpose: to study foreign experience in the organisation and legal regulation of courts similar to Russian justices of the peace, as well as a historical analysis of the evolution of the institution of justices of the peace in these countries in order to enrich the national legal doctrine by integrating theoretically grounded foreign practices. Methods: comparative-legal, logical-legal, system analysis, historical. Results: the article reveals significant differences in the organisation and legal regulation of analogues of the Russian institution of justices of the peace in foreign countries; the article concludes that the Russian model of justice of the peace is a unique system that has no direct foreign analogues, with its inherent features and problems. The article offers recommendations

с присущими ей особенностями и проблемами; предложены рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование российского законодательства и практики деятельности мировых судей.

Ключевые слова: судебная система, мировые судьи, мировая юстиция, правосудие, подсудность, приговор

Для цитирования: Нурмухаметов Р.Н. Мировые судьи за пределами национальных границ: сравнительно-правовое исследование / Р.Н. Нурмухаметов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.23 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 213–221.

aimed at further improvement of Russian legislation and practice of justices of the peace.

Keywords: judicial system, justices of the peace, justice of the peace, justice, jurisdiction, sentence

For citation: Nurmukhametov R.N. Justices of the Peace Beyond National Borders: A Comparative Legal Study. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 213–221. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.23.

ВВЕДЕНИЕ

Российская судебная система достигла своего нынешнего состояния, пройдя сложный путь трансформации. Понимание многоуровневой структуры отечественного правосудия критически важно. Особое место в ней занимают мировые судьи – первичное, но фундаментальное звено судебной власти.

В настоящее время существенно возросла нагрузка на российскую судебную систему, что подтверждается как статистическими данными, так и мнениями ведущих экспертов в данной области. Наиболее остро данная проблема ощущается на уровне мировых судей – первого звена в разрешении большинства споров. В ответ на эту ситуацию законодатель активно работает над реформированием законодательства о мировых судьях, стремясь снизить нагрузку, повысить эффективность и оптимизировать их работу. Для поиска путей решения существующих проблем рассмотрим подходы некоторых зарубежных стран к построению схожих с мировыми судьями судебных структур, проанализируем особенности их правового регулирования.

Как справедливо отмечает А.А. Демичев, сравнительно-правовой метод исследования «предполагает сравнение как объектов существующих или существовавших одновременно (относительно одновременно) в разных странах, так и объектов, схожих по своей сущности, которые имели место в разных странах не совсем одновременно, но на аналогичных стадиях исторического развития» [1, с. 41]. Мы разделяем позицию многих авторов, согласно которой «предметом сравнительного

правоведения является исключительно сравнение правовых систем (их элементов), действующих в разных территориальных границах, то есть не подлежащих одновременному применению по территориальному признаку. Как правило, такие границы совпадают с государственными» [2, с. 30]. Также считаем, что изучение зарубежного опыта правового регулирования деятельности мировых судей позволит определить наиболее эффективные модели организации их работы, процедуры рассмотрения дел, механизмы контроля и обеспечения независимости. Сравнительный анализ позволяет выявить слабые места в конкретной системе, например, недостаточную доступность правосудия, длительность разбирательств, уровень бюрократизации. В условиях глобализации и международного сотрудничества необходима определенная унификация подходов к организации судебной системы. Сравнительный анализ помогает определить общие принципы и стандарты, которые могут быть использованы для гармонизации законодательства разных стран. Изучение зарубежного опыта – важная основа для разработки новых законов и подзаконных актов, регулирующих деятельность мировых судей. Оно позволит избежать ошибок и заимствовать наиболее эффективные решения. Сравнительный правовой анализ является важным инструментом научных исследований в области права, позволяет выявлять закономерности развития правовых систем и формулировать новые теоретические концепции.

Во многих государствах действуют институты мировых судей, играющие ключевую роль в отправлении правосудия на начальном

этапе. Особенности организации и функционирования этих судов отражают уникальный исторический контекст и национальные особенности каждой страны.

Английская модель мировой юстиции

Родиной мирового суда принято считать средневековую Англию. С развитием государства и связанным с ним ростом королевской власти, формированием административной системы «королевский мир» (King's Peace) затмевает и вытесняет все другие виды «мира». В XII в. система поддержания мира в Англии была фрагментарной и в значительной степени основывалась на распределенной ответственности между шерифами, феодалами, королевскими судьями и Церковью. Не существовало специализированных постоянных институтов, необходимость в них возникла в связи со стремлением ограничить полномочия шерифов. Введение должности мирового судьи (Justices of the Peace) часто связывают с именем короля Эдуарда III [3, р. 16]. Такими судьями могли быть не только профессиональные юристы, но и люди без юридического образования. Они выбирались из числа уважаемых граждан и получали жалованье за свою работу.

Первоначально мировые судьи были в основном представителями джентри – землевладельческой элиты. Условием назначения на должность мирового судьи был имущественный ценз, свидетельствующий о статусе и ответственности при осуществлении своих обязанностей, а также о лояльности короне, что соответствовало поддержанию и распространению королевской власти на местном уровне, обеспечению порядка и стабильности. Назначения часто использовались как инструмент политической стратегии. Король мог назначать Justices of the Peace, чтобы усилить свою поддержку в определенных регионах или противостоять влиянию оппозиции. Последующая эволюция института мировых судей привела к тому, что эти должности все чаще стали занимать вельможи, получавшие университетское образование. Таким образом, судебная власть постепенно концентрировалась в руках элиты, обладающей не только богатством, но и влиянием. Это объясняется факторами, сохранявшими

свою значимость до XIX в.: зажиточные жители графств располагали необходимыми ресурсами и временем, проявляли заинтересованность в выполнении порой непростой работы и, что немаловажно, имели тесные связи с местным населением.

В XIX в. работа мирового судьи стала фактически безвозмездной и даже затратной для самого судьи. Однако сохранялась значимость этой должности как источника власти и влияния на местном уровне. Отсутствие требований к юридическому образованию сохранялось, приоритетным оставался земельный доход, подтверждавший монополию аристократии в управлении сельскими территориями. Лишь во второй половине XIX в., с появлением среди мировых судей представителей среднего класса, картина начала меняться. Изменения были связаны с судебными реформами в Великобритании XIX в. У. Холдсворт в книге «История английского права» отмечал: «Judicature acts, можно сказать, кодифицировали английскую судебную систему. Взяв в качестве своего основания суды, которые действовали в течение столетий и в своем действии создали различные отрасли английского права, они перестроили их по более простому плану. Они снабдили их однородным процессуальным кодексом и надлежащим личным персоналом. Не принося в жертву ценных сторон прошлых обрядов и механизмов, они создали систему, приспособленную к нуждам современности» [4, р. 417].

Компетенция мировых судей выходила далеко за рамки судопроизводства и охватывала административные и управленческие функции. Они фактически управляли своими округами, действуя как местные правители. Британский мировой суд представлял собой уникальную систему: местный государственный орган с широким вовлечением общественности в осуществление его деятельности, выполняющий одновременно полицейские и административные функции по поддержанию порядка.

В современной Великобритании существуют два вида мировых судей:

1) Unpaid magistrates (не получающие зарплату мировые судьи, также известные как lay magistrates, или volunteer magistrates) – это добровольцы, которые проходят обучение и назначаются на неоплачиваемую должность.

Они участвуют в судебных заседаниях обычно раз в неделю или несколько дней в месяц;

2) *Stipendiary magistrates* (магистраты-стипендиарии – получающие зарплату мировые судьи) – это профессиональные судьи, которые работают на постоянной основе. Они являются квалифицированными юристами и обычно имеют значительный опыт работы в юридической сфере.

Требования к мировым судьям (магистратам) в Англии и Уэльсе различаются в зависимости от того, являются ли они стипендиатами (*Stipendiary magistrates*) или неоплачиваемыми магистратами (*Unpaid magistrates*) [5, p. 930].

Для неоплачиваемых магистратов предусмотрены следующие требования: возраст при назначении на должность 18–65 лет; проживание в районе деятельности суда, в котором он работает; безупречная репутация; готовность посвящать достаточное количество времени работе суда (обычно около 26 дней в году, но может быть больше или меньше – в зависимости от потребностей суда); юридическое образование не требуется, однако ожидается, что они способны к обучению и усвоению необходимой информации. Также комиссии по отбору мировых судей стремятся обеспечить разнообразный состав судейского корпуса, представляющий все слои общества.

К оплачиваемым магистратам (стипендиатам) предъявляются более высокие требования: значительный опыт работы в сфере права или связанных областях; обычно требуется наличие юридического образования; высокий уровень профессионализма, знание законов и умение принимать решения¹.

В обоих случаях кандидаты проходят тщательный отбор, включая проверку государственными органами и собеседования с комиссиями. Процесс назначения достаточно строг и направлен на обеспечение квалификации и беспристрастности магистратов. Важно отметить, что неоплачиваемые магистраты, не имеющие юридического образования, работают под руководством опытных сотрудников суда, что частично компенсирует этот недостаток, при этом решения по вопросам вины и наказания они выносят самостоятельно.

С расширением влияния Британской им-

перии и созданием колоний концепция мирового правосудия получила развитие в таких странах, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Индия. Сегодня мировые судьи продолжают успешно выполнять свои функции в этих государствах.

Уникальность американской правовой модели заключается в наличии двух равноправных и независимых уровней правового регулирования: федеральной и индивидуальной системы каждого штата. Одной из особенностей является то, что «федеральная судебная система США в основных чертах не претерпела существенных изменений со времени принятия в 1789 году Закона о судостроительстве. Суды штатов по закону наделены полномочиями решать дела, связанные с законодательством штатов и нарушениями конституции штата, нарушениями большинства федеральных законов и Конституции США, а также иски по традиционному "общему праву" судебных прецедентов, унаследованному Соединенными Штатами от Англии» [6, с. 22].

На территории каждого штата действуют как собственные законы, так и федеральные нормы. Важно отметить, что в США нет единой национальной системы мировых судей, как в Великобритании. Функции, схожие с теми, которые выполняют британские мировые судьи, распределены между различными судебными инстанциями штатов, их полномочия значительно отличаются от штата к штату.

На нижнем уровне судебной системы штатов находятся суды ограниченной юрисдикции, которые можно сравнить с мировыми судьями. В эту категорию входят магистратские (*Magistrate Courts*), районные (*District Courts*), городские (*City Courts*), окружные (*County Courts*) и муниципальные (*Municipal Court*) суды. Название и структура судов сильно варьируются от штата к штату. Термин «суды общих сессий» исторически использовался в некоторых штатах, но сейчас он либо устарел, либо применяется к конкретным судам с уникальными характеристиками в небольшом количестве юрисдикций.

Мировые суды функционируют во всех штатах США, свою деятельность по отправлению правосудия они осуществляют независимо от других судебных инстанций. Их основное предназначение – рассмотрение дел, связанных с менее серьезными правона-

¹ Green D. Reforming the role of magistrates [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/damian-green-reforming-the-role-of-magistrates> (дата обращения: 15.12.2024).

рушениями, включая нарушения, предусмотренные местными нормативными актами, а также гражданские дела с незначительными суммами исков, как правило, до тысячи долларов. Ключевыми элементами американской судебной системы являются и суды мелких исков, которые могут быть названы мировыми судами, судом магистрата или примирительными судами.

Суды низшей инстанции (Municipal Courts, Justice Courts, Magistrate Courts), действующие в различных штатах, предоставляют гражданам возможность самозащиты в разрешении повседневных споров, без необходимости прибегать к услугам адвокатов или длительным судебным процессам. Эти суды сосредотачиваются на упрощении процедур и ускорении рассмотрения дел, что позволяет минимизировать затраты и время судебного разбирательства.

Анализ судебной системы США показывает ее сложную, многоуровневую и децентрализованную структуру, обусловленную принципом федерализма. Отсутствие единой унифицированной системы на национальном уровне приводит к значительным вариациям в организации и компетенции судов между штатами. Судебные органы штатов рассматривают дела с существенными различиями в процедурах, следовательно, различаются и результаты. Отсутствие прямых аналогов судебных институтов других стран, таких как мировые судьи, подчеркивает уникальность американской модели, где функции распределены между различными судами низшей и средней инстанции в зависимости от штата. В целом американская судебная система характеризуется как фрагментированная, но гибкая, позволяющая учитывать специфику отдельных штатов, но при этом обеспечивающая защиту конституционных прав на федеральном уровне. Эта децентрализация, с одной стороны, позволяет адаптироваться к разнообразию нужд населения, с другой – приводит к неравномерности применения закона и доступа к правосудию между разными штатами.

В Австралии и Новой Зеландии также существуют аналогичные структуры, которые сосредотачиваются на разрешении мелких споров и правонарушений. Эти суды обеспечивают реализацию принципа правосудия, позволяя каждому человеку защищать свои

права в упрощенном формате. Судебные разбирательства обычно проводятся без участия профессиональных юристов, что содействует инклюзивности судебной системы.

В прошлом австралийские магистраты были частью департамента государственной службы, продвигались с должностей клерков суда на основе заслуг и (или) старшинства. Как клерки и магистраты, они подчинялись положениям и условиям государственной службы. Теперь мировые судьи во всех австралийских юрисдикциях отделены от государственной службы. Мировая юстиция в Австралии – это децентрализованная система, управляемая штатами и территориями, а не федеральным правительством. Каждый штат и территория имеет собственную систему мировой юстиции, с незначительными вариациями в процедурах и юрисдикции.

Требования к мировым судьям в Австралии варьируются в зависимости от штата или территории. Нет единых национальных стандартов, однако некоторые общие черты присутствуют. После того как магистраты были отделены от государственной службы, возник вопрос о наличии юридического образования для назначения на должность магистрата. Во всех австралийских юрисдикциях минимальной установленной законом квалификацией для назначения является наличие юридического образования (наличие квалификации barrister/solicitor/legal) и юридического стажа (как правило, 5 лет). Обычно требуется значительный опыт работы в юридической или правоохранительной сфере, лидерские качества, способность принимать решения и управлять людьми. Кандидаты должны иметь безупречную репутацию, демонстрировать честность, непредвзятость, терпение и способность к объективному суждению [7, p. 374]. Проверка прошлого и характера является стандартной процедурой. Важно уметь ясно и эффективно общаться как устно, так и письменно, чтобы понимать сложные вопросы и объяснять решения. Хотя не всегда требуется высокая юридическая квалификация, понимание принципов права и процедур мировой юстиции обязательно. Обычно есть минимальный возрастной порог, который может варьироваться в зависимости от штата или территории. Кандидат, как правило, должен быть гражда-

нином Австралии. С таким подходом мировые суды способствуют не только разрешению споров, но и укреплению правосознания граждан. Повышая осведомленность о юридических правах и обязанностях, они играют жизненно важную роль в поддержании правопорядка и гармонии в обществе.

ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ

Французская модель мировых судей, в отличие от англосаксонской, прошла значительную эволюцию, ее современная система существенно отличается от своих исторических предшественников. Мировой суд Франции возник как «продукт» Великой французской революции. В августе 1790 г. был издан Декрет «Об организации судов»². *Juges de paix* – французские мировые судьи – были низшей судебной инстанцией, часто конкурировали с мэрами в разрешении мелких споров. Они были преимущественно непрофессиональными судьями, работавшими безвозмездно и рассматривавшими дела единолично. Их полномочия были ограничены, решения могли быть обжалованы в вышестоящие суды. В результате из-за отсутствия профессиональной подготовки и объективности у многих судей система столкнулась с проблемами неравномерного качества правосудия. «На первом уровне *juges de paix* (мировые судьи) пытались примирить стороны в спорах по бытовым вопросам. Следующий уровень – трибунал округа – включал пять избираемых судей и публичного министра, они выступали в качестве апелляционного суда для решений, вынесенных мировыми судьями. Жалобы на решения трибунала округа направлялись в соседний аналогичный орган, выбираемый сторонами, так как в этот период не было вышестоящего суда» [8, с. 29].

К требованиям, которые предъявлялись к *juges de paix*, можно отнести следующие: их «полагалось избирать в каждом населенном пункте с численностью... более двух тысяч человек. В городах, население которых превышает 50 000, полагалось избирать шестерых мировых судей. Порядок избрания, помимо прочего, определял и общие требования

к мировым судьям. Декрет содержит указание на то, что избранным в мировые судьи может быть гражданин, достигший 30 лет. Срок полномочий мирового судьи составлял два года, однако переизбрание допускалось неограниченное число раз. В выборах не могли участвовать малоимущие слои населения» [9, с. 182].

Верным является утверждение, что «в целом умозрительная концепция мировой юстиции, задуманная французскими революционерами, в первоизданном виде просуществовала не более года (до июля 1791 г.). В XIX столетие французская мировая юстиция вступала уже не только как "примирительная" гражданская юстиция, но и как полноценная юстиция уголовная, а мировые судьи более не избирались населением, а назначались центральной властью, пусть и с учетом мнения местного сообщества (кантональных собраний)» [10, с. 27].

К концу XIX в. стало очевидно, что система мировых судей нуждается в реформировании. В 1873 г. судебные полномочия мэров были упразднены, а роли мировых судей уточнены. Однако проблемы с профессионализмом и качеством правосудия сохранились.

В течение XX в. институт мировых судей постепенно претерпевал изменения, но все еще оставался низшей ступенью судебной системы, часто рассматривая малозначительные дела. Труд мировых судей не оплачивался, что не способствовало привлечению высококвалифицированных специалистов.

Ключевое изменение произошло в 1958 г. в результате масштабной судебной реформы. Конец революционному изобретению XVIII в. – французскому институту мировых судей и мировой юстиции, положил Ордонанс от 28 декабря 1958 г., содержащий закон «О статусе магистратуры»³. Мировые судьи как самостоятельная институция были упразднены, а их функции перешли к новому типу судов – трибуналам малой инстанции (*tribunal d'instance*). Это стало существенным шагом к профессионализации и стандартизации правосудия на низшем уровне. Трибуналы малой инстанции комплектовались из профессиональных судей, их работа стала оплачиваемой. «В 1958 г. вместо 2092 органов

² Документы истории Великой французской революции. М.: МГУ, 1990. Т. 1. 267 с.

³ О статусе магистратуры : Ордонанс от 22.12.1958 № 58-1270 [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=24774> (дата обращения: 15.12.2024).

мировой юстиции было образовано 473 трибунала малой инстанции; это число трибуналов остается до сих пор. Это в среднем по пять трибуналов на департамент» [11, с. 54].

Современные трибуналы малой инстанции – это полностью профессиональные суды, рассматривающие широкий спектр гражданских дел. Их роль в обеспечении доступа к правосудию и оперативному разрешению споров остается значительной. Однако историческое наследие мировых судей продолжает влиять на французскую судебную систему, что выражается, в частности, в стремлении к внесудебному урегулированию конфликтов и доступности правосудия на местном уровне.

Таким образом, история мировых судей во Франции представляет собой интересный пример эволюции судебной системы от непрофессиональных и частично дублирующих функции мэров судов к современной профессиональной системе трибуналов малой инстанции.

Французская модель была успешно применена рядом европейских стран, включая Италию, Бельгию, Испанию и другие европейские государства, в процессе формирования собственной законодательной системы. Важно отметить, что каждое государство адаптировало эту систему с учетом своих внутренних, национальных и исторических особенностей.

МИРОВЫЕ СУДЬИ В РОССИИ

Мировые суды Российской империи отличались от западноевропейских, их становление тесно связано со спецификой российской государственности и правовой системы, происходило постепенно, в рамках более широких судебных реформ и под влиянием различных факторов.

В дореформенное время функции, сходные с функциями мировых судей, выполнялись различными органами местного управления, включая сельские сходы, мировых посредников (в крестьянском быту) и другие институты. Система была фрагментарной и неэффективной, отсутствовала унифицированная структура для разрешения мелкого правонарушения и гражданских споров. Правосудие часто носило произвольный характер.

Знаковая Судебная реформа 1864 г., хотя и затронула многие аспекты судебной системы, не привела к немедленному созданию ин-

ститута мировых судей в том виде, в каком он существовал на Западе. Влияние западноевропейского опыта было очевидным, но предложения о внедрении в судебную систему Российской империи мировых судей не находили полного воплощения. Проблема заключалась в сложности адаптации западных моделей к российской действительности, учитывая большие различия в социальной структуре и правовой традиции. Согласно Учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 г.⁴ можно заключить, что система судов Российской империи состояла из двух самостоятельных ветвей: общих судебных мест – окружных судов и судебных палат, а также мировых судей и их съездов.

Российская мировая юстиция восприняла французскую концепцию «примирения». Это подтверждается прямым анализом текстов Судебных уставов и комментариями дореволюционных юристов, таких как И.Г. Щегловитов [12] и И.Я. Фойницкий [13]. Они указывали на то, что мировые судьи замысливались как фигуры, сочетающие в себе функции примирителя, следователя, судьи и даже нотариуса (последнее – явное указание на французскую практику). Сам термин «мировой судья» выбран неслучайно – он отражает именно французское понимание роли такого судьи, а не английское.

Несмотря на заимствование французской идеи, русская юстиция не создала собственной уникальной концепции. Хотя Судебные уставы 1864 г. ввели технические новшества (например, двухзвенную структуру со съездами мировых судей), это не изменило фундаментальной концепции, которая оставалась французской. На практике мировой судья быстро утратил роль примирителя и превратился в обычного судью, рассматривающего дела по закону, что свидетельствует о неэффективности внедрения французской модели без должной адаптации к российским реалиям.

Дореволюционные российские юристы, стремясь, вероятно, подчеркнуть национальный характер реформы, невольно исказили картину, отрицая очевидное заимствование и акцентируя внимание на технических отличиях. Это привело к ситуации, когда «само-

⁴ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=180&part=807 (дата обращения: 04.05.2023).

бытность» заслонила первоначальную концепцию, почти полностью лишив ее смысла. Кроме того, отсутствие развитого сравнительного правоведения в то время затрудняло глубокий анализ концептуальных основ, приводило к сравнению лишь технических аспектов, а не глубинных идей.

После революции 1917 г. вся судебная система России претерпела кардинальные изменения⁵. Институт мировых судей в дореволюционном понимании исчез. Советская власть создала свою систему народных судов, которые содержали элементы участия общественности в отправлении правосудия, но принципиально отличались от западных моделей. Постепенно в советский период выстраивалась иерархическая структура судов с четкой специализацией.

Современный институт мировых судей в России был создан значительно позже – в 1991 г. – в рамках реформирования судебной системы. Это уже новая модель, не имеющая прямых исторических корней в дореволюционной практике. Современные мировые судьи России – профессиональные юристы, обладающие определенной юрисдикцией и рассматривающие значительную часть гражданских и уголовных дел. Нельзя не согласиться с тем, что «мировая юстиция в новой России не является сколь-нибудь автономной системой, а представляет собой просто совокупность отдельных мировых судей, никак не связанных между собой» [14, с. 411]. Аргументированной видится позиция авторов, считающих, «что к создающемуся нижнему звену судов общей юрисдикции само название "мировые судьи" применять не совсем корректно» [15, с. 37].

Одной из актуальных и многогранных проблем мировой юстиции в современной России является высокая нагрузка на мировых судей. Ее решение требует комплексного подхода, включающего законодательные, организационные и технологические аспекты. Возможны следующие направления оптимизации работы мировых судей:

- часть дел, которые сейчас рассматриваются мировыми судьями, можно передать другим звеньям судебной системы или применять альтернативные способы разрешения споров (медиация, третейские суды);

- введение упрощенного производства по некоторым категориям дел позволит судьям обрабатывать больше дел за одинаковую единицу времени;

- перераспределение дел между мировыми судьями, в зависимости от их специализации и нагрузки, может значительно снизить дисбаланс;

- увеличение штата мировых судей – самый простой, но не всегда экономически оправданный способ;

- повышение квалификации судей и сотрудников аппарата: обучение эффективным методам работы, использованию современных технологий, управлению временем – позволит увеличить производительность труда;

- внедрение современных информационных технологий, автоматизация рутинных процессов, включая переход на электронный документооборот, использование электронных баз данных, систем автоматического формирования документов, улучшение организации работы канцелярии – все это может значительно снизить нагрузку на судей.

В целом история становления мировых судов в Российской империи отличалась отсутствием прямого заимствования, длительной фазой обсуждения и отсутствием успешной реализации. Современный институт является продуктом постсоветской правовой реформы и не имеет прямой генетической связи с дореволюционными попытками создания аналогичных структур.

Выводы

Проведенное сравнительное исследование позволяет сделать вывод о том, что мировые суды в разных странах выполняют схожие функции, они обладают уникальными особенностями, которые определяются историческими, политическими и культурными аспектами. Анализ зарубежного опыта может способствовать оптимизации российской системы мировых судов, улучшению эффективности правосудия и укреплению доверия населения. Путем заимствования лучших практик с учетом специфики страны можно усилить правовую основу и повысить правовую сознательность граждан.

⁵ О суде : Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демичев А.А. Классическое и хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: общее и особенное / А.А. Демичев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 39–44.
2. Головкин Л.В. О сравнительно-правовом методе и его неверном понимании / Л.В. Головкин // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 26–31.
3. Beard. Ch.A. The Office of Justice of the Peace in England in Its Origin and Development. – Columbia University Press, 1904. – 208 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/cu31924021724616/page/n15/mode/2up> (дата обращения: 15.12.2024).
4. Holdsworth W.S. History of English law. Vol. 1. – London, 1903. – 764 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.32453/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 15.12.2024).
5. Donoghue J.C. Reforming the Role of Magistrates: Implications for Summary Justice in England and Wales // The Modern Law Review. – 2014. – Vol. 77, № 6. – P. 928–963.
6. Даминев И.И. Особенности судебной системы США / И.И. Даминев, И.И. Даминев // Вопросы науки и образования. – 2021. – № 10 (135). – С. 21–28.
7. Mack K. The Security of Tenure of Australian Magistrates / K. Mack, S.R. Anley // Melbourne University Law Review. – 2006. – Vol. 30. – P. 370–398.
8. Исаков А.Р. Становление мировой юстиции в зарубежных странах: опыт Великобритании и Франции / А.Р. Исаков, М.М. Точиева // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – № 1. – С. 26–32.
9. Плеханов И.В. Требования, предъявляемые к мировым судьям (на примере истории мировой юстиции во Франции) / И.В. Плеханов // Инновационная наука. – 2017. – № 5. – С. 181–183.
10. Головкин Л.В. Генезис концепции мировой юстиции на Западе и в России: от единства термина к разнообразию институтов / Л.В. Головкин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2009. – № 6. – С. 3–42.
11. Маклаков В.В. Судебная власть во Франции: новое законодательство : перевод / В.В. Маклаков. – Москва : ИНИОН РАН, 2007. – 138 с.
12. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 года / И.Г. Щегловитов. – Петроград : Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 70 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/505619> (дата обращения: 20.12.2024).
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – 3-е изд., пересм. и доп. – Санкт-Петербург, 1912 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/i-foynitskiy/kurs-ugolovno-go-sudoproizvodstva-tom-i/> (дата обращения: 12.12.2024).
14. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – Москва : Велби, 2003. – 720 с.
15. Боровский М.В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы / М.В. Боровский // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2001. – № 1. – С. 20–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурмухаметов Руслан Наилевич – ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurmukhametov Ruslan Nailevich – Teaching Assistant of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 31.01.2025.
The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

REFERENCES

1. Demichev A.A. Classical and Chronodiscrete Monogeographical Comparative Jurisprudence: General and Specific. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 39–44. (In Russian).
2. Golovko L.V. On the Comparative Law Method and Its Misinterpretation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 26–31. (In Russian).
3. Beard. Ch.A. The Office of Justice of the Peace in England in Its Origin and Development. Columbia University Press Publ., 1904. 208 p. Available at: URL: <https://archive.org/details/cu31924021724616/page/n15/mode/2up>.
4. Holdsworth W.S. History of English Law. London, 1903. Vol. 1. 764 p. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.32453/page/n3/mode/2up>.
5. Donoghue J.C. Reforming the Role of Magistrates: Implications for Summary Justice in England and Wales. *The Modern Law Review*, 2014, vol. 77, no. 6, pp. 928–963.
6. Daminev I.I., Daminev I.I. Features of the US Judicial System. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of Science and Education*, 2021, no. 10 (135), pp. 21–28. (In Russian).
7. Mack K., Anley S.R. The Security of Tenure of Australian Magistrates. *Melbourne University Law Review*, 2006, vol. 30, pp. 370–398.
8. Isakov A.R., Tochueva M.M. Forming Justices of the Peace in Foreign Countries: The Experience of the UK and France. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2019, no. 1, pp. 26–32. (In Russian).
9. Plekhanov I.V. Requirements for Justices of the Peace (Based on the History of Global Justice in France). *Innovacionnaya nauka = Innovative Science*, 2017, no. 5, pp. 181–183. (In Russian).
10. Golovko L. V. Genesis of the Concept of World Justice in the West and in Russia: from the Unity of the Term to the Diversity of Institutions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2009, no. 6, pp. 3–42. (In Russian).
11. Maklakov V. V. Judicial Authority in France: New Legislation: Translation. Moscow, INION RAS Publ., 2007. 138 p.
12. Shcheglovitov I. G. The Influence of Foreign Legislation on the Drafting of the Judicial Statutes of November 20, 1864. Petrograd, I.D. Sytin Publ., 1915. 70 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/product/505619>.
13. Foinitsky I.Ya. Criminal Justice Course. 3rd ed. Saint Petersburg, 1912. Vol. 2. Available at: <https://www.litres.ru/i-foynitskiy/kurs-ugolovno-go-sudoproizvodstva-tom-i/>.
14. Petrukhin I.L. (ed.). Judicial Power. Moscow, Velbi Publ., 2003. 720 p.
15. Borovsky M.V. Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Problems and Prospects. «*Chernye dyry*» v rossijskom zakonodatel'stve = “Black Holes” in Russian Legislation, 2001, no. 1, pp. 20–48. (In Russian).

Original article
УДК 343.985.3; 343.144
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.24

Научная статья

ОДНОРАЛОВА Юлия Викторовна
Ростовский юридический институт МВД России,
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: rui@mvd.ru

ODNORALOVA Yulia Viktorovna
Rostov Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia.

ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ГЕНЕЗИС, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

VIDEOCONFERENCING IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: GENESIS, CURRENT STATUS
AND TRENDS OF FURTHER INTEGRATION

Аннотация. Развитие науки и технологий предопределило изменения во всех сферах жизни, в том числе и в уголовном судопроизводстве в части проведения следственных действий в дистанционном формате. Цель статьи – рассмотреть предпосылки и особенности использования в уголовном судопроизводстве технологии видео-конференц-связи. Статья подготовлена с использованием общенаучных и частнонаучных методов исследования. Результаты: определены перспективные направления дальнейшего использования технологии видео-конференц-связи в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, видео-конференц-связь, следственные действия, полномочия субъектов расследования

Для цитирования: Одноралова Ю.В. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве России: генезис, современное состояние и тенденции дальнейшей интеграции / Ю.В. Одноралова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.24 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 222–226.

Abstract. The development of science and technology has predetermined changes in all spheres of life, including criminal proceedings in terms of conducting investigative actions remotely. The purpose of the article is to consider the background and characteristics of the use of videoconferencing technology in criminal proceedings. The article is prepared with the use of general scientific and specific scientific methods of research. Results: the article identifies promising directions for further use of videoconferencing technology in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, videoconferencing, investigative actions, powers of investigation subjects

For citation: Odnoralova Yu.V. Videoconferencing in Russian Criminal Proceedings: Genesis, Current Status and Trends of Further Integration. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 222–226. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.24.

ВВЕДЕНИЕ

Стремительная информатизация и цифровизация нашего общества как одна из универсальных тенденций его развития не могла не затронуть и уголовно-правовую сферу [1]. Однако призванное осуществлять защиту прав и законных интересов как потерпевших от преступления, так и привлекаемых к уголовной ответственности лиц [2], в том числе

исключать случаи осуждения невиновных, уголовное судопроизводство традиционно довольно осторожно вводит в свой арсенал различные инновации. И хотя подобная инерционность для отечественного уголовного процесса является закономерной, мотивированной прежде всего минимизацией вероятности нарушения уголовно-процессуальных гарантий, предоставленных лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальные

правоотношения, современные условия свидетельствуют о давно назревшей потребности в регламентации дистанционных режимов осуществления расследования [3], особенно с учетом постепенно сформировавшейся соответствующей технической возможности.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Одной из новаций, появившейся в последнее время в уголовном процессе, является технология видео-конференц-связи. В данном контексте целесообразно выделить этапы ее внедрения: период, предшествующий регламентации дистанционного взаимодействия в отечественном уголовном судопроизводстве при наличии соответствующих международных правовых документов, а также международного и зарубежного практического опыта; период регламентации в отечественном законодательстве возможности дистанционного взаимодействия применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства и к стадии исполнения приговора; период введения процедуры дистанционного взаимодействия применительно к предварительному расследованию в отношении отдельных следственных действий; период дальнейшего исследования потенциала средств видео-конференц-связи и перспектив их более глубокого внедрения в уголовное судопроизводство.

Следственная практика свидетельствует, что в период, предшествующий законодательной регламентации применения дистанционных методов на досудебном этапе уголовного судопроизводства, следователями или дознавателями тем не менее предпринимались попытки проведения допросов, очных ставок, предъявления для опознания путем осуществления видеозвонков через мессенджеры или социальные сети в сочетании с видеофиксацией их хода и результатов [4]. Такой подход был мотивирован стремлением найти альтернативный выход из положения и наработать необходимую доказательственную базу, несмотря на невозможность физического присутствия лица, подвергаемого допросу, очной ставке, опознанию, по месту проведения предварительного расследования.

Данная практика неоднозначно оценивалась правоприменителями, прежде всего с точки зрения соответствия критериям допустимости доказательств. Нередко в силу объективной недостаточности соответствующего опыта и отсутствия четкой регламентации в УПК РФ в итоге это влекло возвращение дела для производства дополнительного следствия, а также признание полученных дистанционным путем сведений недопустимыми доказательствами. Вместе с тем применительно к рассмотрению кассационных жалоб осужденных, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и заявляющих об участии в судебном разбирательстве, Верховным Судом РФ еще с 2000 г. стала разрабатываться возможность взаимодействия в режиме видео-конференц-связи [5].

В специальной юридической литературе, признавая техническую возможность самого по себе дистанционного взаимодействия между субъектами судопроизводства, высказывались пожелания о необходимости легитимации в законодательстве оснований и порядка производства тех или иных процессуальных действий. При этом исследователи далеко не всегда едины в своих представлениях относительно перечня и объема процессуальных и (или) следственных действий, которые допустимо проводить с использованием видео-конференц-связи, применительно как к наименованиям следственных (процессуальных) действий, так и к их разновидностям [6]: в отношении отдельных участников уголовного судопроизводства или их позиции в расследовании, исходя из возраста, состояния здоровья (в том числе наличия заболеваний, затрудняющих восприятие информации), владения языком уголовного судопроизводства, гражданства и пр.

Существенным этапом эволюции процесса интеграции средств дистанционной связи в уголовное судопроизводство послужила регламентация в УПК РФ возможности их применения на судебных этапах уголовного процесса, а также на стадии исполнения приговора, в частности при рассмотрении вопросов об обжаловании действий и решений (в том числе вступивших в законную силу) уполномоченных должностных лиц. Так, возможность участия осужденного в судебном разбира-

тельстве посредством видео-конференц-связи имеет ряд очевидных преимуществ:

- минимизирует риск побега или нападения на судью, иных уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов, а также лиц, проходящих по уголовным делам, исключает вероятность сговора или иного неправомерного взаимодействия с иными участниками судопроизводства;

- существенно экономит финансовые, временные и кадровые ресурсы, неизбежно затрачиваемые при конвоировании лица из учреждений уголовно-исполнительной системы, хотя и требует определенного содействия сотрудников, обеспечивающих надлежащую техническую и процессуальную возможность [7].

Не перечисляя все преимущества дистанционного взаимодействия субъектов предварительного расследования и (или) рассмотрения уголовного дела, напомним, что наиболее остро потребность в регламентации данного режима проявилась в период пандемии новой коронавирусной инфекции, побудившей к принятию достаточно жестких мер, направленных на минимизацию физических контактов между людьми. Именно указанный период ознаменовался введением и популяризацией дистанционного формата взаимодействия применительно к самым различным сферам социума – от обслуживания населения до высшего и среднего образования, здравоохранения, государственной регистрации юридически значимых фактов и т. д., а также позволил накопить опыт такого взаимодействия и увидеть его эффективность даже после нормализации санитарно-эпидемиологической обстановки.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ¹ в УПК РФ введена новелла, регламентирующая порядок производства допроса, очной ставки, опознания с использованием видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования, – ст. 189.1. Среди условий проведения следственных действий в дистанционном формате, исходя из положений этой статьи, выделяется:

- использование систем видео-конференц-связи именно государственных органов, осуществляющих предварительное рассле-

дование, а не любых средств телекоммуникационного контакта, что исключает споры о допустимости использованного в ходе следственного действия оборудования;

- наличие технической возможности использования указанных выше средств коммуникации;

- использование режима видео-конференц-связи исключительно по усмотрению следователя (дознателя);

- перечень следственных действий ограничивается допросом, очной ставкой, предъявлением для опознания, но абсолютно нейтрален как к разновидностям этих следственных действий, так и к процессуальному статусу лиц, в отношении которых требуется их проведение;

- осуществление указанных следственных действий в формате исполнения поручения, вынесенного следователем или дознавателем, ведущим производство по делу, адресованного должностным лицам органов расследования, находящимся по месту пребывания лица – носителя соответствующей доказательственной информации;

- обязательность ведения видеозаписи следственного действия;

- наличие специфики в фиксации факта разъяснения прав участников следственных действий;

- наличие специфики в подписании протокола следственного действия, проведенного в режиме видео-конференц-связи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В РАССЛЕДОВАНИИ

Признавая введение ст. 189.1 УПК РФ, регламентирующей возможность проведения в дистанционном формате допроса, очной ставки, опознания, в качестве существенного этапа интеграции современных средств телекоммуникационной связи в уголовное судопроизводство, укажем на приоритетные направления дальнейшей реализации данной тенденции.

Нам представляется, что в законодательстве недостаточно информативно прописано соотношение полномочий двух субъектов расследования – должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело,

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

назначившего проведение следственных действий в дистанционном формате, и должностного лица, обеспечивающего возможность осуществления этих следственных действий по месту пребывания носителя доказательственной информации, – особенно применительно к рабочему этапу производства следственных действий.

Предъявление для опознания – само по себе организационно сложное следственное действие, которое зачастую сочетается с пребыванием опознающего лица (особенно если это потерпевший или свидетель) в состоянии стресса, страха, опасения за собственную безопасность или безопасность близких лиц. Не вполне понятно, возможно ли сочетание дистанционного режима опознания с применением мер, исключающих визуальное восприятие опознаваемым опознающего (предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Если возможно, то каковы процессуальные и тактические особенности осуществления опознания при сочетании этих специфических форм указанного следственного действия, имеется ли в данном случае специфика в участии понятых, защитника (представителя).

Наконец, нам представляется, что помимо указанного ограниченного перечня следственных действий, проведение которых возможно с использованием средств видеоконференц-связи, целесообразно распростра-

нить данный вид дистанционного режима и на ряд других процессуальных действий, носящих не познавательный характер, а прежде всего информационный, организационный или удостоверительный: ознакомление предусмотренных в ряде норм УПК РФ категорий субъектов с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта, протоколом допроса эксперта; ознакомление с назначением и (или) проведением прочих следственных и (или) иных процессуальных действий, принятием процессуальных решений; присутствие лица с разрешения следователя при производстве экспертизы; получение образцов для сравнительного исследования.

Разумеется, принятие решения о проведении указанных процессуальных действий в формате видео-конференц-связи либо в так называемом традиционном, очном формате личного взаимодействия должно оставаться прерогативой следователя, будучи предопределенной анализом следственной ситуации и признаков противодействия расследованию, учетом степени целесообразности применения дистанционного либо очного формата с точки зрения цели и специфики соответствующего процессуального действия, его разновидности, участвующих субъектов, используемых вещественных доказательств и иных средств, оценкой вероятности риска негативных последствий при выборе того или иного формата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение / А.В. Варданян // Юристы-Правоведы. – 2022. – № 2 (101). – С. 7–13.
2. Варданян А.В. Назначение уголовного судопроизводства: историко-гносеологический подход / А.В. Варданян // Юристы-Правоведы. – 2018. – № 3 (86). – С. 136–140.
3. Бодяков В.Н. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы / В.Н. Бодяков, Р.М. Морозов // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 2 (47). – С. 115–129.
4. Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы / А.А. Афанасьева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (45). – С. 370–374.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. The Problem of Systematization of Digital Methods of Operational Investigative Activities Used in the Fight Against Remote Embezzlement and Their Forensic Significance. *Jurist-Pravoved*, 2022, no. 2 (101), pp. 7–13. (In Russian).
2. Vardanyan A.V. The Purpose of Criminal Proceedings: Historical and Epistemological Approach. *Jurist-Pravoved*, 2018, no. 3 (86), pp. 136–140. (In Russian).
3. Bodyakov V.N., Morozov R.M. Topical Issues of the Introduction of the Institute of Production of Individual Investigative Actions Conducted Remotely Using Videoconferencing in Places of Deprivation of Liberty. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 2 (47), pp. 115–129. (In Russian).
4. Afanasjeva A.A. Remote Interrogation: Status and Prospects. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, no. 3 (45), pp. 370–374. (In Russian).

5. Скворцов Р.И. Проведение допроса с использованием средств видеоконференцсвязи: современное состояние и перспективы развития / Р.И. Скворцов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 49–53.

6. Плakhota K.C. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий / К.С. Плakhota // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – Вып. 1. – С. 98–105.

7. Владимиров С.В. Использование видеоконференцсвязи при производстве следственных действий с участием лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С.В. Владимиров // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1 (37). – С. 16–19.

5. Skvortsov R. I. Conducting Interrogation Using Video Conferencing: Current Status and Development Prospects. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3, pp. 49–53. (In Russian).

6. Plakhota K.S. Use of Video Conference Communication by the Investigator (Interrogator) in the Production of Investigative Actions. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2022, iss. 1, pp. 98–105. (In Russian).

7. Vladimirov S.V. Videoconference Using in Investigative Actions Involving Persons Detained in Penal Institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 1 (37), pp. 16–19. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Одноралова Юлия Викторовна – адъюнкт.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Odnorlova Yulia Viktorovna – Adjunct.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.
The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 07.03.2025.

Научная статья
УДК 340.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.25

Original article

ПЕРЕВОЗКИН Андрей Андреевич
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
e-mail: mail@perevozkin.com,
<https://orcid.org/0009-0004-3567-511X>

PEREVOZKIN Andrey Andreevich
Tyumen State University,
Tyumen, Russia.

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ И МАШИНОЧИТАЕМОГО ПРАВА

AUTOMATION OF LAW ENFORCEMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS USING MACHINE LEARNING AND MACHINE-READABLE LAW

Аннотация. В статье исследуются перспективы автоматизации деятельности человека по применению права. Целью исследования является анализ теоретической возможности автоматизации процесса правоприменения посредством использования современных информационных технологий и новых подходов к формированию права. Методология исследования включает в себя системный подход, абстрагирование, анализ и синтез. В статье автор приводит перечень фундаментальных проблем, препятствующих автоматизации процесса правоприменения, вытекающих из особенностей современного права, процесса его создания и применения. К таким проблемам можно отнести отсутствие единой официальной базы данных источников права, несовершенство естественного языка, необходимость использования дополнительной информации о мире и обществе и др. Предлагаются возможные решения указанных проблем, основанные на применении машинного обучения и внедрении машиночитаемого права. В частности, автор рассматривает применение нейронных сетей для распознавания печатного текста, векторных моделей для организации семантического поиска по нормативным текстам, больших языковых моделей для осуществления когнитивных операций и хранения информации о мире и обществе, систем компьютерного зрения для оценки фактов объективной действительности. Сделан вывод, что современные технологии и новые подходы к формированию права потенциально позволяют если не достичь полной автоматизации правоприменения, то существенно приблизиться к данной цели.

Abstract. The article explores the prospects for automating human activity in the application of law. The purpose of the study is to analyse the theoretical possibility of automating the law enforcement process through the use of modern information technologies and new approaches to the formation of law. The research methodology includes systematic approach, abstraction, analysis and synthesis. The author provides a list of fundamental problems that hinder automation of law enforcement, arising from the specifics of modern law, the process of its creation and application. Such problems include the lack of a single official database of sources of law, the imperfection of natural language, the need to use additional information about the world and society, etc. In addition, the article proposes possible solutions to these problems based on the application of machine learning and the introduction of machine-readable law. In particular, the author considers the use of neural networks for recognising printed text, vector models for organising semantic search through normative texts, large language models for performing cognitive operations and storing information about the world and society, computer vision systems for evaluating facts of objective reality. The author concludes that modern technologies and new approaches to the formation of law potentially allow, if not to achieve full automation of law enforcement, then significantly approach this goal.

Ключевые слова: автоматизация правоприменения, машиночитаемое право, алгоритмизация права, машинное обучение, искусственный интеллект, большие языковые модели, нейронные сети, толкование права, источники права, правовая неопределенность

Для цитирования: Перевозкин А.А. Автоматизация правоприменения: проблемы и пути их решения с использованием машинного обучения и машиночитаемого права / А.А. Перевозкин. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.25 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 227–237.

Keywords: automation of law enforcement, machine-readable law, algorithmisation of law, machine learning, artificial intelligence, large language models, neural networks, interpretation of law, sources of law, legal uncertainty

For citation: Perevozkin A.A. Automation of Law Enforcement: Problems and Solutions Using Machine Learning and Machine-Readable Law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 227–237. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.25.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс автоматизации затрагивает все большее количество профессий. Современные технологии позволяют во многом автоматизировать труд представителей даже таких творческих профессий, как писатель или дизайнер. В последние годы большого прогресса в данной области удалось достичь благодаря развитию технологий искусственного интеллекта. Исходя из аналитического доклада сотрудников Международного валютного фонда, опубликованного в 2024 г., уже сегодня до 60 % рабочих мест в странах с развитой экономикой подвержены влиянию внедрения искусственного интеллекта [1, с. 2].

Постепенно автоматизация проникает и в деятельность юристов. Автоматизация правовой деятельности касается в основном второстепенных, рутинных задач юриста, таких как поиск судебной практики, оформление и подготовка типовых документов и т. п. Вопрос о возможности и пределах автоматизации процессов непосредственной реализации права, толкования права, правоприменения остается дискуссионным. Автоматизация различных аспектов таких процессов потенциально могла бы сделать более дешевым и доступным юридическое консультирование, повысить правовую определенность, увеличить скорость правоприменения, обеспечить непредвзятость правосудия. На данный момент большинство таких процессов все еще требуют участия человека. Представляется, что некоторого прогресса в данной области можно достичь, развивая такие направления, как машиночитаемое право и машинное обучение.

В современной юридической литературе можно встретить различные мнения относительно возможности полного устранения человека из процессов непосредственной реализации права, толкования права и правоприменения. Так, Д.А. Пашенцев полагает, что невозможно полностью исключить человека из процесса правоприменения, алгоритмизировав этот процесс [2, с. 10]. Е.А. Казьмина считает, что моральные ценности, навыки прогнозирования, эмоции и чувства, присущие человеку, не могут быть заменены искусственным интеллектом [3, с. 456]. Встречается мнение, что внутреннее убеждение судьи невозможно делегировать машине [2, с. 65–68]. Существуют и более технооптимистические позиции. Так, А.М. Вашкевич полагает, что сегодняшний уровень технологий позволяет сделать право машиночитаемым, автоматизировав его применение [4, с. 13]. Э. Кейси и Э. Ниблетт рассматривают ситуацию, при которой отдельные области правового регулирования, такие как правила дорожного движения, со временем могут исчезнуть, превратившись в алгоритмы, встроенные в транспортные средства [5, р. 441–442].

В настоящей статье будут рассмотрены проблемы, затрудняющие автоматизацию деятельности человека по применению права и возможные пути их решения. Под автоматизацией правоприменения здесь понимается полное или частичное освобождение человека от необходимости участия в таком процессе в качестве правоприменителя благодаря использованию информационных технологий или новых подходов к формированию права. Теоретическое осмысление возможностей

указанной автоматизации наиболее актуально именно сегодня, когда развитие информационных технологий существенно опережает юридическую мысль.

ПРОБЛЕМЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Рассмотрение вопроса автоматизации правоприменения следует начать с освещения проблем, мешающих уже сейчас переложить данную работу на вычислительные системы. Мы рассмотрим преимущественно фундаментальные сложности, которые потенциально могут быть преодолены с использованием информационных технологий. Исследование социальных, этических проблем автоматизации правоприменения является не менее важным, однако выходящим за рамки данной статьи. Кроме того, не представляется возможным в одной статье подробно рассмотреть автоматизацию всей деятельности всех возможных типов правоприменителей, поэтому нами исследованы лишь ключевые проблемы, сформулированные в наиболее общем виде. Также в данной работе правоприменительный процесс рассматривается лишь до стадии вынесения правоприменительного акта, без рассмотрения вопроса автоматизации исполнительного производства.

С точки зрения информационных технологий процесс вынесения правоприменительного решения несколько упрощенно можно представить как совершение последовательности когнитивных операций над определенным набором информации. Как будет показано далее, все или почти все фундаментальные проблемы, препятствующие автоматизации правоприменения, можно свести либо к отсутствию какой-либо информации, либо к отсутствию необходимых когнитивных способностей у вычислительной системы.

Сложности с определением набора правовых норм, подлежащих применению в конкретной ситуации. Существенную группу проблем, мешающих автоматизации правоприменения, составляют проблемы, встречающиеся на этапе поиска нормативного регулирования рассматриваемого общественного отношения. Для того чтобы вынести обоснованное правоприменительное решение, необходимо установить круг правовых норм,

подлежащих применению в рассматриваемой ситуации. Это может быть сложно сделать автоматически по нескольким причинам.

Во-первых, все или как минимум часть источников права, в которых содержатся правовые нормы, подлежащие применению в конкретной ситуации, могут быть не переведены в электронный вид или быть переведены некорректно.

Во-вторых, в государстве может отсутствовать полный перечень нормативных актов, действующих в данный момент и действовавших ранее. Необходимость корректного хранения утративших силу нормативных актов возникает из-за того, что в конкретном деле могут подлежать применению не только действующие в данный момент нормы права, но и нормы права, утратившие силу. В частности, такая ситуация может сложиться, если новая редакция закона не имеет обратной силы.

В-третьих, ситуация может осложняться наличием в правовой системе большого количества фактически неприменяемых, но действующих нормативных актов, принятых в другие исторические эпохи.

Как справедливо отмечает Д.А. Савельев, в России отсутствует полная единая база всех действующих на данный момент нормативных актов [6, с. 28–29]. Роль таких баз часто выполняют коммерческие решения с ограниченным доступом. Ситуация с устаревающими нормативными актами в последние годы в России разрешается, в частности, путем применения «регуляторной гильотины» к нормативным актам, содержащим обязательные требования [7].

Необходимость использования судебной практики. Другая проблема, препятствующая автоматизации правоприменения, касается неопределенности в статусе судебной практики. В российской правовой доктрине не сложилось однозначного мнения о необходимости признания судебной практики в качестве самостоятельного источника права. Как справедливо отмечают Н.А. Власенко и М.В. Залоило, могут существовать как разные подходы к статусу судебной практики, так и к тому объему, в каком такую практику стоит признавать источником права [8, с. 46–49].

Тем не менее невозможно отрицать, что информация из решений судов различных уровней часто является необходимой для

вынесения правомерного решения по конкретному делу. Эта необходимость вытекает, в частности, из принципа единообразия судебной практики [9, с. 116–119]. Особенно значимыми в данном контексте являются правовые позиции высших судов государства, правовой природе которых посвящено немало исследований [10, с. 21–23].

Несовершенство естественного языка.

Любой естественный язык, на котором могут быть изложены правовые нормы, не лишен недостатков. Так, А.А. Гайдамакин выделяет такие проблемы естественного языка, как многочисленность понятий, нечеткость этих понятий и отношений между ними, неоднозначность (полисемия), наличие синонимичных терминов, метафоричность и др. [11, с. 80–81]. Для юридических текстов часть проблем была решена введением некоторой степени формализации. Так, в юридических текстах не принято использовать метафоры, фразеологизмы, иронию, сарказм и т. п.

Однако существующая сегодня степень формализации естественного языка, присутствующая юридическим текстам, не способна решить всех перечисленных проблем. В частности, есть класс проблем, связанных с синтаксисом естественных языков. Синтаксис естественного языка, в отличие от синтаксиса многих формальных языков, не обеспечивает однозначность прочтения записанных с его использованием текстов. Так, может возникать ситуация, называемая синтаксической омонимией, при которой одному и тому же предложению соответствует несколько синтаксических структур, то есть члены такого предложения или связи между ними можно интерпретировать по-разному [12, с. 153]. Например, в п. 3 ч. 8 ст. 65 Градостроительного кодекса РФ есть фраза: «с расположенными на них объектами... которые соответствуют критериям... характеризующим их высокий уровень износа, ненадлежащее техническое состояние или отсутствие систем инженерно-технического обеспечения». При внимательном прочтении можно заметить, что словосочетание «ненадлежащее техническое состояние» может быть отнесено как к объектам, так и к системам инженерно-технического обеспечения. То есть можно сказать, что критерии должны характеризовать «ненадлежащее техническое состояние

объектов недвижимости» или «ненадлежащее техническое состояние или отсутствие систем инженерно-технического обеспечения».

Как справедливо отмечают исследователи, часто неоднозначность прочтения того или иного предложения может быть устранена, если известен контекст [13]. Но иногда, как в случае с приведенным примером, даже использование контекста не может помочь в устранении такой неоднозначности, что затрудняет или делает невозможным автоматическое распознавание содержания таких правовых норм.

Неполнота информации, компенсируемая знаниями о мире и обществе, правовой доктриной. Юридические тексты обычно не являются замкнутыми, конечными, самодостаточными. В частности, они могут содержать понятия, значения которых не раскрываются в данных текстах ввиду их очевидности для носителей языка. Кроме того, они могут подразумевать наличие у читателя «знаний здравого смысла», а также предметных знаний, касающихся регулируемых общественных отношений, деловых обычаев и т. п.

Справедливость данного тезиса может быть проиллюстрирована на примере работы, проделанной в Новом Южном Уэльсе, заключавшейся в кодировании положения, в котором говорилось, что субсидия выплачивается родителям детей в возрасте от четырех с половиной до восемнадцати лет. Человек с достаточной уверенностью знает, что подразумевается под ребенком в возрасте четырех с половиной лет. Как указывает М. Уоддингтон, «мы считаем, что наши дни рождения начинаются в полночь соответствующего дня, независимо от того, в какое время суток мы родились, что ребенку, родившемуся 12 января, 12 июля исполнится 6 месяцев, независимо от количества месяцев между ними, в которых 30 или 31 день, и независимо от того, было ли в этом году 29 февраля» [14, р. 46–47]. Таким образом, для правильного прочтения данной нормы необходима дополнительная информация об обществе, отсутствующая в нормативном акте.

Также норма права может содержать понятия, определения которых законодательно не закреплены. В таком случае возникает необходимость обращения за помощью к толковым словарям или правовой доктрине. Так, в УК РФ закреплено определение понятия «преступление», но отсутствует определение понятия

«состав преступления», хотя оно является одним из важнейших, без корректного понимания которого невозможно применять уголовный закон. Понятие «состав преступления» в настоящий момент подробно разработано в теории уголовного права [15].

Необходимость учитывать динамически изменяющиеся ценности общества и другие социальные факторы. Нормы права могут содержать категории этического характера: справедливость, добросовестность и т. п., которые обычно выражены нормами-принципами или оценочными категориями [16]. Такие категории отражают динамически меняющиеся ценности общества и сформулированы в самом общем виде. Содержание их невозможно записать в виде конечного, раз и навсегда данного набора предписаний. Кроме того, применение тех или иных категорий может сильно зависеть от контекста событий, ситуации в обществе и других текущих переменных.

Н.А. Власенко справедливо отмечает, что наличие таких категорий в праве можно отнести к позитивной правовой неопределенности, которая осознанно заложена законодателем для обеспечения гибкости правоприменения. Такая правовая неопределенность разрешается, в частности, путем конкретизации права судом с использованием судебного усмотрения [17, с. 36–42]. Большинство современных правоведов рассматривают наличие таких категорий в праве как оправданное отступление от правовой определенности [18, с. 87–88].

Таким образом, невозможно оторвать право от общества в той мере, в которой оно связано с ним через оценочные категории и нормы-принципы. Нормами права, содержащими такие категории, невозможно оперировать абстрагированно от конкретного общества в конкретный момент времени. То есть субъекту правоприменения для вынесения правомерного решения должна быть доступная актуальная информация о текущих ценностях общества, текущей общественной морали. Кроме того, такой субъект должен обладать возможностью постоянно обновлять такую информацию.

Наличие правовых пробелов и необходимость конкретизации права. Не редки случаи, когда даже знания о мире и обществе не способны компенсировать отсутствующую информацию в законодательстве. В этом случае мы имеем дело с правовым пробелом.

Классическими способами ликвидации правового пробела являются аналогия закона и аналогия права. В первом случае субъект толкования права должен обладать информацией о том, как законодательно урегулированы сходные общественные отношения. Во втором субъекту толкования необходима информация о принципах права, действующих в данной области права. Также субъект должен обладать достаточными когнитивными способностями, чтобы выполнить такую логическую операцию, как аналогия.

Другой ситуацией, схожей с наличием пробела в праве, является ситуация, при которой право содержит нормы, сформулированные в общем виде. Такие нормы нуждаются в конкретизации на этапе правоприменения. В частности, может подвергаться уточнению сфера действия этой нормы (круг отношений, которые она регулирует, субъекты, объекты), определяться конкретные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношения [8, с. 52–54].

Необходимость анализа неструктурированной информации о фактическом составе. В рамках развернувшегося в мире процесса цифровизации многие факты общественной жизни были переведены в цифровой вид, что существенно упрощает их оценку для целей применения тех или иных норм права. В первую очередь это касается институциональных фактов (наличие брака, статуса самозанятого и т. п.). Частично цифровизации подвергаются и факты реальной жизни. Например, установить наличие человека на рабочем месте можно по использованию персонального пропуска на проходной организации, хотя это не безусловное доказательство.

Однако большинство информации о фактах нашей жизни представлено в неструктурированном, неочищенном виде. Например, такой информацией являются свидетельские показания или записи с камер видеонаблюдения. Информация о наличии или отсутствии того или иного факта должна быть «вычленена» из таких источников для целей последующей уже юридической оценки. Этот процесс требует наличия у правоприменителя определенных когнитивных способностей (распознавать объекты, проводить анализ и синтез, обобщение и др.), а также некоторых знаний о мире и обществе.

Таким образом, правоприменение в самом общем виде представляет собой сложный, многофакторный процесс. Сегодня для корректного применения существенной части правовых норм недостаточно обладать лишь информацией, содержащейся в законодательстве, и использовать лишь логический вывод. Может показаться, что перечисленные проблемы невозможно решить техническими средствами и что полная автоматизация правоприменительной деятельности не может быть достигнута. Далее будут рассмотрены возможные решения перечисленных проблем, основанные на применении машинного обучения и внедрении машиночитаемого права.

ПРИМЕНЕНИЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Первым способом решения указанных проблем, активно применяемым сегодня, является использование машинного обучения. Машинное обучение можно охарактеризовать как подход к созданию алгоритмов, при котором алгоритм итеративно оптимизирует свои параметры, необходимые для успешного решения конкретной задачи, выявляя закономерности в данных.

Самыми популярными в настоящее время моделями машинного обучения являются искусственные нейронные сети, используемые, в частности, для создания больших языковых моделей, таких как модели с архитектурой GPT¹. Сегодня это наиболее распространенный подход для создания полноценного искусственного интеллекта. Кроме того, искусственные нейронные сети в силу особенностей своей структуры способны описывать закономерности высокой сложности [19, с. 55–57].

Большинство моделей машинного обучения можно назвать системами «черного ящика», потому что, в отличие от обычных аналитических инструментов, они обнаруживают закономерности и генерируют прогнозы сложными, неинтуитивными способами, которые нелегко описать [20, р. 163–165].

Рассмотрим, как машинное обучение может быть использовано для решения проблем, препятствующих автоматизации правоприменения.

Создание единой базы данных источников права. Применение машинного обучения может существенно упростить работу по подготовке единой официальной электронной базы данных, содержащей все законодательство того или иного государства, всю актуальную судебную практику. В частности, машинное обучение давно успешно применяется для автоматического распознавания печатного текста [21]. В том числе могут быть созданы отдельные модели машинного обучения, настроенные на распознавание конкретного шрифта, принятого в конкретном государстве в конкретный исторический момент.

Одно из достижений последних лет, связанное с технологиями обработки естественного языка, – существенное улучшение качества семантического поиска. Семантический поиск – это подход к поиску информации, основанный на понимании смысла и контекста поискового запроса, а не просто на обнаружении совпадений по ключевым словам [22, с. 11]. Если весь корпус нормативных текстов будет переведен в специальный векторный вид, то пользователь или информационная система сможет осуществлять поиск по таким документам исходя из смысла запрашиваемого, что существенно упростит процесс поиска подлежащих применению в конкретной ситуации правовых норм.

Частичное устранение несовершенств естественного языка. Современные большие языковые модели уже обладают некоторым уровнем когнитивных способностей². В частности, они могут учитывать контекст высказываний для их правильной интерпретации, анализировать одновременно несколько взаимосвязанных нормативных актов, что может улучшить понимание конкретной нормы права. Таким образом, большие языковые модели могут устранить неоднозначность буквального толкования норм права в той мере, в которой это возможно сделать средствами комплексного или даже целевого толкования.

Компенсация неполноты информации с опорой на знания о мире и обществе. Как уже отмечалось ранее, для толкования некоторых правовых норм необходимо обладать знаниями об обществе, мире, деловых обычаях.

¹ Generative Pre-trained Transformer – разновидность архитектуры больших языковых моделей, представленная в 2018 г. компанией OpenAI.

² Achiam J. et al. Gpt-4 Technical Report, p. 4–9 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.08774> (дата обращения: 20.11.2024).

ях и т. п. Данная проблема может быть решена с использованием больших языковых моделей, обучение которых происходит на огромных корпусах текстов, содержащих информацию о мире и обществе. В процессе обучения нейронная сеть способна уловить закономерности, содержащиеся в данных текстах, касающиеся всех сторон жизни человека. Например, самая передовая на данный момент модель компании OpenAI демонстрирует знания уровня PhD в некоторых научных областях³. Такой объем знаний позволяет моделям оперировать понятиями, информация о которых отсутствует в нормативных текстах.

Кроме того, существует возможность дообучить нейронную сеть таким образом, чтобы она обладала актуальной информацией о конкретном аспекте нашей жизни. Это может потребоваться, если какая-то специфическая информация отсутствовала в изначальной обучающей выборке, была представлена фрагментарно или с ошибками.

На данный момент остается нерешенной проблема склонности больших языковых моделей к галлюцинациям, то есть к выдаче при определенных условиях недостоверной или некорректной информации⁴. Существует несколько подходов к устранению или минимизации данной проблемы, активно тестируемых сегодня⁵.

Оценочные категории и нормы-принципы. В научной литературе часто можно встретить мнение, что искусственный интеллект не сможет заменить человека в различных областях, поскольку не способен оперировать этическими категориями. Данное утверждение представляется спорным уже сегодня.

Как отмечалось ранее, в процессе обучения на корпусе текстов нейронные сети способны улавливать закономерности, содержащиеся в таких текстах, в том числе закономерности

этического характера. То есть нейронные сети способны установить, что авторы представленных текстов относят к добру, злу, несправедливости, недобросовестности и т. п. Кроме того, существует такое направление в разработке искусственного интеллекта, как AI alignment, отвечающее за «выравнивание» ценностей полученных моделей с ценностями конкретного общества и человечества в целом⁶.

Современные исследования показывают, что передовые большие языковые модели обладают политическими предпочтениями [23], что может являться косвенным доказательством возможности успешного использования ими этических категорий.

На данный момент остается нерешенным вопрос о некоторой степени непостоянства моральных позиций больших языковых моделей, то есть склонности давать разные ответы на одни и те же моральные вопросы в зависимости от формулировок. В последние годы над решением этой и других проблем, связанных с применением норм морали искусственным интеллектом, работают многие исследователи⁷.

Таким образом, большие языковые модели или обученные под конкретную задачу небольшие нейронные сети потенциально могут применяться для вынесения суждений с опорой на этические категории, в том числе в сфере права (например, классификация действий лица как добросовестных/недобросовестных, оценка соблюдения принципа справедливости и т. п.).

Поскольку представление об этических категориях в юриспруденции может сильно отличаться от бытовой морали, будет существовать необходимость обучить соответствующие модели решать конкретную задачу, на примерах демонстрируя, как те или иные действия или события оцениваются с точки зрения принципов права и сложившейся практики. Кроме того, будет существовать необходимость постоянно дообучать такие модели, обновляя их знания о состоянии морали в конкретном обществе.

6 What is AI alignment? [Электронный ресурс]. URL: <https://research.ibm.com/blog/what-is-alignment-ai> (дата обращения: 20.11.2024).

7 OpenAI финансирует проект по исследованию морали в системах ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/860884/> (дата обращения: 20.11.2024).

3 Learning to Reason with LLMs [Электронный ресурс]. URL: <https://openai.com/index/learning-to-reason-with-llms/> (дата обращения: 20.11.2024).

4 Руководство для начинающих по галлюцинациям в больших языковых моделях [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/826146/> (дата обращения: 20.11.2024).

5 Можно ли раз и навсегда устранить галлюцинации искусственного интеллекта? [Электронный ресурс]. URL: <https://ai.sber.ru/post/mojno-li-raz-i-navsegda-ustranit-gallucinacii-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 20.11.2024).

Применение аналогий для устранения правовых пробелов. Для устранения пробелов в праве необходимо иметь возможность прибегать к аналогии закона или аналогии права. Применение аналогий – сложная логическая операция, требующая существенно-го уровня когнитивных способностей, которым уже обладают некоторые современные большие языковые модели. Так, по некоторым данным, передовая модель o1 от компании OpenAI уже сегодня набирает 120 баллов в тесте IQ, что существенно превышает показатели среднестатистического человека⁸. Кроме того, она имеет возможность работать с большим набором правовых норм одновременно, что может позволить ей успешно применять аналогии. Также ответ большой языковой модели может представлять собой «цепочку рассуждений»⁹, что позволяет получить от модели не только готовый ответ, но и его пошаговую аргументацию.

Анализ неструктурированной информации о фактическом составе. Нейронные сети достаточно давно используются для работы с неструктурированной информацией. Так, в программном обеспечении, отвечающем за распознавание нарушений правил дорожного движения по записям с камер видеонаблюдения, обычно используются специально обученные для этих целей нейронные сети [24]. С недавних пор Роскомнадзор применяет нейронные сети для поиска запрещенной информации в текстах в сети Интернет¹⁰. Кроме того, современные системы автоматического распознавания речи могут использоваться для преобразования показаний участников судебного процесса в текстовый вид для их последующей обработки¹¹.

8 Нейросеть OpenAI o1 прошла авторитетный норвежский IQ-тест Mensa на 120 баллов [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/843570/> (дата обращения: 20.11.2024).

9 What is chain of thoughts (CoT)? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibm.com/topics/chain-of-thoughts> (дата обращения: 20.11.2024).

10 По интернету пройдутся с нейросетью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6635402> (дата обращения: 20.11.2024).

11 В 2019 г. в судах нескольких субъектов России заработают системы автоматического стенографирования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-2019-g-v-sudakh-neskolikh-subektov-rossii-zarabotayut-sistemy-avtomaticheskogo-stenografirovaniya/> (дата обращения: 20.11.2024).

ПРИМЕНЕНИЕ МАШИНОЧИТАЕМОГО ПРАВА

При всех положительных сторонах машинного обучения, описанных выше, данный подход не способен наилучшим образом решить все проблемы, стоящие на пути автоматизации правоприменения. Даже если будет создан так называемый «общий искусственный интеллект», обладающий тем же уровнем когнитивных способностей, что и обычный человек, он не сможет сам по себе решить проблему неоднозначности толкования некоторых норм.

Рассмотрим пример с нормой права, касающейся отсрочки от призыва на военную службу для сотрудников аккредитованных IT-компаний. В постановлении Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 490 сказано, что «право на получение отсрочки от призыва на военную службу... предоставляется гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях... не менее 11 месяцев в течение года, предшествующего дате начала очередного призыва, имеющим высшее образование...»¹². Данная норма содержит скрытую неоднозначность. Может возникнуть вопрос: чтобы гражданин получил отсрочку от призыва, организация, в которой он работает, должна иметь статус аккредитованной все эти 11 месяцев или только в момент подачи заявления? Иными словами, может ли на отсрочку рассчитывать человек, 11 месяцев проработавший в организации, которая получила аккредитацию только месяц назад?

Таким образом, в праве могут существовать нормы, смысл которых невозможно однозначно уяснить, даже используя комплексное или целевое толкование. Содержание воли законодателя в таких нормах было частично утрачено из-за некорректности формулировок. Однако данные нормы остаются обязательными для применения. В таких ситуациях даже самый мощный искусственный интеллект, как и просто человек, сможет лишь предложить варианты толкования данной нормы, сделать лишь вероятностное предположение. Такое вероятностное предположение невоз-

12 Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий : постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 490 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

можно использовать непосредственно, необходимо принять решение о выборе той или иной трактовки. Если в процессе принятия решения участвует несколько заинтересованных субъектов, не гарантируется, что они выберут один и тот же вариант толкования.

Данную и многие другие проблемы во многом можно решить, преобразовав соответствующие нормы в машиночитаемый вид, обеспечивающий однозначность их понимания.

В 2021 г. в России принята Концепция развития технологий машиночитаемого права, которая определяет машиночитаемое право как основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)¹³.

Представляется, что машиночитаемое право как юридическую категорию лучше определить как совокупность правовых норм, изложенных на формальном языке, обеспечивающем однозначность распознавания их смыслового содержания информационными системами [25, с. 27]. Машиночитаемое право в таком случае является разновидностью писаного права, которое изложено на формальном, а не на естественном языке. Примерами формальных языков являются языки программирования, языки разметки, языки дескрипционных логик.

Приведенная норма права, касающаяся отсрочки от призыва на военную службу, записанная на языке программирования Python в виде логического выражения, в несколько упрощенном виде может выглядеть следующим образом:

```
person.has_education() and organization.
has_accreditation() and duration_of_
work(person, organization)>=11
```

¹³ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На русский язык данное высказывание можно перевести так:

Человек. Имеет_необходимое_образование И Организация. Имеет_аккредитацию И Продолжительность_работы_человека_в_организации >= 11 (месяцев)

Записанная в таком виде норма права всегда будет читаться одинаково, что гарантируется синтаксисом логических выражений. Кроме того, при корректной интеграции данной нормы и соответствующих баз данных, содержащих информацию обо всех выданных дипломах о высшем образовании, всех аккредитованных организациях и всех электронных трудовых книжках (или о выплатах в Социальный фонд России за работников), данная норма будет исполняться автоматически, без участия человека. Таким образом, данная норма станет частью машиноисполняемого права государства.

Важно отметить, что не все нормы права могут быть полноценно приведены к машиночитаемому формату. Рассмотренные ранее нормы-принципы и оценочные категории могут быть лишь отмечены как таковые в рамках машиночитаемого акта, поскольку записать их в виде конечного набора предписаний невозможно. При автоматическом исполнении таких актов информационная система, дойдя до соответствующих категорий, может предложить человеку или искусственному интеллекту произвести соответствующую оценку (например, оценить добросовестность лица или соблюдение правового принципа справедливости) с опорой на актуальные знания о мире, обществе и морали. В отдельных случаях законодатель может отказаться от оценочных категорий в нормах права, заменив их совокупностью конкретных предписаний, упростив тем самым их автоматическое применение, повысив правовую определенность, пожертвовав некоторой степенью гибкости регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе рассмотрены проблемы, препятствующие автоматизации процесса правоприменения, и пути их решения, основанные на использовании машинного

обучения и машиночитаемого права. Автор остановился лишь на фундаментальных технических проблемах, вытекающих из особенностей современного права, препятствующих самой возможности его автоматического применения. Рассмотрение социальных, этических проблем перехода к автоматическому применению права, необходимости и степе-

ни такого перехода представляет не меньший научный интерес и нуждается в дальнейшем изучении. Изложенные доводы свидетельствуют о том, что современные технологии и новые подходы к формированию права потенциально позволяют если не достичь полной автоматизации правоприменения, то существенно приблизиться к данной цели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work / M. Cazzaniga et al. – Washington : International Monetary Fund, 2024. – 41 p.
2. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений : монография / под ред. Д.А. Пашенцева. – Москва : Инфотропик Медиа, 2022. – 140 с.
3. Казьмина Е.А. Машиночитаемое право: основные тенденции развития / Е.А. Казьмина // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции (Барнаул, 28–29 июня 2022 г.). – Барнаул : Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 455–457.
4. Вашкевич А.М. Машиночитаемое право: право как электричество / А.М. Вашкевич. – Москва : Симплоер, 2019. – 256 с.
5. Casey A. Self-Driving Laws / A. Casey, A. Niblett // University of Toronto Law Journal. – 2016. – Vol. 66. – P. 429–442.
6. Савельев Д.А. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных / Д.А. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 26–44.
7. Кнутов А.В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин, Р.Х. Синятуллин, А.В. Чаплинский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 4–27.
8. Власенко Н.А. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики / Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 43–57.
9. Коршунова П.В. Обеспечение единства судебной практики высшими судебными органами Российской Федерации / П.В. Коршунова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 115–122.
10. Корнев А.В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфическая форма судебного правотворчества в России / А.В. Корнев // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 21–29.
11. Гайдамакин А.А. Семантические отношения как основа формального языка права / А.А. Гайдамакин // Научный вестник Омской Академии МВД России. – 2012. – № 2 (45). – С. 80–85.
12. Муравенко Е.В. Что такое синтаксическая омонимия / Е.В. Муравенко // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006. – Москва : МЦНМО, 2008. – С. 153–158.
13. Годжаева М.А.К. Синтаксическая неоднозначность и контекст / М.А.К. Годжаева // Национальная ассоциация ученых. – 2020. – № 51-3 (51). – С. 42–45.

REFERENCES

1. Cazzaniga M. et al. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work. Washington, International Monetary Fund Publ., 2024. 41 p.
2. Pashentsev D.A. (ed.). Digitalization of Law Enforcement: Search for New Solutions. Moscow, Infotropic Media Publ., 2022. 140 p.
3. Kazmina E.A. Machine-Readable Law: Main Development Trends. *State and Law in the Era of Global Changes. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Barnaul, June 28–29, 2022)*. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022, pp. 455–457. (In Russian).
4. Vashkevich A.M. Machine-Readable Law: Law as Electricity. Moscow, Simploe Publ., 2019. 256 p.
5. Casey A., Niblett A. Self-Driving Laws. *University of Toronto Law Journal*, 2016, vol. 66, pp. 429–442.
6. Saveliev D.A. On Creating and Using Text of the Russian Federation Corpus of Legal Acts as Open Dataset. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 1, pp. 26–44. (In Russian).
7. Knutov A.B., Plaksin C.M., Ciniatullin P.K., Chaplinskyi A.B. Regulatory Guillotine in Russia and its Quantitative Results. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 4–27. (In Russian).
8. Vlasenko N.A., Zaloilo M.V. Concretization and Interpretation of Law as the Creative Content of Judicial Practice. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 8 (236), pp. 43–57. (In Russian).
9. Korshunova P.V. Practice by the High Judicial Bodies of the Russian Federation. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2024, no. 4, pp. 115–122. (In Russian).
10. Kornev A.V. Explanations of the Plenary Sessions of the Highest Courts on Issues of Judicial Practice as a Specific Form of Judicial Lawmaking in Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki = Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 1, pp. 21–29. (In Russian).
11. Gaidamakin A. A. Semantic Relations as the Basis of the Formal Language of Law. *Nauchnyy vestnik Omskoj Akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 2 (45), pp. 80–85. (In Russian).
12. Muravenko E.V. What is Syntactic Homonymy. *Linguistics for Everyone. Summer Linguistic Schools 2005 and 2006*. Moscow Center for Continuous Mathematical Education Publ., 2008, pp. 153–158. (In Russian).

14. Waddington M. Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective – human v artificial intelligence / M. Waddington // *The Loophole*. – 2019. – № 2. – P. 21–52.

15. Морозов В.И. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права / В.И. Морозов, С.Г. Лосев // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2017. – № 2 (40). – С. 16–21.

16. Рыженков А.Я. Моральная обусловленность принципов гражданского права / А.Я. Рыженков // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2014. – № 1 (21). – С. 46–51.

17. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н.А. Власенко // *Журнал российского права*. – 2013. – № 2 (194). – С. 32–44.

18. Бурцева С.С. Оценочные понятия – необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к ее нарушению? / С.С. Бурцева // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 86–95.

19. Галкин В.А. Некоторые аспекты аппроксимации и интерполяции функций искусственными нейронными сетями / В.А. Галкин, Т.В. Гавриленко, А.Д. Смородинов // *Вестник КРАУНЦ. Физ.-мат. науки*. – 2022. – Т. 38, № 1. – С. 54–73.

20. Appel S.M. Algorithmic Governance and Administrative Law / S.M. Appel, C. Coglianese // *The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms* / ed. by W. Barfield. – Cambridge University Press, 2020. – P. 162–181.

21. Агафьина А.Д. Об автоматическом распознавании печатного текста / А.Д. Агафьина, А.А. Никитин // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2024. – № 9. – С. 48–61.

22. Шалагин Н.Д. Обзор алгоритмов семантического поиска по текстовым документам / Н.Д. Шалагин // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2024. – № 9. – С. 11–21.

23. Rozado D. The political preferences of LLMs / D. Rozado // *PLoS ONE*. – 2024. – № 19 (7). – Art. e0306621.

24. Ibadov S.R. Method of Automated Detection of Traffic Violation with a Convolutional Neural Network / S.R. Ibadov, B.Y. Kalmykov, R.R. Ibadov, R.A. Sizyakin // *EPJ Web of Conferences*. – 2019. – Vol. 224. – Art. 04004.

25. Перевозкин А.А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права / А.А. Перевозкин // *Актуальные проблемы российского права*. – 2024. – Т. 19, № 8. – С. 22–37.

13. Gojayeva M.A. Syntactic Ambiguity and Context. *Nacional'naya asociaciya uchenykh = National Association of Scientists*, 2020, no. 51-3 (51), pp. 42–45. (In Russian).

14. Waddington M. Machine-Consumable Legislation: A Legislative Drafter's Perspective – Human V Artificial Intelligence. *The Loophole*, 2019, no. 2, pp. 21–52.

15. Morozov V.I., Losev S.G. The Concept of Corpus Delicti in the National Theory of Criminal Law. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 2 (40), pp. 16–21. (In Russian).

16. Ryzhenkov A.Ya. Moral Conditionality of Civil Law Principles. *Vestnik Kalmyckogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University*, 2014, no. 1 (21), pp. 46–51. (In Russian).

17. Vlasenko N.A. Uncertainty in Law: Nature and Forms of Expression. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 2 (194), pp. 32–44. (In Russian).

18. Burtseva S.S. The Evaluation Concepts – A Necessary Means of Achieving the Constitutional Idea of Legal Certainty or a Factor Leading to Its Violation? *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 86–95. (In Russian).

19. Galkin V.A., Gavrilenko T.V., Smorodinov A.D. Some Aspects of Approximation and Interpolation of Functions Artificial Neural Networks. *Vestnik KRAUNC. Fiz.-mat. nauki*, 2022, vol. 38, no. 1, pp. 54–73. (In Russian).

20. Appel S.M., Coglianese C. Algorithmic Governance and Administrative Law. In Barfield W. (ed.). *The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms*. Cambridge University Press Publ., 2020, pp. 162–181.

21. Agafyina A.D., Nikitin A.A. On Automatic Recognition of Printed Text. *International Journal of Open Information Technologies*, 2024, no. 9, pp. 48–61. (In Russian).

22. Shalagin N.D. Review of Semantic Search Algorithms for Text Documents. *International Journal of Open Information Technologies*, 2024, no. 9, pp. 11–21. (In Russian).

23. Rozado D. The Political Preferences of LLMs. *PLoS ONE*, 2024, no. 19 (7), Art. e0306621.

24. Ibadov S.R., Kalmykov B.Y., Ibadov R.R., Sizyakin R.A. Method of Automated Detection of Traffic Violation with a Convolutional Neural Network. *EPJ Web of Conferences*, 2019, vol. 224, Art. 04004.

25. Perevozkin A.A. Theoretical and Legal Characteristics of Machine-Readable Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2024, vol. 19, no. 8, pp. 22–37. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перевозкин Андрей Андреевич – аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perevozkin Andrey Andreevich – Postgraduate Student, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Institute of State and Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 22.02.2025. The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 22.02.2025.

Original article
УДК 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.26

Научная статья

САВЧИК Ксения Владимировна
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: kseniya.savchik@mail.ru

SAVCHIK Kseniia Vladimirovna
Herzen Russian State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ

THE EFFECTIVENESS OF THE MODERN SYSTEM OF SENTENCING JUVENILE OFFENDERS

Аннотация. В последние годы наблюдается явная тенденция к снижению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Учитывая, что наказание является основной формой реализации уголовной ответственности, изначально можно предположить, что достижение целей наказания обусловлено грамотной превентивной уголовной политикой и исправлением осужденных лиц. Цель статьи: оценка эффективности современной системы назначения наказаний в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, посредством исследования отдельных статистических показателей. Методы: общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные: формально-юридический, позволивший разграничить основные правовые термины, статистический, на основании которого дана оценка текущей ситуации, характеризующей преступность несовершеннолетних в Российской Федерации. Результаты: анализ статистических показателей, ежегодно публикуемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, исследование мнений отдельных авторов позволили прийти к выводу, что, несмотря на плавное снижение показателей преступности несовершеннолетних, действующая система назначения наказания в отношении таких лиц нуждается в дальнейшем усовершенствовании. В частности, при выборе оптимальной меры уголовно-правового воздействия пристальное внимание следует уделять учету категории преступления и наличию признака повторности противоправного поведения.

Abstract. In recent years, there is a clear tendency to reduce the number of crimes committed by juveniles. Considering that punishment is the main form of criminal responsibility, it can be initially assumed that the achievement of the goals of punishment is conditioned by a competent preventive criminal policy and the correction of convicted persons. Purpose: to assess the effectiveness of the modern system of sentencing juvenile offenders through the study of certain statistical indicators. Methods: general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: the formal-legal method, which distinguishes the main legal terms; the statistical method, on the basis of which the current situation characterising juvenile delinquency in the Russian Federation is assessed. Results: an analysis of statistical indicators published annually by the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation and a study of the individual authors' opinions lead to the conclusion that, despite the smooth decline in juvenile delinquency rates, the current system of sentencing such persons requires further improvement. In particular, when choosing the optimal criminal law measure, careful attention should be paid to the category of the offence and the repetition of unlawful conduct.

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, несовершеннолетние, несовершеннолетние преступники, преступность, профилактика преступности, повторность противоправного поведения

Для цитирования: Савчик К.В. Эффективность современной системы назначения наказания в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте / К.В. Савчик. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.26 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 238–247.

Keywords: punishment, sentencing, juveniles, juvenile offenders, delinquency, crime, crime prevention, repetition of unlawful behavior

For citation: Savchik K.V. The Effectiveness of the Modern System of Sentencing Juvenile Offenders. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 238–247. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.26.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросам эффективности действующей системы наказания посвящено немалое количество научных исследований, при этом в каждом из них прослеживается идея о необходимости оценки этой системы с использованием различных критериев. Так, в отдельных исследованиях отмечается, что эффективность системы наказания может быть определена через оценку корректности его назначения и исполнения [1, с. 4], в рамках соотношения цели и результата назначения наказания, а также возникающих издержек [2, с. 22], посредством анализа частоты назначения конкретного вида наказания [3, с. 32].

подавляющее большинство авторов сходятся во мнении, что в любом случае эффективность наказания – это оценочная категория. В этой связи, как отмечают С.Ю. Бытко и А.Н. Варыгин, ее оценка может быть осуществлена посредством анализа таких показателей, как снижение количества совершаемых преступлений, частота рецидивной преступности. Дополнительным критерием также могут выступать данные о снижении доли тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности [4, с. 169]. На обязательность оценки уровня рецидивной преступности при определении эффективности системы наказания обращают внимание Г.С. Гаверов [5, с. 111], И.М. Рагимов [6, с. 154–155], О.Н. Ведерникова [7, с. 109] и др.

Полагаем, что на эти факторы следует обращать внимание и при исследовании дей-

ствующей системы наказаний, применяемых к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, проведение которого обусловлено прежде всего тем, что уменьшение количества совершаемых несовершеннолетними лицами уголовно наказуемых деяний напрямую не вызвано возросшей эффективностью системы назначения наказаний. Представляется, что анализ отдельных статистических показателей позволит выявить слабые места в указанном направлении реализуемой уголовной политики и предложить возможные пути ее усовершенствования.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, КОТОРЫЕ МОГУТ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЗНАЧАЕМОГО НАКАЗАНИЯ

Ежегодно публикуемые статистические данные свидетельствуют об уменьшении количества преступлений, совершенных лицами, не достигшими восемнадцати лет. При этом, как мы отмечали в других своих исследованиях, говорить о действительном улучшении положения по ряду причин, включая демографическую ситуацию, миграционную политику, фактор латентности и иные обстоятельства, не совсем правильно [8, с. 138]. Данный вывод подтверждает рост числа совершаемых несовершеннолетними тяжких преступлений при одновременном снижении числа преступлений, относящихся к категории средней тяжести (см. табл. 1).

Таблица 1

**Сведения о количестве осужденных за совершение преступлений
средней тяжести и тяжких в несовершеннолетнем возрасте**

Количественные характеристики	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Преступления средней тяжести	7902	7101	5859	4637	4199	3862	3248
Удельный вес преступлений средней тяжести, %	38,3	37,7	34,8	31,5	28,3	27,1	25,4
Тяжкие преступления	8870	8163	7738	7298	7700	7277	6586
Удельный вес тяжких преступлений, %	43	43,4	45,9	49,6	51,8	51,2	51,6
Общее количество осужденных	20 613	18 826	16 858	14 702	14 863	14 214	12 769

Возвращаясь к непосредственной оценке эффективности системы назначения наказания в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, проанализируем данные о повторности совершения преступления после первого случая привлечения к уголовной от-

ветственности или иного соприкосновения с уголовно-исполнительной системой (см. табл. 2). Полагаем, что данный показатель можно рассматривать в качестве фундаментального для оценки эффективности специальной превенции преступности среди несовершеннолетних.

Таблица 2

**Данные о количестве осужденных несовершеннолетних
и об их соприкосновении с уголовно-исполнительной системой**

Количественные характеристики	Годы					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6	7
Общее количество осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте	18 826	16 858	14 702	14 863	14 214	12 769
Количество осужденных, имеющих неснятую или непогашенную судимость/удельный вес от общего числа, %	4672/25	4159/24,7	3539/24	3461/23,3	3163/22,3	2915/22,8

1	2	3	4	5	6	7
Количество юридически несудимых осужденных, но совершивших два и более преступления впервые/удельный вес от общего числа, %	3223/ 17,1	2684/ 16	2616/ 17,8	2941/ 19,8	2619/ 18,4	2513/ 19,7
Количество осужденных, которые юридически не судимы, но состояли на учете или подвергались мерам принудительного воспитательного воздействия/удельный вес от общего числа, %	3597/ 19,1	3285/ 19,5	2971/ 20,2	2880/ 19,4	2473/ 17,4	2171/ 17

Из анализа представленных данных видно, что как минимум каждый пятый несовершеннолетний осужденный на момент судебного рассмотрения уголовного дела уже имел неснятую или непогашенную судимость.

Отдельное внимание при анализе сведений о повторности совершения противоправных деяний несовершеннолетними было обращено на количественные показатели юридически несудимых лиц, которые на момент совершения преступления ранее имели определенное соприкосновение с уголовно-исполнительной системой либо совершили два и более преступления.

Из представленных данных в шестилетней динамике можно сделать следующие обобщенные выводы:

- показатели совершения преступлений лицами, не достигшими совершеннолетия и ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, демонстрируют незначительное снижение при незначительном увеличении в 2023 г.; следует понимать, что такая ситуация в том числе обусловлена снижением общих показателей преступности несовершеннолетних;

- при одновременном незначительном снижении показателей повторности противоправного поведения среди несовершеннолетних с 2020 г. наблюдается рост совершения такими лицами двух и более преступлений; указанное обстоятельство может быть истолковано таким образом, что первый криминальный инцидент, совершенный

несовершеннолетним, по всей видимости, не был случайным;

- более 50 % осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте уже имели прямое или косвенное соприкосновение с исполнительной системой.

Указанные показатели однозначно демонстрируют высокий уровень соприкосновения несовершеннолетних с уголовно-исполнительной системой как перед первым совершением преступления, так и при повторном проявлении противоправного поведения. Это, очевидно, свидетельствует о том, что такая цель наказания, как исправление осужденного, достигается не во всех случаях.

Повторному и неоднократному совершению несовершеннолетними противоправных деяний в том числе способствует несовершенство системы назначения наказания, недостаточность воспитательного воздействия [9, с. 311]. Негативное влияние на последующее правомерное поведение несовершеннолетнего может оказать как чрезвычайно мягкий приговор, вынесенный без учета отдельных характеристик личности осужденного, так и чрезмерно суровый, в основу которого может быть положена излишняя превентивная составляющая. Учитывая это, считаем также необходимым исследовать данные о видах назначаемых наказаний лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, в соотношении с наличием у осужденных судимости, действующей на момент рассмотрения уголовного дела по существу (см. табл. 3).

**Сведения о видах наказаний, назначаемых несовершеннолетним,
и соотношение с данными о судимости**

Количественные характеристики		Годы					
		2018	2019	2020	2021	2022	2023
Общее количество осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте		18 826	16 858	14 702	14 863	14 214	12 769
1		2	3	4	5	6	7
Лишение свободы на определенный срок	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	3163/16,8	2755/16,3	2237/15,2	2413/16,2	2474/17,4	2259/17,7
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	1618/51,1	1436/52,1	1183/52,9	1208/50	1138/46	854/37,8
Исправительные работы	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	248/1,3	182/1,1	212/1,4	203/1,4	213/1,5	240/1,9
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	87/35	83/46	98/46	94/46,3	118/55,4	94/39,1
Обязательные работы	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	4205/22,3	3706/22	2919/19,9	2615/17,6	2437/17,1	2136/16,7
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	936/22,3	905/24,4	685/23,5	666/25,4	615/25,2	442/20,7
Штраф (основной вид наказания)	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	1809/9,6	1573/9,3	1462/10	1490/10	1352/9,5	1336/10,5
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	185/10,2	167/10,6	140/9,6	124/8,3	102/7,5	93/7

1		2	3	4	5	6	7
Условное осуждение к лишению свободы	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	7244/38,5	6350/37,7	5790/39,4	5791/39	5263/37	4190/32,8
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	1461/20,2	1224/19,6	1098/19	1015/17,5	896/17	549/13,1
Условное осуждение к иным видам наказания	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	280/1,5	208/1,2	201/1,4	158/1,1	153/1,1	109/0,9
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	60/21,4	37/17,8	51/25,4	53/33,5	45/29,4	23/21,1
Иные виды наказания	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	663/3,5	636/3,8	511/3,5	503/3,4	411/2,9	451/3,5
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	182/27,5	159/25	169/33	151/30	110/26,8	105/23,3
Освобождено от наказания или наказание не назначалось	общее количество осужденных/удельный вес от общего числа осужденных, %	1214/6,4	1448/8,6	1368/9,3	1690/11,4	1910/13,4	2048/16
	среди них имевшие неснятые и непогашенные судимости/удельный вес, %	143/11,8	148/10,2	115/8,4	150/8,9	138/7,2	107/5,2

Анализируя показатели, обозначенные выше, можно сделать следующие выводы.

1. Среди лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, которым назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок, до 2022 г. около 50 % имели неснятую или непогашенную судимость, впоследствии стала намечаться тенденция к снижению данного показателя.

2. Несмотря на незначительное количество лиц, которым было назначено наказание

в виде исправительных работ, удельный вес тех из них, у кого имелась неснятая или непогашенная судимость на момент вынесения приговора, также является чрезвычайно высоким – в среднем около 40–45 %, что сопоставимо с данными о повторности преступной деятельности при назначении наказания в виде лишения свободы.

3. Значительными показателями повторности совершения преступлений несовершеннолетними также остаются при назначении

условного лишения свободы (хотя в указанном случае намечается тенденция к снижению количества лиц, ранее имевших преступный опыт), обязательных работ, условного осуждения к иным видам наказания.

4. Среди лиц, которым назначен такой вид наказания, как штраф, гораздо меньше тех, кто ранее имел судимость (в среднем около 8 %).

5. При одновременном увеличении числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности, наблюдается снижение удельного веса числа лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость. Указанное обстоятельство явно свидетельствует о наличии позитивной тенденции в части принятия решения об освобождении от наказания именно тех несовершеннолетних, исправление которых действительно возможно без реального исполнения наказания, предусмотренного санкцией уголовно-правовой нормы.

Соответствующие различия при выборе оптимальной меры наказания при наличии судимости за ранее совершенные преступные деяния могут свидетельствовать о недостаточной эффективности действия принципа справедливости, регламентированного в ст. 6 УК РФ.

Возможно, проанализированные статистические данные демонстрируют приоритетное значение принципа индивидуализации наказания, однако, соглашаясь с Т.Р. Сабитовым, считаем, что сам факт возникновения вопроса о соотношении индивидуализации наказания и принципа справедливости может быть истолкован как обстоятельство, свидетельствующее о недостаточности законодательного описания принципа справедливости

и механизма его применения при постановлении приговора [10, с. 62].

Ф.А. Вестов отмечает, что значение принципа справедливости проявляется как в выборе оптимальной меры уголовно-правового воздействия, так и в создании специальных условий исполнения наказания [11, с. 26]. На недостаточность законодательного описания сущности принципов, отраженных в ст. 3–7 УК РФ, которые учитываются при назначении наказания, также указывают другие исследователи [12, с. 165; 13, с. 114].

Со своей стороны, считаем, что в действительности излишняя широта судебной дискреции при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних приводит к нарушению принципа справедливости, в особенности это проявляется при учете имеющейся неснятой и непогашенной судимости при выборе меры и размера наказания. Данный вывод, на наш взгляд, прямо подтверждается высокими количественными показателями повторности совершения преступлений несовершеннолетними.

Помимо повторности совершения противоправных деяний несовершеннолетними и ее анализа на предмет эффективности назначаемого наказания, полагаем, что следует проанализировать иные данные, являющиеся отражением результатов правоприменительной практики. Так, назначая наказание всякому преступнику, суд должен обращать внимание на категорию совершенного преступления.

Применительно к лицам, осужденным за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, можно увидеть следующее соотношение категории преступления и вида назначенного наказания (см. табл. 4).

Таблица 4

Сведения об учете категории преступления при назначении наказания несовершеннолетним

Количественные характеристики	Лишение свободы		Штраф		Условное лишение свободы		Обязательные работы		Исправительные работы		Условное осуждение к иным наказаниям		Ограничение свободы		Освобождение от наказания	
	Годы															
	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Небольшой тяжести	124	143	255	264	66	62	737	708	53	52	30	23	211	197	97	117

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Небольшой тяжести	124	143	255	264	66	62	737	708	53	52	30	23	211	197	97	117
Средней тяжести	474	387	338	327	780	559	1508	1214	137	158	120	81	165	190	340	327
Тяжкое	744	666	755	744	4076	3298	189	208	22	29	3	5	25	44	1463	1590
Особо тяжкое	1132	1063	4	1	341	271	3	6	1	1	0	0	10	13	10	14
Всего осужденных	2474	2259	1352	1336	5263	4190	2437	2136	213	240	153	109	411	444	1910	2048

Считаем, что анализ назначения наказания с учетом категории совершенного преступления свидетельствует о том, что суды при выборе меры уголовно-правового воздействия не в полной мере учитывают тяжесть противоправного деяния, тем самым недооценивая или переоценивая его реальную общественную опасность.

Так, из приведенных данных видно, что суды не столь редко назначают наказание в виде реального лишения свободы за совершение преступлений небольшой (около 8 % от общего числа осужденных за совершение преступлений данной категории) и средней тяжести (около 12 %). Данные об освобождении от уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений существенно выше данных, свидетельствующих о принятии аналогичного решения при осуждении за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

В отдельных случаях подобная ситуация может объясняться несоразмерностью санкции уголовно-правовой нормы в ее соотношении с общественной опасностью деяния. Вместе с тем, как указал К.В. Арановский в особом мнении по поводу постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П, для определения меры общественной опасности не существует метрической скалы, «исходная величина общественной опасности неопределенна и заведомо условна», соразмерное наказание точно определить нельзя¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7784.

Соглашаясь с этим утверждением, тем не менее полагаем, что в рассматриваемом случае, несмотря на условный характер оцениваемых мер в совокупности с иными исследованными показателями, все же усматривается определенная проблема. Более того, ее наличие, на наш взгляд, дополнительно подтверждается тем, что показатели условного лишения свободы за совершение преступлений небольшой тяжести в два раза ниже в сравнении с количеством осужденных к реальному лишению свободы. При осуждении за совершение тяжких преступлений показатели назначения условного лишения свободы (более 50 %) в несколько раз превышают показатели назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок (около 10 %).

Соглашаясь с мнением В.Н. Бурлакова, считаем, что такое положение дел может указывать на отсутствие объективной оценки личности подсудимого при назначении ему необходимой меры уголовно-правового воздействия [14, с. 11].

В таком случае можно констатировать отсутствие фактической зависимости строгости применяемого наказания с учетом иерархии, установленной в ст. 44 УК РФ, от степени общественной опасности совершенного деяния. На существование данной проблемы также указано в диссертационном исследовании Е.Н. Федотовой [15, с. 11].

Соответствующая ситуация отчасти вызвана предоставленной широкой судебной дискрецией при выборе меры уголовно-пра-

вового воздействия и чрезмерным действием принципа индивидуализации наказания. При этом следует понимать, что полное устранение такой ситуации, в силу действительной необходимости учета личностных особенностей подсудимого при постановлении приговора, видится невозможным. Вместе с тем в целях ее оптимизации возможно принятие следующих мер:

- законодательное закрепление невозможности назначения наказания в виде лишения свободы лицам, совершившим в несовершеннолетнем возрасте преступление небольшой тяжести, при отсутствии у таких лиц неснятой или непогашенной судимости;

- в силу значительности показателей, отражающих повторность противоправного поведения среди несовершеннолетних, необходимо реализовать программы по усилению контроля за теми несовершеннолетними, чье поведение можно признать девиантным, как одну из профилактических мер, направленных на потенциальное снижение числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе оценки эффективности системы назначения наказания лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, было установлено, что в ее функционировании действительно имеются определенные проблемы.

В первую очередь нами было выявлено, что среди осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте высок процент лиц, имевших неснятую или непогашенную судимость (около 20 %).

Около 50 % осужденных ранее имели соприкосновение (привлечение к уголовной ответственности, постановка на учет) с уголовно-исполнительной системой или совершили два или более преступных деяния.

При выборе вида наказания, помимо сведений об имеющихся судимостях, суды не всегда учитывают тяжесть совершенного преступления. Так, была выявлена существенная диспропорция при назначении условного лишения свободы при осуждении за совершение тяжких преступлений (более 50 %) в сравнении со случаями назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок (около 10 %) – принятие решения об освобождении от уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений в судебной практике встречается чаще аналогичного решения при осуждении за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

В таких случаях, считаем, существенно ограничивается действие принципов справедливости и равенства перед законом и судом. Статистические показатели, на наш взгляд, отражают широту судебной дискреции, позволяющей судьям при постановлении приговора руководствоваться собственным усмотрением, зачастую не в полной мере учитывая данные о неснятой или непогашенной судимости, степень общественной опасности и категорию совершенного преступления.

Осознавая трудность в противодействии сложившейся ситуации в силу необходимости следования индивидуальному подходу при назначении наказания, полагаем, что правоприменители должны сосредоточить внимание на профилактических мерах воздействия, направленных на снижение повторности преступного поведения несовершеннолетних.

Список источников

1. Никифоров Б.С. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / Б.С. Никифоров, Т.Л. Сергеева, Л.Ф. Помчалов и др. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 255 с.
2. Фаткуллин Ф.Н. Социальная ценность и эффективность правовой норм / Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Чулюкин. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1977. – 117 с.
3. Гарбатович Д.А. Применяемость уголовного наказания как критерий его эффективности / Д.А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2014. – Т. 14, № 2. – С. 32–38.

REFERENCES

1. Nikiforov B.S., Sergeeva T.L., Pomchalov L.F. et al. Effectiveness of Criminal Law Measures to Combat Crime. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1968. 255 p.
2. Fatkullin F.N., Chulyukin L.D. Social Value and Effectiveness of the Legal Norm. Kazan State University Publ., 1977. 117 p.
3. Garbatovich D.A. Application of Criminal Penalties as a Criterion for Its Effectiveness. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the South Ural State University*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 32–38. (In Russian).

4. Бытко С.Ю. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний / С.Ю. Бытко, А.Н. Варыгин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 1 (43). – С. 146–177.
5. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания : учебное пособие / В.И. Арькова, Г.Б. Виттенберг, Г.С. Гаверов и др. ; отв. ред. Г.Б. Виттенберг. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1978. – 90 с.
6. Рагимов И.М. Эффективность наказания: «Цель – результат» / И.М. Рагимов // Юридические науки и образование. – 2020. – № 62. – С. 152–164.
7. Ведерникова О.Н. Влияние назначения уголовного наказания на состояние рецидивной преступности: региональный аспект / О.Н. Ведерникова, О.В. Гейце // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 109–115.
8. Савчик К.В. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних / К.В. Савчик // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 4. – С. 133–140.
9. Антонян Е.А. Факторы, способствующие совершению повторных преступлений на стадии исполнения наказания / Е.А. Антонян // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 2 (11). – С. 310–316.
10. Сабитов Т.Р. Принципы назначения уголовного наказания / Т.Р. Сабитов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 59–65.
11. Вестов Ф.А. Отдельные аспекты реализация принципа справедливости при привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних / Ф.А. Вестов // Базис. – 2020. – № 2 (8). – С. 23–28.
12. Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса / Ф.Ф. Мамедова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 148–168.
13. Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия / А.В. Тищенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 113–117.
14. Бурлаков В.Н. Индивидуализация уголовного наказания: закон, теория, судебная практика : учебно-практическое пособие / В.Н. Бурлаков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. – 128 с.
15. Федотова Е.Н. Уголовные наказания, не связанные с лишением свободы, применяемые в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Н. Федотова. – Рязань, 2018. – 210 с.
4. Bytko S.Yu. Some Methodological Issues of Evaluating the Effectiveness of the Preventive Impact of Criminal Punishments. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, iss. 1 (43), pp. 146–177. (In Russian).
5. Arkova V.I., Vittenberg G.B., Haverov G.S. et al.; Vittenberg G.B. (ed.). Appointment of Punishment, Its Effectiveness and Release from Criminal Liability and Punishment. Irkutsk State University Publ., 1978. 90 p.
6. Rahimov I.M. Effectiveness of Punishment: «The goal – results». *Yuridicheskie nauki i obrazovanie = Juridical Sciences and Education*, 2020, no. 62, pp. 152–164. (In Russian).
7. Vedernikova O.N., Geintse O.V. The Impact of the Practice of Imposition of Punishment on the State of Repeated Crime: A Regional Aspect. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 2, pp. 109–115. (In Russian).
8. Savchik K.V. The Current State and Trends of Juvenile Delinquency. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2023, no. 4, pp. 133–140. (In Russian).
9. Antonyan E.A. Factors Contributing to the Commission of Repeated Crimes at the Stage of Punishment Execution. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2009, no. 2 (11), pp. 310–316. (In Russian).
10. Sabitov T.R. Principles of Criminal Sentencing. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 2 (40), pp. 59–65. (In Russian).
11. Vestov F.A. Certain Aspects of the Implementation of the Principle of Justice When Prosecuting Minors. *Basis*, 2020, no. 2 (8), pp. 23–28. (In Russian).
12. Mamedova F.F. Justice in Criminal Law: Current Status of the Issue. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no 1, pp. 148–168 (in Russian).
13. Tischenko A.V. Principle of Fairness as a Standard of Law Enforcement in the Mechanism of Administration of Justice. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 113–117. (In Russian).
14. Burlakov V.N. Individualization of Criminal Punishment: Law, Theory, Judicial Practice. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2011. 128 p.
15. Fedotova E.N. Non-Custodial Criminal Penalties Applied to Minors. *Cand. Diss. Ryazan*, 2018. 210 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савчик Ксения Владимировна – аспирант юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savchik Kseniia Vladimirovna – Postgraduate Student of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 13.12.2024.
The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Original article
УДК 341.636.5
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.27

Научная статья

СИГАУРИ-ГОРСКИЙ Егор Русланович
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук,
Москва, Россия
e-mail: gyers91@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6879-3065>

SIGAURI-GORSKII Egor Ruslanovich
Institute of China and Contemporary Asia of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

АРБИТРАЖНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ СПОРУ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ 2016 ГОДА: ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ, КВАЛИФИКАЦИИ И ЕГО АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВОВ О «КРИЗИСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

THE 2016 SOUTH CHINA SEA ARBITRAL AWARD: ISSUES OF LEGAL ESSENCE,
QUALIFICATION, AND ITS ACADEMIC ASSESSMENTS IN THE CONTEXT OF "CRISIS
OF INTERNATIONAL LAW" NARRATIVES

Аннотация. Постоянная палата третейского суда (далее – ППТС, Трибунал) в 2016 г. вынесла знаменательное арбитражное решение по результатам рассмотрения территориального спора между Китаем и Филиппинами о статусе Южно-Китайского моря (далее – ЮКМ), в котором практически полностью отвергла территориальные притязания КНР как не соответствующие действующим принципам и нормам международного права. Однако это решение вызывало в академическом сообществе вопросы о корректности юридической квалификации и о полноценном «кризисе международного права». Целью данной работы является анализ сущности арбитражного решения 2016 г., а также его академических оценок в контексте дискурса о «кризисе международного права». Для ее достижения использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), которые позволили применить инструментарий формальной логики для анализа арбитражного решения по рассматриваемому спору как сложной системы, а также частнонаучные и специальные (формально-юридический, метод юридической герменевтики), способствовавшие детальному анализу юридической сущности решения и его правовых оценок в научной литературе. Результаты: несмотря на то что арбитражное решение 2016 г. не смогло в полной мере внести правовую определенность в отношения сторон относительно ЮКМ, оно тем не менее является ценным прецедентом для общей практики международного морского права и будет служить правовым ориентиром при урегу-

Abstract. In 2016, the Permanent Court of Arbitration issued a landmark arbitral award on the territorial dispute between China and the Philippines over the South China Sea (hereinafter – SCS), which almost completely rejected China's territorial claims as inconsistent with existing principles and norms of international law. However, the decision was not unilaterally accepted by the academic community, which raised questions about both the correct legal qualification and a full-fledged "crisis of international law". The purpose of this paper is to analyze the essence of the 2016 arbitral award, as well as its academic assessments in the context of the discourse on the "crisis of international law". To achieve this purpose, the author uses general scientific methods (dialectical, logical, systemic), which apply the tools of formal logic to analyze the arbitral award on the dispute as a complex system, as well as specific scientific and special research methods (formal-legal method, method of legal hermeneutics), which allow a detailed examination of both the legal essence of the award and its legal assessments in the academic literature. Results: although the 2016 award failed to bring full legal certainty to the parties' relations regarding the SCS, it is, nevertheless a valuable precedent for the general practice of international law of the sea and will serve as a further legal guideline in settling similar disputes. Assessments of the arbitral award as having no real legal significance and as an example of a

лировании подобных споров. Оценки арбитражного решения как не имеющего реального юридического значения и как примера кризиса всей системы международного права представляются несостоятельными и свидетельствуют о нигилистических тенденциях в международно-правовом сознании.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, Китай, Филиппины, территориальный спор, международный арбитраж, архипелаг Спратли, разрешение международных споров

Для цитирования: Сигаури-Горский Е.Р. Арбитражное решение по территориальному спору в Южно-Китайском море 2016 года: вопросы юридической сущности, квалификации и его академические оценки в контексте нарративов о «кризисе международного права» / Е.Р. Сигаури-Горский. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.27 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 248–255.

crisis in the entire system of international law seem untenable and indicate nihilistic tendencies in the international legal consciousness.

Keywords: South China Sea, China, Philippines, territorial dispute, international arbitration, Spratly Islands, international dispute resolution

For citation: Sigauri-Gorskii E.R. The 2016 South China Sea Arbitral Award: Issues of Legal Essence, Qualification, and Its Academic Assessments in the Context of “Crisis of International Law” Narratives. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 248–255. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.27.

ВВЕДЕНИЕ

22 января 2013 г. Филиппины инициировали разбирательство против Китая в ППТС по поводу территориальных притязаний на акватории ЮКМ. Китайской стороне была представлена вербальная нота, сопровождавшаяся уведомлением и заявлением об инициации разбирательства в соответствии со ст. 287 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1, р. 323]. Согласно этой ноте утверждение Китаем своих «исторических прав» на воды, морское дно и недра в пределах «линии девяти пунктов» несовместимо с Конвенцией 1982 г. и нарушает суверенные территориальные права Филиппин, неправомерно препятствует осуществлению их юрисдикции и свободе судоходства¹. Статья 287 Конвенции 1982 г. устанавливает следующее: «При подписании, ратификации настоящей Конвенции или присоединении к ней или в любое время после этого государство может выбрать посредством письменного заявления одно или более из следующих средств урегулирования споров, касающихся толкования или применения настоящей Конвенции:

а) Международный трибунал по морскому праву, учрежденный в соответствии с Приложением VI;

б) Международный Суд;

с) арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VII;

д) специальный арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VIII, для одной или более категорий споров, указанных в этом Приложении»².

30 марта 2014 г. Филиппины представили меморандум, где излагалась аргументация в отношении юрисдикции Трибунала и существо требований. Меморандум состоит из XI томов. Том I призван продемонстрировать, что Трибунал обладает юрисдикцией в отношении всех требований, заявленных Филиппинами, и что указанные требования являются юридически обоснованными³. Тома II–X содержат документальные свидетельства и картографические материалы (более 40), которые подкрепляют правовые позиции Манилы.

² Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 28.09.2024).

³ Republic of The Philippines v. People's Republic of China. Memorial of The Philippines. Volume I. 30 March 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://files.pca-cpa.org/pccdocs/Memorial%20of%20the%20Philippines%20Volume%20I.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

¹ Understanding China's Position on the South China Sea Disputes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isdp.eu/publication/understanding-chinas-position-south-china-sea-disputes/> (дата обращения: 28.09.2024).

**ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И КВАЛИФИКАЦИЯ
СПОРНЫХ ВОПРОСОВ В АРБИТРАЖНОМ
РЕШЕНИИ ПОСТОЯННОЙ ПАЛАТЫ
ТРЕТЕЙСКОГО СУДА И ЕГО
АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ**

После инициирования арбитражного разбирательства КНР твердо, последовательно и решительно отказывалась от участия в процессе, указывая, что у Трибунала нет юрисдикции для рассмотрения спора. Пекин подчеркивал, что еще 26 августа 2006 г. он сделал соответствующее заявление относительно процедур разрешения споров в соответствии с Конвенцией 1982 г., которое гласило: «Правительство Китайской Народной Республики не принимает ни одну из процедур, предусмотренных в разделе 2 части XV Конвенции, в отношении всех категорий споров, указанных в пунктах 1(a), (b) и (c) статьи 298 Конвенции...»⁴. Такими спорами, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., являются:

1) споры в отношении исторических заливов и правооснований и суверенитета или других прав на материковую или островную территорию (п. «а» ст. 1);

2) споры, касающиеся военной деятельности, включая военную деятельность государственных судов и летательных аппаратов, состоящих на некоммерческой службе, или споры, касающиеся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции (п. «b» ст. 1);

3) споры, в отношении которых Совет Безопасности ООН осуществляет функции, возложенные на него Уставом ООН (п. «с» ст. 1).

Таким образом, КНР указала, что Трибунал игнорирует тот факт, что между Филиппинами и КНР существует спор о делимитации морских пространств, и действует *ultra vires* (с превышением полномочий)⁵. Кроме того, представлялось, что стороны, консенсуально согласились урегулировать споры путем переговоров. Это было подчеркнуто в Декла-

рации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и в различных совместных заявлениях. Трибунал отверг данное возражение на том основании, что совместные заявления носят политический характер и не являются юридически обязывающими соглашениями. Более того, Трибунал подчеркнул, что в последние годы, по крайней мере до начала арбитражного разбирательства, несколько китайских официальных лиц называли Декларацию 2002 г. «политическим» документом (par. 218)⁶. Во-вторых, он отметил, что предшествующие попытки урегулирования спора не привели к какому-либо действенному решению (par. 220 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). В-третьих, Трибунал постановил, что в любом случае Декларация 2002 г. прямо не исключала и не запрещала урегулирование споров путем применения иных процедур, кроме переговоров (par. 221 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Аргументация о том, что Филиппины якобы были обязаны прийти к соглашению с КНР именно путем двусторонних переговоров, как видим, не является корректной. Следуя замечанию Международного суда по делам о континентальном шельфе Северного моря 1969 г., сторона должна продемонстрировать, что она добросовестно участвовала в переговорах, прежде чем обратиться к иным процессуальным средствам разрешения споров: «...стороны обязаны вступить в переговоры с целью достижения соглашения, а не просто с целью пройти формальный процесс переговоров как своего рода предварительное условие для автоматического применения определенного метода делимитации при отсутствии соглашения; они обязаны вести себя так, чтобы переговоры были содержательными, чего не будет, если кто-либо из них будет настаивать на своей собственной позиции, не предполагая ее модификации...»⁷.

6 PCA Case № 2013-19 Republic of The Philippines v. People's Republic of China. Award on Jurisdiction and Admissibility. 29 October 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://opiniojuris.org/wp-content/uploads/PH-CN-20151029-Award-on-Jurisdiction-and-Admissibility.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

7 International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany/Denmark; Federal Republic of Germany/Netherlands). Judgment of 20 February 1969 [Электронный ресурс]. URL: <https://jumsundi.com/en/document/decision/en-north-sea-continental-shelf-federal-republic-of-germany-denmark-judgment-thursday-20th-february-1969> (дата обращения: 28.09.2024).

4 Declarations and statements [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_declarations.htm#China%20Upon%20ratification (дата обращения: 28.09.2024).

5 The Tribunal's Award in the "South China Sea Arbitration" Initiated by the Philippines Is Null and Void [Электронный ресурс]. URL: <https://english.news.cn/home.htm> (дата обращения: 28.09.2024).

Кроме того, следуя материалам дела о железнодорожном сообщении между Литвой и Польшей 1931 г., которое рассматривалось в ППТС, обязательство вести переговоры не влечет за собой обязательства достичь соглашения в ходе таких переговоров⁸.

В июле 2015 г. Трибунал провел первое слушание по вопросу юрисдикции, а в октябре того же года постановил, что имеет прямую юрисдикцию (*affirmative jurisdiction*) в отношении трех притязаний и косвенную (*conditional jurisdiction*) – в отношении четырех притязаний. Позиция Филиппин относительно юрисдикции состояла в том, что, во-первых, ни один из 750 морских объектов на отмели Скарборо и на архипелаге Спратли (включая самые масштабные объекты) не дает право на исключительную экономическую зону и континентальный шельф ввиду того, что такие объекты классифицируются как скалы, осыхающие при отливе возвышения или как другие объекты, не являющиеся островами, которые могут быть присвоены на основании исторических прав (par. 144 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Во-вторых, Филиппины имеют право на 200-мильную исключительную экономическую зону и континентальный шельф, а большинство этих объектов находятся в пределах таких морских зон, которые не пересекаются и не совпадают с действительными правами КНР в соответствии с Конвенцией 1982 г. (par. 157 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Вопросы прочих восьми притязаний надлежало разрешить при рассмотрении по существу (par. 398–412 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015).

Наконец, 12 июля 2016 г. Трибунал вынес решение по существу. Ключевым в разбирательстве являлся вопрос о правовой природе и правомерности так называемой «линии девяти пунктиров». Как отметил Трибунал, Пекин никогда не уточнял, что с правовой точки зрения означает «линия девяти пунктиров» и каков объем прав, на которые он претендует в соответствии с ней (par. 160 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Трибунал указал, что наиболее масштабная часть

области «линии девяти пунктиров» соответствует притязаниям Пекина на исключительную экономическую зону и континентальный шельф, которые отмеряются от территорий островов архипелага Спратли, однако КНР претендовала на права, которые не предусматриваются Конвенцией 1982 г., например, неоднократно пытаясь запретить сезонное летнее рыболовство во всех водах ЮКМ (par. 210)⁹. Одновременно с этим, по замечанию Трибунала, Китай недвусмысленно заявил, что уважает свободу судоходства и полетов в ЮКМ. 27 октября 2015 г. заместитель министра иностранных дел Китая заявил, что «...китайская сторона уважает и охраняет свободу судоходства и полетов в Южно-Китайском море, на которую все страны имеют право в соответствии с международным правом...» (par. 212 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). То же самое обязательство было повторено во многих других заявлениях китайских официальных лиц. Соответственно, Трибунал посчитал факт принятия Китаем обязательства уважать свободу судоходства и свободу пролета свидетельством того, что Китай не считает морские районы в пределах «линии девяти пунктиров» эквивалентными своему территориальному морю или внутренним водам. Трибунал также отметил, что Китай обозначил исходные линии для территориального моря, окружающего Хайнань и Парасельские острова. По мнению Трибунала, Китай, вероятно, не сделал бы этого, если бы воды как в пределах, так и за пределами 12 морских миль этих островов уже составляли часть территориального моря (или внутренних вод) Китая в силу притязания на исторические права, обоснованные «линией девяти пунктиров» (par. 213 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Таким образом, Трибунал установил, что Китай претендует на права на живые и неживые ресурсы в пределах «линии девяти пунктиров», но (за исключением территориального моря, образованного какими-либо островами) не считает, что эти воды являются частью его территориального моря или внутренних вод (par. 214 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016).

⁸ PCIJ Series A/B. № 42 Railway Traffic between Lithuania and Poland. Judgments, Orders and Advisory Opinions. 15 October 1931. [Электронный ресурс]. URL: <https://jursmundi.com/en/document/decision/en-railway-traffic-between-lithuania-and-poland-advisory-opinion-thursday-15th-october-1931> (дата обращения: 28.09.2024).

⁹ PCA Case № 2013-19 Republic of The Philippines v. People's Republic of China. Award. 12 July 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pcacases.com/web/sendAttach/2086> (дата обращения: 28.09.2024).

Далее, Трибунал установил, что в контексте международного морского права для обозначения прав, вытекающих из исторических процессов, используются различные термины. Термин «исторические права» (historic rights) является общим по своей природе и может описывать любые права, которыми может обладать государство и которые обычно не возникают в соответствии с общими нормами международного права при отсутствии конкретных исторических обстоятельств. Исторические права могут включать суверенитет, а также и более ограниченные права, такие как право на рыбную ловлю или право доступа, которые далеки от соответствия притязаниям на суверенитет. «Историческое правооснование» (historic title), напротив, следуя позиции Трибунала, используется для обозначения исторического суверенитета над сушей или морскими территориями. «Исторические воды» (historic waters) – это просто термин для обозначения исторического правооснования на морские территории, обычно осуществляемого либо как притязание на внутренние воды, либо как притязание на территориальное море, хотя «...общее международное право <...> не предусматривает единого "режима" для "исторических вод" или "исторических заливов", а только конкретный режим для каждого из конкретных, признанных случаев наличия "исторических вод" или "исторических заливов"». Наконец, «исторический залив» – это залив, в котором государство претендует на исторические воды (par. 225 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Заявленные исключения из юрисдикции в соответствии со ст. 298 Конвенции 1982 г., таким образом, ограничены спорами, связанными с историческими правами, но Китай не претендует на исторические правооснования на воды ЮКМ, а скорее на совокупность исторических прав (...but rather a constellation of historic rights short of title...), ввиду этого Трибунал счел, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения представления Филиппин № 1 и 2 (par. 229 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Притязания Китая, основанные на каких-либо «исторических правах» на воды, морское дно и недра в пределах «линии девяти пунктиров», превышающие объем прав, предоставляемых Конвенцией 1982 г., противоречат этому документу и являются

неправомерными. Конвенция 1982 г. «отменяет» любые исторические права или другие суверенные права или юрисдикцию, превышающие установленные в ней пределы (p. 473 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016).

Относительно правовой классификации территорий Трибунал счел, что правовой статус объекта должен оцениваться исходя из его естественного состояния. Никакая модификация, произведенная человеческими силами, не может превратить осыхающую во время отлива возвышенность в остров, вне зависимости от масштаба сооружения, построенного на нем (par. 305 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Трибунал указал, что ни одно из спорных образований не является островом по смыслу Конвенции 1982 г. (par. 334, 339, 343, 351, 358, 366, 373, 378, 381 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016), а следовательно, в соответствии с п. 3 ст. 121 Конвенции 1982 г. на них невозможно постоянное проживание и хозяйственная деятельность.

Решение Трибунала не было бесспорным и получило достаточно обширную критику в мировой юридической науке. Китайское сообщество международного права в 2018 г. выпустило 541-страничный труд «Арбитражное решение по Южно-Китайскому морю: критическое исследование», практически полностью посвященный порицанию решения 2016 г. и предполагаемых противоречий в международно-правовой политике Филиппин. Inter alia китайские академики «вменяли» Филиппинам целый перечень критических замечаний:

1) Филиппины инициировали разбирательство, полностью осознавая, что предмет спора касается территориального суверенитета Китая в ЮКМ и что территориальные вопросы не подпадают под действие Конвенции 1982 г.;

2) Филиппины инициировали разбирательство, полностью осознавая, что оно касается разграничения морских пространств, несмотря на то что Китай в соответствии со ст. 298 Конвенции 1982 г. сделал заявление об исключении таких споров из процедур урегулирования их с третьими сторонами Конвенции 1982 г.;

3) Филиппины умышленно представляют некоторые консультации с Китаем по общим вопросам морской политики и сотрудничеству общего характера как переговоры по предмету арбитражного разбирательства и далее за-

являют, что двусторонние переговоры были исчерпаны, несмотря на тот факт, что государства никогда не вели никаких переговоров по этим вопросам;

4) Филиппины утверждают, что они не добиваются решения какого-либо территориального вопроса или делимитации какой-либо морской границы, тем не менее много раз в ходе арбитражного разбирательства, особенно во время устных слушаний, они отрицали территориальный суверенитет и морские права Китая и его интересы в ЮКМ;

5) Филиппины закрывают глаза на последовательную позицию и практику Китая по проблеме ЮКМ и делают совершенно ложные утверждения о том, что Китай предъявляет исключительные притязания на морские права и суверенные интересы во всем ЮКМ;

6) Филиппины преувеличивают роль западных стран-колонизаторов в истории ЮКМ и отрицают исторические факты и соответствующие правовые последствия многолетнего исследования, эксплуатации и управления Китаем в истории соответствующих вод ЮКМ;

7) Филиппины суммируют несколько отдаленно относящихся к делу и слабых доказательств, делая надуманные выводы в поддержку своих представлений;

8) Филиппины для обоснования своих претензий произвольно толкуют нормы международного права, прибегая к весьма спорным судебным делам и неавторитетным личным мнениям [2, p. 709].

Коллектив авторов указал, что Трибунал, созданный по одностороннему запросу Филиппин, не имеет *ab initio* юрисдикции, вынесенные им решения недействительны и ничтожны, не имеют обязательной силы (*are null and void and have no binding force*). Резюмируя, Сообщество указало, что Китай не принимает и не признает вынесенные решения и никогда не примет никаких притязаний или разбирательств, основанных на этих решениях [2, p. 710].

В отечественной науке международного права указывается на спорный характер выводов Трибунала. В частности, В.Л. Толстых особенно спорными видит наличие вопросов о делимитации; реальную связь спора с историческими правооснованиями; определение статуса естественной и антропогенной среды на спорных территориях по смыслу ст. 121

Конвенции 1982 г. [3, с. 135–136]. Представители отечественной исторической и политической науки указывают, что исполнение решения 2016 г. может затянуться на многие десятилетия [4, с. 137]. Австралийский специалист в области международной безопасности Л. Бушинский дает обнадеживающую оценку: «...решение создает прецедент, который будет применяться и на который будут ссылаться при разрешении других морских споров, особенно тех, которые связаны с притязаниями, основанными на "исторических правах" и пересекающихся морских зонах» [5, p. 127]. Т. Макдорман, предметно исследовавший международно-правовые аспекты территориального спора в ЮКМ во множестве своих трудов, заключил, что значимость решения 2016 г. состоит в трех тезисах: во-первых, правовой статус решения подразумевает его обязательность для сторон; во-вторых, Трибунал провел четкое разграничение между правами (происходящими от суверенитета над островными объектами) на 12 или 200 морских миль и вопросом территориальной принадлежности объекта и делимитации морских границ; в-третьих, Трибунал ясно и правильно (*clearly and correctly*) отверг концепцию «линии девяти пунктиров», согласно которой государство, являющееся стороной Конвенции 1982 г., может иметь исторические права на рыбный промысел или на ресурсы морского дна в пределах 200-мильной морской зоны другого государства [6, p. 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И ВОПРОСЫ «КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

Мы, со своей стороны, не отвергаем возможности критики арбитражного решения, равно как и не считаем полезным подходом излишнюю одностороннюю идеализацию его формально-юридического значения, без учета объективных политических аспектов отношений стран-претендентов и всего международного сообщества в целом. Тем не менее оценки Л. Бушинского и Т. Макдормана видятся нам более взвешенными, обоснованными и корректными, чем иные откровенно «нигилистические» и юридически несостоятельные нарративы. Так, например, А.С. Королев и И.А. Стрельникова относительно зна-

чимости решения указывают следующее: «Как результат, "историческое" решение, которое войдет в учебники по международному морскому праву, на деле оказалось пустышкой» [7, с. 12]. Некоторые авторы и вовсе связывают территориальный спор в ЮКМ с полноценным «кризисом международного права» и указывают, что следует «...изменить концепцию международного права, убрав из него его нормативное измерение...» (...we need to change the conception of international law by taking out the normative dimension of international law) [8, p. 52–53]. Ввиду того, что в истории международных отношений внешняя политика не раз вступала в противоречие с международным правом, все еще существуют мнения, что политика, в том числе основанная на силе, доминирует над международным правом. Такая позиция, однако, является ошибочной. Как показывает история, отдельные попытки силового решения тех или иных вопросов международной жизни не могут образовать общего правила. Международное право является прежде всего правовым феноменом. Удаление из него элемента нормативности фактически эквивалентно лишению международного права имманентного онтологического естества.

Тем не менее не следует и нивелировать юридические противоречия арбитражного решения. Конвенция 1982 г. не регулирует вопросы суверенитета. Однако данный факт был проигнорирован ППТС, как и факт неоднократных протестов китайской стороны против юрисдикции Трибунала. Крайне противоречивой также является правовая позиция Филиппин о том, что группа островов Калаян принадлежит Маниле по праву «первооткрытия» как *terra nullius*, а также ссылки филиппинской стороны на географическую «близость» некоторых спорных территорий как основания для приобретения правового титула на них.

И все же попытки нивелировать значение арбитражного решения, представляя его «пустышкой» или тем паче «флагманом кризиса международного права», далеки от совершенной юридической обоснованности. На наш взгляд, ключевым позитивным элементом решения при всех его противоречиях следует полагать однозначное указание на несоответствие позиции об «исторических правах» в ЮКМ действующим нормам международного морского права. Китайская дипломатия и юридическая наука не сумели в доста-

точной степени сформулировать обоснование дискурса об исторических правах на акватории ЮКМ, а также определить, что представляет собой «линия девяти пунктиров» с точки зрения современного международного права. Кроме того, вьетнамские источники справедливо указывают на тот факт, что решение ППТС способствовало консолидации общей политико-правовой позиции АСЕАН по ЮКМ. В частности, в заявлениях председателей 36-го и 37-го саммитов АСЕАН впервые было подчеркнуто, что именно Конвенция 1982 г. обеспечивает «основу для определения морских прав, суверенных прав, юрисдикции и законных интересов в отношении морских зон»¹⁰.

Международное право, разумеется, вовсе не совершенно и не должно иметь иммунитета от критики. Более того, мировое научное сообщество юристов-международников и является его самым яростным и скрупулезным критиком. Однако с сожалением мы вынуждены заключить, что если бы признание успехов и достоинств международного права получало от широкой общественности хоть толику той активности, с которой констатируется его предполагаемая «гибель» от бомбардировок Ливии и Югославии, вторжения в Ирак или войны в Афганистане, международно-правовое сознание мировой общественности могло бы быть на совершенно ином уровне в масштабе всей человеческой цивилизации. Наша позиция, разумеется, состоит не в том, что вышеуказанные и иные нарушения международного права следует недооценивать. Напротив, мировое сообщество должно правомерными методами в рамках действующего международного права возлагать на субъектов-нарушителей пропорциональную ответственность за односторонние несанкционированные и неправомерные действия. Но откровенно нигилистические нарративы о «смерти» международного права, которая, как кажется из таких материалов, будто бы случается «регулярно» ввиду тех или иных региональных столкновений, конфликтов или даже простого неисполнения обязательств, лишь вредят его верховенству в международных отношениях, а не способствуют этому.

10 Viability of the South China Sea Arbitration Award: an analysis [Электронный ресурс]. URL: <https://vietnamlawmagazine.vn/viability-of-the-south-china-sea-arbitration-award-an-analysis-37884.html> (дата обращения: 05.11.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Song Y-H. The South China Sea Arbitration Case Filed by the Philippines against China: Arguments concerning Low Tide Elevations, Rocks, and Islands / Y-H. Song // *China Oceans Law Review*. – 2015. – № 1. – P. 322–360.
2. Chinese Society of International Law. The South China Sea Arbitration Awards: A Critical Study // *Chinese Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 12, iss. 2. – P. 207–748.
3. Толстых В.Л. Морской арбитраж против морского права (анализ решений по делам Arctic Sunrise, о Южно-Китайском море и спору между Хорватией и Словенией) / В.Л. Толстых // *Московский журнал международного права*. – 2019. – № 3. – С. 128–140.
4. Локшин Г.М. Сообщество АСЕАН в современном мире : монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. – Москва, 2019. – 296 с.
5. Buszynski L. Law and Realpolitik: The Arbitral Tribunal's Ruling and the South China Sea / L. Buszynski // *Asian Yearbook of International Law*. – 2015. – Vol. 21. – P. 121–140.
6. McDorman T. The South China Sea Arbitration: Selected Legal Notes / T. McDorman // *Asian Yearbook of International Law*. – 2015. – Vol. 21. – P. 3–15.
7. Королев А.С. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы разрешения конфликта / А.С. Королев, И.А. Стрельникова. – Москва, 2021. – 17 с.
8. Sinaga O. The Crisis of International Law in International Political Economy: Case Study of South China Sea Dispute / O. Sinaga, V. Robertua // *The Journal of Asia Pacific Studies*. – 2017. – Vol. I, № 1. – P. 44–54.

REFERENCES

1. Song Y-H. The South China Sea Arbitration Case Filed by the Philippines against China: Arguments concerning Low Tide Elevations, Rocks, and Islands. *China Oceans Law Review*, 2015, no. 1, pp. 322–360.
2. Chinese Society of International Law. The South China Sea Arbitration Awards: A Critical Study. *Chinese Journal of International Law*, 2018, vol. 12, iss. 2, pp. 207–748.
3. Tolstykh V.L. Maritime Arbitration against the Law of the Sea (Analysis of Decisions on Arctic Sunrise, the South China Sea and the Dispute between Croatia and Slovenia). *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2019, no. 3, pp. 128–140. (In Russian).
4. Lokshin G.M., Koblelev E.V., Mazyrin V.M. ASEAN Community in the Modern World. Moscow, 2019. 296 p.
5. Buszynski L. Law and Realpolitik: The Arbitral Tribunal's Ruling and the South China Sea. *Asian Yearbook of International Law*, 2015, vol. 21, pp. 121–140.
6. McDorman T. The South China Sea Arbitration: Selected Legal Notes. *Asian Yearbook of International Law*, 2015, vol. 21, pp. 3–15.
7. Korolev A.S., Strelnikova I.A. Territorial dispute in the South China Sea: is there light at the end of the tunnel or prospects for resolving the conflict. Moscow, 2021. 17 p.
8. Sinaga O., Robertua V. The Crisis of International Law in International Political Economy: Case Study of South China Sea Dispute. *The Journal of Asia Pacific Studies*, 2017, vol. I, no. 1, pp. 44–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сигаури-Горский Егор Русланович – научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sigaure-Gorskii Egor Ruslanovich – Research Fellow at the Centre for Vietnam and ASEAN Studies.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 13.12.2024.
The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Original article
УДК 349
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.28

Научная статья

ШИХАЛИЕВА Сельджан Заур кызы
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
e-mail: seldjan-sh@mail.ru

SHIKHALIYEVA Seldjan Zaur qizi
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

ОТСУТСТВИЕ ХЭШ-СУММЫ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОШИБКА, ВОЗНИКАЮЩАЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОБЪЕКТОВ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

THE ABSENCE OF A HASH SUM AS A PROCEDURAL ERROR ARISING IN A FORENSIC
EXAMINATION WHEN ANALYSING OBJECTS IN A DIGITAL FORM

Аннотация. Актуальной задачей при работе с цифровыми объектами является соблюдение процессуальных норм и правил при назначении судебной экспертизы и проведении исследования. Их несоблюдение приводит к совершению процессуальных ошибок, одна из которых – неуказание хэш-суммы цифрового файла в постановлении о назначении экспертизы и в самом экспертном заключении. Цель: проанализировать процессуальную ошибку, совершаемую следователями и экспертами при описании цифрового следа; обозначить важность указания хэш-суммы как идентифицирующей характеристики; предложить способы профилактики данной ошибки. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: выявлена процессуальная ошибка, связанная с неграмотным описанием цифрового объекта, направляемого на экспертное исследование, а на основе анализа судебной и экспертной практики – предпосылки, ведущие к ее появлению; предложены меры по предотвращению подобных ошибок.

Ключевые слова: цифровой след, цифровой объект, цифровизация, хэш-сумма, следственная ошибка, экспертная ошибка, носитель информации, прогнозирование и профилактика ошибок

Для цитирования: Шихалиева С.З. Отсутствие хэш-суммы как процессуальная ошибка, возникающая в судебной экспертизе при исследовании объектов в цифровой форме / С.З. Шихалиева. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.28 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 256–263.

Abstract. An urgent task when working with digital objects is to comply with procedural rules and regulations in appointing a forensic examination and conducting research. Failure to comply with them leads to procedural errors, one of which is the failure to specify the hash sum of a digital file in the ruling on the appointment of the expert examination and in the expert report itself. Purpose: to analyse a procedural error committed by investigators and experts when describing a digital footprint; to identify the importance of specifying the hash sum as an identifying characteristic; to suggest ways of preventing this error. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: the article reveals a procedural error associated with the illiterate description of a digital object sent for expert examination, and based on the analysis of judicial and expert practice the preconditions leading to its occurrence are identified; measures to prevent such errors are proposed.

Keywords: digital footprint, digital object, digitalization, hash sum, investigative error, expert error, information carrier, forecasting and error prevention

For citation: Shikhaliyeva S.Z. The Absence of a Hash Sum as a Procedural Error Arising in a Forensic Examination When Analysing Objects in a Digital Form. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 256–263. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.28.

ВВЕДЕНИЕ

С появлением высокотехнологичных способов совершения «традиционных» преступлений закономерно изменились и способы отображения объектов – на смену типичным аналоговым пришли цифровые. Иначе говоря, сам процесс следообразования изменился вместе с переходом преступлений в цифровое пространство. Это значит, что и объекты следообразования предстают теперь в новом, трансформированном, цифровом виде. Новые объекты следообразования возникают в ответ на изменения в правовой системе, технологий, общественных запросов и криминальных тенденций. Они требуют применения современных методов и подходов для обеспечения справедливости и точности экспертного исследования.

С распространением цифровых следов и цифровых объектов как объектов судебной экспертизы неизбежно возникает ряд сложностей, связанных с их выявлением, фиксацией, исследованием, что, в свою очередь, приводит к совершению следственных и экспертных ошибок.

Р.С. Белкин экспертную ошибку определил, как «не соответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, если и искаженное суждение, и неверные действия представляют собой результат добросовестного заблуждения» [1, с. 335].

Рассматривая понятие ошибки, нельзя не сказать, что их природа неоднородна, в связи с чем ошибки могут быть условно подразделены на классы. Согласно классификации, предложенной Р.С. Белкиным и Е.Р. Россинской, экспертные ошибки подразделяются на три класса:

- процессуального характера;
- гносеологические;
- деятельностные (операционные) [2, с. 172; 3].

Экспертные ошибки процессуального характера заключаются в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры производства экспертизы. К этому классу ошибок относятся: выход эксперта за пределы своей компетенции, выражение экспертной инициативы в не предусмотренных законом формах,

обоснование выводов материалами дела, а не результатами исследования, самостоятельное собирание материалов и объектов экспертизы, несоблюдение по незнанию процессуальных требований к заключению эксперта (в том числе отсутствие в заключении необходимых по закону реквизитов) и др.

На наш взгляд, процессуальные ошибки можно подразделить на ошибки, ведущие к недействительности содержания экспертного заключения, и ошибки, ставящие под угрозу недействительность формы экспертного заключения. Например, при формулировании экспертных выводов на основе материалов дела, а не результатов проведенного исследования не будет даже экспертной ошибки, поскольку самого исследования как такового нет, соответственно, и заключение в этом случае не может быть положено в основу доказательства. Следует подчеркнуть, что процессуальные экспертные ошибки часто становятся плодом следственных и судебных ошибок, связанных с назначением судебной экспертизы и оценкой ее результатов, а значит, их целесообразно рассматривать во взаимосвязи.

ЗНАЧЕНИЕ ХЭШ-СУММЫ ЦИФРОВОГО ФАЙЛА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

Рассмотрим ошибки, которые могут быть допущены следователем в силу такого качества цифрового следа, как легкоизменяемость. Простота внесения корректировок, умышленного изменения первоначального состояния документа, тем более при наличии современных программ и приложений, на наш взгляд, требует особого внимания и своевременной «ликвидации». Безусловно, речь идет не о том, чтобы направить все усилия на устранение возможности внесения изменений в цифровой файл в принципе. Это необходимо делать лишь в рамках предоставления цифрового объекта на экспертное исследование. Практически любые действия в компьютерной среде приводят к образованию цифрового следа. Аналогично этому процессу любые операции с цифровым файлом отражаются в его сводных данных – контрольной сумме, или хэш-сумме.

По данным проведенного нами анкетирования следователей по вопросу о целесообразности подсчета хэш-суммы файла при назначении судебной экспертизы и описании цифрового следа, содержащегося на носителе, около половины опрошенных в своей практике неоднократно приходилось назначать судебную экспертизу цифровых объектов. На вопрос «Считаете ли Вы необходимым предпринимать меры по защите содержания цифрового следа от изменений?» 88,9 % ответили утвердительно, 11,1 % – отрицательно. 37 % респондентов не знают, что собой представляет хэш-сумма файла, лишь 1 респондент отметил подсчет хэш-суммы как способ защиты файла от внесения изменений в качестве применяемого им инструмента. Такая статистика, на наш взгляд, негативна, при этом 77 % опрошенных считают указание хэш-суммы файла надежным способом защиты его содержания, что не может не обнадеживать. Однако только 22,2 % респондентов осуществляли подсчет хэш-суммы в своей практике.

Хэш, хэш-сумма (от англ. hash – путаница, мешанина) – последовательность символов фиксированной длины, полученная путем преобразования произвольных исходных данных (числа, текста, файла и др.) при помощи специального математического алгоритма, которая однозначно соответствует этим исходным данным, но не позволяет их восстановить¹. Согласно интернет-источникам, одним из свойств хэш-суммы является ее уникальность. Если хэшированию подвергаются разные исходные данные, пусть даже различающиеся незначительно, итоговый хэш будет разным. И наоборот: использование различных алгоритмов и программ для подсчета одних и тех же исходных данных даст один и тот же хэш. Можно сказать, что хэш-сумма представляет собой точно рассчитанный, уникальный математический образ определенного файла.

Полагаем, следует рассматривать хэш-сумму файла как значимую характеристику при работе с объектами в цифровой форме. В первую очередь стоит сразу оговориться: мы не заявляем, что контрольная хэш-сумма файла

является его идентификатором, она не указывает на оригинальность следа сама по себе. В рамках судебно-экспертного исследования хэш-сумма лишь подтверждает, что экспертом был получен именно тот файл, который ему направил правоприменитель. Таким образом, соответствие хэш-суммы файла свидетельствует о том, что в его первоначальное содержание не вносилось никаких изменений.

Со стороны следователя большая ошибка – не рассчитать хэш-сумму цифрового файла, который в дальнейшем будет направлен на исследование. В случае отсутствия базового описания файла у эксперта не будет возможности на самом деле проверить, что именно он получил в распоряжение. На целесообразность идеи применения хэш-кода обращает внимание в своих исследованиях цифровых следов И.Н. Подволоцкий, отмечая, что хэш-сумма будет подчеркивать достоверность изучаемых фактов с момента изъятия цифрового следа до направления в суд. «Постоянство суммы цифровых значений определенного электронного объекта в процессе расследования будет указывать на сохранность первоначального состояния. В процессе дальнейшей работы с представленным объектом создается его копия, которую эксперт обрабатывает в зависимости от предполагаемого методикой исследования алгоритма. Все изменения, сделанные в копии файла, эксперт фиксирует в сопроводительном протоколе к своему заключению. При соблюдении данных процедур сохраняется возможность проверки правильности действий специалиста» [4, с. 52].

Анализ зарубежной доктринальной и нормативно-правовой базы подтверждает важность подсчета хэш-суммы при работе с цифровыми файлами. Одним из значимых в зарубежной практике документов, указывающих на необходимость хэшировать цифровое доказательство, являются Федеральные правила доказывания 1975 г. Они кодифицируют доказательственное право, применяемое в федеральных судах США. Документ содержит 68 правил, интересующие нас положения находятся в разделе № 9 «Аутентификация и идентификация»: Правило 901. Установление подлинности или идентификация доказательств; Правило 902. Доказательства, подтверждающие сами себя. В частности,

¹ Энциклопедия «Касперского» [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/hash/?ysclid=m5crbl0mup242650144/> (дата обращения: 12.01.2025).

нас интересует Поправка № 902(14), согласно которой аутентифицировать копии данных можно с помощью процесса цифровой идентификации, обычно с использованием хэш-значений. Как и в поправке № 902(13), соблюдение данного правила возможно при участии специалиста, который бы обеспечивал грамотный процесс копирования данных².

Другой вопрос – в какой момент следователь должен посчитать хэш-сумму. В силу того, что этот показатель может измениться даже после незначительного, единичного видоизменения файла, мы полагаем, что хэш-сумму следует подсчитывать в момент обнаружения цифрового следа. Следователь может сделать это самостоятельно либо с помощью специалиста. Если не выполнить данное действие во время первого осмотра и копирования цифрового следа, в дальнейшем не будет никаких гарантий того, что подсчитанная хэш-сумма соответствует действительности. Будь то некомпетентность или умысел следователя заменить файл или случайное изменение внутренних характеристик следа при переносе на флеш-накопитель, диск или иной носитель, промедление с подсчетом хэш-суммы будет помехой для установления ее достоверности. Иначе говоря, коэффициент доверия такому показателю будет весьма низким.

Отдельное внимание стоит уделить тому, где целесообразно указывать хэш-сумму изъятых файлов. Так, контрольное значение цифрового следа предлагается указывать:

- в протоколе осмотра места происшествия, в рамках которого осуществляется непосредственное изъятие цифрового следа с последующим переносом на материальный носитель;
- в постановлении/определении о назначении судебной экспертизы.

На наш взгляд, хэш-сумму необходимо указывать в обоих случаях: первично – в протоколе осмотра места происшествия, затем это же значение указать в постановлении о назначении экспертизы, чтобы цепочка передаваемых сведений была достоверной и надежной. Отчасти допущение данной процессуальной ошибки связано с затруднения-

ми, возникающими у следователей при подсчете хэш-суммы.

МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОШИБКИ

Не секрет, что сама идея анализа изменений файла благодаря отслеживанию хэш-суммы не является новой, такие предложения были сделаны еще в начале 2000-х годов, однако, как можно заметить, они до сих пор не нашли закрепления на законодательном уровне. Из этого можно сделать вывод, что идеи без четкого алгоритма реализации на практике мало чем полезны. И хотя отчасти указание на необходимость делать запись в протоколе следственного действия о технических особенностях работы с электронным носителем информации при его изъятии содержится в ст. 164.1 УПК РФ, важность описания всех характеристик цифрового следа, включая его хэш-сумму, никак не оговаривается.

В связи с этим предлагаем рассмотреть возможность разработки правил/рекомендаций процедуры изъятия и фиксации цифровых доказательств и следов в ходе следственных действий, куда можно было бы включить следующие положения.

1. Указание на обязательность участия специалиста при осуществлении операций с цифровыми следами. Данное положение обусловлено тем, что специфика работы с цифровыми следами предполагает знание всех особенностей техники изъятия, фиксации и переноса таких объектов, поскольку даже одно неосторожное движение может привести к утрате части свойств следа либо его полному уничтожению. В подтверждение этому можно привести следующую точку зрения: «Итак, ключевым этапом в выстраивании стратегии доказывания определенных фактов на основе цифровых следов являются поиск и сохранение таких следов способами, обеспечивающими относимость, допустимость и полноту доказательств. Важно понимать, что, как и где искать. Цифровые следы порождаются самыми разными процессами. Они могут представлять собой сетевые временные файлы с расширениями html, текстовые документы в форматах txt, docx, журналы

² Federal Rules of Evidence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulesofevidence.org/fre/article-ix/rule-902/> (дата обращения: 12.01.2025).

системы, почтовые архивы и т. д. Их можно умышленно или неумышленно скрыть, уничтожить, изменить, зашифровать. Для доступа к таким следам требуются не только специальные знания и навыки, но и специализированное криминалистическое оборудование и программное обеспечение. Соответственно, поиск цифровых следов необходимо проводить при содействии специалиста с профильным образованием и опытом»³.

На это также обращают внимание В.А. Попов и А.А. Рудавин, отмечая: «Специалист, входящий в состав следственно-оперативной группы, решает более узкие задачи, связанные с использованием технико-криминалистических средств. В качестве примера обратимся к такой распространенной на практике ситуации, когда изъять тот или иной носитель информации не представляется возможным ввиду объективных причин. В подобной ситуации специалисту, участвующему в следственном действии, рекомендуется подготовить соответствующий образ файловой системы. На практике также возможно клонирование (посекторное копирование) информации с ее носителя... Основное отличие будет заключаться в том, что в специализированном оборудовании предусмотрена функция аппаратной блокировки, а также автоматизирован процесс определения аутентичности имеющейся и создаваемой информации. В случае использования иных средств создания посекторной копии или образа носителя информации, специалисту необходимо обеспечить запрет записи на носитель, с которого осуществляется получение данных и возможность осуществления контроля аутентичности имеющейся и создаваемой информации. Контроль аутентичности имеющейся и создаваемой информации можно осуществлять путем расчета хэш-функций (контрольных значений). В протоколе должны быть отражены способы создания и контрольные значения» [5, с. 182].

2. Обязательное указание всех важных характеристик изъятых цифровых следов, включая его размер, разрешение, хэш-сумму.

³ Особенности криминалистической фиксации цифровых доказательств и следов [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/08/09/osobennosti_kriminalisticheskoy_fiksacii_cifrovyyh_dokazatelstv_i_sledov/ (дата обращения: 12.01.2025).

3. Установить точный момент для подсчета хэш-суммы. Подсчет хэш-суммы копируемого и фиксируемого цифрового следа должен осуществляться в момент его обнаружения. Желательно, чтобы обнаружение и копирование файла выполнялись одновременно в целях избегания образования временного провала между тем, когда след был обнаружен, и тем, когда он фактически был скопирован на носитель, поскольку на исследование эксперт получит именно копию файла. Таким образом, следователь совместно со специалистом обнаруживает цифровой след, который необходимо извлечь для последующего исследования, фиксирует его хэш-сумму, далее переносит копию на нужный носитель. В таком случае хэш-сумма будет оставаться одинаковой, условие достоверности будет соблюдено. Эта хэш-сумма будет указана и в постановлении о назначении судебной экспертизы.

В ходе анкетирования нами была выявлена еще одна проблема, связанная с затруднениями при осуществлении подсчета хэш-суммы: 85,2 % опрошенных отметили, что хотели бы иметь инструкцию по подсчету хэш-суммы.

Проблема незнания алгоритма подсчета хэш-суммы может быть решена следующим образом: совместно со специалистами в области компьютерно-технической экспертизы может быть разработана инструкция по подсчету хэш-суммы. На сегодняшний день существует перечень надежных и апробированных алгоритмов: SHA-1, CRC32, SHA-2 и SHA-256. Более того, в некоторые операционные системы компьютеров уже включена функция автоматического подсчета данного показателя, например, в Windows 10 с помощью встроенной утилиты certutil с параметром -hashfile.

ОТСУТСТВИЕ РАССЧИТАННОЙ ХЭШ-СУММЫ ЦИФРОВОГО СЛЕДА КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОШИБКА СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА. МЕРЫ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

В самом общем виде, экспертной ошибкой является суждение эксперта, не соответствующее объективной действительности, и/или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, если искаженное суждение и/или неверные действия представляют собой результат добросовестного заблужде-

ния [6, с. 157]. Со стороны судебных экспертов ошибка может заключаться в следующем:

- эксперт получил сведения о хэш-сумме, но не провел самостоятельный расчет показателя, в силу чего нельзя говорить со стопроцентной уверенностью, что эксперт исследует ровно то, что ему прислали на экспертизу;

- эксперт не получил никаких сведений о хэш-сумме цифрового следа, находящегося на носителе, однако не сделал об этом пометки в ходе своего исследования.

Для выяснения мнения лиц, назначающих судебную экспертизу, была разработана анкета. Большинство опрошенных знают, что такое хэш-сумма файла, 69 % экспертов считают ее надежным способом отслеживания изменений файла, 31 % предпочли иные способы. Подсчет хэш-суммы файла осуществляют лишь 39,6 % опрошенных, что сами эксперты объяснили, помимо прочих причин, тем, что данный показатель им попросту не с чем сравнивать, поскольку изначально правоприменителем он не предоставляется, а осуществлять подсчет просто так нет смысла. На наш взгляд, такая точка зрения является оправданной, поскольку сама хэш-сумма, посчитанная экспертом, без заданной хэш-суммы от следователя/суда и без возможности их сравнения не даст никакой полезной информации.

Безусловно, контроль за тем, чтобы обеспечить неприкосновенность цифрового следа, лежит на лице, назначающем судебную экспертизу, но не стоит забывать об обязанности эксперта перед началом исследования полностью осмотреть полученные на экспертизу объекты и полноценно их описать. Последствия таких ошибок негативны, они могут привести к решению о признании заключения эксперта недопустимым доказательством.

Обнаружение экспертных ошибок и осуществление профилактических мер – два основных направления, в рамках которых можно добиться минимизации процессуальных ошибок экспертов.

Экспертные ошибки могут быть обнаружены:

- 1) при проверке самим экспертом хода и результатов проведенного исследования на любой его стадии, а на стадии формулировки выводов – особо тщательно;

- 2) при анализе и обсуждении результатов экспертного исследования, осуществляемого комиссией экспертов при производстве комиссионной и комплексной экспертиз;

- 3) при анализе экспертом или специалистом заключений предшествующих экспертиз. В данном случае, если эксперт обнаруживает ошибку в заключении предшествующей экспертизы, он принимает все меры для недопущения подобной ошибки в своем исследовании и учитывает ее при объяснении различий между своими и предыдущими выводами;

- 4) при контроле хода и результатов экспертного исследования руководителем экспертного учреждения;

- 5) следователем, присутствующим при производстве экспертизы. Если ошибка замечена следователем, присутствующим при производстве экспертизы, то он немедленно ставит об этом в известность эксперта. Однако стоит сказать, что на практике подобные случаи практически не встречаются;

- 6) при оценке заключения эксперта следователем или судом (первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанций). Если ошибка не влияет на выводы эксперта, она может быть нейтрализована или устранена путем допроса эксперта или назначения дополнительной экспертизы. В противном случае может быть назначена повторная экспертиза. Такое обнаружение экспертных ошибок встречается значительно чаще;

- 7) в процессе обобщения экспертной практики, осуществляемого в практических или научных целях.

Профилактические меры по предотвращению экспертных ошибок также можно условно разделить на несколько групп.

1. Меры, принимаемые экспертными учреждениями: совершенствование методического и технологического обеспечения экспертизы, создание надежной системы контроля за результатами исследования, разработка эффективной системы подготовки экспертных кадров и контроля их квалификации. Одной из наиболее значимых мер профилактики также является внутреннее рецензирование экспертными учреждениями [7, с. 13]. Об этом пишет О.Г. Дьяконова, в частности, отмечая рецензирование как одну из функций руководителя экспертного учреждения: «Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511

предусматривает возможность со стороны руководителя организовывать выборочное письменное рецензирование заключений экспертов. Контрольная функция руководителя охватывает как судебно-экспертную деятельность организации в целом, так и действия по контролю проведения конкретных экспертиз» [8, с. 32]. Суть внутреннего рецензирования заключается в следующем: «Судебно-экспертные организации (СЭО) проверяют качество подготовленных экспертами заключений. Такое рецензирование осуществляется в рамках системы контроля за качеством экспертиз и выражается в проверке компетентными субъектами выбранной экспертом методики, ее научной обоснованности, полноты, всесторонности и логики проведенного исследования, что можно оценить положительно» [9, с. 87].

2. Меры со стороны субъектов доказывания: тщательная оценка результатов исследования и экспертных выводов. В грамотно составленном заключении эксперта должны быть указаны все необходимые реквизиты (дата, время и место производства судебной экспертизы, основания ее производства, вопросы, объекты и т. д.); выводы эксперта должны вытекать из проведенного исследования и подтверждаться им; примененные методы и методики не должны вызывать сомнений; все объекты должны быть всесторонне исследованы, а ответы эксперта – исчерпывающими и не содержать двусмысленных трактовок и т. д. Также сюда входит понимание существенных для оценки данных аспектов методологии экспертизы, ее проблемных моментов, активное привлечение специалистов, а при необходимости – назначение повторных экспертиз.

3. Меры со стороны профессионального экспертного сообщества: создание независимых комиссий, наделенных полномочиями систематически проводить внешний аудит деятельности экспертных лабораторий с целью

проверки экспертных заключений, а также соответствия квалификации персонала установленным требованиям, которые должны быть жестко регламентированы. Но этот аспект требует дополнительного исследования.

Перечисленные меры профилактики экспертных ошибок могут применяться в рамках исследования всех видов объектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные проблемы при работе с цифровыми следами – объектами судебных экспертиз позволили спрогнозировать следственные и экспертные ошибки, которые, как показывает судебная практика, могут привести к отмене судебного решения, построенного на основании судебной экспертизы, выполненной с нарушением процессуальных норм.

Как и в любой другой сфере, предотвращение ошибок возможно только путем их тщательного разбора и поиска новых путей осуществления конкретной деятельности и устранения всех предпосылок совершения таких ошибок снова. Значимость профилактики экспертных и следственных ошибок обусловлена и тем, что на сегодняшний день заключение эксперта активно используется в качестве одного из доказательств по делу. Поэтому крайне важно сделать так, чтобы такое заключение отвечало критериям достоверности, обоснованности и объективности. Также стоит отметить комплексный характер ответственности лиц, участвующих в процессе выявления и профилактики экспертных ошибок. Как было указано ранее, в этом участвуют не только эксперт, участники процесса, в том числе следователь и суд, но и экспертное сообщество. Поэтому деятельность по профилактике субъективных и объективных экспертных ошибок должна осуществляться систематически и иметь комплексный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории / Р.С. Белкин. – Москва : Юрист, 1997. – 313 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – Москва : Норма (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2001. – 240 с.

REFERENCES

1. Belkin R.S. Course of Criminalistics. Moscow, Yurist" Publ., 1997. Vol. 2. 313 p.
2. Belkin R.S. Criminalistics: Problems of Today. Topical Issues of Russian Criminalistics. Moscow, Norma Publ., 2001. 240 p.
3. Galyashina E.I., Golikova V.V., Dmitriev E.N. et al.; Rossinskaya E.R. (ed.). Forensic Examination: Typical Mistakes. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 301 p.

3. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина, В.В. Голикова, Е.Н. Дмитриев и др. ; под ред. Е.Р. Россинской. – Москва : Проспект, 2012. – 301 с.
4. Подволоцкий И.Н. Использование цифровых технологий в деятельности экспертов / И.Н. Подволоцкий // Вестник криминалистики. – 2023. – № 4. – С. 46-58.
5. Попов В.А. Современные особенности технико-криминалистического обеспечения практики работы с цифровыми следами преступлений / В.А. Попов, А.А. Рудавин // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей. – Москва, 2022. – С. 181–185.
6. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – Москва : БЕК, 1997. – 342 с.
7. Дьяконова О.Г. Организация профессионального сообщества судебных экспертов на основе судебной экспертологии / О.Г. Дьяконова // Судебная экспертиза. – 2023. – № 1 (73). – С. 8–21.
8. Дьяконова О.Г. О некоторых функциях руководителя судебно-экспертной организации, связанных с назначением и проведением судебной экспертизы / О.Г. Дьяконова, Е.В. Иванова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – Вып.2. – С. 27–36.
9. Дьяконова О.Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы и консультация специалиста: понятие, сущность, нормативное регулирование / О.Г. Дьяконова // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 84–97.
4. Podvolotski I.N. The Use of Digital Technologies in the Activities of Experts. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2023, no. 4, pp. 46–58. (In Russian).
5. Popov V.A., Rudavin A.A. Modern Features of Technical and Forensic Support for the Practice of Working with Digital Traces of Crimes. *Technical and Forensic Support for Detecting and Investigating Crimes. Collection of Articles*. Moscow, 2022, pp. 181–185. (In Russian).
6. Belkin R. S. Criminalistic Encyclopedia. Moscow, BEK Publ., 1997. 342 p.
7. Dyakonova O.G. Organization of a Professional Community of Forensic Experts Based on Forensic Expertology. *Sudebnaya ekspertiza = Forensic Examination*, 2023, no. 1 (73), pp. 8–21. (In Russian).
8. Dyakonova O.G., Ivanova E.V. About Some Functions of the Head of the Forensic Science Organization Related to the Appointment and Production of Forensic Expertise. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2022, iss. 2, pp. 27–36. (In Russian).
9. Dyakonova O.G. Specialist Review of the Forensic Examination Report: Concept, Essence, Regulation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 4, pp. 84–97. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шихалиева Сельджан Заур кызы – аспирант кафедры судебных экспертиз.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shikhaliyeva Seldjan Zaur qizi – Postgraduate Student of the Department of Forensic Examinations.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 29.01.2025.
The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 29.01.2025.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 1 (79) 2025.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 26.03.2025 г. Вышел в свет 01.04.2025 г.
Бумага писчая. Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 16.5. Уч. изд. л. 21.23. Тираж 65. Заказ 26.
Свободная цена.

Отпечатано в управлении публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12